ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В МИРЕ НАРАСТАЮЩЕЙ СЛОЖНОСТИ

Сборник трудов профессора Игоря Юрьевича Сундиева

Том 1

МОСКВА 2026

УДК 343.971

Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом ВНИИ МВД России

Р е ц е н з е н т ы :
И. В. Калашников, кандидат юридических наук, доцент
(МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя);
Ю. В. Латов, доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

С о с т а в и т е л и :
А. Н. Лахин, начальник отдела НИЦ № 2, кандидат юридических наук;
А. А. Смирнов, ведущий научный сотрудник НИЦ № 4,
доктор юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)

Технологии социальной деструкции в мире нарастающей сложности : сборник трудов профессора Игоря Юрьевича Сундиева : в 2 томах / сост. А. Н. Лахин, А. А. Смирнов. – Москва : ВНИИ МВД России, 2026. – Т. 1. – 336 с.

Представлены избранные статьи главного научного сотрудника ВНИИ МВД России доктора философских наук, профессора Игоря Юрьевича Сундиева (1952–2021), подготовленные им в период с 1987 по 2022 г. По своей тематике статьи носят междисциплинарный характер, но преимущественно посвящены проблемам противодействия терроризму, экстремизму и иным формам социальной деструкции в условиях новой цифровой среды.

Для руководителей и сотрудников органов внутренних дел, научных сотрудников научных организаций, преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 343.971

© ВНИИ МВД России, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание включает избранные статьи известного российского ученого доктора философских наук, профессора Игоря Юрьевича Сундиева, отдавшего многие годы жизни работе во Всероссийском научно-исследовательском институте МВД России.

Немного строк из официальной биографии. Игорь Юрьевич Сундиев родился 10 апреля 1952 г. в г. Капустин Яр Астраханской области. Более 42 лет он посвятил службе и работе в органах внутренних дел. Принимал участие в боевых действиях на территории Северо-Кавказского региона. Имел богатый опыт управленческой, преподавательской и научно-исследовательской деятельности. Игорь Юрьевич Сундиев являлся одним из ведущих отечественных специалистов в области противодействия терроризму и экстремизму. За время работы в Институте он опубликовал более 180 научных работ, в том числе монографий, учебников, научно-практических пособий. Выступал с докладами в ООН и других международных организациях, являлся участником научно-практической секции Главного управления по противодействию экстремизму МВД России. За достигнутые результаты был награжден медалью «За боевое содружество» и нагрудным знаком МВД России «Почетный сотрудник МВД». Выступал членом редакционных коллегий журналов «Научный портал МВД России», «Свободная мысль», «Юридические науки»[1].

Игорь Юрьевич был интеллектуалом, орбита влияния которого простиралась далеко за границы Института и Министерства. Он являлся вице-президентом Российской криминологической ассоциации, участником заседаний Изборского клуба, Сретенского клуба и иных значимых интеллектуальных площадок, привлекался к участию в мероприятиях Национального антитеррористического комитета и Антитеррористического центра государств – участников СНГ. Также профессор активно выступал в СМИ, на научных конференциях и семинарах.

[1] См.: Сундиев Игорь Юрьевич (10.04.1952–06.12.2021) // Научный портал МВД России. 2021. № 4. С. 135–136.

Рис. 1. Фото Игоря Юрьевича Сундиева в телестудии

Игорь Юрьевич Сундиев как ученый прошел длительный творческий путь, в ходе которого он разрабатывал множество разных тем. Но несмотря на их широкое разнообразие, все они строились вокруг понятия *экстремальности*. Если кандидатская диссертация была посвящена изучению профессиональной деятельности в экстремальных условиях[2], то докторская уже расширена до вопросов функционирования личности, социальных групп и общества в целом в экстремальные периоды развития[3].

Служба в органах внутренних дел накладывала свой отпечаток на научную работу И.Ю. Сундиева, заставляя его фокусировать свое внимание на проявлениях экстремальности применительно к угрозам, борьбу с которыми осуществляло МВД, – преступности и иным формам девиантного поведения. При этом острое научное и оперативное чутье позволяло Игорю Юрьевичу улавливать новые, еще не до конца сформировавшиеся тенденции развития криминальных угроз, которые проявляли себя в полный рост лишь спустя много лет, а то и десятилетий. Так, настоящий сборник открывается статьей о неформальных молодежных объединениях в Советском Союзе, опубликованной в журнале «Социологические исследования» за

[2] См.: Сундиев И.Ю. Социологическое исследование профессиональной деятельности в экстремальных условиях: методологические и методические аспекты: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.09. М., 1981. 158 с.

[3] См.: Сундиев И.Ю. Личность, группа, общество в экстремальные периоды развития: Конфликтол. анализ: дис. ... д-ра философ. наук. М., 1994. 273с.

1987 г.[4] Молодежные группы девиантной направленности, мощный контркультурный потенциал которых увидел И.Ю. Сундиев еще в конце 1980-х гг., активно проявят себя в 1990–2000 гг. после распада СССР в виде экстремистских формирований, а во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг. – в виде деструктивных молодежных субкультур.

Фокус на проявления экстрима и экстремальности в социуме не могли не привести ученого из системы МВД России к осмыслению проблем экстремизма и терроризма и противодействию им, ставших краеугольным камнем сферы научных интересов Игоря Юрьевича Сундиева. Изучению именно этой тематики он посвятил свое основное внимание в годы работы во ВНИИ МВД России. Результаты данных научных изысканий нашли отражение в большом количестве опубликованных научных статей и монографий.

При выстраивании структуры настоящего сборника издания авторы-составители разбили избранные статьи И.Ю. Сундиева на три основные группы.

Первый блок статей посвящен *концептуальному осмыслению терроризма и экстремизма в изменяющемся мире*. Отметим, что И.Ю. Сундиев всегда рассматривал данные угрозы безопасности не просто как криминальные проявления, а как инструменты геополитической борьбы и разновидность организационного оружия, охватывающего широкий комплекс методов социальной деструкции. Отдельно стоит выделить включенную в первый блок статью «Обитаемый остров 2.0», в которой Игорь Юрьевич блестяще описал технологии создания «синтетической реальности» на Украине, последствия которой зашли так далеко, что ликвидировать их спустя определенное время пришлось уже в формате специальной военной операции.

Второй блок статей посвящен вопросу *трансформации терроризма и экстремизма под влиянием новых информационных технологий*. Игорь Юрьевич был одним из первых российских исследователей, который осознал мощную силу влияния глобальной цифровой платформы на деятельность криминальных субъектов, террористических и экстремистских акторов. Многие из статей данного блока подготовлены И.Ю. Сундиевым в соавторстве с одним из составителей данного сборника А.А. Смирновым, который специали-

[4] См.: Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 56–62.

зируется на вопросах информационной безопасности и информационных войн. Тесное научное сотрудничество и дружба маститого профессора с молодым ученым началось в стенах Института в 2011 г. и продолжалось до самого конца жизни Игоря Юрьевича[5]. Их научным итогом стала серия совместных научных публикаций.

Рис. 2. Совместное фото И.Ю. Сундиева и А.А. Смирнова на конференции в Московском университете МВД России им. В.Я. Кикотя

Обратим внимание, что в своих статьях профессор И.Ю. Сундиев еще в конце 2000-х – начале 2010-х гг. обосновал идею о том, что для эффективной борьбы с новым вызовами формирующейся цифровой среды потребуется применение нетрадиционных инструментов правоохранительной деятельности, важнешими из которых станут информационное противодействие и контрпропаганда. В дальнейшем в интересах МВД России авторским коллективом под руководством профессора Сундиева в стенах ВНИИ МВД России будет подготовлен ряд проектов ведомственных концептуальных документов министерского уровня, а также монография «Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности». Данное издание, ставшее одним из первых системных научно-прикладных работ по данной тематике, будет направлено ГУПЭ МВД России в территориальные подразделения по противодействию экстремизму для использования в прак-

[5] См.: Смирнов А.А. Памяти профессора И.Ю. Сундиева // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 134–135.

тической работе[6]. Позже нами в развитие идей Игоря Юрьевича будет подготовлено научно-практическое пособие по контрпропаганде в области борьбы с терроризмом и экстремизмом[7].

Блок статей во 2 томе настоящего сборника включает работы, написанные И.Ю. Сундиевым с соавторстве с другим незаурядным ученым, академиком МАРЭ, автором и разработчиком систем психофизиологического мониторинга *Андреем Борисовичем Фроловым*. Они посвящены осмыслению технологий социальной деструкции через призму *теории функциональных систем*, созданной академиком П.К. Анохиным и развитой его учеником К.В. Судаковым. Данные статьи отличает весьма непривычный для правоохранительной сферы язык и очень сложная терминология, используемая авторами. Однако концептуальная глубина и теоретическая значимость данных публикаций чрезвычайно высока, в связи с чем мы призываем читателя преодолеть барьер сложности и внимательно прочитать данные статьи. Они сильно помогут в осмыслении событий наблюдаемой нами турбулетности в международных отношениях.

Рис. 3. Фото Андрея Борисовича Фролова

[6] См.: Смирнов А.А. Памяти профессора И.Ю. Сундиева // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 135.

[7] См.: Смирнов А.А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: научно-практическое пособие; под ред. А.П. Новикова. М.: АТЦ СНГ, 2020. 232 с.

В конце сборника мы включили приложение, где изложили перечень основных открытых книжных изданий, подготовленных профессором И.Ю. Сундиевым индивидуально и в соавторстве.

Уверены, что настоящий сборник поможет заинтересованному читателю познакомиться с научным творчеством Игоря Юрьевича Сундиева, а молодым ученым – проникнуться изложенными идеями и продолжить развитие научного наследия видного российского ученого и мыслителя.

Тексты статей взяты непосредственно из первоисточников – научных журналов и сборников материалов конференций, где они были опубликованы. Каждая статья снабжена библиографическими данными.

Для приведения к единообразию мы привели все сноски в изложенных в настоящем сборнике статьях в постраничный формат, что потребовало определенного изменения их конструкции. Также в связи с особенностями издания мы исключили большинство иллюстраций (рисунков), оставив только самые необходимые. С остальными иллюстрациями читатель может ознакомиться, обратившись к первоисточникам. Сами тексты статей воспроизведены без изменений, за исключением мелких редакционно-технических правок.

Лахин Алексей Николаевич,
Смирнов Александр Александрович
Январь 2026 г.

1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

1.1.Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции[1]

Страсти вокруг так называемых неформальных молодежных объединений накаляются. Дело не только и не столько в их внешней экстравагантности. С нею мы, если не примирились, то свыклись. Постепенно осознается и то обстоятельство, что необычное поведение «детей» в немалой степени связано с недостатками в деятельности «отцов», просчетами в воспитании, если понимать его широко, как процесс социализации индивида, создания производственно-экономических, социальных и политических условий, нацеленных в конечном счете на формирование гражданских качеств, культуры, воли, возвышение потребностей, на интеграцию человека в общественную структуру[2]. Но главное, что не дает покоя участникам дискуссии, а многих просто пугает – это нежелание неформальных групп иметь дело с традиционными институтами и ценностями, стремление создать нечто свое.

Исходя из личных наблюдений и опыта общения с молодежью, с работниками инспекции по делам несовершеннолетних, а также на основе анализа выступлений средств массовой информации нами предпринята попытка обрисовать социальный облик различных неформальных молодежных объединений.

Ни одна, даже самая совершенная общественная организация не в состоянии создать в своих собственных рамках условия для удовлетворения всех социальных и психологических запросов человека. Социальные группы взаимно дополняют друг друга. Расхожее мнение, будто «раньше ничего этого не было, комсомол, пионерская органи-

[1] Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 56–62.

[2] См.: Харчев А.Г. Общественный идеал и индивидуальное поведение // Социол. исслед. 1985. № 2. С. 57.

зация полностью удовлетворяли потребности молодежи», далеко от истины. Во-первых, неформальные молодежные объединения существовали всегда, их диапазон был достаточно широк: от «тимуровских команд» до «тишинских» и «марьинских» ребят. Во-вторых, нельзя не учитывать конкретных исторических условий. В первые годы существования комсомола кроме идейного, социального единства формировалось и единство психологическое, основанное на противопоставлении «мы – они» – тех, кто борется за построение нового общества, и тех, кто мешает этому строительству. Самореализация – в борьбе, общение – только с единомышленниками, компромиссы исключены. Это было требование времени. К концу 50-х гг. ситуация изменилась. Идейное единство сохранилось, но основа психологической консолидации стала иной. В этот период начался резкий рост городов, ломка привычных стереотипов, норм образа жизни. С развитием телевидения все большую роль приобрели средства массовой коммуникации. При этом потребность в психологическом единстве не только не стиралась, но и увеличивалась. Именно тогда возникает «новая романтика»: дальних дорог, открытий, борьбы со стихией, самим собой. И именно в эти годы формируются прототипы современных неформальных молодежных объединений: *клубы самодеятельной песни* (КСП) и *клубы туристической песни* (КТП). Они объединили студентов, молодых рабочих, инженеров, ученых. Песни «поющих поэтов» Б. Окуджавы, Ю. Визбора, А. Городецкого, Ю. Кима, В. Высоцкого, стихи А. Вознесенского, Е. Евтушенко, проза М. Анчарова приобрели «программное» значение. «Новая романтика» не могла решить всех проблем молодежи, она положила начало духовной самодеятельности, предложила новые пути психологической консоли-дации многочисленных молодежных объединений.

В начале 60-х годов зародилось движение *«коммунаров»*. Обостренное чувство социальной справедливости руководило их стремлением беспощадно бороться с теми, кто мешает строительству коммунистического общества. В числе «коммунаров» были молодые рабочие, старшеклассники. Но не все они были настроены столь «радикально». Для многих эмоционально привлекательными оказались идеи всеобщей любви, простоты, естественности – альтернатива сверхсложному, прагматичному миру. В конце 60-х годов возникают первые группы *«хиппи»*, представляющие пока слегка модифицированный вариант американских «детей-цветов». Среди них преобладали студенты.

Для этого же периода характерно еще одно направление самодеятельных движений – *рок-музыка*. Нетрадиционная, но доступная и эмоциональная, пригодная как для индивидуального, так и массового сопереживания, несущая интонации протеста, она и сегодня продолжает оставаться важнейшим программным элементом молодежной субкультуры.

В 70-е – начале 80-х гг. в социальном развитии нашей страны проявились черты застоя – формализм в деятельности общественных организаций, социальная демагогия, нарушения принципа социальной справедливости. Для понимания молодежных движений особое внимание следует обратить на феномен инфантилизма. На деле внешняя инфантильность скрывает высокую адаптивную гибкость молодых людей, их готовность говорить «что надо и где надо», сохраняя при этом свои взгляды, идеи, стремления для тех, «кто поймет». Участие в комсомольской работе для многих юношей и девушек приняла форму ритуальных действий: «Надо провести собрание...» и, как при всех ритуалах, большинство не задумывается – «А зачем?», – но участвует, голосует, выступает. Подобная двойственность поведения, оценок в условиях жесткого социального контроля (семьи, школы, вуза) порождает двойственность используемой нормативно-оценочной шкалы. Одно и то же событие оценивается молодым человеком по-разному, в зависимости от того, находится ли он в группе единомышленников или вне ее.

Формирующаяся нормативно-ценностная маргинальность молодых людей порождает значительное эмоциональное напряжение, нестабильность, которая стимулируется несовпадением темпов физиологического, психологического и социального развития. Неудовлетворенность собственным положением, предлагаемыми образцами для подражания при возросшем уровне знаний и информированности молодежи, способствовали не просто группированию, но группированию на основе нетрадиционных целей, идей, форм деятельности.

***

Каковы основные черты неформальных объединений молодежи?

Неформальные молодежные объединения возникают в городских условиях, прежде всего в крупных и сверхкрупных городах и агломерациях. Распознавание групп легко осуществить по особенностям внешнего облика, жаргона, музыкальной программы. И, наконец, им свойственно заимствование элементов субкультуры, да и

названий групп, у зарубежных молодежных течений. Сразу необходимо сделать оговорку: названия групп, например, «хиппи», «рокеры», «брейкеры» не копируют дословно западные образцы. Их прямое сравнение, а тем более оценка по зарубежным «аналогам» была бы ошибкой. В каждом из неформальных объединений преобладают черты, порожденные условиями нашей страны. Численный состав неформальных объединений, как правило, нестабилен, структуры большинства из них одинаковы: немногочисленное ядро, в которое входят выразители «истинного» «металлизма», «системности», «пацифизма» (возраст от 20 лет и старше), более широкий слой «активистов», разделяющих концепции конкретного объединения, соблюдающих нормы, ритуалы (от 17 до 20 лет) и основная масса – те, кто причисляет себя к конкретной группе, в меньшей степени интересуется идеями, а в большей – другими субкультурными элементами: музыкой, внешней атрибутикой и т. д. (от 12 до 17 лет).

Попытаемся дать краткую характеристику наиболее распространенным неформальным молодежным объединениям.

В начале 70-х гг. зародилось движение *«фанатов»* спортивных клубов, в первую очередь московского «Спартака». Основной контингент «фанатовского движения» – подростки от 12 до 17 лет. Цель объединения – эмоциональная разрядка в процессе «боления» на матче, послематчевых шествиях, стремление выделиться, продемонстрировать при помощи стилизованной одежды, шарфов, знамен, эмблем, значков свою принадлежность к «спартаковской» («динамовской», «торпедовской» и т. п.) группе. При этом сам спорт, спортивные мероприятия оказываются лишь поводом к совместным действиям.

Наибольшее развитие движение «фанатов» получило в 1979–1982 гг. Затем в связи с введением более жестких правил поведения на стадионах, а также тем, что первое поколение «фанатов» повзрослело, наблюдался спад. С середины 1986 г. начался новый подъем, появилось второе поколение «фанатов». В их составе в основном школьники, учащиеся ПТУ, проживающие преимущественно в пригородных зонах Москвы.

С начала 80-х гг. формируется и развивается движение *«рокеров»*[3] – поклонников рок-музыки. К настоящему времени среди «рокеров» выделились «битломаны» (поклонники ансамбля «Битлз», в составе которых школьники, студенты в возрасте от 16 до 22 лет);

[3] За рубежом «рокерами» чаще называют представителей молодежных моторизованных хулиганствующих групп.

«хард-рокеры» (поклонники «тяжелого рока», ансамблей «Назарет», «Слейд», «Пинк Флойд»; из отечественных – «Облачный край», «ЭВМ», «Автограф»; основной состав – студенты от 17 до 25 лет); «металлисты» (поклонники направления «тяжелого металла» в рок-музыке ансамблей «Иксепт», «Металлика», «Моторхэд», «Скорпион», из отечественных – «Ария», «Черный кофе», «99 %», «Мартин», «Шах»; основной состав – учащиеся школ, ПТУ в возрасте от 14 до 17 лет). Особенности внешнего облика членов этих групп выражены в незначительно модифицированном стиле «панк». Для них характерны: вздыбленно-фиксированная, часто многоцветная прическа, обилие металлических деталей в одежде – булавки, застежки-молнии, цепи, собачьи ошейники в качестве ожерелья, браслеты с шипами и заклепками и т. п.

Среди *«металлистов»* много лиц невротизированных, с высоким уровнем тревожности. Случайно ли это? Какова здесь роль «тяжелого металла»? Полученные нами данные позволяют сформулировать следующее предположение: группы «металлистов» – своеобразные «социальные ниши», «культурные гетто», в которых собираются подростки уже невротизированные, с неудовлетворенными потребностями в общении, самореализации и недостаточно развитым уровнем культуры и образования. Принимаемые ими формы экстатического поведения на концертах и дискотеках лишь частично способствуют эмоциональной разрядке, углубляя общую невротизацию.

«Брейкеры» – поклонники брейк-данса (дословно – ломаный, резкий) – танца с элементами акробатики, спортивной гимнастики. Летом 1986 г. в Юрмале состоялся первый Всесоюзный фестиваль брейка «Попугай-86», весной 1987 г.– второй, «Брейкас-87» в Каунасе. Состав «брейкеров» – ученики школ, ПТУ, студенты в возрасте от 14 до 25 лет. Внешний облик отличается по исполняемым элементам: «верхний брейк» (стили «робот», «резиновый человек») – узкие темные очки, перчатки; «нижний брейк» («кирпичи») – спортивный стиль одежды, обуви, налобные ленты. «Брейкеры», как правило, не употребляют наркотиков, токсических веществ, алкоголя, не курят.

Общим и для «фанатов», и для «рокеров» является то, что основная масса среди них – это молодые люди до 20 лет, испытывающие острый недостаток в общении и эмоциональной компенсации. Их мало интересуют идейные концепции, для них важнее получить легализованный выход своей физической и эмоциональной энергии. Что будет поводом – спортивное соревнование, «тяжелый металл»,

брейк-данс, скай-борд – не столь важно и зависит от конкретных социокультурных условий, в которых находятся члены групп.

Появившиеся в конце 60-х гг. группы «хиппи» к середине 70-х разделились на «старую генерацию», «систему» и «пацифистов». «*Старая генерация»* включает студенческую молодежь, представителей творческой интеллигенции в возрасте от 17 до 25 лет; однако с этой группой не порывают связи и лица более старшего возраста. Основной лозунг: «В мире, лишенном свободы, обрести ее можно лишь в своей душе». Декларируемая цель – «свободное развитие свободного человека». Для представителей «старой генерации» характерен отказ от социальной активности, увлечение мистицизмом, буддизмом, йогой (в модифицированном варианте), использование наркотиков, как «средства выхода за пределы реальности». В связи с увлечением наркотиками, медитациями многие представители «старой генерации» – лица с патологическими изменениями в психике. Справка о постановке на учет в психоневрологический диспансер в данной среде расценивается как признак высокого статуса. Основные источники доходов: спекуляция психотропными веществами, «асканье» (попрошайничество).

Музыкальной программой «старой генерации» является «психоделический» цикл песен ансамбля «Битлз». Особенности внешнего облика: длинные волосы, бороды, налобные повязки, джинсовые или брезентовые брюки, куртки, самодельная обувь (летом), самодельные украшения (ожерелья, амулеты с мистической символикой, ручные и ножные браслеты), обилие вышивок на одежде.

В осенне-зимний период представители «старой генерации» обычно – мигрируют в Среднюю Азию, на Алтай, Тянь-Шань для медитаций, летом – в Прибалтику.

«Система» («люди системы»). Включает представителей различных социальных групп в возрасте от 14 до 30 лет: школьников, студентов, творческую и научно-техническую интеллигенцию, рабочих. Декларируемые цели – самовыражение, духовное раскрепощение, объединение единомышленников. Стремление найти и объединить людей, которые оценят и поймут идею, картину, музыкальное произведение, делает «систему» привлекательной для молодежи. В целом для взаимоотношений внутри «системы» характерна доброжелательность. Обилие кружков создает ситуацию, в которой любая идея или произведение найдут своих, сторонников. Повышенный интерес проявляется к религиозным течениям, мистицизму.

Считая себя интеллектуальной элитой общества, «люди системы» относятся к общественной деятельности как к «неизбежному ритуалу». Среди них немало комсомольских функционеров, есть молодые коммунисты. Участие в «системе» рассматривается ими как компенсация дефицита возможностей для «свободного духовного развития». Наркотики и токсические вещества распространены в этой группе незначительно.

«Пацифисты». Программные положения движения: отказ от насилия, равная ответственность СССР и США за сохранение мира и исключение локальных конфликтов, необходимость уничтожения любого оружия, любовь как альтернатива вражде и т. п. «Пацифисты» считают, что любая политическая система есть система насилия, против которой надо бороться. Проповедуемые ими методы борьбы: участие в международных, региональных антивоенных акциях пацифистских организаций, отказ от службы в армии, работы в советских, партийных органах, общественных организациях, пропаганда своих идей. Среди «пацифистов» выделяются представители «христианского пацифизма», «группы Шамбалы» (исповедующие идеи Н.К. Рериха), буддисты и т. п. Особенности внешнего облика: длинные волосы, бороды, налобные ленты, самодельная обувь (летом), самодельные украшения (ожерелья, бусы, браслеты с пацифистской символикой), брезентовые сумки или рюкзаки с символикой и вышивкой.

Группы *«каратэ», «конфу», «ушу»* в качестве декларируемых целей провозглашают физическое и духовное самосовершенствование, овладение различными приемами самообороны. Первые объединения возникли в начале 70-х гг. В них входили лица 20–35 лет, преимущественно представители творческой, научно-технической интеллигенции, студенчества. К началу 80-х гг. группы появились практически в каждом микрорайоне Москвы, в других крупных городах, резко увеличился приток школьников и студентов. Средний возраст в 1982–1983 гг. составлял 17–20 лет.

В настоящее время количество упомянутых объединений увеличивается. Одна из причин – распространение зарубежных видеофильмов с участием Брюса Ли и других киноактеров-суперменов. Криминогенность подобных групп заключается в том, что каратэ, конфу, ушу представляют собой не просто комплексы физических упражнений, а системы рукопашного боя, овладение которыми может быть использовано в преступных целях. Кроме того, каратэ, конфу, ушу и так далее предполагают не только усвоение техники (приемов)

рукопашного боя, но и принятие определенной философии, основанной на положениях дзен-буддизма, синтоизма, других восточных религиозных концепций, главными постулатами которых является полное саморастворение и безусловное подчинение «гуру» (наставнику, учителю). О преступлении, совершенном членами одной из таких групп, рассказала «Литературная газета»[4].

«Попперы» – объединения молодежи в возрасте от 16 до 20 лет, причисляющие себя к «элите» общества. Их основной принцип – не обращать внимание на негативное, а наслаждаться тем, что есть, концентрируясь на внешних признаках «элитарности»: модная одежда, прическа, изысканно правильная речь. Музыкальная программа – арт-рок.

«Оптимисты» – группы старшеклассников, студентов, ставящие своей целью лучше разобраться во внутри- и внешнеполитических вопросах развития нашего государства. Дискуссии на данные темы приобретают порой большую остроту, но пока этим все и ограничивается. «Оптимисты» не употребляют алкоголь, наркотики, токсические вещества.

Группы защиты окружающей среды («ЭКО», «Зеленые», «Флора», и т. п.) объединяют учащихся старших классов, студентов, представителей творческой и научно-технической интеллигенции, молодых рабочих. Возраст от 15 лет и старше. Декларируемые цели – охрана окружающей среды, восстановление утраченных природных ценностей. В настоящее время группы только развертывают свою активность.

Группы охраны исторических памятников. Состав: старшеклассники, студенты, представители научно-технической и творческой интеллигенции. Часть из них поддерживает контакт с Всесоюзным обществом охраны памятников истории и культуры, другие действуют самостоятельно.

В активе групп спасение Щербаковских палат, пикеты на строительстве третьего транспортного кольца в районе Лефортово, манифестация по поводу сноса гостиницы «Англетер».

Позитивные изменения в жизни нашей страны породили резкий рост социальной активности молодежи. Трансформируются прежние неформальные молодежные объединения, практически каждый день

[4] См.: Гамаюнов И. «Опрокинутый мир» // Лит. газета. 1986. 8 окт.

мы наблюдаем новые проявления социальной активности[5]. И старые, и вновь создаваемые молодежные группы буквально рвутся к общественному признанию. Симптоматично, что деятельность неформальных образований направлена прежде всего на те сферы жизни, которые вызывают тревогу и озабоченность всей общественности страны: сохранение культурного наследия, решение экологических проблем, творческое саморазвитие личности, эстетическое воспитание, интерес не только к профессиональному спорту, но и к физической культуре, борьба с различными правонарушениями, причем наряду с социально-позитивной, эта деятельность нередко принимает уродливые формы.

Долгое время считалось, что для молодых людей в возрасте до 18 лет существует лишь две сферы жизнедеятельности: учеба и досуг. При этом забывался основной принцип педагогики – развитие социально значимой деятельности, актуальность и полезность которой была бы близка и понятна самому человеку. Как направить энергию молодежи на решение социально значимых задач? Формализовать существующие объединения, снабдив их инструкциями о порядке действий, невозможно и бессмысленно. Необходимо создать реальные условия для проявления самодеятельности, будь то реставрация памятников архитектуры, оформление детских площадок, организация выставок, концертов и т. п. Гарантом исключения таких уродливых форм самодеятельности, как наркомания, шовинистические выходки, хулиганские действия, нарушения социалистической законности должны быть не только запреты, но и активизация нравственного воспитания, без схоластики, догматизма, с опорой на реальную жизнь.

Однозначная оценка современных неформальных молодежных объединений сейчас невозможна. Но одно представляется несомненным: и общественным организациям, и советским органам, и заинтересованным ведомствам стоит внимательней присмотреться к этому, пока «гадкому утенку».

[5] По данным выборочных опросов, от 30 до 35 % школьников 7–10 классов средних школ Москвы причисляют себя к различным неформальным объединениям.

1.2. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии (криминологическая экспозиция явления)[1]

Все авторы, пишущие и говорящие об экстремизме, едины в том, что это – ***крайность*** (экстремальность) в оценках и действиях личности (группы). Далее, в зависимости от широты научных и практических интересов автора в понятие экстремизма, через запятую, включаются и все формы и проявления радикализма и, конечно, терроризм. **Политическая** проблема экстремизма, как говорится в определении ПАСЕ (2003 г.), заключается в том, что демократия должна обеспечить максимальные гарантии свободы мнений, собраний и объединений, в то же время защитив себя от тех, чья идеология эти ценности отрицает. При этом в отличие от террористической деятельности или националистических призывов экстремистские идеологии как таковые не всегда могут быть уголовно наказуемы и преследуемы.

Проблема борьбы с экстремизмом в России относится к числу наиважнейших ввиду того, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Однако эффективность этой борьбы пока невелика. Преступления экстремистской направленности, совершенные по мотивам ненависти, вражды, мести на национальной и религиозной почве в 2008 г., составили всего 0,008 % от числа всех совершенных преступлений в нашей стране, хотя они представляют серьезную угрозу всем государственным институтам и потому заслуживают особого внимания.

Традиционное для социальных наук понятие «радикализм» означает как *осознанную*, так и *неосознанную* крайность во взглядах и поступках (т. е. оценка крайности зависит исключительно от социокультурного уровня развития индивида и социальных условий, в которых он действует). Как любое крайнее явление, радикализм может быть просоциальным и асоциальным. Необходимо учитывать, что в ситуациях острых социальных кризисов (один из наиболее крупных разворачивается в настоящее время во всех странах) ради-

[1] Сундиев И.Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии (криминологическая экспозиция явления) // Научный портал МВД России. 2009. № 4. С. 68–76.

кальные социальные элементы, придерживающиеся крайних взглядов, обладают максимальным деструктивным потенциалом, способным повернуть вектор развития общества. Это качество радикалов, а среди них традиционно подавляющее большинство составляет молодежь, уже много веков делает чрезвычайно привлекательной мысль использовать их в процессе борьбы за власть претендующими на нее группировками. Придание словам и действиям радикальных групп **политического содержания**, вне зависимости от их собственных интересов и потребностей, превращает разнородные молодежные группы в инструмент борьбы за власть, то есть в экстремистские группы и объединения в соответствии с контекстом ныне действующего законодательства. Естественная эскалация радикализма (граница «крайности» сдвигается от слов к делу и это «дело» в конечном счете – насилие) в ходе политической борьбы с неизбежностью формирует идеологию и практику допустимости любых насильственных средств в борьбе за «светлое будущее». Именно по этому алгоритму из радикальной среды российской студенческой молодежи второй половины XIX в. выделились сначала экстремистские, а затем и террористические группы и организации (рис.). Конец XX и начало XXI в. дополнили технологические способы и приемы рекрутирования в экстремистские организации все более юных членов, формирования у них требуемых идеологических и психологических установок, но базовый алгоритм остался прежним.

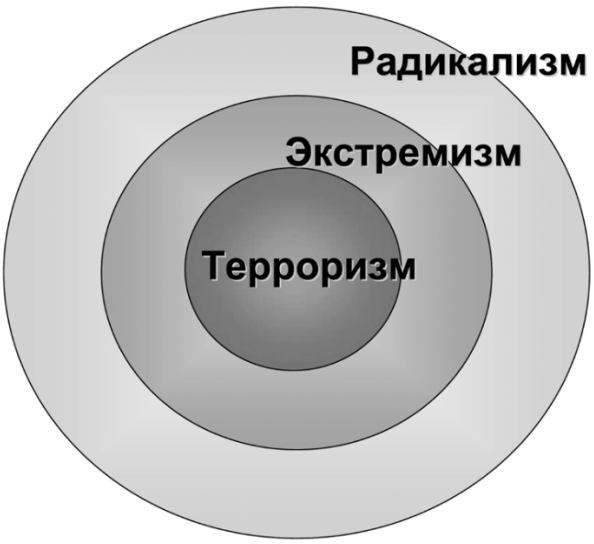

Рис.

Радикальные преобразования в российском обществе периода 90-х годов XX в. значительно изменили мировоззренческие ориентации. В частности, при отсутствии официальной государственной идеологии в современной России у многих граждан наблюдается совпадение национальной и конфессиональной самоидентификации, религиозного и национального самосознания, что несет в себе угрозу стабильности поликонфессионального общества, каковым является Российская Федерация. При этом наиболее заметный рост национально-религиозной нетерпимости отмечается именно у молодежи. Этот показатель у нее в несколько раз выше, чем у лиц старшего поколения, что в условиях глобального мирового кризиса является достаточно тревожным симптомом для общества с нестабильно функционирующими социально-экономическими показателями[2].

Духовно-идеологический вакуум в современном обществе неизбежно заполняется идеологией, дающей наиболее простые ответы на самые сложные вопросы, то есть идеологией экстремистских организаций, имеющих благодатную почву в лице растущих по численности маргиналов, представителей национальных и религиозных движений и недовольной существующим порядком социально активной части общества (в первую очередь молодежи).

Акции политического, религиозного и националистического экстремизма представляют в современной России единое целое, что зачастую не позволяет четко разграничить спонтанный религиозный экстремизм и акции националистических, политических и криминальных структур.

Результаты проведенного в 2008 г. сотрудниками ВНИИ МВД России исследования свидетельствуют о росте негативного влияния на молодежную среду неформальных объединений экстремистской направленности. В 2008 г. преступления экстремисткой направленности были зарегистрированы во всех федеральных округах, при этом их количество на 150 % (116) превысило аналогичный показатель прошлого года. Важнейшим обстоятельством является то, что для молодежи экстремистские действия – это всегда **групповой** процесс. Для лучшего представления приведем следующие данные: согласно уголовной статистике молодые люди совершают более 50 % всех зарегистрированных преступлений; только 6–8 % из

[2] См.: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // СОЦИС. 2008. № 5.

них совершают преступления в одиночку, остальные – в составе группы; более 80 % молодых жителей средних и крупных городов России обнаруживают свою приверженность тем или иным неформальным молодежным объединениям. То есть двое из трех молодых людей, совершивших преступления, и пятеро из семи, совершивших административное правонарушение, позиционируют себя как участники различных неформальных молодежных объединений. А среди тех, кто совершал экстремистские действия, к тем или иным организациям причисляют себя **все.**

Действия экстремистских неформальных молодежных объединений часто носят скандально политизированный характер и поэтому привлекают пристальное внимание СМИ. Подробное освещение совершаемых такими группами или членами этих групп преступлений приобретает резонансный характер, что чаще всего отражает динамику политической борьбы, но не способствует скорейшему раскрытию таких преступлений.

Словосочетание «неформальные молодежные объединения» за два десятилетия стало привычным, но крайне многозначным. Обратимся к недавней истории: термин «неформальные объединения молодежи» – не научный, а публицистический, введенный журналистом Ю. Щекочихиным для политически приемлемого обозначения самодеятельных молодежных объединений в середине 80-х годов прошлого века. Для того времени новым стали не сами самодеятельные молодежные объединения, а то, что о них подробно начали писать и говорить. Термин прижился, и сейчас он обозначает вполне конкретных социальных субъектов, часто имеющих официальную регистрацию, то есть вполне «формальных».

В настоящее время под неформальными молодежными объединениями (НМО) понимаются группы, обеспечивающие своим членам (как правило, молодым людям) возможность самореализации в соответствии с их запросами; эти группы могут быть трансляторами определенной сложившейся субкультуры (например, хиппи, панки, байкеры и т. п.) либо формироваться как выразители нового для нашей страны субкультурного направления (например, «хип-хоп»). Членство в этих объединениях не является фиксированным, достаточно часто массовые акции проводятся членами различных объединений совместно, переход из одного объединения в другое – обычное для них дело. Криминальная «специализация» НМО представлена в таблице.

Таблица

Криминальная «специализация»
неформальных молодежных объединений

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
1. НМО фашистского характера. Основными представителями являются: правые скинхеды (ОБ 88), Арийское братство, Славянский легион и др.	Агрессивное выражение расовой дискриминации и националистического сепаратизма. В основе данного движения лежат политические аспекты расовой теории фашизма. Широко применяются методы агитации молодежи: проведение концертов наци-групп, издание периодической литературы, создание интернет-сайтов и др.	Хулиганство; вандализм; массовые беспорядки; уничтожение или повреждение памятников культуры; возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды; убийство; умышленное причинение вреда здоровью и др.	1. Принимают участие в акциях праворадикальных политических партий (РНЕ и других неофициальных объединений). 2. Многие представители данных НМО являются активными членами группировок футбольных хулиганов. 3. На коммерческой основе принимают участие в политических мероприятиях (силовая поддержка)	За последнее время в связи с увеличением количества данных НМО нельзя однозначно утверждать, что они соблюдают определенный внешний вид. Говоря о правых скинедах, можно отметить, что основными признаками их идентификации являются: бритая голова; тяжелая обувь, как правило, с белыми шнурками; высоко подвернутые джинсы; куртка типа бомбер; клетчатая

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
				рубашка; могут быть значки, нашивки, татуировки и другие внешние элементы, содержащие фашистскую символику
2. Антифашисты (АФА). Основными представителями являются: красные скинхеды (red skins), R.A.S.H., S.H.A.R.P. Возникли как реакция неславянских групп молодежи на деятельность фашистских и националистических НМО	Открытое противостояние любым формам фашизма и нацизма. Как правило, идеологической формой данных НМО являются самые радикальные идеи коммунизма	Хулиганство; вандализм; массовые беспорядки; убийство; умышленное причинение вреда здоровью и др.	1. Некоторые представители АФА являются членами группировок футбольных хулиганов. 2. Принимают активное участие в различных молодежных антифашистских акциях: концертах, митингах и т. д. 3. На коммерческой основе принимают участие в политических акциях	Внешние признаки схожи с атрибутами правых скинхедов. Основными отличиями являются красные шнурки на ботинках и красные подтяжки на брюках. Широко используется символика коммунистической партии.

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
3. Политические движения (РНЕ, ДПНИ, НБП и др.)	Продвижение политических интересов крайне поляризированного характера, прикрытых ширмой оппозиционной борьбы с существующей властью. Ведение широкой агитационной и информационной деятельности по дискредитации обстановки	Хулиганство; массовые беспорядки; призывы к неконституционному свержению власти; проведение незаконных митингов и акций протеста и др.	Участвуют в акциях многих социально ориентированных организаций для поднятия собственного престижа: против наркомании, распространения ВИЧ и т. д.	Преобладает стиль милитари: камуфляжная одежда военных подразделений с использованием различных логотипов принадлежности – шевронов, нашивок, значков и т. д.
4. Байкеры (Ночные волки, Железное братство)	Неформальные молодежные группы мотоциклистов-любителей	Грабежи; разбои на дорогах; кражи автомобилей; наркобизнес и др.	Группировки обособленные, с другими НМО связь не поддерживается	Специальная одежда для езды на мотоцикле (кожаные штаны и куртки), как правило, с символикой объединения
5. Хиппи	Отличаются от других НМО неприятием традиционного образа жизни и проповедуют «этику любви» и паци-	Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	По отношению ко всем НМО поддерживают нейтралитет	Имеют специфический внешний вид: длинные волосы, джинсовые брюки «клеш». Носят много

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
	физм. Отличительной чертой хиппи остается неприятие предложенной, а подчас и навязанной государством системы общественных отношений			наручных браслетов, амулеты и прочую бижутерию (фенечки)
6. Панки	Молодежная субкультура, основанная на музыкальном стиле панк-рок. Ее особенностью является отрицательное отношение к современному шоу-бизнесу в комплексе с асоциальным образом поведения (употребление наркотиков, «свободный» секс, неряшливая одежда, попрошайничество и т. д.)	Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; хулиганство; имущественные преступления	Взаимодействие с другими НМО не отмечено	Наиболее распространенным стереотипом внешнего вида является наличие оригинальной прически (ирокез) с использованием ярких красителей, пирсинг по всему телу, видные тату-ировки. Одежда неряшлива, чаще с преобладанием кожаных курток-косух с многочисленными нашивками, кожаных

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
				штанов, тяжелой обуви
7. Растафари – субкультура, основанная на религиозно-политической доктрине африканского превосходства, зародившаяся на Ямайке	Растафарианство является субкультурой, объединяющей молодежь на основе синтеза философии, музыки (регги, даб) и образа жизни. При этом основа философии растафари – употребление «священного растения» марихуаны как способа перехода в высшее состояние	Незаконный оборот наркотиков	Взаимодействие с другими НМО не отмечено	Среди внешних признаков можно выделить: дредлоки (прическа из пучков волос, часто скрепленных воском, которые не расчесывают), пеструю одежду больших размеров. Внешний вид дополняют многочисленные феньки, амулеты и другие атрибуты африканских шаманов
8. Металлисты	Молодежная субкультура, вдохновленная музыкой в стиле «металл». Они агрессивно настроены к поп-музыке, а также увлекаются различными ок-	Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; хулиганство; вандализм	Взаимодействуют с сатанистами, языческими сектами	Внешне схожи с панками, за исключением причесок: носят прямые длинные волосы

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
	культными ведическими верованиями			
9. Фанаты – молодежные формирования, активно поддерживающие спортивные клубы	Особое место в данных НМО занимают группировки «правых» футбольных фанатов, идеология которых основана на организации массовых драк с оппонентами недружественных футбольных клубов. На сегодняшний день субкультура футбольных хулиганов включает в себя не только посещение матчей, но и иные специфики: стиль одежды, музыкальные предпочтения, политические ориентации и т. д.	Хулиганство; массовые беспорядки; вандализм; насильственные преступления; распространение наркотиков и т. д.	Активно взаимодействуют с националистическими и расистскими НМО	Приоритет отдается преимущественно спортивному стилю одежды знаменитых европейских фирм

Вид	Идеологические установки	Проявления	Участие в политических мероприятиях	Экипировка, атрибутика
10. Сатанисты	Духовное и философское течение, внутреннее содержание которого основано на противостоянии христианству за счет возвышения культа сатаны	Ритуальные убийства; вандализм; растление малолетних; совершение взрывов, поджогов, издевательства над животными, осквернение могил; надругательство над христианскими святынями	Взаимодействуют с готами, металлистами	Практикуется ношение аксессуаров со знаками принадлежности к культу сатаны. При проведении акций и своих обрядов возможно ношение специальной одежды (например, черных балахонов)

Еще 20 лет тому назад неформальные молодежные объединения были результатом межличностного взаимодействия, а субкультуры передавались от человека к человеку. Рынок и информационные технологии принципиально изменили ситуацию. Во-первых, все, что связано с тематикой неформальных молодежных объединений, стало объектом эксплуатации индустрии моды. Типажи членов конкретных НМО разрабатываются и тиражируются в музыкальных клипах, постерах, тематических журналах. Субкультурная атрибутика, соответствующие «прикиды» (комплекты одежды) продаются в профильных магазинах. Фактически субкультура современных НМО перестала быть самодеятельной. Большинство членов НМО, гордясь своей независимостью, стали не только более управляемыми, чем были ранее, но и добровольно превратились в объект медийной эксплуатации. Во-вторых, приобщение к субкультуре, включение в состав НМО, общение с единомышленниками – все это

у большинства современных молодых людей происходит в виртуальном режиме через Интернет. Личные контакты чаще всего осуществляются при проведении совместных массовых акций, частота которых очень отличается и в однотипных НМО, и, тем более, в разнородных. «Виртуализация» деятельности НМО, с одной стороны, помогает преодолевать географические барьеры и взаимодействовать в едином ключе людям, находящимся в разных регионах; с другой – снижает уровень ответственности членов НМО за свои поступки.

Эти современные особенности НМО стали активно использоваться зарубежными эмиссарами для формирования в нашей стране идейно-организационной среды экстремистских и террористических объединений.

В отличие от традиционных экстремистских формирований различного уровня организованности и структурированности большая часть молодежных экстремистских формирований носит слабоустойчивый характер. В них действуют нормы, которые не фиксируются в уставах и инструкциях, а стихийно возникают в процессе общения, в результате чего воспринимаются всеми их членами и укореняются, превращаясь в индивидуальные специфические установки и ценностные ориентации. Неформалы характеризуются различным уровнем организованности. Довольно часто молодежные объединения бывают нестабильны, не отличаются четкой структурированностью, меняют свою конфигурацию. В одних НМО участники, имея весьма неточное, размытое представление об идеологической подоплеке экстремистских движений, во многом ориентируются на громкую фразеологию, внешнюю атрибутику и другие аксессуары, желание почувствовать себя членом своеобразного «тайного общества», способного безнаказанно расправляться с неугодными. В других – есть стабильный состав, лидер, руководящее ядро, существует распределение ролей. Возрастной диапазон активности членов экстремистских организаций этого вида – в основном от 14 до 35 лет с организационно-управленческой ячейкой в составе отдельных деятелей старшего возраста. Наиболее активными действиями отличаются подростки и лица, которые в основном не достигли зрелого возраста, с явными пассионарными чертами, националистическими и сепаратистскими взглядами.

В последнее время проявилось несколько различных направлений развития молодежных экстремистских формирований. Несмот-

ря на кажущуюся внешнюю противоречивость, они подчиняются логике любой системы, проходя стадии становления, сохранения, стабилизации и дальнейшего развития, стремясь избежать хаоса и исчезновения.

Так, в отличие от традиционных сложноструктурированных объединений в среде молодых экстремистов (в основном в крупных городах) устойчиво прослеживается тенденция к объединению по «сетевому» принципу, предполагающему большую самостоятельность образующих сеть ячеек (молодежных экстремистских групп). Обычно действуя автономно, они могут консолидироваться для проведения групповых противоправных действий, создавая достаточно большие массы правонарушителей. В качестве координирующего звена, определяющего время и место проведения «акций» и способ связи, ими используются коммуникационные системы, в первую очередь – Интернет и мобильная телефонная связь. Значительное число входящих в группу лиц увеличивает возможности распространения преступной деятельности во времени и в пространстве: группа может дробиться, перемещаться по значительной площади, захватывать в своей преступной деятельности все новые территории и объекты.

Одновременно наблюдается процесс образования устойчивых *конспирологических* экстремистских сообществ с иерархической структурой, предпочитающих привлекать в свои ряды наиболее активную часть населения, в первую очередь – представителей молодежной среды. В целях повышения уровня конспирации построенные подобным образом молодежные экстремистские организации нередко разделяются на самостоятельные структурные подразделения со своими органами управления, представители которых непосредственно общаются только друг с другом и единственным представителем вышестоящего центра управления. Структурных групп может быть много: боевики (исполнители); разведка; группа прикрытия, группа обеспечения безопасности, в которую могут входить как участники экстремистского формирования, так и посторонние лица, оказывающие содействие на регулярной основе.

С новыми формами организации деятельности экстремистских групп, организаций и сообществ роли их участников, в частности организатора формирования и лидера, могут трансформироваться. Не всегда организатор выполняет функции лидера, которым в силу ряда причин может стать иное лицо. Кроме организатора формиро-

вания и его лидера, при подготовке к совершению преступления может выделяться организатор конкретного преступления (модератор), которому поручается организация подготовки и совершения отдельного акта (акции) либо серии действий (актов) при различной степени свободы выбора места, времени и объекта воздействия. Необходимо отметить возросшую теоретическую подготовку организаторов и лидеров молодежных экстремистских объединений в вопросах, касающихся провозглашаемых ими взглядов и идеологии, их возросший интеллектуальный и конспирологический уровень.

В молодежной среде Российской Федерации последних лет наиболее распространены националистический (расовый), политический и религиозный виды экстремизма.

Несмотря на различные лозунги и названия организаций национал-патриотического толка, молодежь сплачивается в организованные преступные группы, направленные против лиц неславянских национальностей. В то же время отмечены случаи возникновения националистических групп из числа неславянских национальностей в республиках Южного и Приволжского федеральных округов. В противоправную деятельность вовлекаются различные группировки футбольных фанатов, которые в ряде случаев совместно со скинхедами, представляющими наиболее агрессивную часть националистических групп, участвуют в преступных действиях. На взаимовыгодной основе ширится сращивание лидеров националистических формирований с представителями уголовной среды. Однако чаще в целях увеличения электоральной базы и ресурсного обеспечения разрозненные националистические группы и организации консолидируются с представителями национал-радикальных структур, в том числе довольно глубоко включенных в политическую жизнь общества, активно занимающихся легальной политикой. В частности, отмечены попытки проведения совместных мероприятий, в том числе массовых, с выраженным публичным характером (наиболее яркий пример – марши несогласных).

Достаточно сходные признаки с националистическими экстремистскими объединениями имеют политические экстремистские организации. Происходит активное укрепление межрегиональных связей, предпринимаются усилия не только в выработке единой стратегии действий, но и в согласовании вопросов тактики.

Не меньшую опасность несет религиозный экстремизм, приверженцы которого зачастую вовлекаются в незаконные вооружен-

ные формирования, организованные преступные формирования, специализирующиеся на совершении преступлений террористического характера. Однако религиозный экстремизм не сводится к действиям отдельных террористических и экстремистских организаций на Северном Кавказе и в иных регионах Российской Федерации под прикрытием ваххабистской идеологии. Акцентируя внимание на борьбе с террористической деятельностью различных исламских религиозных организаций, правоохранительные структуры также не должны упускать из виду другие экстремистские организации, течения, действующие под религиозной или идеологической окраской иных конфессий и сект. Так, осужденная группа Рыно Скачевского, совершившая более 20 убийств из националистических побуждений, относила себя к языческому объединению «Спас», входящему в «Северное братство».

Как правило, участники экстремистских групп и организаций фиксируют с помощью видеозаписи, фотографий свои противоправные акты и впоследствии располагают их на соответствующих сайтах в сети Интернет. Данные сайты активно используются экстремистскими группировками, организациями и объединениями для пропаганды своей деятельности, ее оправдания, распространения сведений о ее методах, в разведывательных целях, рекрутирования новых членов и сбора пожертвований. Нередко на сайтах экстремистских и взаимодействующих с ними террористических формирований создаются дочерние «сайты-однодневки», при этом меняются их форматы и адреса, что существенным образом затрудняет работу по документированию их незаконной деятельности в электронном пространстве.

Стремительное развитие информационных технологий приводит к тому, что многие явления социальной жизни все в большей мере находят отражение в так называемых виртуальных мирах, то есть в информационных средах, носителями которых выступают как средства массовой информации, так и глобальные компьютерные телекоммуникационные сети и системы. Чрезвычайно высокую опасность для общества создает усиливающийся криминальный контроль над этими сферами. Становление транснациональной системы Интернет, к которой оказываются неприменимыми все существовавшие ранее механизмы и принципы контроля за информационной средой, обогатило экстремистов разного толка возможностью проведения анонимной и безнаказанной пропаганды своей преступ-

ной деятельности (неонацистов, антиглобалистов, расистов, скинхедов, мусульманских фундаменталистов и т. п.). Интернет стал для членов экстремистских и террористических организаций исключительно удобным средством преодоления географической разобщенности и эффективным способом конспирации и безопасного обмена информацией, включающей их идеи и планы.

Экстремистские организации последовательно осваивают киберпространство. Широко используя информационно-манипулятивные техники, активную деятельность в сети ведут *вербовщики*. Главная из решаемых ими в настоящее время задач – сделать максимально привлекательным для молодежной части интернет-пользователей собственный образ и по возможности включить наибольшее их количество в свои ряды (вербовка). В обоих случаях отсутствует прямой контакт между людьми, поэтому без ограничений используются все инструменты манипулятивных технологий, с помощью которых действия большинства посетителей сайтов осуществляются неосознанно, они не понимают, что принимают участие в экстремистской деятельности. Поиск кандидатов соответственно осуществляется на форумах, блогах[3] и в киберсообществах соответствующей направленности, интересующей членов экстремистских организаций, где выделяются наиболее активные участники, умеющие грамотно и доходчиво излагать свои мысли, а также способные убеждать и отстаивать свою точку зрения. При привлечении лиц данного типа к сотрудничеству вербовщики применяют «интеллектуальный крючок» – в задачу кандидатов входит решение непростой, но достаточно интересной для них интеллектуальной задачи. Решая ее, они не только оказывают помощь экстремистской организации, но и сами проходят проверку на пригодность. Как вариант, вся их деятельность внутри организации может быть построена на решении подобных интеллектуальных задач либо они могут быть привлечены к чисто пропагандистской деятельности «втемную». Это первая группа кандидатов в НМО.

Второй блок потенциальных членов этих организаций – *«пиарщики» – организаторы и исполнители информационных акций*. Эти молодые люди, большинство из которых – будущие журнали-

[3] Блог (англ. blog, от web log, «сетевой журнал, или дневник событий») – это веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости. Блогерами называют людей, ведущих блог. Совокупность всех блогов сети принято называть блогосферой.

сты, обеспечивают соответствующее освещение экстремистских акций в средствах массовой коммуникации, на сайтах правозащитных организаций, создание необходимого заказчику образа экстремиста (народного мстителя, идейного борца за свободу и т. п.), противодействие правительственным органам путем их дискредитации и, наконец, координацию и корректировку деятельности экстремистов путем прямой демонстрации конкретных действий (типичный пример – марш несогласных). В настоящее время в Рунете размещены учебные пособия по тактике уличной борьбы. В зависимости от политической ангажированности степень радикализма может усиливаться.

Мотивация авторов, как правило, многосторонняя. Владельцы СМИ и интернет-сайтов получают от политических партий, террористических и экстремистских корпораций (через благотворительные фонды) щедрые инвестиции и пожертвования, позволяющие выплачивать очень высокие гонорары, в том числе и журналистам. Передаваемая информация (требования, интервью, видеоряд происходящего) позволяет выходить с эксклюзивными репортажами и статьями, повышающими рейтинг и статус самого СМИ. А у владельцев СМИ и журналистов возникает иллюзия прямого влияния на власть (власть вынуждена с ними сотрудничать), причастности к принятию судьбоносных решений, собственной исключительности (избранности). Это состояние – эйфория – сродни наркотическому опьянению. Для него характерно искаженное восприятие реальности, отчуждение от других (простых) людей, возрастающая зависимость от источника наслаждения (возможности получать и передавать эксклюзивную информацию, повышающую статус и гонорары).

Третья потенциальная группа, вербуемая через Интернет, – *одноразовые участники акции*. Они делятся на три подгруппы: боевики, снабженцы и массовка.

Боевики – лица, способные выполнить (сознательно или не осознавая реальной цели своих действий) силовые акции. Поиск и подбор данных лиц осуществляется на сетевых форумах и в сообществах, где после индивидуального собеседования на индивидуальный адрес электронной почты передается информационный пакет, в котором указываются место и время встречи, дресс-код и предполагаемая цель либо конкретное задание. Вместе вся группа встречается только один раз для совершения акции, после чего контакт с ней прерывается. В группу подбираются лица, высказывающие самые

радикальные суждения и желающие «конкретными действиями поднять адреналин». Многочисленные сообщения в СМИ о нападениях, совершенных группами «скинхедов» в течение 2007–2008 гг., как правило, описывают действия именно подобных образований. Для усиления пропагандистского эффекта и попутно отбора будущих «пиарщиков» на эти акции анонимно приглашаются журналисты. Цели подобных операций (погромы, избиение лиц определенной национальности) полностью соответствуют целям экстремистских организаций (политических партий) и осуществляются по их заказу.

Одноразовые снабженцы и квартирьеры – группы обеспечения экстремистских акций. Набор в них осуществляется по тем же каналам, но другим путем. Из общего массива лиц, разделяющих радикальные и экстремистские взгляды, формируется массив персональных данных, к которому в случае необходимости всегда можно будет обратиться и найти человека, проживающего или работающего в нужном месте, имеющего определенные связи или знакомства. Под каждую конкретную операцию из данного массива выбираются необходимые люди и привлекаются к обеспечению экстремистской акции или террористического акта. Как правило, одних и тех же снабженцев не принято использовать дважды.

Массовка. Флешмоб[4] . Известна центральная роль Интернета при организации мероприятий, которые можно квалифицировать как эксперименты по внедрению психотехнологий сверхскоростного управления массами. Это – так называемый флэшмоб, который в 2003–2004 гг. приобрел большую популярность в западных странах. Акции флешмоба проводятся в местах массового скопления людей – в супермаркетах, на центральных городских площадях, на станциях метро, вокзалах и т. д. Цель подобных акций – создать нестандартные ситуации и привлечь внимание окружающих. Десятки людей собираются в одном месте и одновременно в соответствии с заранее

[4] Флеш-моб (англ. flash mob; flash – вспышка, миг, мгновение; mob – толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») – это заранее спланированная эпатажная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут они с серьезным видом выполняют заранее оговоренные действия абсурдного содержания (сценарий) и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, как ни в чем не бывало. Психологический принцип флешмоба заключается в том, что мобберы создают непонятную, абсурдную ситуацию, но ведут себя в ней так, как будто для них это вполне нормально и естественно: у них серьезные лица, все в здравом рассудке, трезвые и вменяемые.

составленным сценарием начинают творить что-нибудь странное, а через несколько минут быстро расходятся.

Массовка организуется с помощью флешмоба, если при проведении экстремистской акции для привлечения внимания и увеличения общественного резонанса от события необходимо задействовать значительное число посторонних лиц, не обязательно разделяющих радикальные и экстремистские взгляды. Они отвлекают внимание окружающих от главных действующих лиц операции, увеличивая при этом зрительно масштабность происходящего. Подобные акции имели место в Назрани и Грозном в 2004 г., в Греции и Косово в декабре 2008 – январе 2009 г. и в Таиланде и Кишиневе весной 2009 г. Подбор лиц для проведения флешмоба осуществляется, как правило, через интернет-сообщества и форумы.

Тактические приемы, используемые руководителями экстремистов, постоянно обновляются. Так, в апреле 2009 г. мы имели возможность наблюдать умелое использование организаторами подобных акций в Молдове больших групп несовершеннолетних и детей в возрасте до 16 лет. Привлеченные «игрой» в безнаказанный флэшмоб, они участвовали в разгроме и грабежах зданий высших государственных органов. Использование несовершеннолетних обусловлено тем, что в случае задержания участников массовых беспорядков или совершения ими уголовных преступлений они будут освобождены от уголовной ответственности ввиду малолетнего возраста.

На сайте http://natmorar.livejournal.com/37966.html было размещено заявление тех, кто инициировал выступления молодежи в Кишиневе, разъясняющее технологию проведения этих акций: «Молодежь смогла самоорганизоваться через Интернет», – и здесь же ниже по тексту, – «флешмоб, организованный нами, показал прекрасные результаты».

Молодежные экстремистские формирования имеют давнюю традицию, ведущуюся от начала массового политического процесса, то есть с начала формирования капиталистических отношений. Эти организации и формирующиеся из них террористические группы являлись на протяжении истории основным инструментом, с помощью которого политические партии боролись за власть. Новые информационные технологии значительно ускорили процесс формирования подобных организаций, сделали его легко управляемым и сняли ограничения по численности и географии доступа к информа-

ционным базам. Это новое качество позволило использовать технологии, которые раньше были просто невозможны: флешмоб, бесконтактное манипулирование при вербовке, индивидуальное и массовое программирование конкретных действий.

Нет ни малейших сомнений в том, что отечественные молодежные экстремистские организации готовы в полной мере использовать все «достижения» деструктивных технологий, что требует от сотрудников правоохранительных органов не только досконального знания данных новаций, но и достаточной подготовленности, чтобы им противостоять. В первую очередь это относится к работе в «виртуальной» среде. Как показало изучение отечественного и зарубежного опыта, есть все возможности дополнить традиционные формы противодействия проведением основных оперативно-розыскных мероприятий в «виртуальной» среде, что могло бы качественно повысить эффективность борьбы с экстремистскими организациями.

1.3. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу[1]

В течение последнего года все происходящие в обществе процессы рассматриваются исключительно через призму кризиса, который сначала именовался банковским, потом – финансовым, а ближе к весне – структурным.

Кризис есть наглядное свидетельство начала глобального перехода человечества к качественно новому состоянию, к принципиально иной организации общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя. Этот переход осуществляется по целому ряду различных направлений и воспринимается нами как волна разнообразных и слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов. Между тем их взаимодействие и взаимосвязь на принципиальном уровне представляются очевидными. Наше нежелание обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только доминированием отраслевого характера знания, когда жестко разграничиваются разные его направления и затрудняется комплексный подход, но и страхом обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, с которыми мы согласны.

В результате все мы (и ученые, и политики) не только часто «не видим за деревьями леса», но и боимся его увидеть, так как подозреваем, что он будет для нас неудобен, опасен и потребует от нас жертв, на которые мы не готовы.

Эта естественная человеческая слабость обессмысливает всю антикризисную политику: не желая думать о направлении перехода человечества (и, кстати, не желая признавать даже сам факт этого перехода), управляющие системы государства подчиняют все свои усилия заведомо обреченным на неудачу попыткам вернуться в прошлое, войти второй раз в привычную, удобную и хорошо изученную реку. В результате объективно обусловленные изменения удается в лучшем случае лишь слегка притормозить.

---

[1] Сундиев И.Ю. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу // Экономические стратегии. 2009. № 1–2. С. 42–50.

Элитарная часть человечества, уверовав в неизменность роста своего благосостояния, категорически не хочет признавать главной задачей современного человечества, поставленной перед ним всем объективным ходом его развития. Эта задача состоит в том, чтобы определить направление комплексного перехода, в котором оно находится, выявить характеристики следующей «зоны стабильности» и соотнести все свои действия с задачей наиболее быстрого и безболезненного достижения этой зоны (а при возможности – и ее гуманитарной трансформации).

Это нежелание нашей и мировой элиты считаться с объективным характером собственного развития дает России неожиданное конкурентное преимущество. Ведь только приступив к решению этой задачи, она станет интеллектуальным лидером современного человечества. Она сможет заняться наиболее выгодным и привычным для себя делом: насаждением соответствующих собственным интересам норм и стандартов поведения (после краха коммунистической идеологии этот бизнес был монополией США, во многом обусловившей их могущество и благосостояние).

Итак, из каких компонентов складывается нынешний глобальный кризис?

1. Аксиологический (ценностный) кризис. В основе побуждений членов любого развивающегося социума лежат в первую очередь сакральные ценности, обеспечивающие долгосрочную созидающую преемственность мотивационной сферы. Эти ценности задает либо религия, либо идеология. Вторая половина XX в. характеризуется немотивированным ростом прагматизма и утилитаризма.

В 1961 г. в СССР была принята новая программа КПСС. В этой программе правящей партии было дано экономическое определение «светлого будущего» (коммунизма) и «провозглашена дата конца истории» – построения коммунизма (1980 г.). Именно этот ключевой момент послужил началом краха СССР, социалистической системы и системы мирового порядка. Начавшаяся с развитием капитализма «экономизация» ценностей долгое время была латентным процессом, пока Макс Вебер не показал прямую связь между духом капитализма и десакрализированной протестантской этикой. Дальнейшая политизация экономики (Карл Маркс) позволила сделать ее стержнем идеологической системы (коммунизма), которая, будучи достаточно синтетическим явлением, сохраняла сакральный дух. Как ни парадоксально, но именно успешность реализации коммуни-

стического проекта после Второй мировой войны дала повод отказаться от мобилизационных методов хозяйствования, в основе которых лежали сакральные ценности Родины, Победы, коммунизма как высшей ступени социального развития (иными словами – Царства Божьего на земле). Решения XXII съезда КПСС сыграли роль спускового механизма лавинообразной десакрализации.

Необычайно быстро сакральные ценности повсеместно были вытеснены ценностями экономическими, что означало неизбежную деградацию всей ценностной сферы и вступление социума в кризисную фазу развития. К чести высших иерархов христианских церквей следует отметить, что в своих рождественских обращениях они первые выделили не экономическую, а сугубо нравственную природу нынешнего глобального кризиса. В обращении перед началом Божественной литургии в честь Рождества Христова в храме Христа Спасителя тогдашний Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл сказал, что кризис – это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеи.

В рождественском послании Блаженнейшего Феофила III, Патриарха святого града Иерусалима и всей Палестины, сказано: «Сегодня, как никогда ранее, так ясно проявляются последствия отрицания божественного во Христе послания людям и удаление их от Него: свирепые войны, насилие военных и террористов; разрушительная ярость безумия, противозаконно и незаконно проявляющаяся в отношении находящихся вне подозрения невинных людей; неравенство в распределении природных и социальных благ и по этой причине угрожающий всему миру экономический кризис».

«Наш мир рухнет, если люди будут искать исключительно личную выгоду», – сказал Папа Римский Бенедикт XVI верующим, которые собрались на площади Святого Петра в Ватикане в день католического Рождества. Понтифик определил кризис как результат всеобщего эгоизма.

Для выхода из этого кризиса нужно либо предложить новые сакральные ценности (в виде идеологии, религии), либо так модернизировать старые, чтобы они могли выполнять свои функции в кардинально меняющихся условиях трансформируемых социумов.

2. Исчерпание ресурсов дальнейшего развития капиталистической экономической модели. Напомним, что капитализм как экономическая система базировался на постоянно расширяющихся рынках. В течение сотен лет рынки захватывались, осваивались, делились. Этот процесс казался бесконечным и оставался главным стимулом развития экономической системы. Экономика в конечном счете лишь отражает социум, механизм развития которого определялся и определяется одним словом – «экспансия». К 1970-м гг. физические ресурсы развития капиталистической модели были исчерпаны, а сама ситуация – осознана специалистами[2] как критическая. Однако вместо ожидаемого массами и пропагандируемого СМИ продвижения в ближний Космос как альтернативы социальных революций началось распространение информационных технологий, позволившее направить вектор экспансии за пределы реальности – в виртуальность. Кстати, уместно напомнить, что и молодежные контркультуры того времени базировались в основном на идеях Тимоти Лири и Карлоса Кастанеды о необходимости выхода за пределы реальности, но не при помощи компьютера, а за счет «расширения сознания» с помощью наркотиков. Для любителей технического прогресса в качестве бонуса предлагалась виртуальная «космическая экспансия» (компьютерные игры). Виртуальные изыски выполняли и выполняют роль галлюциногенов для экономики. Усиливают остроту проблемы оформившиеся глобальные сети, делающие практически бессмысленной любую крупную акцию по переделу рынков.

Аналогии с предыдущими капиталистическими кризисами являются некорректными, так как и в 1896, и в 1929 г. ресурсов развития в рамках действующей экономической модели оставалось вполне достаточно. Поэтому надежды на то, что удастся быстро найти рецепт выхода из кризиса «по аналогии», наивны. Более того, продолжение «ударного строительства капитализма» отечественными элитами в этих условиях выглядит как мазохистский способ самоубийства.

3. Кризис стабильности. Человеческие сообщества развивались и развиваются в рамках четкой дихотомии «мы – они», которая заставляет искать конкурентные преимущества и в то же время стабилизирует баланс системы отношений. К середине XX в. человече-

[2] См.: Медоуз Д. Пределы роста. М., 1988.

ство проделало долгий путь от конкурентной борьбы между общинами, племенами, государствами до конкурентной борьбы между межгосударственными образованиями (блоками). Именно конкуренция между блоками после Второй мировой войны дала миру большую часть научных и технологических открытий, которыми мы пользуемся. Но всеобщая делигитимация сакральных ценностей лишила эту борьбу внутреннего содержания, и один из блоков одержал победу.

Распад Варшавского блока, а затем и Советского Союза лишил страны Запада основного консолидирующего инструмента – «коммунистической угрозы свободному миру». Кратковременные попытки жестко формировать «однополярный» мир на базе «общечеловеческих ценностей» оказались малоэффективными. Для политической консолидации становящегося все более и более аморфным и все менее управляемым «мирового сообщества» – стран, идущих по «атлантическому» цивилизационному пути, – вновь потребовался враг, но не простой, а отвечающий ряду обязательных критериев. В условиях распространения оружия массового поражения он (враг) должен представлять собой явную, безусловную и ужасную угрозу, но при этом не быть связанным с ведущими странами Запада. Его местоположение должно быть там, куда можно наносить безответные удары. Его можно увидеть только на экране телевизора и в Интернете. Борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности – оставаться неопределенной. Наконец, необходимость борьбы с врагом должна убедительно оправдать любые ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на борьбу с ним не должно вызывать возражений у населения.

Таким врагом стал мировой терроризм – основной инструмент «варварских» цивилизаций, стремящихся уничтожить «прогрессивную» (западную) цивилизацию. Лейтмотив государственной и информационной политики стран Атлантического альянса в последнее десятилетие таков: террористы – исчадие ада, они вне моральных и юридических оценок, поэтому их нужно уничтожать в любой точке планеты, не обращая внимания на государственный суверенитет. При таком подходе не требуется доказательств, поэтому ни о какой конкуренции, сохранении баланса сил и прочих признаков глобальной дихотомии говорить не приходится. Мир стал крайне неустойчив и опасно зависим от субъективной воли отдельных лиц, что

продемонстрировала авантюра Михаила Саакашвили в августе 2008 г.

4. Кризис суверенизации. Трансформация суверенности: от личности – к общине, от общины – к государству; от государства – к межгосударственному объединению (блоку); от блока – к транснациональным корпорациям; от транснациональных корпораций – к сетевым структурам.

В условиях доминирования виртуальной экономики государства и глобальные корпорации как субъекты глобальной политики все больше уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям – неформальным структурам, объединяющим элементы государственного управления, в том числе спецслужб, гражданского общества и глобальных корпораций, причем влияние и интересы последних совсем не обязательно преобладают.

Эти сети формируются за счет «сращивания» элементов государственного управления, бизнеса и криминала, а также науки и культуры, причем различные элементы сетей базируются, как правило, в разных странах. Чаще всего глобальные сети не имеют специального организационного оформления, но в отдельных случаях могут принимать манифестную (специально поданную как сугубо закрытая) форму клубов (Бейдельбергский, Римский, «Богемская роща»), комиссий (Трехсторонняя комиссия) и орденов («Череп и кости»).

Принципиальное отличие сетей как субъектов управления от государства (и даже от глобальных корпораций, которым категорически нужна стабильность в обширных районах производства и на широких рынках сбыта) заключается в имманентном отсутствии у них ответственности перед обществом. Любое государство поневоле объективно заинтересовано в стабильности и гражданском мире на своей территории, а сетям, рассматривающим эту территорию извне и представляющим собой объединение «новых кочевников» (по классическому определению Жака Аттали), это не важно. Им нужен рост совокупного влияния и прибыли, а этих целей гораздо проще достичь не в стабильной ситуации, а в хаосе, «ловя рыбку в мутной воде».

За последние 20 лет в мире сформировался качественно новый глобальный господствующий класс (интернациональная олигархия, или «новые кочевники»), не привязанный прочно ни к одной стране или социальной группе, не имеющий никаких внешних обязательств

и враждебно противостоящий не только экономически и политически слабым сообществам, деструктивно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (а тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой. Таким образом, попустительствуя созданию глобальных сетей и затем позволяя им прибрать к рукам важные полномочия в сфере общественного управления, государства, даже исключительно сильные и эффективные, сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их суверенитетом.

Дополнительным свидетельством кризиса суверенизации является набирающая темпы *приватизация насилия*, то есть утрата национальными государствами своего исключительного права на применение вооруженного насилия. Уже сегодня в развитых странах численность частных военных компаний (как правило, имеющих статус частных охранных и детективных агентств) приближается к численности государственных армий, полиции и других официальных ведомств. По данным Рольфа Уэсселера, приведенным в его книге «Война как услуга», численный состав частных военных компаний в мире приближается к 1,5 млн человек при годовом обороте более 200 млрд евро (данные 2005 г.). В Ираке частные силовые структуры (например, KBR, Inc.) занимаются наиболее опасными видами боевой деятельности. В нашей стране частные силовые структуры используются при рейдерских захватах, взыскании кредиторской задолженности и в тому подобной «паракриминальной» деятельности. На конец июня 2009 г. в нашей стране насчитывалось 29 800 частных охранных предприятий, в которых работало 745 тыс. человек, имеющих на вооружении легкое стрелковое оружие. Отдельный вид частных силовых структур – незаконные вооруженные формирования и банды, численность которых может колебаться в значительных пределах в зависимости от общекриминальной обстановки. Еще один важный момент, связанный с феноменом приватизации насилия, рассматривает Стефан Мэйр в своей статье «Новый мир приватизированного насилия», опубликованной издаваемым Фондом Фридриха Эберта (ФРГ) журналом *Internationale Politik und Gesellschaft.*

После окончания холодной войны на Западе широкое распространение получили настроения, согласно которым главная угроза безопасности развитых стран исходит от международного терроризма и так называемых несостоявшихся государств. Реальная про-

блема заключается, однако же, в том, что террористы – это только одно из проявлений многообразного и постоянно растущего мира приватизированного насилия, где право на применение последнего присваивают себе уже не национальные государства и их официальные представители, а различные неофициальные и неправительственные группы, движения и организации (являющиеся агентами глобальных сетей). Сваливая всех тех, кто использует насилие в своих целях, в одну кучу с террористами, власти многих стран оказываются не в состоянии адекватно описать в законах сам феномен приватизированного насилия и противодействовать ему. Но (что важно для правящих элит) получают удобный повод для расправы с собственными политическими противниками, применяющими насилие для достижения своих целей.

5. *Развитие и распространение информационных технологий.* Сверхпроизводительность информационных технологий, нуждающихся в значительной части населения исключительно как в ресурсе сбыта, но не производства, запустила процессы его десоциализации, то есть ликвидации «среднего класса» путем его люмпенизации и превращения в сообщества, функционирующие по биологическим, а не социальным законам. В нашей стране этот процесс протекает в форме криминализации обыденной культуры (шансон как основная эстетическая ценность) и информационного пространства (новостные блоки СМИ). Наиболее «гуманный» пример в глобальном плане – реорганизация высшей школы в Европе, настойчивое насаждение Болонской системы (в модифицированном варианте – во всем мире). Декларируемая суть Болонской системы – нивелирование межгосударственных и межнациональных различий в программах и формах обучения, «объективизация» процесса оценки знаний (тестирование). Реальная – постоянное снижение образовательного и творческого потенциала у обучаемых и постепенная замена преподавателей чиновниками, следящими за соблюдением незыблемости «обучающих процедур». В итоге большинство государств, принявших Болонскую систему, выбывает из «креативного соревнования» и конкурентной борьбы в обозримом будущем. Инструментами этого процесса служат информационные технологии трансформации общественного сознания. Эти же технологии стимулируют рост внутреннего разнообразия и, соответственно, дезинтеграцию сообществ, особенно многонациональных (наиболее наглядный отечественный пример – Северный Кавказ).

Информационная революция, рост значения творческого труда и распространение технологий формирования (модификации) сознания сделали неэффективными традиционные системы управления и, соответственно, оформленную Вестфальским миром организацию общества (в частности, демократию в ее западном понимании).

6. Кризис знаний. Этот процесс имеет три аспекта: первый – окончание научно-технической революции и снижение потребности в новом знании. Нынешний технологический уклад требует не новых знаний, а усовершенствования технологий. Пример: в течение последних 20 лет Нобелевский комитет присуждает свои премии главным образом за открытия, сделанные в первой половине XX в. (исключения – политические решения в области экономики). Но это происходит не из-за ностальгических пристрастий, а потому, что новых фундаментальных открытий просто нет. Буквально на наших глазах в последние 15 лет наука утратила свою основную цель – поиск истины – и превратилась в сложный социальный ритуал, вполне бесполезный с точки зрения общественного развития. На поверхности это ярче всего проявляется в финансировании исследований на основе грантов, требующих заранее предсказуемого результата, в угасании финансирования прорывных исследований. Наиболее популярный «научный» продукт – опросы общественного мнения, обслуживающие политические и управленческие элиты, и маркетинговые зондажи, способствующие совершенствованию практики продаж на конкретных территориях. Во всем мире официальная наука превратилась в сложный административный организм, даже в новый социальный уклад. При этом фундаментальная наука, будучи задушенной или вульгаризированной, больше не восстанавливается. Причина – на поверхности: для виртуальной экономики наука перестала быть главной производительной силой, а при отсутствии реальной конкуренции затраты на нее – нерентабельными.

Второй аспект кризиса знаний – резкое снижение статуса научного работника и получаемых им результатов. Самоотверженное постижение истины переродилось в обслуживание общественных (политических) интересов при помощи сложнейшим образом построенных ритуалов и неформальных, но от этого не менее циничных согласований. Это вызвано изменением механизмов социального успеха: его достижение в условиях упрощения коммуникаций и резкого роста их масштабов требует прежде всего грамотной соци-

альной коммуникации, умения «вращаться» в правильно выбранных сообществах.

В результате происходит жесткий отбор: кто-то специализируется на постижении знаний, кто-то – на достижении социального успеха, которое не требует теперь даже простого паразитирования на добываемых кем-то знаниях. Подобная специализация очень глубока – она отнимает у человека, являющегося по природе относительно универсальным существом, слишком много человеческого.

С другой стороны, мы видим, что знание усложнилось и специализировалось настолько, что процесс его получения и даже усвоения требует от человека больших усилий, практически несовместимых с действующим механизмом повышения социального статуса. Грубо говоря, вы тратите время либо на успех в обществе, либо на получение новых знаний. На то и на другое одновременно не хватает ни времени, ни сил.

Третий аспект кризиса знаний связан с изменением основной функции образования, в том числе и высшего. В силу растущей социальной дезинтеграции основной функцией образования, как это было в XIX в. и в массовом образовании XX в., вновь становится обеспечение покорности, социальный контроль за основной массой населения (здесь особенно видна управленческая роль Болонской системы), а не подготовка к самостоятельному получению нового знания. В связи с этим дипломы разного уровня (об окончании различных учебных заведений, защите кандидатских и докторских диссертаций) становятся не свидетельством уровня знаний, а инструментом в достижении статусных позиций, то есть полем криминальной деятельности.

7. *Кризис биологической идентичности*. За последние 50 лет человек необратимо изменился. Банальная фраза, но, к огромному сожалению, именно она наиболее точно характеризует данный кризис. Производственные технологии качественно изменили среду обитания большинства жителей развитых стран, сформировав «бытовую токсикоманию» – включенность в метаболизм веществ и соединений, не встречающихся в живой природе. Информационные технологии трансформировали процесс восприятия информации, принципиально увеличив его скорость и объем. Правда, взамен они практически ампутировали эмоциональный компонент восприятия. Эмпатия (сопереживание – основа любого человеческого взаимодействия) исключается из нормы и воспринимается либо как сла-

бость, либо как болезнь. Нормы здоровья полувековой давности неприменимы к большинству населения, как и нормы ГТО – к нынешним школьникам.

Патологии, полученные при рождении, дополняются патологиями среды обитания и социальными патологиями (пьянство и наркомания) и усугубляются технологиями. Массмедиа утверждают: мутантам принадлежит мир! При возрастающей ценности биологических особенностей, прежде всего способности к творчеству, сообщения о многолетних многомиллиардных частных инвестициях в закрытые и никем не контролируемые проекты по биотрансформации, клонированию, генетической архитектуре уже не удивляют. В то же время развитие ИТ снижает социальное значение логики, повышая роль творческого, образного мышления и его носителей, среди которых доминируют шизоиды и женщины. Сложность воспитания творческих способностей в ближайшее время неизбежно придаст социальной конкуренции биологический характер, свяжет успех с наличием или отсутствием необходимых данных.

Каждый из упомянутых кризисов развивается относительно самостоятельно, однако, достигнув уровня качественной трансформации, они вместе дали то, что получило название «глобальный кризис». Его главное содержание – переход человечества на новую ступень развития. Иначе говоря, данный кризис – *эволюционный*, сравнимый по масштабу с неолитической революцией. Его окончание будет связано с формированием принципиально нового экономического и социального уклада, со сменой вектора цивилизационного развития с технотронного на биологический. Но это в перспективе, а пока траектория движения компонентов социума (экономики, политики, культуры) приобретает резко синусоидальный характер при сокращении периода между пиками и увеличении точек бифуркации. То, как это сказывается и будет сказываться на преступности в России в ближайшее время, во многом определяется субъективным фактором – готовностью правящих элит отказаться от позиции «новых кочевников» и встать на национально-государственную позицию.

У России есть креативный капитал, нерастраченные «закрывающие» технологии и возможности частичной мобилизации наиболее активной части населения. Это позволит с минимальными потерями достичь очередной долгосрочной «площадки стабильности»

между кризисными максимумами. Но на этом пути есть ряд уже видимых криминальных вызовов.

1. Лавинообразно нарастающая «токсичность» результатов «экспансии в виртуальность» (давление на реальный сектор неограниченно увеличивающейся необеспеченной денежной массы из «виртуальной экономики») требует принятия незамедлительных мер для спасения всей мировой экономической системы от коллапса, а социума – от череды социальных революций. Строго говоря, для этого в первую очередь необходимо лишить мировую финансовую систему роли самостоятельного геополитического субъекта и «восстановить» ее в качестве обеспечивающего компонента экономической системы (фактически речь идет о социальной революции нового типа – о глобальном лишении значительной части криптократической элиты правящего статуса). Первичная тактическая задача ближайших месяцев – «сжигание» накопившейся массы необеспеченных финансовых ресурсов, которые почти в 10 раз превышают допустимый уровень. В новейшей истории известны два способа эффективного «сжигания», апробированных в 1896 и 1929 гг., – мировые войны и социальные революции. Необходимо подчеркнуть, что в нынешних условиях и войны, и социальные революции могут рассматриваться лишь как средство временной «реанимации» финансовой системы, а не как средство выхода из кризиса в целом.

Сохранение цивилизации в стратегическом плане возможно лишь при условии государственного регулирования экономики – осознание этого факта продемонстрировали лидеры практически всех мировых держав на Вашингтонской встрече (ноябрь 2008 г.) и подтвердили конкретными решениями на Лондонской встрече (апрель 2009 г.). В тактическом плане, обеспечивающем сравнительно быстрый эффект, это возможно либо через цепь глобально значимых террористических актов (примером чего является 11 сентября 2001 г.), либо через крупный военный кризис. И то и другое позволяет обоснованно сокращать социальные программы, проводить мобилизационную реформу экономики и предпринимать другие (не только непопулярные, но и просто невозможные в иное время) шаги. Однако в обоих случаях имеется реальная возможность потерять управление над акцией и вероятность ее перерастания в неограниченный военный конфликт с последующими социальными революциями. Наиболее близкий исторический аналог – первая четверть XX в. С тех пор темп социального времени резко увеличился. Одна-

ко несмотря на осознание этого, США и их союзники действуют в рамках стратегии «управляемого хаоса», что на практике означает стимулирование экстремистских и террористических действий, в том числе на территории нашей страны.

2. В последние 20 лет экстремистские и террористические организации действовали в интересах новых субъектов мировой политики и экономики и постепенно были включены в состав глобальных сетей. Развитие кризиса делает традиционные методы государственного противодействия им неэффективными в силу большой инерции государственной машины, а интенсивно развивающийся процесс глокализации (дробления глобальных структур на региональные объединения) показывает, как будет расширяться «рынок экстремистских и террористических услуг». Первыми акциями в этой цепи являются террористическая атака в Мумбаи (Индия), новогодние беспорядки в Греции, «флешмобная» демонстрация возможности свержения правительства в Молдове, «интернет-восстание» в Иране. Наше государство достаточно успешно отразило террористическое вторжение на рубеже веков и ограничило экспансию внешних экстремистских организаций. Однако следует помнить, что деятельность криминальных структур подобного типа всегда тактически опережает государственное реагирование. Развитие кризиса уже вызывает массовое недовольство, которое при «умелом» управлении может трансформироваться в массовый экстремизм и сопутствующий ему терроризм любой окраски (примерами чему являются последние террористические акты в Дагестане и Ингушетии). Поэтому главная задача нашего государства и общества заключается в том, чтобы не допустить в процессе развертывания кризиса трансформации пока разрозненных экстремистских и террористических формирований в устойчивую экстремистскую среду.

3. Криминалитет – наиболее мобильная часть любого современного социума. Это обусловлено наличием сопоставимых с легитимными криминальных финансовых ресурсов, находящихся вне нормативного социального контроля, отсутствием ксенофобии и конфессиофобии, а также нормативных и моральных ограничений в деятельности, множеством областей рекрутирования кадров, генетическими связями с правящими элитными группировками. Устойчивая тенденция последних лет – интеграция криминала различных государств в международные преступные сообщества, принимаю-

щие форму глобальных сетей. Культивируемый подобными сообществами черный рынок запрещенных веществ и технологий стал глобальным, врос в системы жизнедеятельности большинства государств, и его одномоментная ликвидация имела бы катастрофические последствия для многих социумов. Это не только глобальная система получения, транспортировки и продажи наркотиков, наркосодержащих и сильнодействующих веществ, но и значительная часть торговли оружием, антиквариатом, человеческими органами для трансплантации. Сюда же необходимо отнести криминальную систему «черной» миграции рабочей силы с Юга на Север (из слаборазвитых стран в высокоразвитые), систему перекачки «мозгов» и параллельную ей систему продажи запрещенных технологий. Многие отрасли мирового хозяйствования (например, добыча, огранка и продажа драгоценных камней, торговля антиквариатом) изначально существуют как устойчивый симбиоз легитимных и криминальных структур.

Отдельная тема – непосредственное участие криминалитета в переделе мира в условиях кризиса и дальнейшее развитие «новой экономики терроризма», уже охватывающей не менее 8 % мирового ВВП. Особый интерес представляет тот факт, что глобальные сети включают криминалитет в качестве абсолютно равноправного члена. Криминальный (по источникам финансирования, технологиям, способам извлечения прибыли) сегмент можно обнаружить в любой области мирового хозяйства. Святая святых – информационные и финансовые потоки (кровеносная и нервная системы современного общества) – все в большей степени контролируется и управляется криминалитетом (владение СМИ, банками, финансовыми компаниями на национальном и интернациональном уровнях).

Криминалитет вполне можно считать состоявшимся субъектом легальной экономической, социокультурной и политической жизни всех социальных систем.

Главное – криминал не вызывает морального отторжения у большинства населения. В России это стало возможным потому, что почти половина трудоспособного населения была много лет (с начала 1990-х гг.) занята в «серой» и «черной» экономике, а также потому, что паракриминальными являются целые отрасли (ЖКХ, розничная торговля, строительство), насильственно распространяется криминальная субкультура в различных социокультурных, профессиональных и возрастных группах, большинство населения индиф-

ферентно реагирует на обнародование данных о коррупции в высших эшелонах всех ветвей власти. Этноконфессиональная суверенизация как следствие кризисных тенденций дробления хозяйственных, политических, государственных субъектов способствует нарастанию волны внутри- и межгосударственных кризисов. В таких условиях криминалитет не только становится активно действующей силой (наиболее устойчивой в глобальном смысле), но и приобретает реальное лидерство в легитимно правящих элитах (пример – Чечня, Косово).

4. Включение криминалитета в глобальные сети означает качественно новый уровень организации криминальной деятельности новых (сетевых) форм организации криминальной активности. С сетевыми экстремистскими сообществами приходится активно бороться, не имея ни кадров, ни современной нормативной базы; на подходе – трансформация классических банд по сетевому признаку.

5. Деградация общественных отношений приводит к возрождению как архаичных форм преступности (кровная месть, коммерческое похищение людей), так и архаичных форм социальных отношений. К ним в первую очередь нужно отнести торговлю людьми, разнообразные формы явного и скрытого рабовладения и инфантицид, ставящий под сомнение возможность физического существования полноценных будущих поколений в нашей стране. В традиционной правоприменительной практике многие из этих криминальных «новаций» вынужденно перекодируются под действующие статьи УК и реакция на них государства и общества становится все менее адекватной степени их опасности.

1.4. Источники и составные части современного терроризма (опыт методологической экспозиции явления)[1]

В современном мире терроризм признан одним из наиболее тяжких преступлений, прямой и реальной угрозой всему обществу, поэтому борьба с ним – приоритетная задача всех правоохранительных органов. Последнее десятилетие наша страна стала объектом мощнейших террористических атак на ее европейской части и настоящего террористического вторжения в Кавказском регионе. Отражение террористической агрессии, реально угрожавшей российской государственности, потребовало максимальной мобилизации правоохранительных сил, способности оперативно модернизировать методы и тактические приемы деятельности. Очевидно, что террористические атаки будут продолжаться и правоохранительная практика должна опираться на адекватный методологический фундамент, раскрывающий сущность данного явления. В настоящее время срочным порядком разрабатываются законы, концепции, стратегии противодействия терроризму, которые хороши сами по себе, но вместе пока не образуют законченной и действенной системы. Проблема видится в том, что у ученых и практиков, законодателей и правоприменителей до сих пор нет общих концептуальных позиций, единства методологии в оценке этой экстремальной социальной реальности. Даже такие базовые проблемы, как генезис современного терроризма и его структурно-функциональный социальный статус, трактуются в зависимости от политических пристрастий авторов и меняются от документа к документу. Однако то, что будет поставлено во главу угла при рассмотрении истоков современного терроризма, его места и роли в современных социумах, во многом определит успешность и стратегических, и сугубо прагматических схем реагирования на террористические акты в социальном, политическом, внутри- и межгосударственном ракурсах.

Фактически «основной вопрос» стратегии борьбы с терроризмом сводится к тому, что следует рассматривать в качестве основы

[1] Сундиев И.Ю. Источники и составные части современного терроризма (опыт методологической экспозиции явления) // Научный портал МВД России. 2008. № 1. С. 99–103.

его современного генезиса: столкновение цивилизаций или новый политико-экономический передел мира?

В первом случае, характерном для большинства американских, ряда европейских криминологов и их российских либеральных последователей, рассмотрение столкновения цивилизаций как основы современного терроризма, проблемы его анализа переводятся в историко-политическую плоскость, слегка окрашенную культурологической терминологией. В концентрированном виде это выглядит как описание результатов «цивилизационных гонок» (С. Хантингтон), в которых одна из участниц – «исламская цивилизация» – проиграла более «прогрессивной» – «атлантической» (западной). Недовольные результатами «варвары-исламисты» принялись мстить победителям с «азиатским коварством и жестокостью», а именно террористическими методами. То есть обоснование формируемой в последние двадцать лет политической структуры мира сводится к сюжету малобюджетного боевика, которым усиленно пытаются замаскировать истинную суть происходящего. Между тем действительная история последних десятилетий представляет несколько иную картину.

Начав реализацию Программы Золотого миллиарда в середине 70-х годов прошлого века, страны Запада столкнулись с растущей нехваткой трудовых (в широком смысле) ресурсов. Единственным их «идеологически приемлемым» источником был признан традиционно связанный с Европой Средний и Ближний Восток. Целым рядом политических решений было стимулировано поступление молодежи из высших и средних слоев арабских государств в университеты Америки и Европы. Этим выпускникам впоследствии предоставлялись места в европейских и американских фирмах с видом на жительство. Предполагалось, что гордость от приобщения к новейшим технологиям и атлантической культуре будет способствовать полной ассимиляции этих людей в новых для них сообществах и росту эффективности их труда. Однако первое, с чем пришлось столкнуться атлантистам после начала реализации этой программы, – рост скрытой миграции, когда к студентам начинали съезжаться многочисленные родственники и знакомые, пытаясь натурализоваться в больших городах. Вторым досадным сюрпризом стало то, что мигранты охотно овладевали технологиями, но не собирались ассимилироваться в атлантической культуре, предпочитая ей свою, традиционную. И, наконец, оказалось, что арабский нефтедолларовый капитал получил долгожданную возможность внед-

риться на европейский и американский рынки через своих натурализовавшихся представителей. В условиях продолжающейся «холодной войны» Атлантический союз не имел достаточных политических средств, чтобы нейтрализовать спровоцированную им же людскую и финансовую экспансию Среднего и Ближнего Востока на европейские и американские рынки.

К середине 80-х годов образовался целый клубок политических и экономических противоречий между Атлантическим союзом и всем остальным миром. Распад Варшавского блока, а затем и Советского Союза, с одной стороны, переключил внимание экономистов и политиков ведущих государств на новые проблемы, с другой – лишил страны Запада мощного консолидирующего инструмента – «коммунистической угрозы свободному миру». Кратковременные попытки сформировать однополярный мир на базе общечеловеческих ценностей оказались малоэффективными. Для политической и экономической консолидации «мирового сообщества», становящегося все более и более аморфным и слабоуправляемым, вновь потребовался «враг», но не простой, а отвечающий ряду обязательных критериев. Он должен представлять собой явную, безусловную и очень страшную угрозу, но при этом не быть связанным с ведущими странами Запада. Его местоположение должно быть там, куда можно наносить безответные удары; его можно увидеть только на экране телевизора и в Интернете; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности оставаться неопределенной; наконец, необходимость борьбы с «врагом» должна убедительно оправдать любые ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на эту борьбу не должно вызывать возражений у населения. Этот «враг», мировой терроризм, – основной инструмент «варварских» цивилизаций, стремящихся уничтожить «прогрессивную» (западную) цивилизацию. А его авангардом назначены исламистские радикалы, до этого много лет воевавшие с «советской экспансией». В системе запугивания атлантического обывателя зеленое знамя газавата сменило красное знамя «коммунистической угрозы».

На практике консолидировавшееся «мировое сообщество» в лице своих уполномоченных представителей (G8, ОБСЕ и т. п.) определяет, какие государства, политические силы и социальные слои заслуживают причисления к лику прогрессивных («своих»), какие – отсталых («варварских») цивилизаций. Одни и те же дей-

ствия по отношению к прогрессивным цивилизациям именуются терроризмом, по отношению к отсталым – национально-освободительной (антиимперской, антитоталитарной и т. п.) борьбой. Террористов нужно уничтожать в любой точке земного шара, не обращая внимания на государственный суверенитет, с «национальными освободителями» (наиболее наглядными примерами подобных могут служить УЧК – Армия освобождения Косова и Вооруженные силы Республики Ичкерии) обязательно нужно договариваться руководству тех стран, против которых они воюют. «Священную» борьбу с терроризмом после 2001 г. ведут уже не отдельные государства, а все страны, причисленные к лику прогрессивных цивилизаций, в лице своих доверенных представителей (коалиционных вооруженных сил); переговорный же процесс в государствах «промежуточных» и «варварских» цивилизаций могут вести только носители прогрессивных цивилизационных ценностей – неправительственные организации прозападной ориентации. При этом подходе все вопросы о материальных, кадровых, финансовых источниках террористической деятельности переводятся в мистико-конспирологическую плоскость наднационального религиозного фанатизма, бороться с которым представители «прогрессивных» цивилизаций могут любыми способами и не утруждая себя доказательствами.

Другой подход – рассмотрение генезиса современного терроризма как основного инструмента нового политико-экономического передела мира. Сами предпосылки и условия такого передела начали формироваться с середины XX в. вместе с бурным развитием транснациональных корпораций, формированием глобальных рынков, доминированием информационных технологий и кооперативных связей. Стартовым моментом в этом подготовленном переделе послужил распад Советского Союза и мировой системы блокового сдерживания. Субъектами современного передела мира являются уже не государства, как в предыдущие исторические периоды, а неправительственные организации и транснациональные корпорации. Новые субъекты не могут легитимизировать свои действия в рамках действующей системы международного права, новое право еще не создано ввиду кратковременности существования этих субъектов, но, с их точки зрения, можно поставить мир перед фактом свершившегося передела, замаскировав происходящее бесправие всеобщей террористической угрозой.

В свою очередь террористические методы и антитеррористическая борьба в необходимых пропорциях способны сделать то, чего невозможно добиться другими способами. Например, войны в Югославии, Афганистане, Ираке, внешнее стимулирование критической нестабильности на Северном Кавказе стали способами успешной стабилизации долларового обращения и передела мирового рынка углеводородов. Достаточно прозрачным становится в этом случае вопрос о кадровых, материальных, финансовых и прочих ресурсах террористической активности. Это не мифические орды «новых кочевников» (Ж. Аттали), а вполне прагматичные современные корпоративные структуры, использующие сохранившиеся во многих странах эшелонированные ресурсы борьбы с «коммунистической угрозой», ныне выполняющие конкретные террористические заказы, связанные с перераспределением властных полномочий в экономической и политической сферах. Их внешняя идеологическая оболочка выполняет функцию маскировки реальных участников и конечных целей происходящего и имеет то же происхождение, что и корпоративные имиджи транснациональных корпораций, да и разрабатывается эта идеология, как правило, теми же специалистами. Они (современные террористические организации) опираются не на спонсорство мифических фанатиков; финансистов, а на вполне осязаемую «экономику терроризма» (The New Economy of Teггог), годовой оборот которой, по оценкам экспертов, достигает 1,5 трлн долларов, или более 5 % мирового валового продукта.

Основными направлениями получения «террористических» сверхприбылей являются следующие:

игра на стоимости фьючерских контрактов на углеводородное сырье путем организации террористических актов на ведущих нефтепромыслах, нефтепроводах (в первую очередь – Ближний Восток, Тропическая зона Африки); диверсия – сокращение обязательных поставок – рост стоимости фьючерсов на бирже. Экономические наблюдатели фиксируют синхронную активность ряда анонимных биржевых игроков, четко знающих о подобных террористических актах в ближайшее время. За последние 10 лет прибыль от заключаемых ими сделок ежегодно составляла не менее 200 млрд долларов;

«торговля страхом», где на первом месте по затратности – стимулирование разработки, производства и обязательного оснащения техническими системами безопасности всех объектов социального

назначения, компонентов транспортных систем, жилищ; на втором – страхование и перестрахование от последствий террористических актов; на третьем – постоянное увеличение числа лиц, прямо или косвенно занятых охранной или антитеррористической деятельностью (всеобщий «налог на антитеррористическую защищенность»);

«коммерческий» захват заложников и похищение людей с целью последующего получения выкупа;

взимание налога на «освободительную борьбу» с членов этнических диаспор и принадлежащих им коммерческих предприятий.

Первые два направления показывают, что террористические организации находятся в симбиотической связи с крупнейшими мировыми финансовыми институтами и фактически превратились в новый инструмент биржевого регулирования.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от традиционной криминальной («теневой», «черной» и т. п.) экономики новые ее направления («экономика терроризма») не затрагивают государственных бюджетов, а формируются как изъятие ресурсов граждан путем сверхнормативного повышения стоимости товаров и услуг. При этом наблюдается своеобразный эффект «черного восстановления социальной справедливости» – чем выше индивидуальный доход, тем больше размер личных затрат на антитеррористическую защищенность. Иначе говоря, террористическая деятельность в процессе нового передела мира оплачивается в первую очередь отдельными гражданами, во вторую – мелким и средним бизнесом.

Не менее значимую, хотя и замаскированную, прибыль террористические организации получают от действий по «основной специализации» – участия в переделе власти в конкретных регионах, странах, экономических отраслях. Наглядный пример – террористическая активность в Дагестане, где местные кланы делят власть на всех уровнях.

Свою нынешнюю роль наднационального экономического и политического субъекта современные террористические организации смогли сыграть только в тандеме со средствами массовой коммуникации – «субъективизированными» информационными технологиями. Именно средства массовой коммуникации позволяют террористам оперативно манипулировать общественным сознанием от глобального до регионального уровней, формировать требуемое заказчиком эмоциональное отношение граждан к конкретным фактам, событиям, персонам. И именно средства массовой коммуникации

позволили террористам превратить процесс своего взаимодействия с властями в глобальное интерактивное шоу, прямо влияющее на происходящие политические процессы. Один из наиболее ярких примеров – публичные переговоры В. Черномырдина и Ш. Басаева во время захвата больницы в г. Буденновске. Без включенных на полную мощность медиаресурсов деятельность террористических организаций выглядит в лучшем случае как незначительный эпизод тайной диверсионной войны, в худшем – как слабо мотивированные криминальные действия.

Отдельная тема – роль средств массовой коммуникации в увеличении поражающей способности террористических актов. Для примера: трехсуточная трансляция в сентябре 2004 г. захвата террористами школы в г. Беслане, последовавших переговоров, штурма и освобождения заложников, а также соответствующих комментариев с демонстрациями подробностей привела к резкому ухудшению состояния здоровья граждан на всей территории страны. Так, до конца сентября 2004 г. был зафиксирован нетипичный рост смертности от обострения сердечно-сосудистых заболеваний, внезапного обострения хронических заболеваний, травматизма, суицида. Этот рост по сравнению с аналогичными периодами прошлых лет настолько заметен, что позволяет обоснованно говорить о его связи с террористическим актом в Беслане и рассматривать эти людские потери как «отсроченные жертвы терроризма».

Современная информационная политика формируется теми же субъектами передела мира, она наднациональна и отражает в каждом конкретном случае не государственно-суверенные, а сугубо финансово-корпоративные интересы, реализация которых не регулируется общепринятыми моральными нормами. Примером отечественной информационной практики может служить многолетнее оголтелое сопротивление любым попыткам государства внести коррективы в Закон о СМИ, регламентирующие информационное освещение террористических актов и других чрезвычайных происшествий. В свою очередь властные элиты не намерены использовать в полной мере свои возможности ограничения СМИ, ибо именно они позволяют реализовать манипулятивные технологии управления общественным мнением, без чего немыслим современный политический процесс.

Достаточно часто в политологической и криминологической литературе можно встретить утверждение о том, что любые попыт-

ки противодействовать происходящим процессам (переделу мира) есть признак косности и догматизма и даже «стремления остановить прогресс». Парадоксальность внешнего сходства геополитических процессов начала XX в. и нынешних не должна маскировать главного отличия: век назад доминировали идеологии, сейчас – информационные технологии; общность убеждений – тогда и механическая однородность оценок при нарастающем информационном контроле – сейчас; естественная трансформация института государственности – тогда и искусственная деградация государства с перехватом его традиционных контрольных функций новыми субъектами передела – сейчас. Используя терминологию Н. Гумилева, можно сказать, что предыдущие переделы мира были следствием естественного роста пассионарности народов, нынешний – является результатом применения неконтролируемых возможностей информационных технологий в реализации амбиций небольшого числа наднациональных субъектов, лишенных традиционных моральных барьеров.

В заключение сформулируем несколько положений.

1. Рассмотрение международного терроризма как инструмента нового передела мира позволяет более реалистично формировать государственную стратегию защиты граждан от террористических угроз, понять, почему главными объектами террористических атак становятся конкретные противники стратегии и тактики нового передела (страны, политические силы, государственные деятели).

2. Современный терроризм включает в себя три компонента: международные финансовые институты (организация, координация и стратегия деятельности), собственно террористические организации (ударная сила) и средства массовой коммуникации (создание психо-эмоциональных условий деятельности террористических организаций, озвучивание требований террористов и обеспечение переговорного процесса с властями, поддержание действенного имиджа террористических структур).

3. Практика мировой борьбы с терроризмом в течение последних пяти лет показала, что Вестфальская система международного права, действовавшая до начала XXI в., практически утратила свое значение. В связи с этим невозможно однозначно сказать, на каких принципах и основаниях будет строиться крайне необходимое международное сотрудничество самих правоохранительных органов, их взаимодействие с международными финансовыми институтами, транснациональными медиакорпорациями.

4. Анализ компонентов «новой экономики терроризма» (the New Economy of Teггог) позволяет разработать механизмы блокирования террористической активности в конкретных областях и выявлять реальных функционеров террористических организаций высшего и среднего звена на национальном уровне.

5. Поражающее действие медиаресурсов в террористической практике будет наращиваться, поэтому контртеррористическая пропаганда и информационные технологии должны рассматриваться государством как основные инструменты профилактики терроризма и ресурсы минимизации последствий террористических актов.

6. Нынешние формы террористической активности являются внешними (экзогенными) по отношению к нашему социуму. Однако общество значительно трансформируется под влиянием мировых процессов и порождает свои (эндогенные) формы экстремизма, способные вытеснить «чужой» терроризм «своим». Эта тенденция требует специального комплексного исследования.

7. Терроризм всегда был и остается политическим действом, но эффективная борьба с ним возможна лишь при условии деполитизации правоохранительных органов.

1.5. Оперативно-розыскная террология (к постановке проблемы создания специальной теории)[1]

Терроризм, используемый человечеством в качестве острого и действенного орудия борьбы за власть уже в течение тысячелетий, по-прежнему востребован и находится в процессе непрерывной трансформации. Он видоизменяется, адаптируясь к реалиям современного мира, вбирает в себя последние достижения науки и техники, активно эксплуатирует религиозные и иные идеологические концепции, получившие широкое распространение в обществе. В последние годы терроризм из локальной угрозы отдельным правящим династиям и элитным группировкам превратился в глобальную угрозу существованию человеческого общества и цивилизации. Наша страна оказалась в эпицентре террористических атак, поэтому нахождение оптимальных форм противодействия терроризму – для нас задача не только академическая, но и сугубо практическая. Но эффективная антитеррористическая практика может быть основана только на качественном научном фундаменте. При исследовании терроризма возникают существенные трудности. Они связаны с многоликостью этого феномена, амбивалентностью оценок, спецификой воздействия на социум и определенной латентностью его проявлений. Традиция философского, теологического, историко-политического изучения террора (терроризма) идет от античности к современности. К настоящему времени сложились несколько научных направлений изучения терроризма и его последствий.

Первое направление – формирование специальных дисциплин, посвященных изучению терроризма как социально-политического и социально-культурного феномена. Проблему институционализации террологии и хорроррологии в плане общей направленности рассматривали В.А. Бачинин, А.Г. Володин,

[1] Сундиев И.Ю. Оперативно-розыскная террология (к постановке проблемы создания специальной теории) // Научный портал МВД России. 2010. № 4. С. 77–85.

В.П. Журавель, В.Н. Коновалов, В.В. Кафтан, Е.И. Степанов, Е.А. Тюгашев, В.Г. Шевченко, М. Эпштейн[2].

Второе направление – понятийный и категориальный аппарат, терминологию терроризма и связанные с ним явления изучали С.И. Бахтин, Ж. Бодрийяр, Б. Кагарлицкий, Д. Килкаллен, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, Б. Хоффман и др.[3]; возможности манипуляции терминами, в том числе и связанными с терроризмом, рассматривали Н.Д. Арутюнова, А.Г. Дугин, Дж. Лакофф, Д. Рашкофф, Г. Шиллер и др.[4] Некоторые перспективные методы исследования террористической активности были отражены в работах П. Бурдье, Т. Парсонса, П. Рикера, М.Н. Шахова[5]. Особенности методологического сознания ученого, необходимого для создания стратегий научного исследования терроризма, были обозначены В.П. Ворожцовым, С. Крымским, А.А. Леонтьевым, А.С. Майдановым, А.Т. Москаленко[6].

Третьим направлением стали научные работы, в которых раскрываются особенности различных исследовательских программ, которые могут быть реализованы в изучении терроризма: труды В.И. Красикова, И. Лакатоса, В.Г. Марача, Г. Марселя, К.Р. Поппе-

---

[2] См.: Бачинин В.А. Христианская мысль: политическая теология и христианское правоведение. СПб., 2005. Т. VI; Журавель В.П., Шевченко В.Г. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности. М., 2007; Кафтан В.В. Введение в террологию. Логико-гносеологические основания институализации. М., 2009; Степанов Е.И. Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000; Тюгашев Е.А. Террористическая деятельность в транзитивном обществе: интерактивная интерпретация // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. VIII. Новосибирск, 2006; Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004; Володин А.Г., Коновалов В.Н. Террология. Международная безопасность и проблемы терроризма // Южнороссийское обозрение. Вып. 13. Ростов н/Д., 2002.

[3] См.: Бахтин С.И., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Террорантитеррор: сибирское измерение. Новосибирск, 2006; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Кагарлицкий Б. Анатомия террора // Свободная мысль. 2005. № 4; Килкаллен Д. Новые концептуальные парадигмы для понимания конфликтов XXI века // Террористическая ментальность: контрмеры. EJournalUSA. Электронный журнал Госдепартамента США. May, 2007. URL: http://web.archive.org/web/20080119102933/; http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpr/ijpr0507.htm (дата обращения: 21.03.2010) ; Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003.

[4] См.: Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990; Дугин А.Г. Малый шайтан исламо-фашизма // Геополитика постмодерна. М., 2007; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004; Рашкофф Д. Медиавирус. Как попкультура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003; Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.

[5] См.: Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005; Парсонс Т. Общетеоретические проблемы с оциологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. М., 1965; Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995; Шахов М.Н. Теоретические проблемы современного терроризма. М., 2003.

[6] См.: Ворожцов В.П., Москаленко А.Т. Методологические установки ученого: Природа и функции. Новосибирск, 1986; Крымский С. Экспликация философских смыслов. М., 2006; Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М., 2001; Майданов А.С. Методология научного творчества. М., 2008.

ра, В.С. Степина, К. Хюбнера, Г.П. Щедровицкого[7]. Особенности вненаучного познания террористической реальности исследованы с позиции дополнения научного познания мифологией (Р. Барт, Н. Мелентьева, М. Могильнер, П. Фейерабенд и др.)[8], религиозным сознанием (А.И. Агрономов, Р. Бухарев, А. Малик, А.А. Мантаев, П. Хлебников и др.)[9], художественным познанием (Н.А. Бердяев, Э.Г. Дебор, Ф.М. Достоевский, Р. Оганян, В.Б. Петухов и др.)[10]. Рассмотрением страха как глубинной основы терроризма, и прежде всего его иррациональной стороны, занимались С. Кьеркегор, В.Л. Леви, З. Фрейд, Э. Фромм, М. Хайдеггер и др[11].

Отдельные аспекты и возможности философской рефлексии для интеграции полученного знания в различных науках в рамках общей теории террологии освещены в исследованиях К. Бассиюни, Н.А. Грякалова, В.Л. Иноземцева, М.П. Одесского, Л. Свендсена, Д.М. Фельдмана, Р. Холмса[12].

---

[7] См.: Красиков В.И. Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006; Лакатос И. Фальсификация и методология программ научного исследования. М., 1995; Марача В.Г. Набросок научно-исследовательской программы в области «прагматики культуры» // Культуротехнический альманах Архэ. 2004. № 5; Марсель Г. Ответственность философа в современном мире // Путь в философию. Антология. М., 2001; Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002; Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000; Хюбнер К. Критика научного разума. М., 1994; Щедровицкий Г.П. Программирование научных исследований и разработок // Архив Г.П. Щедровицкого. М., 1999. Т. 1.

[8] См.: Барт Р. Мифологии. М., 1996; Мелентьева Н. Размышления о терроре // Элементы. 1996. № 7; Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999; Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

[9] См.: Агрономов А.И. Джихад: «священная война» мухаммедан. М., 2002; Бухарев Р. Дорога Бог знает куда. СПб., 2000; Малик А. Джихад – единственная надежда человечества // Аллах не любит Америку / под ред. А. Парфея. М., 2003; Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002; Хлебников П., Марягин Л. Разговор с «варваром». М., 2003.

[10] См.: Бердяев Н.А. Ставрогин // Русская мысль. 1914. Кн. V; Дебор Э.Г. Общество спектакля. М., 1999; Достоевский Ф.М. Бесы // собр. соч.: в 15 т. Л., 1990; Оганян Р. Театр террора. М., 2006; Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М., 2007.

[11] См.: Кьеркегор С. Понятие страха // Страх и трепет. М., 1993; Леви В.Л. Приручение страха. М., 2003; Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

[12] См.: Бассиюни К. Воспитание народоубийц. Власть или зре лость. О принуждении к послушанию и стремлении к автоно мии. СПб., 1999; Грякалов Н.А. Фигуры террора. СПб., 2007; Иноземцев В.Л. Война идентичностей // Свободная мысль-XXI. 2005. № 7; Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная реальность: очерки истории формирования. М., 1997; Свендсен Л. Философия зла. М., 2008; Холмс Р. Терроризм, жестокость и ненасилие // Метафизические исследования. Вып. 216. Этика: Альманах Лаборатории метафизических исследований. СПб., 2005.

Особняком стоят труды Л. Бланки, К.П. Гейнцена, П.А. Кропоткина, П.Л. Лаврова, У. Майнхофа, К. Маригеллы, С.Г. Нечаева, Х. Ньютона, М. Робеспьера, Субкоманданте Маркоса, П.Н. Ткачева, Л.Д. Троцкого, Э. Че Гевары и других авторов[13], которых с полным основанием можно отнести к теоретикам и практикам терроризма. Эти труды являются настоящим методическим пособием для подготовки современных террористов.

Четвертым направлением можно обозначить литературу, связанную с выявлением различных теоретических стратегий исследования терроризма. Выявление конкретных образов терроризма в результате философского осмысления террористических проявлений составило предмет исследования Л. Гудкова, В. Зорина, В. Лебедева, В. Шаровой и др.[14] Предметную сущность терроризма рассматривали У. Лакер, Г. Левит, Д.В. Ольшанский, Б. Хоффман, П. Уилкинсон[15], абсолютизируя различные ее аспекты и формулируя на этой основе собственные определения.

А.К. Белов, Л.И. Медведко, Е.Э. Месснер, Б. Нетаньяху, А. Панарин, В.И. Слипченко, В. Шестаков и другие предположили по ряду признаков сходство сущностных свойств терроризма и войны[16]. Содержательные стороны терроризма подвергали анализу в своих исследованиях Ю.М. Антонян, Е.Н. Каратуева, Е.П. Кожушко,

---

[13] См.: Бланки Л. Вопросник для вступающего в «Общество семейств» // Избранные произведения. М., 1952; Heinzen K.P. Murder and Liberty // Die Freiheit. 1901. № 36; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966; Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1965; Майнхоф У. От протеста – к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М., 2004; Маригелла К. Бразильская герилья: Краткий учебник городского партизана. М., 2002; Ньютон Х. Революционное самоубийство. М., 2003; Нечаев С.Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1997; Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965; Субкоманданте Маркос. Четвертая мировая война. М., 2005; Троцкий Л. Терроризм и коммунизм // Перманентная революция. М., 2005; Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России. М., 1932; Че Гевара Э. Партизанская война. М., 1961.

[14] См.: Гудков Л. Образ врага. М., 2005; Зорин В. Игры массового сознания // Русский Журнал. 2003. URL: www.russ.ru/politics/20020304-zor.html; Лебедев В. Ислам и Запад: за свободу слова с мусульманским фанатизмом // Эхо планеты. 2006. № 8. С. 17–23; Шарова В.Л. Визуализация образа врага в ксенофобном сознании // Визуальный образ: Междисциплинарные исследования. М., 2008.

[15] См.: Laquer W. The Terrorizm. L., 1983; Levitt G. Democracies against terror. The Western response to state – supported terrorism // The Washington papers. N.Y.; London, 1988; Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002; Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003; Wilkinson P. Terrorism and the liberal state. N.Y., 1980.

[16] См.: Белов А.К. Искусство партизанской войны. М., 2003; Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. М., 2003; Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004; Нетаньяху Б. Война с терроризмом: Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. М., 2002; Панарин А. Онтология террора // Геополитика террора. М., 2002; Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002; Шестаков В. Террор – мировая война. М., 2003.

О.А. Рыжов, К.Н. Салимов, И.Ю. Сундиев, М.П. Требин, В.В. Устинов и другие авторы[17].

Пятое направление – работы праксеологической направленности, в которых фиксируются деятельностные аспекты становления и развития терроризма. Общие тенденции современной науки, которые в определенной мере могут быть приложимы и к пониманию терроризма, рассматривали Е.М. Бабосов, В. Замковой, М. Ильчиков, З.М. Мульченко, В.В. Налимов, Э. Тоффлер, С.Г. Федоров, В.В. Феллер, О.М. Хлобустов и др.[18] Некоторые проблемы активизации деятельности научного сообщества в контексте исследования социальной действительности в целом и терроризма в частности изучались Т.И. Виноградовой, В. Грановским, С. Дацюком, П. Диксоном, Р.А. Исмаиловым, Р. Мертоном, А. Неклессой, С.Б. Переслегиным, Г. Селье[19], предлагавшими использовать потенциальные возможности научно-экспертных сообществ – «фабрик мысли».

К **шестому направлению** следует отнести различные научные материалы по проблеме терроризма, в большинстве своем носящие инициативный, творческий характер, размещенные в сети Интернет. Так, большой интерес для исследователей могут представлять порталы террологических научно-исследовательских организаций[20],

---

[17] См.: Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2008; Каратуева Е.Н., Рыжов О.А., Сальников П.И. Политический терроризм: Теория и современные реалии. М., 2001; Кожушко Е.П. Современный терроризм. Мн., 2000; Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М., 2000; Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение. М., 2008; Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Мн., 2003; Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002.

[18] См.: Бабосов Е.М. Социология науки. Мн.; Харвест, 2009; Замковой В., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996; Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М., 1969; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2004; Феллер В.В. Террор – антитеррор в 2001–2020: боевая ничья // В смуту XXI века. Самара, 2002; Хлобустов О.М., Федоров С.Г. Терроризм: реальность сегодняшнего состояния // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.

[19] См.: Виноградова Т.И. «Фабрики мысли» (think tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике // «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. СПб., 2002; Грановский В., Дацюк С., Хариманга Т. Современные фабрики мысли (Мозговые центры, Think Tanks): история и перспективы: аналитический доклад агентства гуманитарных технологий. К., 1999; Диксон П. Фабрики мысли. М., 2004; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006; Неклесса А. Фабрики мысли спасли Америку // Сообщение. 2002. № 9; Переслегин С.Б., Исмаилов Р.А. Фабрики мысли еще не спроектированы // Сообщение. 2002. № 9; Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым. М., 1987.

[20] См.: Корпорация РЭНД. URL: http://www.rand.org; Центр исследований конфликтов при военной Академии Великобритании. URL: http://www.da.mod.uk/colleges/csrc/about; Институт обороны и стратегических исследований (Сингапур). URL: http://www.rsis.edu.sg4; Центр оборонной информации (США). URL: http://www.cdi.org; Электронный научный семинар (Израиль). URL: http://www.cdi.org; URL: http://www.elektron2000.com/KatalogT/antiterror.html (дата обращения: 03.04.2010).

международных[21] и государственных контртеррористических органов[22], сайты общественных организаций, принимающих деятельное участие в антитеррористической борьбе[23], а также личные электронные страницы, которые в инициативном порядке создают некоторые и сследователи терроризма[24].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что вопросы существования современного терроризма как **системного явления социума** вызывают насущную необходимость в становлении и развитии (институционализации) особой комплексной научной дисциплины – террологии. Значительные шаги в этом направлении уже сделаны в нашей стране А.Г. Володиным, В.Н. Коноваловым и В.В. Кафтаном[25]. Однако задачи практической деятельности по борьбе с терроризмом ставят перед нами проблему разработки **специальной теории борьбы с терроризмом**, которая в силу особенностей терроризма (крайней социальной опасности, конспирологичности и связи с организованной преступностью) наиболее близка теории ОРД. В настоящее время уже появились монографические работы, в которых оперативно-розыскные проблемы борьбы с терроризмом рассматриваются в рамках общей концепции, включающей психологию, конфликтологию, криминологию, культурологию, религиоведение[26]. Созданные на их основе учебные пособия[27] и ме-

---

[21] См.: Контртеррористический комитет СБ ООН. URL: http://www.un.org/russian/sc/ctc (дата обращения: 03.04.2010); Антитеррористический центр СНГ. URL: http://www.atcsng.ru (дата обращения: 03.04.2010); Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://www.ecrats.com (дата обращения: 03.04.2010); Межамериканский антитеррористический комитет Организации американских государств. URL: http://www.oas.org (дата обращения: 03.04.2010).

[22] См.: Федеральная служба безопасности РФ. URL: http://www.fsb.ru (дата обращения: 03.04.2010); Национальный антитеррористический комитет. URL: http://nak.fsb.ru (дата обращения: 03.04.2010).

[23] См.: Исследовательский центр Agentura.Ru. URL: http://www.agentura.ru (дата обращения: 03.04.2010); Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум (ВААФ). URL: http://www.waaf.ru (дата обращения 03.04.2010); Human Rights Watch (Организация по правам человека). URL: http://www.hrw.org/ru (дата обращения: 03.04.2010); Национальный портал противодействия терроризму Россия-Антитеррор. URL: http://antiterror.ru (дата обращения: 03.04.2010).

[24] См.: Жаринов К.В. Энциклопедия терроризма. URL: http://terroristica.info (дата обращения: 03.04.2010); Сайт Е.А. Тюгашева. URL: http://filosof10.narod.ru/special.htm (дата обращения: 03.04.2010).

[25] См.: Володин А.Г., Коновалов В.Н. Террология. Международная безопасность и проблемы терроризма // Южнороссийское обозрение. Вып. 13. Ростов-н/Д., 2002; Кафтан В.В. Введение в террологию. Логико-гносеологические основания институализации. М., 2009.

[26] См.: Сундиев И.Ю. Оперативно-розыскное обеспечение органами внутренних дел борьбы с террористами смертниками (в соавторстве). М., 2008; Он же. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по предотвращению вербовки в экстремистские и террористические организации с использованием сети Интернет. М., 2009; Янгол В.Н. Оперативно-розыскное противодействие политическому терроризму: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006; и др.

тодические рекомендации подтвердили свою высокую эффективность. Таким образом, можно сказать, что имеется социальная потребность, методологическая база и научный задел для создания специальной теории – оперативно-розыскной террологии. На наш взгляд, **оперативно-розыскная террология** должна представлять собой *относительно автономную научную дисциплину, динамично развивающуюся на стыке теории ОРД, философии, психологии и социологии, конфликтологии, криминологии и других наук за рубежом и в России; ее основные подходы связаны с объяснением и пониманием причин, роли террористического насилия в современном мире как искусственно создаваемого пространства страха для достижения различных политических, экономических, социальных и духовных целей, структурированного многообразными и взаимосвязанными социальными субъектами, и выработкой наиболее эффективных мер противодействия ему оперативно-розыскными средствами*. **Предметом оперативно-розыскной террологии** будут *существенные признаки, причины, закономерности возникновения, модификации и функционирования терроризма, многообразных его проявлений в истории общества и в настоящее время; взаимосвязь терроризма и других негативных социальных явлений (радикализма, экстремизма, фундаментализма и др.)*. **Методологическими принципами оперативно-розыскной террологии** станут: *принцип соответствия оперативно-розыскной террологии актуальным потребностям общественного развития, целям и задачам обеспечения безопасности личности, общества и государства; принцип адекватности приемов, средств и процедур исследования специфики терроризма; принцип постоянного нахождения в правовом поле; принцип гармонизации объективного и субъективного аспектов в изучении терроризма; принцип взаимосвязи сущего (реального) и должного (желаемого) в изучении проблем терроризма; принцип единства объективного и субъективного аспектов в террологическом познании; принцип верифицируемости*. Как любая прикладная теория, оперативно-розыскная террология должна включать в себя **концептуальное основание** (основные теоретические положения), **операциональную модель предмета исследования** (в нашем случае – оперативно-розыскную характеристику преступлений терро-

[27] См.: Сундиев И.Ю. Предупреждение и раскрытие терроризма: учебно-методическое пособие для сотрудников правоохранительных органов государств – участников СНГ (в соавторстве). М., 2005; Он же. Психологические особенности предупреждения и раскрытия сотрудниками органов внутренних дел террористических актов, совершаемых с использованием террористов-смертников: учеб. пособие (в соавторстве). Домодедово: ВИПК МВД России, 2006.

ристического характера) и **адаптированные методы сбора информации о предмете исследования** (методы выявления признаков подготовки теракта, вербовки в террористические организации, поисковые признаки террористов различной специализации и др.).

Формат статьи требует прежде всего описания **концептуального основания**. По нашему мнению, основные **сущностные** признаки современного терроризма таковы:

его прямое и непосредственное использование в борьбе за власть;

генерирование страха как основного инструмента воздействия на общество в целом и отдельные социальные (профессиональные) группы;

идеологизация всех сторон деятельности террористических организаций;

непосредственное использование медийных (информационных) каналов для декларации своих требований, публичного освещения всех этапов совершения террористического акта, генерации ужаса и социального напряжения, личной рекламы террористов и т. п.;

низкая себестоимость и высокая эффективность.

Характерными чертами современного терроризма являются:

его исключительная общественная опасность, связанная с возможностью гибели все более возрастающего количества людей в условиях развития инфраструктуры современного общества;

возрастающие масштабы и мобильность террористической деятельности, расширение ее географии, связанные с началом нового глобального раздела рынков, глобализацией экономики, развитием средств транспорта и связи;

повышение поражающей способности используемых террористами видов оружия, рационализм и имморализм их действий;

активное применение террористическими организациями информационных технологий и внедрение в информационную среду; использование психологического феномена транслитерации терроризма (распространения устрашающего эффекта терроризма средствами массовой информации и массовой коммуникации)[28].

[28] Транслитерация терроризма – это передача разрушительного психологического воздействия террористических импульсов в необходимое для террористов русло направленного воздействия устрашающего фактора на максимально возможную аудиторию социума.

Основной вид преступлений террористического характера – **террористический акт**, влекущий за собой нижеперечисленные последствия:

демонстрирует обществу бессилие власти. В то время и в той точке государственного пространства, где произошел теракт, **власть фактически утратила монополию на насилие**, были вызывающе нарушены законы и установления власти. Таким образом, в зоне теракта **де-факто** реализовалась альтернативная власть; создает прецеденты активного неповиновения и силового противостояния власти. Идеологи терроризма называют это «пропагандой действием»[29]. Теракт содержит в себе непосредственный и отсроченный призывы к силам, сочувствующим делу террористов, присоединиться к активному противостоянию власти;

активизирует любые силы и настроения, оппозиционные власти, в том числе и дистанцирующиеся от тактики терроризма. Теракт трактуется как **бесспорный признак острого кризиса в обществе**. Все это подталкивает общество, а за ним и власть, к уступкам своим политическим оппонентам;

разрушает экономику, снижает инвестиционную привлекательность страны, ухудшает ее имидж, снижает поток международных туристов и т. д.;

подталкивает власть к **радикализации политических действий**, к авторитарным формам правления. Часто такая эволюция соответствует целям террористов.

Качественный состав жертв террористических преступлений в нашей стране за период 2000–2010 гг. (89 % – военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов; 2 % – государственные служащие; 9 % – гражданское население) говорит о том, что основная цель террористических атак – правоохранительная система государства.

Особенностью мировой и отечественной правоохранительных практик на современном этапе является включение в понятие «терроризм, преступления террористической направленности» актов разрушения объектов транспорта, связи, промышленных производств (диверсия, ст. 281 УК РФ); групповых вооруженных налетов на населенные пункты с целью уничтожения представителей государственной власти и правоохранительных сил (преступления про-

[29] Концепция предложена итальянским анархистом Э. Малатеста в 1876 г.

тив государства, ст. 278 УК РФ). Политическая целесообразность подобного объединения понятна, но при анализе личности и организационных структур, совершающих «преступления террористической направленности», необходимо учитывать их существенные отличия и ориентировать поисковую деятельность в соответствии с различными основаниями.

С точки зрения **современной политической практики** террор, во-первых, является спонтанным проявлением глубинных фундаментальных социальных процессов. В этом аспекте террористические события оцениваются как заметные моменты политической борьбы. Во-вторых, террор как явление локализован в пространстве и времени. Он имеет конкретные масштабы, возникает и исчезает в зависимости от текущей политической конъюнктуры, оказывая значимое, но ограниченное воздействие на общественную жизнь. Это воздействие количественно фиксируемо и замеряемо, а по своему эффекту может сравниваться с воздействием иных форм политической борьбы, а также природных катастроф (землетрясений, цунами, пандемий и других стихийных бедствий) и катастроф социальных (войн, революций).

Терроризм является формой политической деятельности, которая опирается на **точный расчет ближайших и отдаленных последствий** системно организованной последовательности точечных воздействий на массовое сознание. Одна из особенностей терроризма как социального явления, в отличие от геноцида, партизанской войны и диверсий, заключается в том, что он опирается на определенную научную базу (научные теории и научные организации).

Исторически феномен организации террора (терроризма) связан с деятельностью **высокообразованных людей**. К их числу принадлежал, например, ученик Сократа Алкивиад, развернувший первую известную в истории кампанию массового государственного террора, жертвами которого стали около 10 % населения Афин. Великая французская революция, важная для нашей проблематики якобинским террором, была, по сути, «революцией юристов», составивших основную часть депутатов Национального собрания. Напомним, что одна из сентенций римского права гласила: «Pereat mundus, fiat iustitia» («Пусть восторжествует справедливость, даже если для этого погибнет мир»). Изобретение гильотины стало техническим обеспечением этой формулы юридической науки. Субъектом народовольческого террора в России была разночинная интел-

лигенция, которая в университетских научных кружках и домашних лабораториях отрабатывала идеологию и технологию своих акций.

С тех пор и до настоящего времени гуманитарная и научно-техническая интеллигенция, студенческая молодежь составляют кадровый костяк террористических организаций по всему миру[30].

Терроризм как крайне острая практика борьбы за власть развивался с развитием государственности. Однако идеологическое обоснование допустимости терроризма, этика террористической деятельности появились лишь в XIX в., так как только тогда сформировались условия, в которых могут существовать и идеологии, и современный терроризм. Первое среди этих условий – **наличие компонентов информационного общества** (регулярные печатные издания, радио- и телеаудитория). Теракт может быть успешным только при наличии общенациональной, а в идеале – глобальной аудитории. Эффект террористического акта определяется не столько мощностью взрывного устройства, сколько последующей реакцией, в том числе и со стороны средств массовой информации. И чем мощнее становятся средства массовой информации, чем более проникают во все слои общества, чем выше их роль в формировании общественных настроений, тем шире волна терроризма. По мере того как привычка читать газеты и журналы дополняется привычкой слушать радио, смотреть телевизор, «сидеть» в Интернете, растет поле потенциального воздействия терроризма на общество, ширятся его возможности. Второе условие возникновения терроризма связано с природой технологии и законами развития технологической среды человеческого существования. Научный и технический прогресс приводит к тому, что **техногенная среда становится все более сложной, потенциально опасной и уязвимой**. Развитие техники дает отдельному человеку (группе) возможность точечно разрушать социальную, технологическую и природную среду, создавая угрозу обществу и власти. Третье существенное условие возникновения терроризма связано с размыванием традиционного общества и формированием общества модернизированного, ориентированного на либеральные ценности. Терроризм расширяется до общесоциального уровня тогда, когда **на смену традиционной культуре приходят либеральные ценности** и идеи общественного договора. Теракты громогласно возвещают о том, что власть не способна гарантиро-

[30] См.: Скопич О.А. Вербовка террористов-смертников в мусульманской диаспоре на Западе. URL: http://www.iimes.ru (дата обращения: 05.04.2010).

вать жизнь, здоровье и спокойствие гражданам; следовательно, власть ответственна за это. Здесь – суть механизма политического шантажа, который используют террористы. Если же общество никак не реагирует на акции террористов или объединяется вокруг власти предержащей, то терроризм утрачивает всякий эффект. Четвертое условие терроризма – наличие существенных реальных общественных проблем, возникающих в ходе исторического развития. Они могут иметь самое разное измерение – политическое, культурное, социальное. В благополучной стране возможны одиночные акты психически неуравновешенных маргиналов, но терроризм как явление слабо выражен. **Терроризм – явление, присущее кризисным этапам модернизационного перехода**. Характерно, что завершение модернизационных преобразований снимает основания для терроризма в общественном сознании.

Источниками кадровых, материальных, финансовых и прочих ресурсов террористической активности являются вполне прагматичные современные корпоративные структуры, выполняющие конкретные террористические заказы, связанные с перераспределением властных полномочий в экономической и политической сферах. Их внешняя идеологическая оболочка выполняет функции маскировки реальных участников и конечных целей происходящего и имеет то же происхождение, что и корпоративные имиджи транснациональных корпораций, да и разрабатывается, как правило, теми же специалистами. *Примером может служить секта (террористическая корпорация) «Нурджулар»* [31]*, которая уже давно олицетворяет «исламистский капитал» Турции, составляющий 30 % ее экономики. Эта секта контролирует телеканал «Саман Йолу ТВ», издательский комплекс «Хакикат Китаб ЭВИ», ей принадлежат газеты «Сызынты», «Зафер», медиахолдинг «Заман», издающий одноименную газету. Она занимается сбором информации в политической, экономической, межконфессиональной и других сферах в регионах и государствах, где проживают тюркоязычные народы, использует методы конспирации, осуществляет внедрение и дальнейшее продвижение своих адептов в органы власти и управления как Турции, так и СНГ, в том числе России. Ее деятельность носит конспиративный характер, в структуре имеется собственная служба безопасности, располагающая банком данных на всех чле-*

[31] Упоминаемая здесь и далее в статье международная религиозная организация «Нурджулар»* признана экстремистской организацией и запрещена в России.

нов движения и занимающаяся, в частности, выявлением агентуры национальных спецслужб и правоохранительных органов. В настоящее время структуры «Нурджулар» действуют в 65 странах мира.

Современные террористические организации опираются не на спонсорство мифических фанатиков-финансистов, а на осязаемую **«экономику терроризма» (the New Economy of Terror)**, годовой оборот которой, по оценкам экспертов[32], достигает 1,5 трлн долларов, или более 5 % мирового валового продукта. Основными направлениями получения «террористических» сверхприбылей являются:

игра на стоимости фьючерских контрактов на углеводородное сырье путем организации террористических актов на ведущих нефтепромыслах, нефтепроводах (в первую очередь – Ближний Восток, тропическая зона Африки);

«торговля страхом», среди которой на первом месте по затратности – стимулирование разработки, производства и обязательного оснащения техническими системами безопасности всех объектов социального назначения, компонентов транспортных систем, жилищ, на втором – страхование и перестрахование от последствий террористических актов, на третьем – постоянное увеличение числа лиц, прямо или косвенно занятых охранной или антитеррористической деятельностью (всеобщий «налог на антитеррористическую защищенность»);

силовое обеспечение производства и транзита наркотиков;

«коммерческий» захват заложников и похищение людей с целью последующего получения выкупа.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от традиционной криминальной («теневой», «черной» и т. п.) эти направления «экономики терроризма» не затрагивают государственных бюджетов, а формируются как изъятие ресурсов граждан путем сверхнормативного повышения стоимости товаров и услуг. При этом наблюдается своеобразный эффект «черного восстановления социальной справедливости»: чем выше индивидуальный доход – тем больше размер личных затрат на антитеррористическую защищенность. Иначе говоря, террористическая деятельность в процессе нового передела мира

[32] См.: Наполеоне Л. Корпорация террора: в поисках денег глобального терроризма. М., 2005.

оплачивается в первую очередь отдельными гражданами, во вторую – мелким и средним бизнесом.

Детерминация террора экономическими интересами приводит как минимум к двум последствиям для террористического движения в целом. Во-первых, установка террористов, и в первую очередь их лидеров, на получение материальных выгод ведет к самоограничению террора: теракты осуществляются лишь тогда, когда они приносят экономическую выгоду. Легитимация террора становится все более затруднительной, и он перестает находить поддержку среди широких слоев общественности. Возникает профессиональная субкультура террористов-наемников, террористов-бизнесменов. Во-вторых, лица, допущенные к распределению полученных на «святое дело» средств, часть их резервируют для личного использования и попросту утаивают. Постепенно превращаясь в топ-менеджеров террора, они отрываются от массы простых исполнителей и, что очень важно, утрачивают духовную связь с ними.

Развитие современных технологий, в частности **глобальных электронных сетей**, а также тот факт, что костяк террористических ячеек в основном составляют молодые люди в возрасте до 25 лет, позволяют по-новому посмотреть на проблемы терроризма – в аспекте вовлечения молодежи в террористические организации через сеть Интернет. Выступая 28 августа 2009 г. перед муфтиятом и руководителями северокавказских республик, Президент России Дмитрий Медведев подчеркнул особую значимость противодействия экстремистским и террористическим организациям, использующим Интернет[33].

Глава МВД России Рашид Нургалиев заявил, что «в ходе мониторинга Интернета МВД России в 2007 г. выявило 148 ресурсов, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности»[34]. На этих ресурсах работают квалифицированные психологи, способные в кратчайшие сроки составить психологический портрет человека, вступившего в общение на форуме, подобрать к нему соответствующий подход, определить возможные векторы применения данного человека в рамках экстремистской либо террористической деятельности. Таким образом, огромный процент молодых людей, иногда не замечая этого, оказываются вовлеченными в противоправную, и порой даже преступную, деятельность, попол-

[33] См.: URL: http://search.kremlin.ru/kremlin_ru/ (дата обращения: 05.04.2010).
[34] URL: http://www.vremya.ru/news/1015270.html (дата обращения: 05.04.2010).

няя ряды активистов террористических организаций или организаций экстремистского толка.

Значение информации и развития информационных технологий в современной жизни общества очевидно, как несомненны и достижения в этой области. XXI в. называют информационным, и этому в значительной степени способствует развитие глобальных информационных систем, и в первую очередь Интернета. В то же время возрастает необходимость правового урегулирования вопросов установления ответственности за совершение противоправных деяний в информационном пространстве; развития способности правоохранительных сил противодействовать криминальным атакам из виртуальности непосредственно в информационной среде.

Следует признать, что Всемирная паутина – информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – является не только бесспорным достижением современности, но и своеобразным отражением духовного состояния социумов. Вбрасываемая в Сеть информация уже впитала в себя многие известные пороки общества и начала генерировать новые формы и виды преступной деятельности. Это – и распространение информации об изготовлении наркотиков, отравляющих и взрывчатых веществ, и незаконная торговля оружием, и осуществление связи посредством информационно-телекоммуникационной системы между преступными формированиями. Интернет также является мощным средством идеологической поддержки и информационных воздействий деструктивных экстремистских организаций, международных террористов и бандитских формирований на социум.

Международные террористические формирования активно пользуются возможностью мгновенного обращения к аудитории в мировых масштабах.

Интернет не знает себе равных в удобстве организации публичных выступлений лидеров экстремистских течений, террористических организаций, а также в высказывании угроз конкретным лицам или целым государствам. Террористы все реже обращаются к телеканалам или прессе в надежде получить доступ к массам путем интервью или трансляции/публикации соответствующих материалов. А если такое и случается, то передача идет по электронной почте. Обычно же материалы террористов с минимальными трудозатратами и риском размещаются в Сети, и представители СМИ черпают новости уже непосредственно с сайтов.

При этом ресурсы террористов, предназначенные для информирования мирового сообщества о своей позиции, как правило, имеют несколько версий на разных языках. В частности, перуанская ультралевая организация «Тупак Амару» рассказывает о своих «подвигах» на английском, испанском, японском и итальянском. Сайт баскских сепаратистов ЭТА доступен на немецком, французском, итальянском и кастильском языках. Исламская партия Туркестана использует арабский, английский и русский, а их «коллеги» из числа чеченских сепаратистов, базирующиеся на безызвестном ресурсе «Кавказ-Центр», вместо арабского пользуются турецким. «Около тысячи экстремистских и радикальных группировок, преимущественно исламского толка, из стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) активно используют Интернет как для распространения своей идеологии, так и для вербовки новых сторонников. Широкая доступность подобной информации из Всемирной паутины угрожает стабильности и безопасности не только региона, но и всего мира в целом», – заявил представитель сингапурского Международного центра по противодействию политическому экстремизму и терроризму (International Centre for Political Violence and Terrorism) доктор Рохан Гунаратна (Rohan Gunaratna)[35]. Таким образом, глобальная информационная сеть Интернет давно и активно используется в своих целях террористическими и экстремистскими организациями во всех частях мира для вербовки сторонников, информационного, организационного, финансового, ресурсного обеспечения деятельности; планирования акций и координации деятельности ячеек; PR-компаний и идеологического воздействия на конкретные группы населения[36]. Именно поэтому информационная среда, создаваемая сетью Интернет, должна стать приоритетным объектом **оперативно-розыскного террологического исследования**. Первые работы в этой области уже появились[37]. Отдельной темой оперативно-

[35] См.: URL: xport/rss2/incidents/index.xml (дата обращения: 05.04.2010).

[36] См.: Костихин А.А. Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций в психологической войне // Институт Ближнего Востока // URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11-07-06c.htm (дата обращения: 05.04.2010); Paper prepared for presentation at the conference / Cybersafety: Safety and Security in a Networked World: Balancing Cyber-Rights and Responsibilities/, Oxford Internet Institute (OII), Oxford University, UK, 8-10 September, 2005 // URL: http://www.oii.ox.ac.uk/research/cybersafety/extensions/pdfs/papers/maura_conway.pdf (дата обращения: 05.04.2010).

[37] См.: Сундиев И.Ю. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по предотвращению вербовки в экстремистские и террористические организации с использованием сети Интернет. М., 2009; Трофимова И.В. Противодействие использованию сети Интернет в террористических целях. М., 2007; Демянчук Е.В. Оперативно-розыскные мероприятия и методы по выявлению и пресечению пропаганды идей терроризма и экстремизма в сети Интернет. М., 2007.

розыскной террологии должны стать вопросы проведения оперативно-розыскных мероприятий в реальной и виртуальной средах.

Специальная теория – это всегда адаптация достижений фундаментальных исследований к нуждам практической деятельности. Оперативно-розыскная террология предполагается как комплексная научная дисциплина, адаптирующая фундаментальные достижения юридических и гуманитарных наук к задачам повышения эффективности оперативно-розыскного противодействия терроризму.

1.6. Экстремизм в кризисной реальности[1]

В течение последних лет все происходящие в обществе процессы рассматриваются исключительно через призму кризиса, который сначала именовался банковским, потом – финансовым, потом – структурным, наконец – глобальным. Неоднократно политики заявляли, что «самая острая фаза – уже позади и хуже не будет». Оптимизм политиков сопровождается массовыми беспорядками во всех крупных городах Европы, революционными переворотами «арабской весны» в странах Северной Африки, демонстрациями «израильского лета», «бунтом предместий» в Париже и «шопинг-бунтом» в Лондоне. Для характеристики этих весьма разнородных событий чаще всего использовался и используется термин «экстремизм». Для англоязычных исследователей экстремизм – наиболее широкое понятие, включающее и радикализм, и терроризм, и все остальные формы острых девиаций[2]. В российской науке наиболее продуктивным оказался междисциплинарный подход к анализу экстремизма[3], разделивший экстремальные формы социального поведения на самостоятельные объекты исследования. За последние годы образовался значительный массив исследований экстремизма в нашей стране и мире, позволяющий сделать несколько обобщающих выводов.

Итак, основными **сущностными** признаками современного экстремизма можно считать:

доминирование молодежи в составе лиц, входящих в экстремистские организации и участвующих в экстремистских акциях;

прямое и непосредственное использование экстремистов и экстремистских организаций, экстремистских действий как инструмен-

---

[1] Сундиев И.Ю. Экстремизм в кризисной реальности // Научный портал МВД России. 2011. № 4. С. 83–92.

[2] Килкаллен Д. Новые концептуальные парадигмы для понимания конфликтов XXI века // Террористическая ментальность: контрмеры. Ejournal USA. Электронный журнал Госдепартамента США. 2007. URL: http://web.archive.org/web/20080119102933/http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpr/ijpr0507.htm (дата обращения: 08.06.2011).

[3] Красиков В.И. Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания / В.И. Красиков. М., 2006; Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины: Монография / Ю.М. Антонян, И.Ю. Сундиев и др. М., 2010.

та в борьбе за власть политическими партиями и политическими субъектами;

поиск врага и генерирование ксенофобии как основные инструменты экстремистского воздействия на общество;

обязательную политизацию криминальных сторон деятельности экстремистских организаций;

постоянное и непосредственное использование экстремистскими организациями информационных каналов (СМИ, Интернета, социальных сетей и информационных сервисов) для декларации своих обвинений другой социальной, этнической, религиозной группе; призывов к насилию по отношению к «виновникам»; освещения всех этапов своих публичных действий; координации совместных действий, личной рекламы и т. п.;

низкую себестоимость и высокую эффективность экстремизма как политического орудия.

Характерными чертами современного экстремизма являются:

его взрывное количественное расширение и развитие в предкризисные и кризисные периоды; исключительная общественная опасность, связанная с деятельным расколом общества по социальным, этническим, религиозным признакам;

провоцирование противодействия органам власти, всевозможных социальных конфликтов, столкновений;

возрастающие масштабы и мобильность экстремистской деятельности, расширение ее географии, связанные с началом нового глобального раздела рынков, глобализацией экономики, развитием средств транспорта и связи;

активное применение экстремистскими организациями информационных и когнитивных технологий, внедрение в информационную среду.

При этом наиболее интересным, на наш взгляд, является не вопрос о связи кризиса и экстремизма, положительный ответ очевиден и доказан исследованиями, а вопрос о влиянии различных сторон кризиса на генерирование конкретных форм экстремистских действий и перспективы.

Глобальный кризис, как матрешка, имеет несколько оболочек[4], каждая из которых несет свое содержание и смысл, играет свою

[4] См.: Фурсов А. Кризис-матрешка. URL: Wordcrisis.ru (дата обращения: 08.06.2011).

роль в генерировании экстремизма. Применительно к нашей теме рассмотрим лишь некоторые из них.

1. Аксеологический (ценностный) кризис. В основе побуждений членов любого развивающегося социума лежат в первую очередь сакральные ценности, обеспечивающие долгосрочную созидающую преемственность мотивационной сферы. Эти ценности задает либо религия, либо идеология. Вторая половина XX в. характеризуется повсеместным немотивированным ростом прагматизма и утилитаризма, начало которому положил последний оплот сакральной идеологии – СССР, где в 1961 г. была принята новая программа КПСС. Именно в этой программе было дано экономическое определение «светлого будущего» (коммунизма), и именно в ней «провозглашена дата конца истории» – построения коммунизма (1980 г.). На наш взгляд, именно этот ключевой момент послужил началом краха СССР, социалистической системы и системы мирового порядка. Необычайно быстро после этого сакральные ценности повсеместно были вытеснены ценностями экономическими («общество потребления» как идеал), что означало неизбежную деградацию всей ценностно-ориентировочной сферы социумов. К чести высших иерархов христианских церквей, они первые выделили не экономическую, а сугубо нравственную природу нынешнего глобального кризиса.

Для молодого человека отсутствие идеалов (сакральных ценностей) равносильно отсутствию ответа на главный вопрос юности: «Для чего я живу и чего я стою в этой жизни?». Идеалы потребления могут удовлетворить самых непритязательных, но и они в условиях либерализации быстро приходят к «насильственному консюмеризму»[5] – выбиванию витрин, грабежам, «криминальным флешмобам». И в этом и в других случаях естественная протестная активность молодежи трансформируется в массовые беспорядки и используется субъектами борьбы за власть, политически оформляясь как экстремистские движения.

2. Исчерпание ресурсов дальнейшего развития капиталистической экономической модели. Капитализм как экономическая система базируется на постоянно расширяющихся рынках. В течение сотен лет рынки захватывали, их осваивали, делили, этот процесс казался бесконечным и оставался главным стимулом развития экономической системы. Экономика лишь отражает социум, меха-

[5] См.: Гудхарт Д. Как справиться с «культурой недовольства» // Русский журнал. 2011.

низм развития которого определялся и определяется одним словом – «экспансия». К 70-м гг. XX в. физические ресурсы развития этой модели на поверхности планеты Земля были исчерпаны, а сама ситуация осознана специалистами как критическая[6]. Однако вместо ожидаемого массами и пропагандируемого СМИ продвижения в Ближний Космос, началась практическая реализация концепции развития информационных технологий, позволившая перебросить вектор экспансии человечества за пределы реальности – в виртуальность (создание Интернета, виртуальной экономики и информационных технологий массового управления). Кстати, уместно напомнить, что и молодежные контркультуры того времени базировались в основном на идеях Т. Лири и К. Костанеды о развитии через выход за пределы реальности путем «расширения сознания» с помощью наркотиков. Для любителей технического прогресса в качестве бонуса предлагалась виртуальная «космическая экспансия» в виде компьютерных игр. Однако виртуальные изыски, как и наркотики, выполняли и выполняют роль не лекарства, а галлюциногенов для реальной экономики. Усиливают остроту проблемы оформившиеся глобальные сети, делающие практически бессмысленной любую крупную акцию по переделу рынков. Но снять все конфликты умирающего капитализма виртуальным путем можно только при переформатировании всего социума по модели «Матрицы». Реальный путь связан либо с войной, либо с огосударствлением и государственным контролем, что абсолютно неприемлемо для глобальных субъектов. «Чтобы дать рыночно ориентированным экономикам функционировать так, как они должны и могут, необходимо вернуться к правильному балансу между рынками и обеспечением общественных благ. Это означает отход как от присущей англоязычным странам модели невмешательства государства в экономику и "рейганомики" (то есть переноса акцентов с регулирования спроса на товары и услуги на стимулирование их производства), так и от присущей остальным "западным" странам модели государства всеобщего благосостояния на основе дефицита. Обе эти модели потерпели неудачу… Потребуется делать инвестиции в человеческий капитал, навыки и в системы социальной защиты для повышения производительности и для того, чтобы рабочие могли конкурировать, быть универсальными и могли процветать в глобализированной

[6] См.: Меддоуз Р. Пределы роста. М., 1972.

экономике. В противном случае нас ждет (как в 30-х гг.) бесконечный застой, спад деловой активности, валютные и торговые войны, жесткий контроль капитала, финансовый кризис, неплатежеспособность многих стран, а также масштабная социально-политическая нестабильность»[7]. То есть единственный невоенный путь выхода состоит, по мнению ведущих экономических экспертов, в возвращении к социалистической модели хозяйствования в «скандинавском» варианте. Пока это не осознано массами, глобальным субъектам дозволено использовать концепцию «управляемого хаоса»[8], в которой экстремизм и терроризм играют роли главных инструментов.

3. Неизбежные опасности нового технологического уклада. Идущий на смену пятому технологическому укладу[9] шестой состоит из технологий, обращенных в основном не на изменение вещей (материалов), а на изменение самого человека: биологических, когнитивных, информационных, нанотехнологий. Уже сейчас эти технологии позволяют незаметно, но очень эффективно менять привычный образ жизни. Мы привыкли сводить процесс глобализации к упрощению коммуникаций, не замечая, как обеспечившие его технологии изменили характер всей человеческой деятельности: благодаря робототехнике, беспроводной связи 3G, Skype, Facebook*[10], Google, LinkedIn, Twitter, iPad и дешевым смартфонам с поддержкой выхода в Интернет мир стал не просто связанным, а гиперсвязанным и взаимозависимым. В этих условиях наиболее рентабельно из общедоступных видов бизнеса стало прямое формирование сознания. А «наиболее рентабельный из общедоступных» видов бизнеса – значит наиболее применяемый вид деятельности, формирование новых потребностей и предпочтений, скрытое управление процессом выбора не только продуктов и товаров, но и художественных, политических предпочтений. Особенностью данных технологий является то, что, с одной стороны, невозможен традиционный контроль государства за их использованием, с другой – что основа этих технологий – свободный доступ к информационным ресурсам (возможность

[7] Рубини Н. Капитализм обречен? URL: www.project-syndicate.org (дата обращения: 15.08.2011).

[8] См.: Батчиков С., Лепский В. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=177 (дата обращения: 15.08.2011).

[9] Напомню, что российская экономика находится в четвертом технологическом укладе.

[10] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

одним – манипулировать, другим – становиться объектом манипуляции) – декларируется как основополагающее право каждого, которое наиболее активные члены мирового сообщества готовы защищать всеми способами[11]. Государственные системы управления практически всех стран не приспособлены к массовому применению технологий формирования сознания, но вынуждены их применять как самый эффективный внутриполитический инструмент и делают все более серьезные ошибки в кризисных ситуациях. Их эффективность снижается, возникает перманентный кризис управления и неограниченная возможность и желание использовать экстремистские организации для решения текущих политических задач.

4. Кризис стабильности. Изначально человеческие сообщества развиваются в четкой дихотомии «Мы – Они», которая заставляет искать и развивать внутри себя преимущества для конкуренции и в то же время стабилизирует баланс системы отношений. От конкурентной борьбы между государствами к конкурентной борьбе между межгосударственными образованиями (блоками) – долгий путь, который проделало человечество к середине XX в. Именно конкуренция между блоками после Второй мировой войны дала миру большую часть научных и технологических изобретений, которыми мы пользуемся. Но всеобщая делигитимация сакральных ценностей лишила эту борьбу внутреннего содержания, и один из блоков одержал победу.

Распад «Варшавского блока», а затем и Советского Союза лишил страны Запада мощного консолидирующего инструмента – «коммунистической угрозы свободному миру». Кратковременные попытки жестко формировать «однополярный» мир на базе «общечеловеческих ценностей» оказались малоэффективными. Для политической консолидации становящегося все более и более аморфным и слабоуправляемым «мирового сообщества» – стран, идущих по «атлантическому» цивилизационному пути, вновь потребовался Враг, но не простой, а отвечающий ряду обязательных критериев. В условиях распространения оружия массового поражения он (Враг) должен был представлять собой явную, безусловную и ужасную

[11] Но это до тех пор, пока не обострится ситуация в собственном доме. Как только случились «шопинг-бунты» в английских городах, немедленно были приняты государственные решения о контроле за информационными каналами. (См.: U.K. May Block Twitter, Blackberry Services in Future Violence After Riots. URL: Bloomberg.com (дата обращения: 08.11.2011).

угрозу, но при этом не быть связанным с ведущими странами Запада. Его местоположение должно быть там, куда можно наносить безответные удары; его можно увидеть только на экране телевизора и в Интернете; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности оставаться неопределенной; наконец, необходимость борьбы с Врагом должна убедительно оправдать любые ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на борьбу с ним не должно вызывать возражений у населения. Этим Врагом на целое десятилетие стал мировой терроризм – основной инструмент «варварских» цивилизаций, стремящихся уничтожить «прогрессивную» (западную) цивилизацию. С исчерпанием мобилизующего и консолидирующего потенциала данного образа состоялось ритуальное убийство Усамы бен-Ладена[12]. Попытки придумать новых объединяющих врагов: Россию, Китай, Иран – уже провалились. Поиски нового «Доктора Зло» принимают самые экстравагантные формы. Симптоматично, что именно сейчас главные СМИ Соединенных Штатов раскручивают идею, что вторжение пришельцев из космоса не только возможно, но и, может быть, даже неизбежно. Хотя, по словам некоторых глобалистских гуру, беспокоиться сильно не о чем, эта угроза может оказаться благом. Во время своего недавнего появления на CNN в разговоре с Фаридом Закария нобелевский лауреат экономист Пол Кругман предположил, что столкновение с враждебной формой жизни вполне могло бы быть полезным для экономики США. Он сказал буквально следующее: «Если бы мы обнаружили, что на нас собираются напасть космические пришельцы и в связи с этой угрозой нам необходимо интенсивное наращивание оборонных расходов и производства военной продукции, то тогда инфляция и бюджетный дефицит отошли бы на второй план и этот спад закончился бы через 18 месяцев»[13].

При таком подходе ни о какой конкуренции, сохранении баланса сил и прочих признаков глобальной дихотомии говорить не приходится. Мир стал крайне опасно зависим от субъективной воли отдельных лиц, способных провоцировать вооруженные конфликты

[12] Отказ от консолидирующего образа террористической угрозы отнюдь не означает отказ от тактики использования террористических акций для хаотизации социальных процессов.

[13] Globalists, little green men from mars and the possibility of an extraterrestrial attack // American Free Press. 2011.

(грузинская агрессия 8 августа 2008 г.), революционные выступления («арабская весна» и «израильское лето»), военные вторжения (операции «Буря в пустыне», «Несокрушимая сила» и им подобные). Экстремизм (как крайность) становится лейтмотивом принятия политических решений.

5. Кризис суверенизации. При доминировании виртуальной экономики государства и глобальные корпорации как субъекты глобальной политики все больше уступают свою ведущую роль разнообразным глобальным сетям – в высокой степени неформальным структурам, объединяющим элементы государственного управления, в том числе спецслужбы, гражданское общество и глобальные корпорации (или их элементы). Эти сети формируются «сращиванием» элементов государственного управления, бизнеса и криминала, а также науки и культуры, причем различные элементы указанных сетей базируются в различных странах[14].

Принципиальное отличие сетей как субъекта управления от государства (и даже от глобальных корпораций, которым категорически нужна стабильность в обширных районах производства и на широких рынках сбыта) заключается в имманентном отсутствии у них ответственности перед обществом. Любое государство поневоле объективно заинтересовано в стабильности и гражданском мире в своей стране, а сетям, рассматривающим эту страну извне, «со стороны» глобального мироустройства и представляющим собой объединение «новых кочевников» (по классическому определению Ж. Аттали), это не важно. Им нужен рост совокупного влияния и прибыли своих участников, а этих целей гораздо проще достичь не в стабильной ситуации, а в хаосе, «ловя рыбку в мутной воде»[15]. За последние двадцать лет в мире сформировался качественно новый глобальный господствующий класс (интернациональная олигархия, или «новые кочевники»), не привязанный прочно ни к одной стране или социальной группе, не имеющий никаких внешних для себя обязательств и враждебно противостоящий не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и, тем более, территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой. Таким об-

[14] См.: Картолуччи Т. Знакомьтесь: ваше настоящее правительство. URL: http://inforwars.com (дата обращения: 08.06.2011).

[15] См.: Тихомиров С. Бинарная экспансия. Метод создания и консервирования социального хаоса // Переводика. 2011.

разом, создавая глобальные сети и затем упуская из своих в их руки важные полномочия в сфере общественного управления, государства, даже исключительно сильные и эффективные, сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их интересами. Дополнительным свидетельством кризиса суверенизации является набирающая темпы приватизация насилия. Уже в настоящее время в развитых странах численность частных силовых структур (как правило, имеющих статус частных охранных и детективных агентств) приближается к численности государственных армии, полиции и других официальных ведомств. В нашей стране частные силовые структуры пока используются в основном при рейдерских захватах, взыскании кредиторской задолженности и т. п. В 2010 г. в России существовало более 30 000 ЧОПов, где работали более 750 000 человек. Отдельный вид частных силовых структур – незаконные вооруженные формирования, характерные для Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, смыкается с «альтернативными субъектами насилия» – криминальными бандами, агрессивными молодежными субкультурами и экстремистскими организациями[16].

6. Социальные последствия развития информационных технологий. Сверхпроизводительность информационных технологий, нуждающихся в значительной части населения исключительно как в ресурсе сбыта, но не производства, запустила процессы его десоциализации, то есть ликвидации «среднего класса» путем его люмпенизации и превращения в примитивные сообщества, функционирующие по биологическим, а не социальным законам. Применительно к нашей стране этот процесс наиболее нагляден в форме криминализации обыденной культуры, информационного пространства, коррупционности всех сторон жизнедеятельности[17]. В рамках рыночной парадигмы развитые страны перешли на корпоративное понимание эффективности: не для всего общества в целом, а лишь

[16] См.: Сундиев И. Молодежная преступность в России в начале XXI века: особенности, тенденции и их учет в предупредительной деятельности // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними. М., 2005; Он же: Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии (криминологическая экспозиция явления) // Актуальные проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде. Ульяновск, 2009.

[17] См.: Ерасов Б. Глобальный хаос и криминал как продукт крушения цивилизационного устроения // Восток. 2001; Сундиев И. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу // Экономические стратегии. 2010. № 1–2 (75–76).

для отдельно взятой, вырванной из страны корпорации. Как признает Томас Фридман: «…в кризисные времена работодатели считают, что проще, дешевле и гораздо более необходимо, чем когда-либо, заменить человеческий труд машинами, компьютерами, роботами и талантливыми иностранными рабочими. Раньше считалось, что только дешевая иностранная рабочая сила легкодоступна, но сейчас оказывается, что доступны и дешевые иностранные гении. Это объясняет, почему корпорации становятся богаче, а среднеквалифицированные рабочие – беднее»[18]. Средний класс нужен лишь обществу в целом, но с точки зрения бухгалтерской логики обособленной корпорации он бесполезен и подлежит социальной утилизации как основная часть населения России в парадигме «экономики трубы». В этом отношении мы находимся в одной лодке с зажиточными американцами и даже европейцами. Сейчас в интеллектуальном отношении развитый мир стоит перед сложнейшим нравственным выбором. Кажется очевидным, что средний класс должен жить, жить хорошо, потому что его представители – люди, являющиеся опорой государства, а значит, нужно их беречь даже без эквивалентной отдачи. Однако этот естественный путь требует отказа от мысли о том, что человек живет ради прибыли, что для Запада идеологически невозможно. Выход – реально (не декларируя это) отказаться от идеи опоры государства на средний класс, сворачиванием прежней социальной политики стимулировать его на протестные действия, что позволит «обоснованно» сдвинуть его вниз по социальной лестнице.

7. Бесконтрольное распространение технологий социальной манипуляции и трансформации сознания. Информационные и когнитивные технологии не только поставили задачу утилизации среднего класса, но и дали инструмент, позволивший формировать «революционные» движения, – социальные сети[19]. Посредством этого сегмента общества, представляющего собой сеть – взаимосвязанных между собой участников, – происходит давление на действующую власть, которая принуждается к уходу с руководящих позиций. Взамен ее приходит другая, готовая максимально сокращать социальные программы, экономически утилизируя остатки

[18] Фридман Томас. Глобализация гнева // The New York Times. 2011. 15 авг.

[19] См.: Аршинов В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации. М.: Синергетика, 2011.

среднего класса и подготавливая почву для нового революционного цикла[20].

Это давление снизу, со стороны социальных сетей, – явление далеко не спонтанное, а спровоцированное, созданное технологически. В этом – особенность сетевых технологий и «бархатных революций», которые на них основаны: под предлогом якобы очевидных претензий к власти спровоцировать волну самоиндуцирующегося протеста, развивающегося по нарастающей под воздействием «психоза соучастия»[21]. То есть это – чисто технологическая вещь, которая имеет свое происхождение в американской политтехнологии, начиная с работ Джина Шарпа[22]. То, что подготовка кадров для организации, обеспечения всех «бархатных», «цветных» революций последнего десятилетия и управления ими ведется централизованно, убедительно показала Тина Розенберг в своей работе «Университет революций»[23]. Созданием центров подготовки «сетевых революционеров» дело не ограничивается. 28 октября 2008 г. в Вашингтоне состоялся брифинг на тему: «Публичная дипломатия США и война идей». Выступивший на нем заместитель госсекретаря Джеймс Глассман рассказал о работе «команды по цифровым внешним контактам», занимающейся улучшением имиджа США и борьбой с пропагандой экстремизма в Интернете, и о планах расширения ее деятельности на Рунете[24]. «В войне идей нашей главной задачей является не исправление представлений иностранцев о США, а *изолирование и уменьшение угрозы насильственного экстремизма для США*. Не бомбами и пулями, а, конечно же, словами, образами и делами», – заявил Джеймс Глассман. Примером такого дела стало участие «команды по цифровым внешним контактам» в «арабской весне», сравнительно легкой и быстрой смене режимов в Тунисе, Египте, Йемене, вынужденной затем перейти к вооруженным действиям в Ливии и Сирии.

8. Кризис биологической идентичности. За последние пятьдесят лет человек необратимо изменился. Банальная фраза, но, к огромному сожалению, именно она наиболее точно характеризует данный кризис. Производственные технологии качественно измени-

[20] В качестве примера – современные Сербия, Молдова, Грузия, Киргизия.

[21] Гавриличко Ю. «Дни гнева» – сетевые революции нового типа. URL: http//forum.msk.ru (дата обращения: 07.07.2011).

[22] См.: Шарп Д. От диктатуры к демократии. М., 2005.

[23] Розенберг Т. Университет революций / Т. Розенберг // Foreign Policy. 2011.

[24] См.: США вступают в цифровую войну идей с Россией // Newslab.ru. 2008.

ли среду обитания большинства жителей развитых стран, сформировав «бытовую токсикоманию» – включенность в метаболизм веществ и соединений, не встречающихся в живой природе. Информационные технологии трансформировали процесс восприятия информации, принципиально увеличив его скорость и объем, правда, взамен практически ампутировав эмоциональную компоненту восприятия. Эмпатия (сопереживание – основа любого человеческого взаимодействия) исключается из нормы жителя мегаполисов и воспринимается либо как слабость, либо как болезнь. Нормы здоровья полувековой давности не применимы к большинству населения (как нормы ГТО – к нынешним школьникам). Патологии, полученные при рождении, дополняются патологиями среды обитания и социальными патологиями (пьянство и наркомания) и усугубляются технологиями. С начала 90-х годов в России сложились и развивались следующие демографические тенденции: низкая и не обеспечивающая простого замещения поколений рождаемость; сверхсмертность и не имеющие аналогов в развитых странах низкая продолжительность жизни и структура патологии; быстрый рост внебрачной рождаемости, нелегитимной брачности и дестабилизации семьи; исчерпание не только потенциала роста, но и простой стабилизации состава населения страны по половозрастным группам[25].

«Из 16,3 млн детей школьного возраста две трети – имеют отклонения в состоянии здоровья. Среди 13,62 млн детей, обучающихся в школах, только 21,4 % имеют первую группу здоровья, а 21 % – хронические, в том числе инвалидизирующие, заболевания. Среди современных первоклассников вдвое меньше абсолютно здоровых детей, чем среди их сверстников конца прошлого века (4,3 против 8,7 %). Учащиеся 1-х классов имеют худшие показатели готовности к обучению: ниже интегральный показатель умственной работоспособности (1,13 условных единиц против 1,48), а доля детей, имеющих недостаточный уровень развития школьно обусловленных функций при поступлении в школу, почти удвоилась – с 21,2 до 41,4 %. Среди них за период обучения в младших классах распространенность функциональных нарушений различных систем организма возросла на 60,9 % против 26,6 % у детей, поступивших в первый класс в 7 лет и старше... Растет детское и подростковое употребление алкоголя и табака… Более 50 % детей подросткового воз-

[25] См.: Халтурина Д., Коротаев А. Демографический кризис в России: причины и пути преодоления // Перспективы, фонд исторической перспективы.

раста имеют заболевания, которые в дальнейшем могут повлиять на снижение репродуктивной функции. Более чем у 30 % юношей выявляется задержка полового созревания»[26].

Таким образом, основными чертами современной российской молодежи стали: ограниченная (постоянно убывающая) численность; изначально низкое состояние здоровья, что ограничивает переносимость физических и психологических нагрузок; склонность к аффективным реакциям, подверженность манипулятивным технологиям формирования оценок и стереотипов поведения.

Теперь от экстремогенной характеристики отдельных сторон глобального кризиса перейдем к тенденции развития экстремизма в кризисной реальности. Речь идет именно о развитии экстремизма как системы реагирования на кризисные формы трансформации существующего общества. Эти тенденции достаточно четко оформились.

Раскручивание спирали насилия в ответ на снижение жизненного уровня большинства населения. Как было показано, современные технологии делают ненужной для производства большую часть трудоспособного населения. В политическом смысле идет активный поиск тех, кого можно выбросить за борт в первую, вторую, третью очередь. На первом (и втором) месте для политиков – незаконные мигранты. Происходит резкое «поправение» общественных настроений, во всех странах Европы отмечается взрывной рост экстремизма в форме национализма и фашизма. В Европе проживает свыше двадцати миллионов мусульман. Двадцать лет назад на фоне экономического роста эти мигранты были нужны Западу, чтобы делать неквалифицированную и низкооплачиваемую работу. Сегодня в Европе множество своих граждан, готовых к подобному труду. Большинство «натурализовавшихся» мигрантов во Франции, Германии, Великобритании могли позволить себе не работать, а существовать на социальные пособия, сейчас – это непосильное бремя для экономик большинства европейских стран. «Эти волнения (Лондон, август 2011 г.) – всего лишь начало сезона восстаний, который будет длиться годами и распространится на всю

[26] Тезисы выступления Министра Т.А. Голиковой «О выполнении в 2007–2009 годах мероприятий плана реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, направленных на улучшение состояния здоровья женщин, детей и подростков». См.: URL: http: //www.minzdravsoc.ru/health/prior/52/?print=1 (дата обращения: 05.07.2011).

Европу», – говорит Ханиф Курейши. К его словам стоит прислушаться: он – сын пакистанца и англичанки, британский писатель и драматург. «Это – районы, в которых живет множество молодых людей, которые ходят по улицам с оружием, употребляют наркотики. Эти 30-летние, у которых никогда не было работы и которые никогда не будут работать, являются британскими гражданами, не иммигрантами, но они парии экономической системы, частью которой им так и не удалось стать»… «Ситуация взорвалась, в том числе и по причине сокращения пособий по безработице, субсидий на молодежные центры и социальные службы. Недовольство нарастает. Нужны деньги, которых у правительства Кэмерона нет. Как нет их у Италии, Греции и Испании. Поэтому я думаю, что мы всего лишь в начале периода высокой социальной нестабильности», – говорит Курейши[27]. Таким образом раскручивается спираль насилия: в ответ на сокращение социальных программ организуются «шопинг-бунты», которые подавляются полицией при достижении критического уровня общего социального недовольства; ответом на действия мигрантов (основных участников подобных бунтов) становятся националистические и фашистские акции в стиле А. Брейвика, а реакцией на них – террор исламистских организаций.

Доступность и проработанность инструментов хаотизации социумов. Хаос – наиболее благоприятная среда для глобальных сетей, в которой они максимально реализуют свои возможности. В свою очередь глобальные сети всячески способствуют росту хаотических тенденций в политике и экономике. Наглядный пример: «бархатные революции» прошлого десятилетия осуществлялись в рамках концепции «управляемого хаоса» и предполагали смену одних режимов другими. Современная «арабская весна» есть реализация концепции «творческого разрушения», в которой смена – не главное, главное – разрушение. Уместно вспомнить, что классические революции Нового времени характеризовались вполне конкретными признаками: «Во-первых, это – насильственное изменение существующего политического режима, основ его легитимности и его символики. Во-вторых, замена неспособной политической элиты или правящего класса другим. В-третьих, далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях, – изменения, кото-

[27] Фраскетти В. Это лишь начало, теперь восстание охватит всю Европу // La Repubblica. 2011.

рые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни… В-четвертых, радикальный разрыв с прошлым… В-пятых, революции… вносят изменения в нравственность и воспитания создают или порождают нового человека»[28]. В отличие от них, «бархатные», «цветные» революции есть наиболее технологичный способ консервации социального хаоса на пространствах государств, являющихся объектом «Большой игры». Если для организации классических революций нужны были представительные политические организации и «участие широких народных масс», то для хаотизации требуются лишь доступные технические средства и группа модерации. Например, антиглобалистские движения первыми стали использовать самый широкий спектр доступных технологий, обеспечивающих контрсистемные (хаотизирующие) акции, мобильное информирование и безопасность среди членов организаций, что позволило создать устойчивые сети и привлекать новых членов извне. Так называемые телефонные цепи, используемые ранее для осведомления активистов, со временем были заменены на СМС-информирование, электронную рассылку и постинги в интернет-сообществах, а методика листовок, флаеров и агитплакатов перенеслась в виртуальное пространство, где сайты связаны системой перекрестных линков и баннеров. С учетом глобализационных процессов в мировом сообществе расстояния уже не имеют принципиального значения. «Блошиная война», как характеризовали ранее подобные действия эксперты из RAND Corp*[29], благодаря интернет-технологиям и сети неправительственных организаций, переходила в формат «войны пчелиного роя», где было невозможно выявить центральный орган управления процессом[30]. Необходимо отметить, что подобное делали редакции радио «Свобода» и «Свободная Европа»[31] в 1956 и 1968 г., когда советские войска находились в Венгрии и Чехословакии. Тогда на волнах радио не было прямых призывов к борьбе с СССР, но давалась информация о том, как блокировать улицы и в домашних условиях изготовить зажигательную смесь для применения ее против советских танков. Виртуально-мобильные технологии используются не только во время самого

[28] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. М., 1999.

[29] Деятельность упоминаемой организации RAND Corp. признана нежелательной в России.

[30] Кляйн Н. Заборы и окна. Хроники антиглобализационного движения. М., 2005.

[31] Деятельность упоминаемой организации «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» признана нежелательной в России.

процесса организации беспорядков, но и для наработки базы данных, подготавливая площадку для координации возможных социальных взрывов. Одним из примеров может быть радиостанция либерального направления «Эхо Москвы». Например, чтобы задать вопрос на сайте радиостанции, нужно пройти процедуру регистрации. Кроме того, коллектив радиостанции приглашает к дискуссии в прямом эфире, создав систему поощрения для слушателей и выделив зарегистрированных пользователей в «синерамочников» (обычные зарегистрированные пользователи) и «краснорамочников» (привилегированные слушатели)[32]. Им также предлагается участие в социальной сети. Фактически благодаря базе данных и мониторингу за действиями зарегистрированных слушателей, при подготовке очередного сюжета выявляются группы лиц, склонных к критике государственной власти, и в дальнейшем они используются для протестной мобилизации. Феномен использования средств мобильной связи в целях, не вписывающихся в конвенциональное социальное поведение, с недавних пор рассматривается как одна из актуальнейших глобальных угроз правопорядку и общественным нормам. В ходе нее идет виртуальная вербовка потенциальных оппозиционеров и трансформация сознания законопослушных граждан в сторону протестного. Помимо этого, новое поколение интернет-активистов может вести обучение методам борьбы с действующими режимами и оказывать всяческую поддержку «гражданам сети» (в англоязычном варианте – netizens, по аналогии с citizens), связывая их с адвокатскими конторами и проводя юридические консультации в режиме онлайн.

Обобщая европейский и азиатский опыт последних лет, можно утверждать, что ***для перевода уличных акций в массовые контрсистемные (хаотизирующие) акции протестов при общей кризисной ситуации достаточно иметь подготовленную команду, доступ к Интернету и зарегистрированный аккаунт (страничку) в социальной сети или электронном чате (быстрый обмен сообщениями)***. Примеры таких сетей в нашей стране: «Живой журнал» (LiveJournal), Twitter,YouTube и Facebook*[33]. Все это – американские сетевые проекты. Совместные проекты – «Вконтакте» и «Од-

[32] URL: http://www.echo.msk.ru/airclub (дата обращения: 05.07.2011).

[33] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

ноклассники»[34]. На первом этапе командой модераторов формируется эмоционально напряженное информационное поле (запускается несколько «вечно» актуальных тем – несвобода, коррупция, этнические конфликты, которые активно муссируются в местах интернет-скопления (популярные сайты, форумы) молодежи). При этом напряжение постоянно наращивается по мере приближения ко дню Х (запланированной дате выступлений). На этом этапе от команды требуется поддерживать нужное эмоционально направленное состояние информационного поля – вести дискуссии, организовать вбросы компромата (в Москве в декабре 2010 г. – «к Москве движутся колонны автомашин с кавказскими боевиками»), «утечки» официальной информации, задавать «правильное» направление спорам и т. д. Затем появляются призывы: «На улицы!», «Защитим нашу свободу!», «Долой засилье инородцев!» (возможны варианты). «Стихийно» собравшийся народ, который координируется через Интернет или по мобильной связи, организует команды специально подготовленных агитаторов-организаторов (особенно их роль ясна была в молдавских событиях 2009 г., московских – 2010 г., лондонских – 2011 г.), которые поддерживают толпу в должной «кондиции» и направляют ее активность. Остается только отдать команду – «На штурм!». Вариант, когда в качестве основного разыгрывается сценарий межэтнических столкновений, а главными участниками становятся неформальные объединения фанатов и молодежь кавказских диаспор, был продемонстрирован в декабре 2010 г. сначала на Манежной площади, а затем – на площади у Киевского вокзала[35]. Важной особенностью и молдавских, и московских, и лондонских событий стало широкое привлечение подростков 12–14 лет, которым объяснялось, что «можно все, так как вас нельзя привлечь к уголовной ответственности»[36].

Преимущества этих технологий для организаторов хаотизации:

[34] В организации и координации «шопинг-бунтов» в августе 2011 г. в английских городах отмечено широкое использование службы обмена сообщений BlackBerry компании Research In Motion Ltd. (RIM) как одного из инструментов участников беспорядков

[35] Крылов К. Социальная сеть. Русский стиль // Perevodika.ru. 2010. 16 дек.

[36] В бой идут одни малолетки // Комсомольская правда. 2010. 19 дек.; Психолог Ольга Маховская о британском подростковом бунте 9 августа 2011 г. URL: http://www.svobodanews.ru/content/article/24291692.html (дата обращения: 10.08.2011).

не надо создавать новую сетевую структуру – можно использовать уже имеющуюся оппозицию, гиперактивную молодежь диаспор и неформальные объединения как «пушечное мясо»;

координация происходит в «ручном» режиме из Интернета, что снижает личные риски для организаторов всех уровней;

минимум зарегистрированных политических организаций обнаруживают себя на проведении митингов, что затрудняет обвинения в предвзятости и создает впечатление «искреннего и абсолютно стихийного народного порыва»;

несмотря на сравнительно малую «интернетизацию» нашей страны, получается очень большой «выход» за счет молодежи, постоянно «сидящей» в Интернете, – именно туда перемещается центр информационных баталий;

волнения напоминают охлократию – власть толпы, проявление анархического стремления все разрушить и разграбить.

Недостатки: нет непосредственного контроля за ситуацией – большая роль вынужденно отводится оппозиции, которая выступает как полупассивный игрок с непредсказуемым поведением, лидерам неформальных объединений и диаспор, имеющим свое мнение о происходящих событиях.

Технологическая оснащенность и технологическая независимость экстремистской деятельности. Еще летом 2010 г. можно было говорить только о двух странах, использующих эффективную систему контроля контента национальных сетей Интернета, – это Китай, создавший систему «Великая стена», и Иран, купивший у Китая эту систему для защиты внутреннего информационного пространства. Частично к ним можно было бы отнести Ливию. По данным газеты «Уолл Стрит Джорнэл», компания Amesys – филиал французской группы Bull – помогала режиму Каддафи следить за ливийцами в Интернете. Так, в конце 2009 г. Amesys поставила современное оборудование в Центр по слежению за Интернетом в Триполи. В начале 2011 г. эта же компания помогла ливийцам увеличить фильтрующие возможности Центра. Система Eagle, поставленная французами, позволяла, в частности, следить за трафиком в Интернете и скачивать содержимое почтовых ящиков[37]. С декабря 2010 г. и Беларусь пытается противодействовать «сетевым революю-

[37] См.: The Wall Street Journal. 2011.

циям», отключая Facebook[38], Twitter, YouTube, Google-ток и Google-почта, почтовые сервисы и LiveJournal.

Однако этот лобовой путь предотвращения сетевых агрессий оказался неэффективным во время «арабской весны». На конференции в Freedom House*[39] в Вашингтоне был представлен подготовленный этой организацией доклад: «Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах». Заместитель помощника государственного секретаря США Дэниел Бэр, возглавляющий Бюро по демократии, правам человека и труду, которое финансировало доклад, назвал инструменты преодоления цензуры «самым важным способом поддержки цифровых активистов и других пользователей, живущих в обстановке репрессий и зажима Интернета»[40]. Государственный секретарь США Хиллари Клинтон заявила в своей речи: «Соединенные Штаты продолжают помогать людям, живущим в условиях зажима Интернета, обходить фильтры, всегда на шаг опережать цензоров, хакеров и бандитов, которые избивают их или сажают в тюрьму за высказывания в Сети». По ее словам, Государственный департамент потратил на эту работу более 20 млн долларов, а в 2011 г. израсходует еще 25 млн долларов. В этой речи Государственного секретаря США анонсировался новый проект «революции гаджетов» с использованием технологий стелс-интернета. Цель программы стелсинтернета – обойти запреты на пользование Интернетом и даже мобильными СМС, которые ввели ряд правительств в момент беспорядков в их странах. Подобные ограничения были введены весной – летом 2011 г. в Сирии, Ливии, Египте, Иране. Стелс-станции, похожие на чемоданы с антеннами, предназначены для моментального доступа в Мировую паутину в районах массовых беспорядков. Как сообщают американские источники, агенты США уже заложили целые партии вместе с модернизированными мобильниками в землю в условленных местах в «проблемных странах» для пользования «группами диссидентов в час Х»[41]. Таким образом, правительства не смогут перекрыть протестующим информационный кислород, лишив их сотовой связи и Интернета, и они смогут координировать действия

[38] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[39] Деятельность упоминаемой организации Freedom House признана нежелательной в России.

[40] URL: http://www.Freedom House.com (дата обращения: 01.08.2011).

[41] Америка готовит мировую интернет-войну // News Internet Electronics World Life Society. 2011.

друг друга. Другой проект, который опирается на технологии Mesh Network, объединяет мобильные телефоны, смартфоны и персональные компьютеры для создания невидимой беспроводной сети без центрального концентратора – каждый такой телефон действует в обход официальной сети, то есть напрямую. Сообщается, что опытные включения такой «шпионской» сети уже производились в Венесуэле и Индонезии. Проводятся эксперименты и с использованием Bluetooth-технологий: скажем, рассылка важных сообщений по всем телефонам такой альтернативной сети, минуя официального интернет-провайдера. Эта функция требует только модификации микропрограмм в трубках и больше ничего. При большом количестве телефонов в городах это позволит координировать протестующих, даже если мобильную сеть в районе беспорядков власти отключат совсем. Развертывание во время массовых беспорядков сотовых сетей, подконтрольных только Соединенным Штатам, скорее всего, возмутит любое государство. По существу, США создают почву для глобальных конфликтов нового уровня: теперь в момент массовых беспорядков в любой стране могут быстро возникать агентурные сети, объединяющие разом тысячи и десятки тысяч абонентов, работающих против своего правительства. Ни технически, ни организационно спецслужбы ни одной страны мира пока не готовы противодействовать таким угрозам, но и остаться безучастными не могут. Как профилактировать подобную угрозу, если никто не может дать гарантий, что закладки со стелсстанциями уже не лежат в Лондоне, Париже, Берлине, Москве?

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что в перспективе не просматривается никаких оснований для снижения остроты кризиса, продолжения хаотизации и использования экстремизма в качестве рабочего инструмента глобальных сетей.

1.7. Организационное оружие: функциональный генезис и основные направления использования в современной истории России[1]

Применение организационного оружия отражает историческую тенденцию перехода от войн с истреблением противника к войнам, ориентированным на его самодезорганизацию и самодезориентацию для сохранения имеющейся ресурсной базы. На практике это осуществляется за счет применения системы организационных (согласованных по целям, месту и времени разведывательных, пропагандистских, психологических, информационных и др.) воздействий на противника, заставляющих его двигаться в необходимом для другой стороны русле[2]. Таким образом можно направить политику противника в стратегический тупик, измотать его экономику неэффективными (непосильными) программами, затормозить развитие вооружения, исказить основы национальной культуры, создать «пятую колонну». В итоге в государстве складывается обстановка внутриполитического, экономического, психологического хаоса.

Основу организационного оружия составляют специальные рефлексивные технологии организационного управления. Они представляют собой упорядоченные совокупности постоянно совершенствующихся методов (программ, стратегий, процедур, форм) реализации управленческих решений, внедрения инноваций, поддержания информационных и других необходимых структурных связей, подбора и подготовки персонала, планирования, отчетности и контроля и др. Так как основу любой организационной системы составляют люди, мотивация деятельности которых базируется на их физиологических, социальных и информационных потребностях, то продуктивное, правильно рассчитанное применение организационного оружия в определенной организационной среде (прежде всего властной) оказывает прямое влияние не только на уровень безопасности организационной системы государства, но и на саму возможность ее существо-

[1] Сундиев И.Ю. Организационное оружие. Функциональный генезис и основные направления использования в современной истории России // Экономические стратегии. 2013. № 6. С. 26–37.

[2] См.: URL: http://www.concept.com.ru/publish/repiev.html (дата обращения: 15.01.2013).

вания. Проходя через сознание каждого члена общества, длительное массированное информационное и морально-психологическое воздействие деструктивного характера создает реальную угрозу существованию нации в результате трансформации ее исторически сложившейся культуры, основных мировоззренческих, культурных и идеологических установок, то есть смены внутренней организационной среды, определяющей жизнедеятельность государства.

Основными объектами воздействия организационного оружия являются представители социальных групп и институтов, прямо или косвенно участвующих в долгосрочном и краткосрочном регулировании поведения остального населения, – управленческие элиты, творческая интеллигенция, работники образования, воспитатели, известные культурные и нравственные авторитеты государства. Так как регуляторами поведения являются не только манифестные (раскрученные в медийном пространстве) личности, но и теневые авторитеты (в том числе представители организованной преступности), они также попадают в сферу планирования акций организационного оружия. Отдельное направление – создание новых субъектов применения организационного оружия в форме субкультур, нетрадиционных конфессий, альтернативных воспитательных и образовательных структур.

Фактически организационное оружие есть способ активации патологической системы внутри функциональной системы государства-мишени, при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя. Характерной особенностью патологической системы (применения организационного оружия), выявленной в прошлых исследованиях[3], является то, что она воздействует на функциональную систему общества в первую очередь «извне», с иерархически «вышележащего» (властного) уровня системной организации. Кроме того, применение организационного оружия не всегда заметно для традиционных форм научного наблюдения и непонятно в рамках традиционной логики обыденного познания. Деструкция, как действие организационного оружия, направлена на достижение результатов, находящихся в системе ценностей инициатора применения данного оружия.

[3] См.: Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. «Катарсис» или «Апокалипсис»? Анализ современности через призму функциональных и патологических систем // Экономические стратегии. 2013. № 2–3.

Одно из основных условий применения организационного оружия – *замена системы базовых ценностей государства-мишени ценностями государства-инициатора как самыми перспективными.*

Современная система организационного оружия начала складываться в XX в. с работ А. Богданова[4]. Согласно англо-саксонской политической мифологии, идея «другого», менее кровавого пути трансформации общества родилась как реакция на революционные потрясения начала XX в., последовавшую за ними контрреволюцию и появление ядерного оружия как реальной угрозы омницида. Одно из направлений невоенной трансформации – ненасильственное сопротивление – обосновал М. Ганди: он именовал его «сатьяграха». Сатьяграха означает настойчивость в осуществлении истины, сочетание истинности и твердости. Ганди считал сатьяграху «действенным способом сопротивления эксплуатации человека человеком, класса классом и нации нацией»[5]. В 1967 г. Фред Эмери, тогдашний директор Тавистокского института человеческих отношений, развивая идею многообразия форм организационного оружия, указывал, что синергетику «подросткового роя» на рок-концертах можно будет эффективно использовать для разрушения национального государства к концу 1990-х гг. В архивах издаваемого Тавистоком журнала Human Relations[6] есть доклад Фреда Эмери «Ближайшие тридцать лет: концепты, методы и предвидения», где потенциал сердитой молодежи рассматривается как оружие психического поражения – *истерия бунтарства*.

1 мая 1968 г. более ста тысяч человек вышли на улицы Парижа под очень своеобразными лозунгами: «Запрещается запрещать!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного! (Че Гевара)», «Секс – это прекрасно! (Мао Цзэдун)», «Воображение у власти!», «Все – и немедленно!», «Забудь все, чему тебя учили, – начни мечтать!» Ведущую роль в майском мятеже 1968 г. играли студенты и школьники. Рабочие лишь частично поддержали их бунтарский порыв. После этих событий студенчество стало одним из главных таранов, привлекаемых для выполнения демонтажа режимов. В большинстве современных революций основным субъектом применения организационного оружия являются и представители творческой интелли-

[4] Богданов А.А. Тектология – Всеобщая организационная наука. Берлин – Санкт-Петербург, 1922. Изд. 2-е: В 2 кн. М.: Экономика, 1989.

[5] Husein S. A. The Way of Gandhi and Nehry. New York – London, 1960.

[6] См.: URL:http://www.tavinstitute.org/ humanrelations (дата обращения: 15.01.2013).

генции, формирующие новые идеологемы и протокультуры. Альбера Камю, Джорджа Оруэлла, Герберта Маркузе, Антонио Грамши, Теодора Адорно, Жан-Люка Годара, Вильгельма Райха, Ги Дебора молодежный нонконформизм вдохновил на создание не только концепций контркультуры и новой революции, но и теории городской герильи, нашедшей теоретическое и практическое применение в середине и конце 1960-х, в разгар движения новых левых и хиппи.

Из теоретического наследия вышеперечисленных философов, писателей, политиков впоследствии черпались не только лозунги новых левых, но и стержневые постулаты философии и идеологии практически всех современных террористических и экстремистских организаций. В тот период выделились два магистральных направления дальнейшего развития организационного оружия. В 1968 г. Джин Шарп защитил в Оксфорде диссертацию на тему: «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», развитие идей которой послужило идейной основой последующих «цветных революций» XXI в.[7] Второе направление, бунтарско-террористическое, идейно и методически оформил Хуан Карлос Маригелла, опубликовавший в 1969 г. свой «Краткий учебник городской герильи»[8], который стал настольной книгой членов RAF («Фракция Красной Армии» – Германия), Brigate Rosse («Красные бригады» – Италия) и всех последующих террористических организаций.

Свойства студенческой молодежи как социальной группы таковы, что она мобилизует очень большой творческий потенциал – и в создании новых организационных форм, и в применении интеллектуальных и художественных средств. Это создает для властей неопределенность: отказ от применения силы при уличных беспорядках ускоряет самоорганизацию мятежной оппозиции, но в то же время насилие полиции чревато риском быстрой радикализации конфликта.

Сегодня можно смело утверждать, что многие методики применения организационного оружия пилотно запускались и в СССР – как раз в конце 1960-х гг. Можно вспомнить не только так называемый план Маршалла для умов (тайные операции, скупка ведущих журналистов, создание неформальных клубов агентов влияния), но

[7] Собственно оранжевые технологии разрабатывались, апробировались и были изложены в работе: Шарп Д. От диктатуры к демократии. М., 2004.

[8] См.: Mini-Manual of The Urban Guerrilla. Carlos Marighella. 1969.

и легальное расширение – под видом разрядки – межгосударственных культурных обменов с целью невидимой подмены понятий. Масса потенциально подрывных, прежде всего экуменических, молодежных организаций проникала в Советский Союз по разным каналам молодежного обмена под самыми невинными наименованиями. Та же французская «Молодежь и реконструкция», работавшая в составе интернациональных студенческих строительных отрядов в Петродворце под Ленинградом, была одним из филиалов YMCA (Young Men's Christian Association) – разветвленной псевдохристианской глобалистской структуры. Одновременно шла дальнейшая десакрализация базовых ценностей (вместо коммунизма и патриотизма – make love not war!), вырождение идеологического воспитания в чисто ритуальную идеологическую работу.

Рассмотрим процесс применения организационного оружия (активации патологической системы) на примере развала СССР и построения новой России. Первый этап: *разрушение базовой системы ценностей* (десакрализация высшей цели и ценности общества – коммунизма и ограничение исторического горизонта развития 1980 г. в Программе КПСС) и *молчаливое принятие ценностей общества потребления как перспективных* в форме разрядки и мирного сосуществования (при сохранении ритуальной борьбы с низкопоклонством, авангардизмом, стилягами и т. п.).

На этом этапе в обществе развивается так называемый *адаптационный синдром*, выраженный в напряжении всех уровней организации социума. В нашей истории это судорожные реформы начала 60-х годов XX в. финансовой, правовой, правоприменительной системы, армии, системы управления экономикой СССР. На его начальной стадии ярко проявляются феномены *идеологического и культурного растормаживания (шестидесятники)*[9] как характерные маркеры воздействия патологической системы, а также нарастают нарушения ритмической организации функциональных систем государства (отраслевые рассогласования, принимающие форму борьбы элитных группировок). При этом никаких критических мор-

[9] Показательным является современное почитание личности воинствующего атеиста Н.С. Хрущева в либеральном (неозападническом) истэблишменте России, унаследованное от шестидесятников. Поклонники генсека за его доклад на XX съезде КПСС, вызвавший восторг на Западе, предпочитают не вменять ему в вину и снесенные храмы, и кровавые издержки кампанейского и неподготовленного обратного переселения народов, и расправу над эстетикой неоклассицизма, и инверсию идеала социального освобождения (коммунизма) в потребительский суррогат.

фологических изменений в социуме социальными, политическими и экономическими исследованиями не фиксируется (стиляги, «двойной патриотизм» части евреев, смена методологии пропаганды проходят как издержки идеологических диверсий).

После накопления суммы критических изменений следует череда социальных кризисов, через которые осуществляется выход на псевдостабильный этап релаксирующего социального развития. В нашей истории это победа элитной группировки Л.И. Брежнева, подавление (вплоть до вооруженного) всех форм массовых социальных протестов как в нашей стране, так и в странах социалистического лагеря. Одновременно идет дальнейшая десакрализация базовых ценностей, вырождение идеологического воспитания в чисто ритуальную идеологическую работу. Это еще один из маркеров действия патологической системы (организационного оружия) – *возрождение ретроградно-символических форм поведения*, когда некое действие (комсомольское, партийное собрание) рассматривается большинством не как внутренняя социальная потребность, а как действие ритуальное (принесение жертвы), без которого невозможна карьерная, образовательная и любая другая самореализация. Основными акторами использования организационного оружия на данном этапе были представители не только правящей и творческой элиты, но и нарождающейся организованной преступности (цеховики); основными инструментами – их формальные и неформальные управленческие решения; распространяемые стандарты оценок и поведения.

Следующая стадия – *развитие патологического социального синдрома*. На этой стадии патологические проявления, выраженные в заметных изменениях структурных компонентов социума, сравнительно легко фиксируются известными методами социальных и экономических исследований, но результаты фиксации объявляются идеологической диверсией, так как могут противоречить генеральной линии. В нашей истории это хорошо иллюстрирует изменчивая роль социологии и судьба Ю. Левады.

В это время на социальном уровне фиксируется рост девиантности и делинквентности в поведении представителей пассионарных социальных групп, прежде всего молодежи. В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. в СССР развиваются движения КСП (клубов самодеятельной песни) и КТП (клубов туристической песни), впоследствии получившие обобщенное название бардовского движения. Благодаря этому явлению из молодежной среды был практи-

чески вытеснен блатной шансон и продемонстрирована возможность приемлемого для властей полулегального существования альтернативной официозу молодежной культуры. Используя образовавшийся канал, спустя короткое время свою нишу находит движение хиппи, панков, реконструкторов и многие другие андеграундные субкультуры, получившие наименование «неформальные объединения»[10].

С началом перестройки из *контркультурной среды, ставшей новым субъектом использования организационного оружия, выделяются субъекты, активирующие трансформацию исторической памяти* (общества «Память», «Мемориал», кинофильмы Т. Абуладзе «Покаяние», С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли»), а также политические протопартии. После «Пятилетки пышных похорон» (1982–1984 гг.) – естественного конца геронтократической элиты в руководстве КПСС – к власти в партии и государстве пришла команда М. Горбачева и А. Яковлева. Спешно начатые ею крупные кампании административного характера – ускорение развития народного хозяйства, антиалкогольная кампания, борьба с нетрудовыми доходами, введение госприемки, демонстрация борьбы с коррупцией – имели намеренно популистско-имитационный характер. Их закономерный провал позволил начать обоснованный и поддержанный всем обществом разговор о необходимости принципиальных реформ партии и государства.

После XIX партконференции КПСС (1989 г.) были приняты законы, сыгравшие решающую роль в реформировании политической системы. В их числе Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР», который ликвидировал ст. 6 о руководящей роли КПСС, а также Закон «О выборах народных депутатов», утвердивший выборы депутатов Советов на альтернативной основе. Отмена 6-й статьи Конституции СССР способствовала легализации деятельности новых политических партий.

Первой оппозиционной КПСС партией еще в мае 1988 г. провозгласил себя «Демократический союз». С апреля 1988 г. возникают народные фронты, первые национальные сепаратистские организации, носившие массовый характер: Народный фронт Эстонии, Народный фронт Латвии, «Саюдис» (Литва). Позже аналогичные

[10] См.: Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социологические исследования. 1987. № 5; По неписаным законам улицы. Энциклопедия неформальных объединений. М., 1988.

организации возникли во всех союзных и автономных республиках. Ультралиберальное направление представлял Демсоюз, выступавший за смену модели общественного развития. В мае 1990 г. оформилась крупнейшая партия либерального лагеря – Демократическая партия России, а в ноябре – Республиканская партия Российской Федерации.

В октябре 1990 г. на базе движения избирателей «Демократическая Россия» (созданного в ходе выборов народных депутатов СССР весной 1989 г.) оформилась одноименная массовая общественно-политическая организация, объединившая партии, общественные организации и движения либеральной направленности. Социал-демократическое направление было представлено двумя основными организациями: Социал-демократической ассоциацией и Социал-демократической партией России. В июне 1990 г. была основана Социалистическая партия. Анархистское направление нашло отражение в деятельности «Конференции анархо-синдикалистов» и Анархо-коммунистического революционного союза.

Политический плюрализм затронул и крупнейшую политическую силу – КПСС. В 1990 – начале 1991 г. в ней обозначились пять направлений: социал-демократическое, «Демократическое движение коммунистов», центристское, «Марксистская платформа в КПСС», традиционалистское. Каждое из них предлагало свой вариант реформ. На базе КПСС были созданы партии социалистической направленности (Народная партия свободной России, Социалистическая партия трудящихся), прокоммунистической ориентации (Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия). С осени 1990 г. началось формирование политических партий, выступающих с позиций праворадикального переустройства общества: Русская национал-демократическая партия и др. Осенью 1991 г. возникли религиозно-политические организации: Российское христианско-демократическое движение, Исламское возрождение. При всем многообразии партий и движений в центре политической борьбы находились два политических направления: условно коммунистическое и условно либеральное. Либералы (демократы) выступали как бы сторонниками коренных реформ, а коммунисты – сторонниками сохранения старого строя.

Легализация многочисленных политических субъектов позволила еще интенсивнее продолжить процесс десакрализации тради-

ционных ценностей и выдвижение в качестве живой альтернативы ценностей общества потребления, замены идеалов коллективизма идеалами индивидуализма. Особой популярностью стал пользовать лозунг Н. Бухарина «Обогащайтесь!». Был введен критерий «экономической целесообразности» при оценке государственной социальной политики. Наглядно деструктивность этого процесса видна в экономико-криминологической области. Если в начале этого этапа (середина 1960-х – середина 1970-х гг.) появление цеховиков (экономической формы организованной преступности) было связано с реальной невозможностью обеспечить возросшие потребительские потребности населения в условиях плановой экономики, то в дальнейшем они (цеховики) стали основным инструментом перевода криминальных сокровищ в будущий промышленный капитал. Программой «500 дней» Шаталина – Явлинского, программой перехода плановой экономики Советского Союза на рыночную экономику в целях преодоления искусственного экономического кризиса 1990 г. и реализации прав граждан на лучшую, более достойную жизнь, криминальные капиталы рассматривались как основной финансовый ресурс дальнейших реформ. Фактически это означало оформление союза правящей элиты и организованной преступности, которую Е. Гайдар впоследствии назовет «неизбежным процессом обмена власти на собственность»[11].

На этой стадии развития патологического синдрома вернуть социальный организм к нормальному функционированию уже крайне сложно[12], поскольку развитые патологические звенья саморегуляции, зафиксированные и в историческом опыте, из внешней социокультурной среды начинают работать в режиме усилителя деструкции. В новейшей истории это особенно заметно на примере деградации идеологического аппарата и превращения его в сеть агентов влияния враждебной потребительской идеологии. Старый комсомольский лозунг: «Не можешь остановить – возглавь!» реализовался в центрах НТТМ, которые были созданы в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ВЛКСМ от 13 марта 1987 г. № 321 «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи». Центры создавались при райкомах комсомола. К началу 1990-х гг. в СССР

[11] Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.

[12] При условии, что в государстве нет организации, которая бы хотела и умела вылечить организм; пример СССР в данном случае нельзя обобщать.

насчитывалось уже более 600 центров НТТМ, они пользовались большими льготами – не платили никаких налогов, но отчисляли 3% дохода в общесоюзный фонд НТТМ и 27 % – в местные фонды, которыми распоряжались координационные советы НТТМ. Согласно уставу, средства НТТМ могли вкладываться только в производство. На самом деле система НТТМ была формой крышевания кооперативного движения и накопления финансовых и организационных ресурсов для участия в предстоящем процессе приватизации.

Для развитых стадий деструктивных процессов, вызванных патологической системой, характерно напряжение процессов саморегуляции всех подуровней, вовлеченных в процесс возвращения к норме функций. Для этого задействуются все информационные, энергетические и политические ресурсы, пока не происходит поломка наиболее чувствительных звеньев. Одновременно имеет место активация не только *ретроградных форм поведения, но и мышления, возрождающего реликтовые формы общественного сознания*: феноменальный успех А. Кашпировского и А. Чумака говорит о резкой массовой замене рационального мышления мифологическим желанием поверить в чудо у значительного числа населения страны. То, что это не спонтанный процесс, а использование организационного оружия правящими элитами, подтверждается предоставлением им эфирного времени на ведущих телеканалах страны в прайм-тайм, что в условиях даже позднего СССР было невозможно без одобрения на самом высоком уровне.

Религиозное сознание граждан нашей страны к началу перестройки представляло собой благодатную почву для произрастания самых разных нетрадиционных конфессий и сект. К началу перестройки, когда в Бога верили лишь 10 % населения (различные социологические исследования конца 1970-х – середины 1980-х и даже 1987–1988 гг. стабильно показывали 7–12 % верующих), неизмеримо большему числу людей были присущи всякого рода нетрадиционные верования. Наиболее заметными, вездесущими стали всякого рода парарелигиозные учения, связанные со здоровьем, нетрадиционными методами лечения. Экстрасенсы, практически маги, изобретатели диет, образа жизни и т. д. и т. п. Целительство – не только основа для появления новых сект, но и почти необходимая черта сект, появляющихся на совсем других идейных основаниях. С начала 1970-х гг. в СССР широко распространились, как правило, сильно примитивированные восточные верования или их фрагменты. В

первую очередь всякого рода заимствования из буддизма, индуизма, йоги, в меньшей степени – даосизма и ислама. Особую роль в адаптации всякого рода восточных верований к условиям современной России играла успешная инфильтрация в общественную среду рериховского движения (Агни-йоги), возникшего в 1920-е гг. Организованное обычно в форме разного рода полузакрытых клубов и ассоциаций, в чистом виде оно до сих пор не структурировалось в жесткие, дисциплинированные организации. Однако многие его идеи служат закваской сектантских организаций, а из участников рериховских обществ рекрутируются не только их члены, но иногда и лидеры.

Важнейший мировоззренческий элемент перестроечного сектантства – паранаучные идеологии, которые часто легко вплетались в совершенно первобытные идейные конструкции. Вера в НЛО, снежного человека, контакты с внеземными цивилизациями – лишь самое заметное из этого ряда. В первые годы перестройки наиболее заметными, быстро растущими в России оказались несколько иностранных миссионерских сект, в первую очередь муниты (Церковь объединения, или унификации), «Аум Синрике»*[13] и саентологи*[14]. Их бурный успех, причем именно в тот период, вполне объясним. Массовая кристаллизация отечественных сект не может произойти быстро: необходимо какое-то время для свободного распространения информации, первичной организации общин и идей, выделения харизматичных лидеров. Иностранные сектанты-миссионеры приехали с деньгами, крепкой организацией, отшлифованными методами работы.

К тому же общественная атмосфера конца 1980-х – начала 1990-х гг. была благоприятна как никогда после: религия была реабилитирована, а любой иностранный продукт был заведомо более желанным[15]. С точки зрения теории адаптации в этот момент происходит срыв адаптационных процессов. Применительно к социуму это выглядит как *тотальная идеологическая дезориентация и поведенческая криминализация общества* (от растущей девиантности разных социальных слоев к делинквентности и далее к криминаль-

[13] Упоминаемое международное религиозное объединение «Аум Синрике» признано террористической организацией и запрещено в России.

[14] Деятельность упоминаемой организации саентологов признана нежелательной в России.

[15] Филатов С. Современная Россия и секты // Иностранная литература. 1996. № 8.

ным формам поведения и паракриминализации большинства форм социальных отношений). В новейшей истории России наиболее ярко это проявилось в конце 1980-х – середине 1990-х гг.[16].

Эта стадия патологического синдрома характеризуется еще большим – компенсаторным – напряжением, попыткой *тотальной перестройки государственной системы с целью перераспределения нагрузок на структуры, еще способные выполнять свои функции (ГКЧП)*.

На данной стадии основными акторами использования организационного оружия по-прежнему оставались правящие и творческие элиты, но уже в союзе с оформившейся организованной преступностью и бывшими идеологическими противниками, выступающими в роли экспертов в деле проведения реформ, новые политические, конфессиональные и общественные субъекты. Основные инструменты – формальные и неформальные управленческие решения, новая идеологическая парадигма, распространяемые стандарты оценок и поведения, мода. На данном этапе впервые начинается широкое использование всех форм манипуляторных технологий в работе средств массовой коммуникации и их постепенный вывод из-под идеологического контроля партии и государства (под флагом политики гласности)[17].

Закономерный провал ГКЧП и последовавший за ним распад СССР[18] ознаменовали начало новой стадии развития патологической системы – *патологическую перестройку функциональной системы государства*.

Мировоззренческой основой этой стадии для большинства населения стал аксиологический кризис: то, что вчера считалось добром, сегодня стало злом, а вчерашнее зло претендовало на место

[16] См.: Сундиев И.Ю. Криминологические компоненты социальной динамики современной России // Бизнес и политика. 1995. № 10; Сундиев И.Ю. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу // Экономические стратегии. 2010. № 1–2.

[17] Индустрия российских средств массовой информации. Проект доклада. М., 2002.

[18] См.: Кургинян С. Седьмой сценарий: в 3 ч. Часть 1. До путча. Часть 2. После путча. Часть 3. Перед выбором. М., 1992; Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000; Кара-Мурза С. Антисоветский проект. М., 2002; Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М., 2007; Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. М., 2010; Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) / под общ. ред. С. Шахрая: в 2 т. М., 2012.

добра[19]. Дихотомия добро-зло потеряла свою определенность, вместо нее экспертами по реформам была навязана универсальная ценность – *выгода*, причем не общественная (привычное всем общественное благо), а именно *выгода индивидуальная*. Тем самым заменялись своими противоположностями две важнейшие скрепы нравственной структуры российского общества – *нестяжательство и общинность*. Патологическая перестройка предполагает в первую очередь *смену целеполагания*: вместо *развития* основной целью становится *выживание любой ценой*, вплоть до разрыва функциональных связей. Хаос, образовавшийся после распада СССР, практически разрушил привычные системы государственного, экономического управления, вызвал перебои с продовольственным и энергетическим снабжением населения, угрозу голода и коммунального коллапса. В этих условиях манипулировать населением и теми, кто рвался в правящие элиты, для инициаторов применения организационного оружия становилось необычайно легко: население получало гуманитарную помощь, чтобы не умереть с голода, а к каждому чиновнику, обязанному принимать решения, был приставлен специалист по реформированию, который буквально диктовал нужные (им) управленческие решения[20].

Уже на этом этапе (1991–1995 гг.) инициаторы применения организационного оружия получили следующие бонусы:

устранение стратегического военного и идеологического противника;

практически бесплатные поставки всех видов ресурсов;

огромный, незащищенный де-юре и де-факто российский рынок;

согласие по всем внешнеполитическим вопросам;

устранение конкурента на многих товарных рынках;

устойчивый поток умных, образованных и непритязательных мигрантов;

---

[19] Особенно это заметно по переписыванию истории (раскрытие темных пятен истории), начавшемуся в период перестройки и с конца 1991 г. приобретшему глобальный манипулятивный характер.

[20] Гарвардский профессор Джеффри Сакс официально консультировал российское правительство. В посте @kovane «Роль Запада в российских реформах: чему не учат в Гарварде», опубликованном в politrash.ru, рассказывается, что степень вовлеченности западных советников в процесс реформ был беспрецедентным (они располагались в одном здании с Государственным комитетом по имуществу), большинство решений оформлялось как президентские указы в обход Верховного Совета.

одностороннее разоружение России и установление контроля за ее оставшимися стратегическими силами, ВПК и оборонными исследованиями;

выплата финансовой дани в виде размещения золотовалютных резервов государства в зарубежных банках под минимальный процент и введения долларового обращения как параллельного наравне с рублевым;

демографическая катастрофа в государстве-мишени (впервые в российской истории смертность населения стала устойчиво опережать рождаемость).

Для достижения долговременного (по возможности необратимого) стратегического эффекта командой младореформаторов во главе с экспертами по реформам в Основной закон государства (Конституцию) были заложены смысловые мины.

Во-первых, в ст. 13 Конституции РФ был закреплен отказ государства от одной (общегосударственной) идеологии. Конституция «устанавливает, что в Российской Федерации признается *идеологическое многообразие*. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Фактически это означает, что государство должно *отказаться от собственного национального проекта развития*.

Во-вторых, ч. 5 ст. 29 Конституции РФ устанавливает *полный и абсолютный запрет цензуры* как гарантию свободы массовой информации. Фактически это означает, что *при запрете на собственный национальный проект государство не имеет права противостоять любым попыткам навязать ему чуждый*.

В-третьих, любое нормотворчество, *способное поколебать сложившийся порядок*, ограничено п. 4 ст. 15 Конституции РФ. В этой норме закреплен *общий принцип примата международного права над национальным законодательством*[21].

После показательного расстрела собственного Парламента, начала Первой чеченской войны, фарсовых выборов 1996 г., итогов приватизации, семибанкирщины и организации дефолта 1998 г. многим казалось, что у нашего общества и государства не осталось внутренних ресурсов для того, чтобы отойти от *терминальной черты*. Накал манипулятивных воздействий был такой, что, казалось, сознание всех общественных групп подчинено мемам:

[21] См.: Конституция Российской Федерации (Основной закон). М., 1993.

Россия – «темная территория» без исторической перспективы.

«Патриотизм – последнее убежище негодяев».

Любая заграница – лучше русской действительности.

Начало Второй чеченской войны означало полную уверенность инициаторов применения организационного оружия в начале распада России по примеру СССР, который остается закрепить чисто техническими средствами[22]: население деморализовано, власть готова выполнять все поступающие указания, система управления отформатирована под внешнее управление, то есть *государство уже готово к суициду*.

Однако функциональная система общественного сознания (и общества в целом) продемонстрировала *неожиданную упругость и наличие резервов* противодействия дальнейшей патологизации и суицидолизации: наращивание внешнего давления и манипулятивной пропаганды уже не давало необходимого эффекта. Вынужденная ротация верхнего эшелона власти на рубеже 2000-х гг. предполагала смену портретов при сохранении курса, однако внутреннюю потребность большей части общества в восстановлении справедливости и самоуважения игнорировать было уже нельзя. Сложилась парадоксальная ситуация: потребность общества прямо противоречила дальнейшей деструкции, а все технологии, применявшиеся до сих пор правящими элитами, не могли (да не были предназначены) дать ничего другого. Выход нашелся в имитационной деятельности: многочисленные федеральные целевые программы, национальные проекты, широко обсуждаемые и рекламируемые, превратились, с одной стороны, в демонстрацию перехода власти на путь созидания и заботы о населении, с другой – в еще один источник разворовывания бюджетных средств.

Неожиданная эффективность защитной реакции функциональной системы российского общества и гипотетическая возможность восстановления СССР заставила инициаторов применения организационного оружия сменить тактику. Череда цветных революций на постсоветском пространстве, во-первых, минимизировала возможность восстановления Союза; во-вторых, позволяла отработать новые когнитивные и информационные технологии деструкции; в-третьих, позволяла готовить кадры новых революционеров;

[22] См.: URL: http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php (дата обращения: 14.01.2013).

в-четвертых, создала прецедент использования этих технологий и кадров на российской территории[23].

Цветная революция, несмотря на длительную информационную и когнитивную подготовку[24], в России не прошла главным образом из-за ориентации оранжевых технологий на манифестные формы реализации, во главе которых должен стоять креативный класс. В России класс, который называют креативным классом, заметен только в медийной среде, а манифестная политика реально интересует меньшую часть населения[25]. Но практически готова технологическая база версии «Цветная революция 2.0», основанная на отработанных технологиях «арабской весны»[26].

Нынешняя стадия патологической трансформации функциональной системы российского общества и государства, вызванная применением организационного оружия, характеризуется своеобразным состоянием общественного сознания: «Надоело бояться и чувствовать себя униженным!» Надо помнить, что Россия – это социальный организм, за век переживший более десятка терминальных кризисов, среди которых четыре революции, две мировые и полторы гражданские войны, две модернизации и почти три десятилетия целенаправленного разрушения модернизационного потенциала. Сюда надо добавить два аксеологических переворота (1917 и 1991 гг.). Образовавшийся в результате подобного перманентного экстремума социум и составляющие его граждане приобрели совершенно уникальные характеристики, которые требуют специального осмысления.

---

[23] См.: Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. На пороге оранжевой революции. М., 2005; Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. Революции на экспорт. М., 2006; Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. Алетейя, 2008; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009; Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? М., 2010; Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М., 2010.

[24] Интересно, что, по данным исследования «Информационная война против России», кроме специально созданного для реализации цветной революции мультимедийного концерна «Дождь» остальные, даже принадлежащие государству, печатные и электронные СМИ, размещают у себя откровенно русофобский контент, занимающий большую часть полос и эфирного времени. См.: Информационная война против России. URL: http://ruxpert.ru/ (дата обращения: 14.01.2013).

[25] Новая протестная волна. 2012; Аналитический доклад Фонда развития гражданского общества. М., 2012; Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. Аналитический центр Юрия Левады (ЛевадаЦентр). М., 2012.

[26] См.: Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты «арабской весны»: Русская версия. М., 2012; Эль Мюрид. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. М., 2013.

Как показала новейшая история, выраженная устойчивость к патологическим воздействиям информационного оружия имеется у всех государств-социумов, ранее воплощавших в своем государственном строительстве реальные принципы социальной справедливости. То, что имплантация патологической системы не всегда приводит к деструкции государства и социума (по крайней мере такой стремительной, как планирует наступающая сторона), свидетельствует о возможности нейтрализации негативных воздействий. Возможности элиминирования патологической системы как ведущего фактора организационного оружия находятся в психосоциальной и культурной сфере общества. Это означает, что внешние, то есть формальные способы противодействия организационному оружию (политические, экономические, военные и др.) в их классическом виде уже категорически не пригодны – требуется подбор адекватных и специфических средств и методов. Прямое и непосредственное влияние на патологическую систему – воздействие на нее в лоб по принципу «атака на атаку» (угол падения равен углу отражения) – не может быть результативным. Более того, на организацию контратаки все так же будут расходоваться ресурсы социальной функциональной системы, что тоже входит в замысел противника.

Глобальное переформатирование мира демонстрирует глобальный размах использования организационного оружия наднациональными, надгосударственными структурами[27]. Как следствие – патологические системы уже запущены в большинстве государств[28]. Наше знание механизма действия патологических систем должно стать основой противодействия на национальном и глобальном уровнях.

---

[27] Показательно, что еще в 1970 г. Римский клуб намеревался использовать идею глобальной матрицы (G-Matrix), чтобы навязать людям образ мышления, в котором вопросы защиты окружающей среды и необходимости регулирования численности мирового населения воспринимались бы всеми в качестве основных общечеловеческих ценностей. «В поисках нового врага, который объединил бы нас, нам пришло в голову, что на эту роль подойдут идеи загрязнения, угрозы глобального потепления, нехватки питьевой воды, засухи и прочего. Все эти опасности являются результатом деятельности человека. Преодолеть их можно, только изменив отношение и поведение людей. Поэтому настоящий враг – это само человечество». См.: Первая глобальная революция. Доклад Римскому клубу. М., 1991.

[28] См.: Дугин А. Время объявить войну мировому правительству // Геополитика. 2013. № 59 (январь); URL: http://spkurdyumov.narod.ru/ furs.htm (дата обращения: 15.01.2013); Неклесса А. «Кризис мировидения». Доклад, представленный 5 декабря 2012 г. на заседании семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатории «Север – Юг» и Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФ РАН.

1.8. Специфика восприятия экстремального события представителями различных типологических групп и их учет в аналитической работе[1]

Понятие экстрима

В современной публицистике термин экстрим крайне популярен и используется для обозначения резко отличных от нормы условий, ситуаций, характера деятельности, стиля мышления и образа жизни, социальной позиции, направления моды, является одной из модификаций классического для ряда наук понятия экстремальности. В математике понятие экстремальности связано с предельным выражением характеристик функций и функционалов и служит для обозначения и максимума, и минимума, и для объединения этих понятий в одно (например, «экстремумы функций»). В экономических моделях в качестве экстремумов целевых функций могут выступать максимизация нормы прибыли, максимизация выпуска продукции, минимизация затрат, минимизация рабочего времени и т. п. Возможны различные их сочетания (например, максимум прибыли, минимум затрат, максимум качества продукции, минимум рабочего времени). В биологии говорят об экстремуме, если имеет место аномалия, выводящая организм за пределы адаптивной нормы: переохлаждение, перегрев, перевозбуждение и им подобные. Максимальное соответствие адаптивной норме понимается как оптимальное состояние, но и аномальное (минимум адаптивной нормы), и оптимальное (максимум адаптивной нормы) есть отображения крайних (предельных) состояний – то есть экстремумов. С развитием теории систем в социальных науках экстремальное событие стало пониматься не только как выходящее «за рамки нормального хода событий (но не ошибочное)», но и «обладающее решающим значением для дальнейшего развития, генерирующим бифуркационный хаос» (то есть множественность равновероятных линий развития). С точки зрения права любое криминальное событие является экстре-

[1] Сундиев И.Ю. Специфика восприятия экстремального события представителями различных типологических групп и их учет в аналитической работе // Информационные войны. 2014. № 2 (30). С. 2–8.

мальным и для граждан, и для государства. В политологии наиболее экстремальными социальными явлениями считаются экономические кризисы, войны и революции.

Применительно к целям нашей статьи введем несколько ограничивающих условий. Во-первых, нас интересует экстрим и различные формы экстремальности лишь в отношении к социуму и человеческой деятельности (жизнедеятельности). Например, климатические, погодные аномалии могут рассматриваться в качестве экстремальных факторов только при условии, что они прямо или косвенно влияют на социум через жизнедеятельность составляющих его людей. Во-вторых, экстремальность конкретных условий (ситуаций), режимов, процессов рассматривается нами применительно к конкретному состоянию социума, режиму власти, виду деятельности. Например, допустимый уровень шума для различных видов деятельности, «допустимый» уровень насилия для различных исторических и социокультурных сообществ и т. п. В-третьих, содержание, вкладываемое в понятие экстрима (экстремума), зависит от уровня познания объективных закономерностей развития и функционирования той или иной социальной, культурной среды, группы, личности. Сейчас наиболее ярко это проявляется в этносоциальных отношениях, когда незнание, неадекватная оценка этнокультурных особенностей представителей другой социальной группы, их специфической реакции на различные жизненные ситуации способны провоцировать лавинообразное развитие конфликтов на микро- и макросоциальных уровнях.

В-четвертых, мы считаем, что различные формы социальной экстремальности имеют исторически необходимый характер, определяемый самим ходом социального развития. Процесс познания, овладения новыми формами и видами деятельности всегда выходит за границы уже познанного, освоенного, того, что в настоящее вре-мя считается нормой. Познав закономерности развития неких социальных явлений, человек может нейтрализовывать негативное воздействие экстремальных факторов. Но при дальнейшем развитии социума, расширении его физических границ и функциональных возможностей всегда появляются новые экстремумы, качественно превосходящие предыдущие. В-пятых, любой экстрим (экстремум) – это «шоковый стимул» для личности, включающий механизмы адаптации к новым условиям. В зависимости от интенсивности и продолжительности экстремального воздействия, его направленно-

сти адаптационные процессы способны необратимо трансформировать личность.

Типологические группы

В соответствии с результатами исследований автора[2], люди, оказавшиеся в экстремальных условиях, по своим мотивациям, специфике восприятия события и стилю поведения делятся на три группы:

пассионарии (к ним типологически примыкают адреналиновые наркоманы, они же – спортсмены-экстремалы);

жертвы;

профессионалы.

Пассионарии

Концепция пассионарности предложена Л.Н. Гумилевым в рамках теории этногенеза. В соответствии с ней пассионарность – это «характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников». Исторический анализ формирования этносов в Европе и Азии позволил Л.Н. Гумилеву обосновать вывод о том, что «пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой психической конституции данного человека; она не имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество, разрушения, благо и зло, исключая только равнодушие; она не делает человека "героем", ведущим "толпу", ибо большинство пассионариев находятся в составе "толпы", определяя ее потентность в ту или иную эпоху развития этноса». И далее: «*Модусы пассионарности* разнообразны: тут и гордость, стимулирующая жажду власти и славы в веках; тщеславие, толкающее

[2] См.: Сундиев И.Ю. Некоторые методологические и методические вопросы исследования профессиональной деятельности в экстремальных условиях. В сб.: Юридическая психология. Сундиев И.Ю. Тезисы научных сообщений к XI Всесоюзному съезду общества психологов СССР. М., 1983; Сундиев И.Ю. Особенности деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях мирного и военного времени. М., 1984; Сундиев И.Ю. Профессионал в экстремальных условиях // Социологические исследования. 1998. № 4. 1988. Сундиев И.Ю. Личность, группа, общество в экстремальные периоды развития. М., 1993; Социальные и психологические экстремальные процессы. М., 1996; Сундиев И.Ю. Экстрим и экстремизм как инструменты трансформации личности. М., 2010.

на демагогию и творчество; алчность, порождающая скупцов, стяжателей и ученых, копящих знания вместо денег; ревность, влекущая за собой жестокость и охрану очага, а примененная к идее – создающая фанатиков и мучеников. Поскольку речь идет об энергии, то моральные оценки неприменимы: добрыми или злыми могут быть сознательные решения, а не импульсы». Высшую степень пассионарности Л.Н. Гумилев обнаруживает у самых самоотверженных людей, у тех, кто может «жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном небрежении ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности, и прочих страстей»[3]. Для иллюстрации исследуется мотивация известных исторических деятелей. К пассионариям высшей степени он относит тех выдающихся политических деятелей, которые ради своих страстей готовы пожертвовать всем, даже собой. Это Наполеон Бонапарт, основной мотив поведения которого – жажда деятельности; Александр Македонский, очевидная иррациональность действий которого объясняется крайней степенью выраженности у него честолюбия и гордости; неукротимый Чингисхан; Люций Корнелий Сулла, человек невероятно тщеславный и завистливый; страстно убежденные Ян Гус, Лютер, Кальвин, Савонарола, Иоанн Лейденский и Жанна д'Арк; неистовый протопоп Аввакум; идущий на крайний риск Ганнибал; фанатичный Игнатий Лойола; «любовник бранной славы» Карл XII. Менее пассионарны те, которые во что бы то ни стало (но все же не ценой своей жизни) стремятся к идеалу победы. Ниже по шкале располагаются пассионарии «меньшего накала». И все они тоже идеалисты. Одни устремлены к успеху, а другие – к идеалу знаний и творчества. Ведь истинный ученый имеет один смыслообразующий мотив деятельности, а искусство, как известно «требует жертв». Но жертвы эти бескровные: «при невысокой пассионарности и достаточных способностях люди самопроявляются в областях, не связанных с риском: в искусстве, науке, преподавании и технических изобретениях»[4]. Еще ниже пассионарность у ищущих удачу с риском для жизни прагматиков-авантюристов (Индиана Джонс). Минимальной пассионарностью обладают энергичные люди, которые стремятся обустроить свою жизнь, ничем не рискуя – те, кто согласно СМИ составляют идеал современного успешного человека.

[3] Гумилев Л.Н. Этногенез. М., 1990.
[4] Там же.

События последних лет показали, что концепция пассионарности применима не только к анализу глобальных исторических процессов, но и для понимания происходящего здесь и сейчас. Управления пассионарной энергией населения одинаково важно для всех государств. В России решение традиционно облегчалось геополитическим положением: необходимостью осваивать новые территории, защищать освоенные рубежи, ассимилировать новые культуры, а также – преимущественно мобилизационным типом экономики. Начало XXI в. характеризуется истощением традиционных средств «канализации» (целевого направления) пассионарности населения в государственно-приемлемые формы не только в России, но и большинстве «цивилизованных» стран. На географической карте Земли не осталось «белых пятен»: пространства открыты, изучены, осваиваются. Окончились войны, которым можно было придать справедливую окраску. Борьба за освоение природных ресурсов считается менее приоритетной, чем охрана окружающей среды. На смену идеологическим войнам пришло добровольное принятие «общечеловеческих» ценностей. «Стройки века» прекращены из-за отсутствия финансирования и т. п. Широко рекламируемые экстремальные виды спорта из-за дороговизны снаряжения доступны немногим. Нынешний сознательный отказ Российского государства от целенаправленного регулирования пассионарной энергии своих граждан уже привел, во-первых, к резкому росту ультрарадикальной (до экстремистской) социальной самодеятельности молодежи, во-вторых, к широкой экспансии внешних экстремистских организаций (от тоталитарных сект до политических движений и эзотерических орденов).

Попытки замены реальных форм реализации пассионарной энергии масс и отдельных личностей на «виртуальные», предпринимаемые в рамках развития информационных технологий (компьютерные игры в широком смысле), пока имеют прямо противоположный эффект. В России эта форма «виртуализация героизма» носит предельно агрессивный характер (и в СМИ, и в сетевых развлечениях). Логика авторов информационной политики: человек, совершающий в ходе компьютерных игр «героические подвиги» и трансформирующий «виртуальную жизнь» по своим представлениям о добре и зле, полностью растрачивает на это всю свою «избыточную» пассионарную энергию и в реальности стабилизируется как «нормальный» (предельно управляемый) гражданин. Практика

показывает, что агрессия, навязываемая этими играми как единственный способ решения жизненных проблем и выплеска пассионарной энергетики, не только не сублимируется виртуальностью, но и становится типовым способом поведения субъекта в реальности, свидетельством чему становятся судебные процессы над геймерами, завершающими битвы в онлайне (виртуале) убийством своих противников в оффлайне (реале).

Жертва

Если пассионарий мотивирован на экстремум как средство самореализации («А он, мятежный, ищет бури…), то для большинства людей экстремум – это пугающее, травмирующее явление. Уже в 80-е гг. XX века сложилось понятие *«психическая травма» (психотравма) – событие, которое воспринимается человеком как угроза его существованию, которое нарушает его нормальную жизнедеятельность, становится для него событием травматическим, то есть потрясением, переживанием особого рода*[5]. Основной контингент лиц, перенесших психическую травму, – это вынужденные переселенцы и беженцы, жертвы захвата в заложники, люди, пережившие бомбежки, обстрелы, гибель родственников, разбойные нападения, а также широкомасштабные природные и техногенные катастрофы. Близкую к ним и наиболее изученную группу представляют жертвы криминального насилия[6].

Главное содержание психологической травмы составляет утрата веры в то, что жизнь организована в соответствии с определенным порядком и поддается контролю[7].

Травма влияет на *восприятие времени*, и под ее воздействием меняется *видение прошлого, настоящего и будущего*. По интенсивности переживаемых чувств травматический стресс от пребывания в экстремуме соразмерен со всей предыдущей жизнью. Из-за этого он кажется наиболее существенным событием жизни, как бы «водоразделом» между происшедшим до и после травмирующего события, а также всем, что будет происходить потом. В зависимости от индивидуального опыта, устойчивости личностных структур, социального окружения, а также – полученной (или не полученной) посттрав-

[5] См.: Черепанова Е.М. Психологический стресс: помоги себе и ребенку. М., 1996.

[6] См.: Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М., 2010.

[7] См.: Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. Том 2. От психической травмы к психотрансформации. М., 2006.

матической реабилитационной помощи, картина пережитого экстремального события может значительно различаться как по сути, так и в деталях.

Профессионал

Экстремум необратимо трансформирует личность, но в каждом социуме есть люди, которые профессионально работают в экстремальных условиях. Эта деятельность крайне необходима социуму (например, аварийно-спасательные службы, силовые подразделения), но ее выбирают очень разные люди по самым различным мотивам. Кто и почему? Во-первых, лица в маргинальной стадии нонконформизма. В условиях стабильного социума их самореализация крайне затруднена. Наиболее полно их психотипу отвечает балансирование на грани нормы и экстремума, для них переживание опасности является жизненной потребностью, а ее отсутствие вызывает «адреналиновую тоску». Характерным отличием специалистов подобного рода является практически полное отсутствие морально-нравственных барьеров, основной сдерживающий стимул – должностные инструкции и угроза лишения (сокращения) денежного довольствия. Во-вторых, молодежь, для которой проблема самореализации гиперактуальна. Стремление развивающегося человека выйти за пределы дозволенной нормы вполне естественно, так как только таким образом можно убедиться в справедливости или ошибочности норм социума. Деятельность в экстремальных условиях представляет молодому человеку наибольшие возможности для самоутверждения и самореализации. Кроме того, тяга молодежи к экстремуму имеет и эволюционное значение: для молодежи характерны нетривиальные решения, которые при их успехе увеличивают адаптивный потенциал социума в целом, а в случае неуспеха – потеря малоопытного юноши для того же социума – трагична, но не опасна. Широко известно достаточно цинично высказывание Наполеона о том, что «лучшие солдаты – это молодые люди 12–14 лет, им неведом страх смерти, они жаждут славы и выполнят любой приказ». В современной реальности – большинство террористов-смертников – молодые люди до 20 лет. В-третьих, лица, стремящиеся кардинально сменить свой образ жизни и среду обитания из-за невозможности решить обычным путем свои бытовые проблемы и конфликты с ближайшим окружением. Такую форму «социальной реанимации через экстремум» выбирают многие военнослужащие-контрактники,

зимовщики, рыбаки. В-четвертых, лица, желающие получить моральные и материальные блага, которые общество обеспечивает (точнее, обещает обеспечивать) тем, кто работает в экстремальных условиях. Для большинства представителей этой группы сам факт их согласия работать в экстремуме уже обязывает общество по отношению к ним и в случае несправедливости вознаграждения они готовы взять «причитающееся» самостоятельно.

Наиболее успешен в экстремальных условиях высокообразованный, опытный, имеющий устойчивые и прочные морально-нравственные ориентиры специалист, прочно привязанный к обычным условиям семьей, детьми, домом и многим тому подобным, обеспечивающий себе и своей семье высокое качество жизни и имеющий государственные гарантии для себя и семьи в связи с высокой вероятностью «несчастного случая на производстве». Это идеальный вариант, крайне затратен в содержании для государственной машины. Поэтому в реальности в каждом социуме используются специалисты всех типов, включая «одноразовых» фанатиков, и после любой крупной военной кампании, в любом обществе возникают проблемы реадаптации молодых солдат. Иногда с этими проблемами удается справиться путем многолетних, многомиллионных федеральных программ (лечение «вьетнамского синдрома» в США 1975–1990 гг.); в России конца XX в. многие ветераны афганской и первой чеченской кампаний пополнили ряды либо криминала, либо экстремистских сообществ.

Механизмы влияния экстремума на поведение и мышление: многовариантный катарсис

То, что экстремальное событие способно изменять человека (трансформировать его личность), было известно еще в древности, и этот механизм получил название *катарсиса*. Изначально в понятие катарсиса входило понятие механизма изменения личности в процессе переживания экстремального события (приобретение «вредных» и «полезных» аффектов) и способов избавления от «вредных» аффектов стимулированием «полезных» посредством искусства (говоря современным языком – использование художественных произведений для терапии посттравматических синдромов). Впоследствии механизм катарсиса стал использоваться для целенаправленных трансформаций личности в процессе мистерий и позднее – орденских инициаций.

В «Поэтике» Аристотеля, понятие катарсиса входит в определение трагедии: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определенный] объем, [производимое] речью, услащенной поразному в различных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством страдания и страха очищение (katharsis) подобных страстей»[8]. В тексте трактата оно остается не разъясненным, что привело к появлению за 24 века более полутора тысяч интерпретаций, часто выходящих далеко за пределы тех эстетических и психотерапевтических установок Аристотеля, которые известны нам более полно и поддаются систематическому описанию.

Использование механизма катарсиса в процессах инициации, то есть самых закрытых орденских практиках, привело к тому, что продолжительное время он (катарсис) воспринимался «непосвященными» лишь как одна из малозначимых эстетических категорий. Только в 1909 г. И. Брейер и З. Фрейд перенесли понятие катарсис из эстетики в психологию, обозначив им высвобождение энергии подавленных аффектов посредством вспоминания и вербализации вытесненного переживания. Как психологическое понятие оно до сих пор используется относительно широко.

В современной политической и социальной практике можно говорить как о спонтанном катарсисе жертв природных катаклизмов и вооруженных конфликтов, так и о целенаправленном «псевдокатарсисе», вызываемом с помощью информационных технологий у представителей различных групп и сообществ, в том числе экстремистской направленности. Динамика индивидуальной реакции на экстремальное событие, способное привести к гибели, как правило, выглядит следующим образом[9].

1. «Стадия витальных реакций на терминальную угрозу» – длительность от нескольких секунд до 5–15 минут, когда поведение практически полностью подчинено императиву сохранения собственной жизни с характерными сужением сознания, редукцией моральных норм и ограничений, нарушениями восприятия временных интервалов и силы внешних и внутренних раздражителей. В этот период характерна реализация преимущественно инстинктивных форм поведения, в последующем переходящих в кратковременное

[8] См.: Аристотель. Поэтика. М., 1984.

[9] См.: Решетников М.М. Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // Психоаналитический портал Oedipus.ru.

(тем не менее с очень широкой вариативностью) состояние оцепенения. Длительность и выраженность витальных реакций в существенной степени зависит от внезапности воздействия экстремального фактора.

2. «Стадия острого психоэмоционального шока с явлениями сверхмобилизации». Эта стадия, как правило, развивается вслед за кратковременным состоянием оцепенения, длится от 3 до 5 часов и характеризуется общим психическим напряжением, предельной мобилизацией психофизиологических резервов, обострением восприятия и увеличением скорости мыслительных процессов, проявлениями безрассудной смелости (особенно при спасении близких) при одновременном снижении критической оценки ситуации, но сохранении способности к целесообразной деятельности. В эмоциональном состоянии в этот период преобладает чувство отчаяния, сопровождавшееся ощущениями головокружения и головной боли, а также сердцебиением, сухостью во рту, жаждой и затрудненным дыханием. Поведение в этот период подчинено почти исключительно императиву спасения близких с последующей реализацией представлений о морали, профессиональном и служебном долге. Несмотря на присутствие рациональных компонентов, именно в этот период наиболее вероятны проявления панических реакций и заражение ими окружающих, что может существенно осложнять проведение спасательных операций. Окончание этой стадии может быть как пролонгированным, с постепенным появлением чувства истощения, так и наступать внезапно, мгновенно, когда только что активно действующие люди оказываются в состоянии, близком к ступору или обмороку вне зависимости от ситуации.

3. «Стадия психофизиологической демобилизации» – ее длительность до трех суток. В абсолютном большинстве случаев наступление этой стадии связывается с пониманием масштабов трагедии («стресс осознания») и контактами с получившими тяжелые травмы и телами погибших, а также прибытием спасательных и врачебных бригад. Наиболее характерными для этого периода являлись резкое ухудшение самочувствия и психоэмоционального состояния с преобладанием чувства растерянности (вплоть до состояния своеобразной прострации), отдельных панических реакций (нередко – иррациональной направленности, но реализуемых без какого-либо энергетического потенциала), понижение моральной нормативности поведения, отказа от какой-либо деятельности и мотивации к ней.

Одновременно наблюдаются выраженные депрессивные тенденции, нарушения функции внимания и памяти.

4. «Стадии разрешения» (от 3 до 12 суток). В этот период, по данным субъективной оценки, постепенно стабилизируется настроение и самочувствие. Однако по результатам объективных данных и включенного наблюдения у абсолютного большинства обследованных сохранялись пониженный эмоциональный фон, ограничение контактов с окружающими. К концу этого периода у большинства переживших экстремум появляется желание «выговориться», реализуемое избирательно, направленное преимущественно на лиц, не являвшихся очевидцами трагических событий, и сопровождавшееся некоторой ажитацией.

5. «Стадия восстановления» психофизиологического состояния (5-я) начинается преимущественно с конца второй недели после экстремального события и первоначально наиболее отчетливо проявляется в поведенческих реакциях: активизируется межличностное общение, нормализуется эмоциональная окраска речи и мимических реакций.

6. В более поздние сроки (через месяц) у переживших экстремальное событие в 80 % случаев выявляются устойчивые изменения нормативно-ценностной базы. Нормы «упрощаются», становятся более «контрастными», что, как правило, порождает повышенную конфликтность с традиционным окружением.

Важнейший практический вопрос: от чего зависит характер реакции человека на экстремальное событие, чего ждать в экстремальных условиях от конкретной личности и группы? И здесь опять наиболее информативна теория пассионарности. Согласно ей, лица, обладающие высокой пассионарной энергетикой, они же – люди, «желающие странного», «мятежники, ищущие бури», как правило, обладают весьма жесткой системой ценностных предпочтений и ограниченными личностными привязанностями, для них нет полутонов: есть черное и белое, истина и ложь, свои и чужие. Переживаемые ими экстремальные события еще более ужесточают их шкалу оценок, во многом именно из-за этого наиболее известные пассионарии, государи и полководцы характеризуются исключительной агрессивностью и смелостью, отсутствием сострадания не только к врагам, но и к своим гражданам. «Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос или, наоборот, сражаются против захватчиков. ...Усмирить и запугать их очень трудно,

подчас легче убить»[10]. Именно воинственность пассионарных вождей и пассионарность народа многое предопределяет в мировой истории. Пассионарные властители, политики и военные составляют агрессивное меньшинство, но понуждают остальных на кровопролитие, насилие, войну во имя целей, которые «простому», непассионарному человеку не могут быть понятны. Поэтому в динамичных, исторически активных, пассионарных этносах женщины и пацифисты, обычно составляющие большинство населения, от реальной власти отчуждаются.

Выдающиеся пассионарии характеризуются прекрасными организаторскими способностями и так называемой пассионарной индукцией (заразительностью, способностью увлечь за собой массы людей непассионарных). Ведь искренность вызывает симпатию, а активность, тем более жертвенная, заразительна. Именно эти качества пассионариев выдвигают их на лидирующие позиции в экстремистских сообществах и именно их лидерская активность является дополнительным механизмом радикализации этих сообществ.

Если для пассионария с высокой энергетикой экстремальное событие это способ «закаливания» собственных качеств и способностей (подробнее – Н. Островский «Как закалялась сталь»), то для «человека толпы» катарсис от переживания экстремума может иметь как социально позитивные, так и резко негативные последствия. Образно говоря, у многих «людей толпы» структура личности недостаточно прочна для «закалки» и при интенсивном (или – продолжительном) экстремальном воздействии начинает деградировать и разрушаться. При своевременном выходе из зоны экстремального воздействия возможно постепенное восстановление базовых личностных структур. Но и при самом благоприятном итоге это будет другая личность, с другим (упрощенным) набором ценностных ориентаций, легко попадающая под влияние «родственного» лидера. Поэтому чем больше времени пройдет после экстремального события, тем в большей степени представляемая «очевидцем и участником» события картина будет отражать не его индивидуальный опыт, а реконструкцию в стиле «моя роль в…».

[10] Гумилев Л.Н. Этногенез. М., 1990.

1.9. «Управляемый хаос»: социальные технологии в массовых беспорядках[1]

Социальные технологии в массовых беспорядках

Уличная стихия испокон веков была инструментом политики, однако в наши дни развитие коммуникационных технологий и реализация доктрины «управляемого хаоса» наложило на это явление особый отпечаток. Привычные полицейские методы противодействия массовым беспорядкам[2], в которые чаще всего выливаются политические митинги, оказываются катализатором дальнейшего нагнетания политического напряжения вплоть до смены режима и, следовательно, нуждаются в соответствующей коррекции. Чтобы ситуация не стала неуправляемой, необходимо четко разбираться в природе современных социальных процессов, целях его участников.

Массовые беспорядки в истории

Протесты, бунты, революции – это обязательный атрибут истории человечества, один из механизмов ее поступательного движения. Основным субъектом подобных процессов, как правило, является большая, внешне неорганизованная группа людей, которая, в зависимости от научной школы, может называться либо «толпой», либо «массой».

Для социологов толпа – это случайное скопление людей (aggregation), сплоченная эмоциональными и временными связями; для психологов – группа, кооперация внутри которой носит сравни-

---

[1] Сундиев И.Ю. «Управляемый хаос» социальные технологии в массовых беспорядках // Свободная мысль. 2012. №. 7–8. С. 93–104.

[2] В соответствии с современной правовой традицией под массовыми беспорядками понимается совершаемое большой группой людей (толпой) посягательство на общественную безопасность, сопровождающееся насилием над людьми, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, оказанием вооруженного сопротивления представителям власти, то есть те самые действия, которые ранние авторы (начиная с античности) приписывали безумной толпе. (См.:. Соловьев А. Уголовная-правовая характеристика массовых беспорядков. М., 2001).

тельно случайный и временный характер[3]. Историки обычно смешивают понятия «толпа» и «(народные) массы»[4], хотя для анализа социально-политических процессов это абсолютно некорректно. Большинство современных социологов почему-то пребывает в уверенности, что «идея *безумной (бесноватой) толпы* появилась как ответ на социальные, экономические и политические вызовы status quo в Европе в течение XVIII–XIX вв.»[5]. Однако уже Платон первым обратил внимание на этот феномен, и его «ochlodest herion» был вполне адекватным концептом «безумной» толпы[6].

Древнегреческие авторы были, как оказывается, хорошо знакомы с этим явлением. Так, В. Хантер проанализировала «психологический» взгляд Фукидида на проблему толпы[7], а Дж. Обер, подчеркивая роль масс в исторических событиях, рассматривал переворот Клисфена как результат спонтанного восстания афинского демоса[8]. Таким образом, традиция осмысления *феномена безумной толпы* достаточно продолжительна. Комплексные криминолого-психологические и политологические исследования роли толпы в истории, механизмах ее формирования начали проводиться на материалах европейской истории XVIII–XIX вв. (Г. Ле Бон, Ж. Рюде, Г. Тард и др.)[9], причем в качестве источников использовались полицейские архивы, газетные публикации, то есть «источники изнутри». В нашей стране огромную роль в исследованиях «безумной» толпы сыграли работы Н.К. Михайловского, В.М. Бехтерева и

---

[3] См.: Dictionary of Philosophy and Psychology. Ed. J. M. Baldwin. Vol. 1. Gloucester (MA), 1960. P. 246–247; Encyclopedia of Sociology. Ed. E. F. Borgatta, M. L. Borgatta. Vol. 1. N. Y., 1992

[4] Примеры из самых разных областей: и Г. Дж. Перкинз (H. J. Perkins. The Structured Crowd. Essays in English Social History. Sussex, 1981), и Фергюс Миллар (F. Millar. The Crowd in Rome in the Late Republic. AnnArbor (MA), 1998) рассматривают «толпу» в качестве синонима к «(народным) массам». Ф. Миллар специально подчеркивает, что ставит в центр своей картины римской социальной системы «populus Romanus или толпу, которая его представляет» (Ibid. P. 1).

[5] См.: Cl. McPhail. The Myth of the Madding Crowd. N. Y., 1991. P. 1.

[6] См.: J.S. McClelland. The Crowd and the Mob: From Plato to Canetti. L., 1989. P. 34.

[7] См.: V. Hunter. Thucydides and the Sociology of the Crowd. – «Criminal Justice». 1988–1989. № 84.

[8] См.: J. Ober. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1996.

[9] См.: G. Le Bon. Psychologie des foules. P., 1895; G. Rude. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848. L., 1981; G. Tarde. La foulecriminelle. P., 1892.

М.Н. Гернета[10]. В начале XX в. практически сложилась концепция толпы, включавшая и «безумную» разновидность, которая развивается и по сей день. Ее главные положения:

толпа – не просто скопление людей, а особая психологическая общность, имеющая свои особые закономерности формирования и поведения;

расовое, бессознательное общее у людей доминирует в толпе над индивидуальными способностями;

личность растворяется в толпе независимо от уровня ума, культуры, благосостояния, социального положения;

по умственным качествам она (толпа) значительно ниже своих отдельных членов, склонна к быстрым переносам внимания, некритично верит самым фантастическим слухам;

толпа слепо подчиняется лидерам;

нравственность толпы носит «черно-белый» характер: она видит только врагов и друзей, поэтому может проявлять как полное бескорыстие и героизм, самопожертвование, так и, под влиянием своего лидера, совершать любые преступления.

Революции, Гражданская и Великая Отечественная войны, как и последующие экстремальные события, дали обильный материал для изучения массовых беспорядков в нашей стране[11]. К 1980-м гг. сложилась весьма четкая теоретическая картина психологических и социальных процессов, приводящих к массовым беспорядкам[12], которая позволила создать весьма эффективную систему борьбы с этими явлениями.

Новые технологии и смена парадигмы социальных трансформаций

С 1950-х гг. начинается формирование новых «социальных» технологий и нового понимания мировых процессов через призму не порядка, но хаоса. 11 сентября 1956 г. в Массачусеттском технологическом институте собралась специальная группа Института электрической и электронной инженерии, занимающаяся информа-

[10] См.: Михайловский Н.К. Герой и толпа. СПб., 1882; Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908; Гернет М.Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1974.

[11] См.: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР. М., 2009.

[12] См.: Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. СПб., 2004.

ционной теорией. Считается, что эта встреча положила начало когнитивной революции в психологии. Среди присутствовавших были Джордж Миллер, Герберт Саймон, Аллен Ньюэлл, Ноам Хомски, Дэвид Грин и Джон Свитс. Несколькими годами позже У. Нейссер выпустил свой труд «Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии», ставший теоретическим манифестом течения[13]. В свою очередь, теорию «управляемого хаоса» (известна также как теория «контролируемой нестабильности») изначально разрабатывали Н. Элдридж и С. Гулд, базируясь на гипотезе о «скачкообразной эволюции» О. Шиндуолфа (1950). Эта и некоторые другие работы по проблемам эволюционной теории послужили одним из стимулирующих толчков для пионерской работы Р. Тома и выработки способов управления событиями «нелинейной революции» 1970–1980-х гг. в Европе. В первый раз элементы теории обкатывались на практике во время «студенческой революции» 1968 г. в Париже.

В том же 1968 г. Джин Шарп защитил в Оксфорде диссертацию на тему «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», развитие идей которой послужило идейной основой последующих «оранжевых революций»[14]. Особый всплеск практического и научного интереса к проблеме «управляемого хаоса» произошел под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. (второе, переработанное издание – 1984 г.) и переведенной в России впервые в 1986-м г. В 1992 году Стивен Манн опубликовал в журнале Национального военного колледжа в Вашингтоне работу «Теория хаоса и стратегическая мысль», в которой соединил эту теорию с новыми геополитическими концептами завоевания превосходства. Автор прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создании хаоса» у противника как инструментах обеспечения национальных интересов США.

В качестве механизмов, призванных способствовать достижению этой цели, он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию». Согласно С. Ману, суще-

[13] См.: Нейссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1998.

[14] Собственно «оранжевые технологии» разрабатывались, апробировались и были изложены в работе Д. Шарпа От диктатуры к демократии.

ствуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

содействие либеральной демократии;

поддержка рыночных реформ;

повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего элит;

вытеснение традиционных ценностей и идеологии[15] .

Однако, для того чтобы все эти теоретические построения стали действующей политической доктриной, потребовалось развитие соответствующей технической (технологической) базы, и прежде всего доступных большинству населения информационных технологий. Это произошло в начале 2000-х гг. Благодаря робототехнике, беспроводной связи 3G, Skype, Facebook*[16], Google, LinkedIn, Twitter, iPad и дешевым смартфонам с поддержкой выхода в Интернет социум стал не просто связанным, а гиперсвязанным и взаимозависимым, «прозрачным» в полном смысле этого слова. Технические средства позволили создать сети нового поколения, которые формируют дальнейшее социальное развитие. Сегодня стоит вспомнить: изначально интернетовские социальные сети внедрялись для обеспечения и расширения социальных сетей реально существующих – то есть бизнес-сообществ, университетских группировок, крупных семейств, масонских лож и т. д.

Можно вспомнить фразу из пророческой книжки Билла Гейтса (1995): «Предположим, вам нужно организовать торжественное собрание своего семейного клана с пуншем... Как сделать так, чтобы не тратить целый день на обзвон половины страны? Высокие технологии помогут вам!»[17]. С учетом того, что западный мир в принципе пронизан разнокалиберными «братствами» и «кланами» не хуже, чем Китай – триадами, целевая аудитория интернет-сетей была вполне понятна. Поскольку ожидать от них каких-либо массовых беспорядков было нелепо, а сговоры, заговоры и подковерные союзы и без того составляют основу общественно-политической жизни развитых стран, этим братствам и кланам инструмент сетевой самоорганизации был вручен без всякого страха. Однако во второй поло-

[15] См.: S.R. Mann. Chaos Theory and Strategic Thought. – «Parameters» (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. 22.

[16] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[17] См.: B. Gates. The Road Ahead. N. Y., 1995.

вине 2000-х гг. все перечисленные сети совершили своего рода эволюцию. Они перестали просто обеспечивать связью выпускников Гарварда или фанатов аниме. Из инструмента социальные сети сами стали основой и причиной для объединения людей и создания общностей.

В 2002 г. вышла книга Говарда Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция»[18], положившая начало распространению новых форм социальной организации основанных на массовом использовании информационных технологий. Как всегда, первыми «пользователями» новых технологий стали организованная преступность и спецслужбы, организующие смену режимов в других странах[19].

Традиционная и «умная» толпы: генетическое сходство и отличия

К настоящему времени можно говорить о нескольких разновидностях «умной толпы», которые получили быстрое и *глобальное* распространение. Самая «простая» и самая распространенная из них – *флэшмоб* (также флэш-моб, флэш моб или просто моб, в английском языке flashmob – «толпа-вспышка»: flash – «вспышка», mob – «толпа») – то есть заранее спланированная массовая акция, организованная, как правило, через современные социальные сети, в которой большая группа людей внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут выполняет заранее оговоренные действия, называемые сценарием, и затем быстро расходится. Флэшмоб не имеет аналогов в мировой истории, хотя в культурологическом плане является частью перфомансной коммуникации наравне с перфомансом, хеппенингом и флюксусом[20]. Участники движения флэшмоба исходят из того, что у любой флэшмоб-акции существуют типовые правила. Наиболее важные из них:

кажущаяся спонтанность действия. Запрет собираться или привлекать внимание на месте до акции, одновременное начало и окончание акции ее участниками. После акции нужно мгновенно исче-

[18] См. H. Rheingold. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Berkeley (CA); Boston; N. Y., 2002.

[19] См.: Сундиев И.Ю. Информационные технологии в деятельности террористических и экстремистских организаций // Научный портал МВД России. 2011. № 4; Сундиев И.Ю. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса. // Научный портал МВД России. 2012. № 1.

[20] См.: Почепцов Г.Г. Теория коммуникаций. М., 2003.

зать с места действия в разные стороны и делать вид, как будто ничего и не было;

сценарий должен привносить абсурдность в происходящее, хаотизировать ее;

каждый участник должен точно следовать сценарию;

действия участников не должны вызывать агрессивной реакции случайных зрителей. Участники не должны нарушать законов и моральных устоев, не мусорить.

Идеология флэшмоба придерживается девиза «Флэшмоб вне религии, вне политики, вне экономики». Этим флэшмоб, в глазах участников, обезопасил себя от внешних факторов и использования в собственных целях. На самом деле флешмоб как рекламный инструмент и политическая акция предлагается коммерческими структурами во всех регионах нашей страны. Применительно к нашему контексту важно отметить, что отработка использования флэшмоба в «цветных революциях» на постсоветском пространстве показала его высокую эффективность как инструмента смены правящих режимов.

Вторая разновидность – *криминальный карнавал, «шопинг-бунт»* (shopping-riot) – организуемые через социальные сети массовые беспорядки, сопровождающиеся грабежами, поджогами зданий и автомобилей с целью развлечения.

Лондон, лето 2011 г. Дэвид Гудхарт, основатель журнала «Проспект», вспоминает, что происходящее вылилось в «поистине постполитические мятежи, мятежи наслаждения, мятежи в стиле "look-at-me", мятежи конца истории». Возникало ощущение, что люди просто устали от «уз цивилизации»: на пустом месте появлялись «криминальные флэшмобы», состоящие из 50–300 человек в возрасте от 11 до 29 лет, мотивированные прежде всего желанием грабить магазины, торгующие спортивной одеждой, электротоварами, мобильными телефонами, сигаретами и алкоголем.

Это был настоящий «криминальный карнавал», не имеющий никакого отношения к политике, традиционным формам политических протестов. Сами слова «восстание», «бунт», «протест» вводят в заблуждение, поскольку они подразумевают наличие определенного градуса протеста против правящей власти. Однако «бунтовщики» не имели никакой цели, кроме протеста как такового. Это были карнавальные, постполитические бунты. Многие погромщики в интервью признавались, что участвовали в этих акциях так как было весело.

Свидетели событий рассказывают о «карнавальной атмосфере» в местах погромов, где подростки развлекались вовсю.

Согласно свидетельским показаниям, как минимум в лондонском районе «Клэфен Коммон» бунтующие были близки к экстазу. Они были возбуждены, смеялись, наслаждались происходящим; вполне можно согласиться с левыми, которые считают случившиеся погромы своего рода карикатурой на материализм и культуру потребления основной части общества. Участники беспорядков обнаружили интерес к культуре потребления и начали практиковать ее довольно извращенным образом. Это был эдакий «насильственный консюмеризм» – выбивание витрин, грабежи»[21].

Технологически «криминальный карнавал» – это флэшмоб, содержательно – осознанные грабежи, поджоги, то есть совершение тяжких преступлений ради развлечения лицами, в большинстве своем живущими на социальные пособия и не имеющими постоянной работы. «Криминальные карнавалы» – явление, свойственное только мегаполисам стран, имеющим развитые социальные программы, благодаря которым многие поколения граждан могут нормально существовать, никогда не занимаясь постоянной работой. Как показывает опыт Парижа, Лондона, Манчестера, Филадельфии, «криминальные карнавалы» способны хаотизировать крупный город на достаточно продолжительное время.

Третья разновидность «умной толпы» – *«мирный бунт»*[22], то есть организуемые через социальные сети политические акции, ставящие своей целью делегитимацию действующей власти в глазах населения и мирового сообщества. Технологии управляемой смуты, применяемые в «мирном бунте», базируются на своеобразном «социальном хакерстве». Предполагается, что, в то время как граждане отказывают государству в повиновении, перестают поддерживать социальные связи, необходимые для нормального политического функционирования общества, само государство не отказывается и не может отказаться от своих обязательств перед ними. Участники «мирного бунта» опираются на незыблемость классической нормы, которую русский философ Владимир Соловьев сформулировал следующим образом: «Никакое действие преступника не может

[21] URL: www.nosacredcows.co.uk; www.nosacredcows.co.uk (дата обращения: 15.01.2012).

[22] Мирный бунт может включать любые комбинации из числа «198 ненасильственных действий» Джина Шарпа.

упразднить безусловных прав человека». Поэтому они предполагают, что в ответ на свои действия, которые хотя и являются ненасильственными, но от этого не теряют противоправного характера, они будут в лучшем случае задержаны, может быть, избиты (эти побои можно с гордостью будет продемонстрировать в эфире отечественных и западных телеканалов), но своих основных гражданских прав не лишатся. Полиция по-прежнему обязана будет их защищать от грабителей, «скорая помощь» приедет по вызову, в тюрьме им предоставят адвоката и т. д.

В отличие от рассмотренных выше форм «умной толпы» данная разновидность имеет достаточно сложную структуру, близкую структуре традиционной действующей толпы: примерно 10 % составляют организаторы (менеджеры), координирующие деятельность остальных участников в режиме реального времени; около 30 % – рекруты, то есть нанятые за плату участники. Не менее половины рекрутов – боевики, задачей которых служит провоцирование силовых конфликтов с представителями власти и правоохранительных органов. Остальные 60 % – любопытные члены интернет-сообществ, в которых обсуждалась подготовка данной акции, и их знакомые.

Именно любопытные при достижении в акции ключевой цели – провоцирования власти на силовые действия – становятся базой для образования панической толпы, действия которой, как правило, сопровождаются жертвами. Большая часть организаторов, как выясняется, прошла подготовку по программам Центра практического ненасильственного действия и стратегий, CANVAS, находящегося в Белграде и организованного бывшими активистами сербского «Отпора». Организация готовила активистов грузинской «Кхмары» украинской «Пора», египетской «6 апреля» и «Кефайя». В настоящее время CANVAS работает с активистами из более чем 50 стран, в 12 из которых произошли смены режимов[23].

Насколько эта технология оказалась успешной, можно судить по таблице 1.

[23] См.: Розенберг Т. Присоединяйтесь к клубу: как давление общественности может преобразовать мир. М., 2012.

Таблица 1

Хронология и география действий «умной толпы»

Год	Место действия	События
2010	Киргизия	Организация государственного переворота
2010	Москва	Массовые беспорядки на Манежной площади и попытка их организации на площади Киевского вокзала
2011	Тунис, Египет, Ливия	Организация государственных переворотов
2011	Йемен, Сирия	Продолжающиеся попытки свержения режимов
2011	Израиль	«Израильское лето»
2011	Лондон, Филадельфия	«Шоппинг-бунты»
2011	США, Великобритания и др. страны	Всемирная акция «Оккупируй Уолл-стрит!»
2011–2012	Москва	«Снежная революция»

Основное отличие между традиционной и «умной» толпами состоит в формах возникновения: если для первой нужен «шоковый стимул» (внезапное событие, прямо затрагивающее жизненные интересы участников), то формирование «умной толпы» готовится продолжительным обсуждением в сетевых ресурсах и средствах массовой коммуникации. Непосредственно же на месте сбора «умная толпа» формируется гораздо быстрее традиционной (несколько минут против 3–6 часов). Второе отличие заключается в структурировании: если действующая агрессивная толпа в своей «безумной» модификации имеет четкую структуру (рис.), то для «умной толпы» характерно «роение».

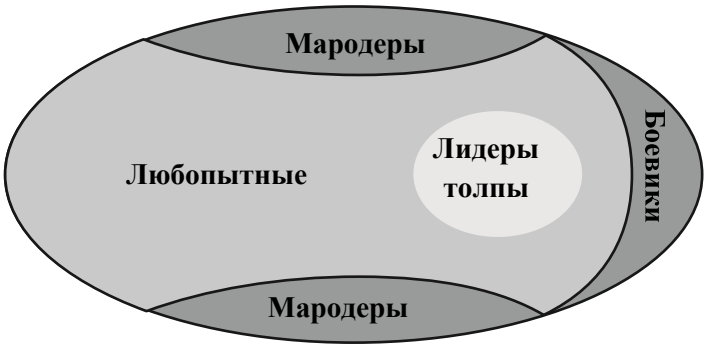

Рис. Структура основного субъекта массовых беспорядков – агрессивной толпы

Третье отличие состоит в наличии управления. В традиционной толпе реальное управление существует лишь на начальных стадиях формирования и выдвижения к основному месту акции. В «умной толпе» управление (координация) осуществляется постоянно, включая подготовленную эвакуацию организаторов после начала силовых акций властей.

Четвертое отличие – в предельной численности. Традиционная толпа – как субъектная общность с едиными переживаниями и действиями – редко бывает более 20 тысяч человек на компактной территории. «Умная толпа», в которой эмоциональные переживания растянуты во времени, а мотивации разнонаправлены, на короткое время может достигать численности в несколько сотен тысяч человек, после чего дробится на более мелкие (локальные) образования.

Пятое отличие – в эмоциональном состоянии участников. Если в традиционной толпе в ходе циркулярной реакции эмоциональное возбуждение участников может достигать терминальных значений (именно поэтому за действующей толпой с античных времен закрепилось название «безумная»), то для организаторов и рекрутов «умной толпы» характерны имитации сильных эмоций. Как правило, эмоциональное состояние участников «умной толпы» не доходит до экстремальных значений.

Одним из существенных отличий акций *«мирных бунтовщиков»* является постоянное медийное сопровождение; причем помимо профессиональных журналистов организаторы в течение всей акции выкладывают видеокартинки и свои комментарии в сетевых ресурсах. Как не раз происходило во время «арабской весны» (в том числе в Сирии), комментарии и картинки имеют мало общего с происходящим, но они создают нужный настрой глобальной медийной аудитории по отношению к действующей власти. В традиционной

толпе профессиональная деятельность журналистов возможна лишь на начальных стадиях, далее психическое заражение приводит их в аффективное состояние, свойственное окружающим людям. Возможна лишь дистантная фиксация действий агрессивной толпы.

Таблица 2

Качественные отличия субъектов современных массовых беспорядков

Фактор	Традиционная толпа	«Умная толпа»
Повод возникновения	Шоковый стимул	План
Скорость формирования	От 3 до 6 часов	От 10 до 20 минут
Структурирование	Выраженная структура	«Роение»
Управление	Только на начальных стадиях	Постоянное
Численность	До 20 000 человек	Свыше 500 000 человек
Эмоциональное состояние	Терминальное	Экстремальное
Медийное сопровождение	Случайное	Постоянное

Направления профилактики противоправных действий «умной толпы»

Так как образование «умной толпы» не является «естественной реакцией на внезапно возникшие события», а есть часть целенаправленных действий по хаотизации социальной обстановки, то этот процесс требует вполне конкретных ресурсов – организационных, финансовых, информационных, технических. Основной вопрос профилактики «умной толпы» – выяснение, кто, сколько и каких ресурсов выделил и кто, как и когда собирается ими воспользоваться. Как это ни парадоксально звучит, но именно ответы на эти вопросы не являются «страшной» тайной – они обсуждаются на сетевых форумах, печатаются в статьях, обсуждаются в теледебатах.

Шоковое впечатление, которое производили на власть действия «умной толпы», вполне объяснимы: любой государственный аппарат за тысячелетия традиций сохранения власти привык к тому,

что его контрагент будет скрывать свои намерения. Открытость воспринималась как уловка, при этом ответные действия властей на фоне глобальной медийной открытости «мирных бунтовщиков» выглядят неуклюжими и неадекватными в глазах не только «мирового сообщества», но и собственных граждан. Образно говоря, власть по-прежнему пытается играть в покер, когда ее противник (в данном случае – «умная толпа») играет в шахматы. Выход один – принять открытость как данность и начать играть в шахматы. Как это может выглядеть на практике?

И традиционная, и «умная» толпы возникают не на пустом месте, а формируются вокруг неких «центров кристаллизации». У традиционной толпы они свои, у «умной» – свои. В первом случае «центры кристаллизации» расположены в криминальной среде, во втором – в виртуальной. «Центры кристаллизации» – это организационные ресурсы толпы. Для «умной толпы» таковыми являются: неправительственные организации, неформальные объединения, сетевые сообщества, фанатские и бойцовые клубы. Мониторинг их сетевой активности позволяет выявить масштаб подготовки к очередной акции, ее участников. В необходимых случаях – начать сетевую игру по противодействию данным планам. Это отнюдь не противоречит «шахматной» открытости: если кто-то из граждан государства открыто заявляет о своих намерениях бороться с государством, то нельзя возмущаться действиями государства по собственной защите.

Поскольку деятельность «умной толпы» связана с широким использованием технических средств и привлечением наемного персонала (организаторов и рекрутов), она не возможна без достаточного финансирования (это дополнительное отличие от стихии традиционной толпы). Откуда берутся деньги, и как происходит финансирование? Как правило, это наиболее болезненный вопрос, так как недостаточная финансовая прозрачность делает криминальным уже весь процесс подготовки акций. Но прозрачным является обычно лишь первый этап – перечисление денег из-за рубежа и от отечественных частных инвесторов неправительственным и общественным организациям[24]. Обладатели финансовых средств могут легально оплатить только небольшую часть затрат на проведение акций «умной толпы». Дальше начинается криминал: оплата рекрутов и «специальных» акций.

[24] Подробнее см. перечень российских организаций, получивших гранты через «Национальный фонд США за демократию» (www.oko-planet.su).

Самый криминальный путь – оплата наличными – в последнее время практически не используется. Наиболее популярный и относительно безопасный для организаторов вариант – использовать для оплаты Интернет. В Европе подобные платежи давно являются объектом расследования и уголовного преследования[25]; в нашей же стране, благодаря несовершенству законодательства, эта практика относительно безопасна для «мирных бунтовщиков» и очень распространена в их среде. Типичный пример сетевого отчета Б. Немцова: «…бюджет Сахарова (митинга на проспекте академика Сахарова. – И. С.) складывался из установки сцены, звукоусиливающей аппаратуры, экранов (2,5 миллиона рублей), проведения *социологического исследования по решению Оргкомитета* стоимостью 252 тысячи рублей[26], организации инфраструктуры митинга (туалеты, заграждения и проч.) стоимостью 200 тысяч рублей. Подробный отчет о доходах и расходах в ежедневном режиме Ольга Романова публикует на своей странице в Facebook*. Кстати, вот последний отчет по данным на 11:13 сегодняшнего дня. *В кошельке Романовой № 410011232431933 собрана сумма 2 465 120 рублей 18 копеек*. Вы можете перечислить эти средства без комиссии и анонимно через салоны "Евросети", а также через терминалы, где обычно пополняете свой счет за телефон. Члены Оргкомитета приняли решение в личном качестве перечислить средства. Сегодня я уже это сделал»[27]. В данном тексте и попытка оправдаться, и призыв использовать платежную сеть для анонимного сбора средств. Выход для предотвращения подобных путей финансирования акций «умной толпы» – использовать международный опыт и приводить законодательство в соответствие со сложившимися реалиями.

«Умная толпа» не может существовать без сетевых ресурсов – это ее воздух, ее пространство, ее инструмент. Попытки лобового решения проблемы – нейтрализация «умной толпы» путем технического отключения сетевых ресурсов в государстве – удалась в Китае, Иране и, отчасти, в Белоруссии. Уже во время «арабской весны» эта тактика оказалась бесплодной. Причина одна: мировым сообще-

[25] Подробнее см. типологическое исследование «Криминальные денежные потоки в сети Интернет: методы, тенденции взаимодействия между всеми основными участниками». (URL: www.coe.int/cybercrime).

[26] Проведение социологических опросов – типичный способ легализовать оплату рекрутов под видом интервьюеров.

[27] URL: www.yablor.ru/blogs/otkuda-dengi-na-protest/2299358 (дата обращения: 16.01.2012).

ством во главе с США доступ граждан к сетевым ресурсам был объявлен одним из фундаментальных прав человека. 12 апреля 2011 г. на конференции «Freedom House»*[28] в Вашингтоне был представлен подготовленный этой организацией доклад «Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах». Заместитель помощника государственного секретаря США Дэниел Бэр, возглавляющий Бюро по демократии, правам человека и труду, которое финансировало доклад, назвал инструменты преодоления цензуры «самым важным способом поддержки цифровых активистов и других пользователей, живущих в обстановке репрессий и зажима Интернета»[29].

Государственный секретарь США Хиллари Клинтон заявила в своей речи 15 февраля 2011 г.: «Соединенные Штаты продолжают помогать людям, живущих в условиях зажима Интернета, обходить фильтры, всегда на шаг опережать цензоров, хакеров и бандитов, которые избивают их или сажают в тюрьму за высказывания в Сети». По ее словам, Государственный департамент потратил на эту работу более 20 млн долларов, а в 2011 г. намеривался израсходовать еще 25 млн долларов. В этой речи госсекретаря США анонсировался новый проект «революции гаджетов» с использованием технологий стелс-интернета. Цель программы – обойти запреты на пользование Интернетом и даже мобильными СМС, которые ввели ряд правительств в момент беспорядков в их странах. Подобные ограничения были введены весной–летом 2011 г. в Сирии, Ливии, Египте, Иране.

Стелс-станции, похожие на чемоданы с антеннами, предназначены для моментального доступа в Мировую паутину в районах массовых беспорядков. Как сообщают американские источники, агенты США уже заложили целые партии вместе с модернизированными мобильниками в землю в условленных местах в «проблемных странах» – для пользования «группами диссидентов в час Х»[30]. Таким образом, правительства не смогут перекрыть протестующим информационный «кислород», лишив их сотовой связи и Интернета, и те смогут координировать свои действия друг с другом. Другой проект, который опирается на технологии Mesh Network, объединяет

[28] Деятельность упоминаемой организации Freedom House* признана нежелательной в России.

[29] URL: www.FreedomHouse.com (дата обращения:16.01.2012).

[30] См.: Америка готовит мировую интернет-войну // News Internet Electronics World Life Society.

мобильные телефоны, смартфоны и персональные компьютеры для создания невидимой беспроводной сети без центрального концентратора – каждый такой телефон действует в обход официальной сети, то есть напрямую. Сообщается, что опытные включения такой «шпионской» сети уже производились в Венесуэле и Индонезии.

Проводятся эксперименты и с использованием Bluetooth-технологий: скажем, рассылка важных сообщений по всем телефонам такой альтернативной сети, минуя официального интернет-провайдера. Эта функция требует только модификации микропрограмм в смартфонах – и больше ничего. При большой плотности телефонов в городах это позволит координировать протестующих, даже если мобильную сеть в районе беспорядков власти отключат совсем.

Развертывание во время массовых беспорядков сотовых сетей, подконтрольных только Соединенным Штатам, не может не возмутить любое государство. По существу, США создали почву для глобальных конфликтов нового уровня: теперь в момент массовых беспорядков в любой стране могут быстро возникать агентурные сети, объединяющие разом тысячи и десятки тысяч абонентов, работающих против своего правительства. Ни технически, ни организационно спецслужбы ни одной страны мира пока не готовы противодействовать таким угрозам, но и оставаться безучастными они не могут тоже.

От государственных структур требуется изменение структурно-управленческого видения ситуации. Фактически речь идет о том, что пока государство как классическая иерархическая система пытается бороться с «умной толпой» (классической сетевой структурой) исключительно классическими способами. Образно говоря, госструктуры пытаются молотком победить плесень. Получается громко, зрелищно – но неэффективно. Достаточно давно подтвержденное правило: с сетевыми структурами могут эффективно бороться только другие сетевые структуры, работающие в том же операционном поле, что и их противники[31].

И в заключение. Инициация и локализация состояния «управляемого хаоса» с помощью акций «умной толпы» уже достаточно отработаны и представляют реальную угрозу государственности в нашей стране. Минимизация этой угрозы возможна при учете всех специфических черт этих феноменов.

---

[31] См.: Д. Литвинов. Сетевое противоборство в условиях конфликтов низкой интенсивности. Центр анализа террористических угроз.

1.10. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса[1]

Сегодня благодаря ускорению научно-технического прогресса мы наблюдаем пересечение во времени целого ряда волн научно-технической революции. Можно выделить идущую с 80-х гг. XX столетия революцию в области информационных и коммуникационных технологий, последовавшую за ней биотехнологическую революцию, недавно начавшуюся революцию в области нанотехнологий. Они, в свою очередь, породили бурный прогресс развития когнитивных технологий. Cognitio по-латыни означает познание. Когнитивные технологии – *способы трансформации человеческих свойств и качеств, его поведения* за счет либо модификации психофизиологических параметров организма, либо включения человека в гибридные (человеко-машинные) системы. Отдельное направление – когнитивные технологии, меняющие *социальное поведение человека и человеческих сообществ*.

Нельзя сказать, что когнитивные науки и техники родились в последние годы. 11 сентября 1956 г. в Массачусетском технологическом институте собралась специальная группа Института электрической и электронной инженерии, занимающаяся информационной теорией. Считается, что эта встреча положила начало когнитивной революции в психологии. Среди присутствующих были Джордж Миллер, Герберт Саймон, Аллен Ньюэлл, Ноам Хомски, Дэвид Грин и Джон Свитс. Несколькими годами позже У. Нейссер выпустил свой труд «Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии», ставший теоретическим манифестом[2]. Уже изначально информационные и когнитивные технологии развивались, взаимно дополняя друг друга, создавая задел для нового технологического уклада, в котором объектом и субъектом преобразования становится человек. Бурное развитие биотехнологий в конце XX в., появление нанотехнологий привело к NBIC-конвергенции (по первым буквам областей: N – нано; B – био; I – инфо; C – когно). Термин введен в 2002 г. Ми-

[1] Сундиев И.Ю. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса // Научный портал МВД России. 2012. № 1. С. 79–84.

[2] Нейссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1998.

хаилом Роко и Уильямом Бейнбриджем, авторами отчета Converging Technologies for Improving Human Performance[3], подготовленного 2002 г. во Всемирном центре оценки технологий (WTEC). Отчет посвящен раскрытию особенности NBIC-конвергенции, ее значению в общем ходе развития мировой цивилизации, а также ее эволюционному и культурообразующему значению. К настоящему моменту NBIC-конвергенция уже затронула все области человеческой жизнедеятельности, прямо или косвенно определяя характер, способы и динамику социальных взаимодействий. Благодаря облачным вычислениям, робототехнике, беспроводной связи 3G, Skype, Facebook*[4], Google, LinkedIn, Twitter, iPad и дешевым смартфонам с поддержкой выхода в Интернет социум стал не просто связанным, а гиперсвязанным и взаимозависимым, «прозрачным» в полном смысле этого слова. Особую роль NBIC-конвергенция сыграла в появлении новых форм и методов совершения преступлений, достаточно указать преступления в области информационных технологий и синтетические наркотики. В нашу задачу не входит рассмотрение нано- и биотехнологий[5], наш предмет – когнитивные и информационные технологии в деятельности экстремистских и террористических организаций. Результаты NBIC-конвергенции заставили иначе взглянуть на военную стратегию – если возможно изменить смысл ценностных ориентаций и поведение больших социальных групп потенциального противника, то роль вооруженного насилия принципиально меняется. Доминирующими стали *«стратегия непрямых действий»* и *«стратегия безлидерного сопротивления»*, опирающиеся на сетевые структуры, создаваемые среди населения потенциального противника[6]. Следствием развития этих стратегий стало рождение концепции *сетецентрических войн*[7], где террористическая и экстремистская деятельность являются разновидностью военных действий, в которых участвуют государства и их правительства, политические партии, силовые мини-

[3] Roco M., Bainbridge W. (eds). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. – Arlington, 2004.

[4] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[5] См.: Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 82–97.

[6] См.: Arguilla J., Ronfeld D. The Advent of Netwar. Santa Monica: Calif; RAND, 1996.

[7] См.: Edward A. Smith Jr. Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. – Washington: DC: DoD CCRP, 2002.

стерства и ведомства, транснациональные коммерческие организации через создаваемые сетевые структуры.

К настоящему времени узловыми точками, в которых пересекаются замыслы инициаторов и исполнителей террористических и экстремистских действий, стали *«операции базовых эффектов»* (Effects-based operations – EBO), далее – ОБЭ, определяемые как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны»[8]. Основной компонент ОБЭ – когнитивная область – сознание атакующего бойца и атакуемого противника. Именно она является тем пространством, где преимущественно осуществляются ОБЭ. Все основные войны и битвы развертываются и выигрываются именно в этой сфере. Именно в когнитивной области располагаются такие явления, как доктрина, тактика, техника и процедуры, «способность к сопротивлению» или «готовность к принятию новых смыслов и ценностей». Сразу надо сказать, что применяемые в ОБЭ когнитивные технологии трансформации социального поведения (далее – КТТСП) в процессе своего развития разделились на лонгитюдные способы трансформации *смыслов и исторической памяти* и смартформы организации *социального поведения*. Таким образом, КТТСП влияют как на устойчивые личностные структуры (ценностные ориентации), так и на оперативные мотивации. Основными технологиями лонгитюдного влияния в настоящее время являются *трансгенные культы, субкультуры и компьютерные игры*.

Культы (секты) являются древнейшими формами когнитивного противодействия государственной власти и формой террористической организации (наиболее известные примеры – секкарии, ассаины). Традиции сохраняются и преумножаются. Именно буддийская секта Бхагвана Шри Раджниша (известного как Ошо) в сентябре 1984 г. заразила сальмонеллой продукты в салат-барах города Далесса (Оклахома), проведя, тем самым первый акт биологического терроризма на территории Соединенных Штатов. Менее чем через неделю 751 жителю города был поставлен диагноз: сальмонеллез. Другая буддийская секта – «Аум Синрике»*[9] во главе с Секо Асахарой в 1985 г. провела зариновую газовую атаку в токийском метро – пер-

[8] Edward A. Smith Jr. Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. Washington: DC: DoD CCRP, 2002.

[9] Упоминаемое международное религиозное объединение «Аум Синрике»* признано террористической организацией и запрещено в России.

вый в истории случай использования боевых отравляющих веществ в террористических актах. В начале XXI в. стало известно о первой глобальной террористической сети «Аль-Кайда»*[10], созданной на базе салафистской секты Усамой бен Ладеном. Среди «достижений» отечественных сектантов-террористов выделяется созданная «Северным братством» «Большая игра» – первый успешный пример перевода офлайновой компьютерной игры в онлайн-реальность. Сайт spisok-sekt.ru приводит список из 90 «наиболее опасных сект, действующих на территории России»[11]. Сайт «StopSekta.narod.ru»[12] насчитывает таковых более 300. Если учесть так называемые коммерческие секты (наиболее типичный пример – финансовые пирамиды) и сектоподобные образования типа «Школ личностного роста», «Школ здорового образа жизни…», то их количество будет исчисляться многими тысячами. Распространенность сект есть следствие духовной неудовлетворенности окружающей действительностью, невозможности самостоятельно найти достойную цель в жизни. Необходимо подчеркнуть, что основной контингент, рекрутируемый в секты (как и в террористические и экстремистские организации), это – молодые, образованные и обеспеченные люди. Легенда о том, что современные сектанты и террористы – это исключительно нищие и обездоленные маргиналы, была убедительно опровергнута исследованиями Питера Бергена и Марка Сейджмена[13]. Вовлечение (индокринация) новых субъектов в террористическую и экстремистскую деятельность по своим механизмам полностью совпадает с технологией вербовки в секты:

вовлечение основано на деструктивных психотехниках;

вербовка в секты становится лишь этапом вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность (особенно это заметно на примере Кабардино-Балкарии и Ингушетии);

вовлечение в экстремистскую и террористическую деятельность представляет собой когнитивную технологическую цепочку воздействий на сознание субъекта[14].

---

[10] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России. Деятельность упоминаемой организации саентологов* признана нежелательной в России.

[11] URL: http://www.spisok-sekt.ru (дата обращения: 20.11.2011).

[12] URL: http://www. StopSekta.narod.ru (дата обращения: 20.11.2011).

[13] См.: Bergen P. Holy War Inc. 2004; Sageman M. Understanding Terror Networks. 2008.

[14] См.: Лири Т., Стьюарт М. Технологии изменения сознания в деструктивных культах. СПб., 2002.

Возникновение феномена молодежных субкультур обычно связывают с наложением к середине 50-х гг. XX в. двух социальных эффектов: «бебби-бума» (резкого увеличения доли молодежи в демографической структуре стран, участвовавших во Второй мировой войне) и первого этапа глобализации электронных СМИ (прежде всего распространение компактных транзисторных радиоприемников). Первыми субкультурами в прямом смысле этого слова стали битники (в США), стиляги (в СССР), байкеры и скинхеды. Их появление было шоком, полной неожиданностью для всех в начале пятидесятых годов. Феномен молодежных субкультур появился сам собой, повсеместно распространившись по всей Земле к середине 60-х, не затронув лишь этносы, еще не вышедшие из стадии родоплеменных отношений. Он принес с собой новый слэнг с ранее не встречавшимися неологизмами, новые технологии, новые моды, новые стили и нарочито вызывающее нонконформистское поведение. Новые технологии и мода тут же стали объектами коммерческой эксплуатации, а нонконформизм привлек внимание социальных технологов. Альбера Камю, Джорджа Оруэлла, Герберта Маркузе, Антонио Грамши, Теодора Адорно, Жан-Люка Годара, Вильгельма Райха, Ги Дебора молодежный нонконформизм вдохновил на создание концепций не только «контркультуры» и «новой революции», но и «гордской герильи», нашедшей теоретическое и практическое применение в середине и конце 60-х, в разгар движения «Новых Левых» и хиппи. Из теоретического наследия вышеперечисленных философов, писателей, политиков впоследствии черпались не только лозунги «Новых Левых», но и стержневые постулаты философии и идеологии практически всех современных террористических и экстремистских организаций. После поражения «студенческих восстаний» 1968 г. во многих молодежных субкультурах сформировалась устойчивая переориентация на ненасильственные формы борьбы за свои идеалы и начался уход «в другую (наркотическую) реальность». Провозглашенная и осуществленная Т. Лири «психоделическая революция» привела к тому, что и ныне наркотики (вариации потребляемого зелья – в зависимости от специфики групп) являются непременным атрибутом «субкультурной и контркультурной» жизни. Сам Т. Лири, начав с ЛСД, закончил свою бурную жизнь «информационно-волновыми расширителями жизни» киберпанка[15]. В нашей стране основным потребителем нарко-

[15] См.: Лири Т., Метцер Р., Олперт Р. Психоделический опыт. М., 2003.

тиков стала молодежь до 25 лет, причем темпы наркотизации возрастают год от года[16]. Если характеризовать современные молодежные субкультуры, то необходимо отметить, что практически все они выступают не стихийным продуктом «свободного творчества молодежи», а высокотехнологичными проектами влияния на конкретные возрастные и социальные группы. Они все являются высокорентабельными коммерческими предприятиями, в которых значительная часть принадлежит криминалу. И, наконец, они все взаимосвязаны между собой благодаря социальным сетям.

Игра – древнейший «докультурный» уровень формирования знаний, умений, навыков, в том числе – межличностного взаимодействия. Игра – это и способ социализации, и способ сохранения культуры[17]. Естественно, игра не могла остаться не затронутой NBIC-конвергенцией, тем более что технические возможности уже позволяют подойти к уровню «фантоматики» С. Лема[18]. Для более успешной (и эффективной!) трансформации личности с заданными параметрами игра была перенесена в виртуальную реальность (ВР) – кибернетическую среду, моделирующую реальность или вымышленный мир, в которые может погружаться человек. Виртуальная реальность (ВР) (от лат. «virtus» – потенциальный, возможный и лат. «realis» – действительный, существующий) – модель обитаемого пространства, создаваемого при помощи специальных компьютерных технологий и технических устройств. Человек воспринимает ВР через его привычные для восприятия материального мира ощущения: зрение, слух, тактильность и др. Для этого имеются специальные устройства вывода – дисплеи, источники звука и т. п. Вместе с тем человек может воздействовать на объекты и события внутри ВР посредством его привычных действий: движений рук, голоса и пр. Для этого имеются специальные устройства ввода – клавиатура, мышь, джойстик, микрофон, видеокамера и т. п. Взаимодействие человека с ВР как активной средой происходит по принципу обратной связи, обусловленной социально-коммуникационной средой, встроенной в систему ВР. В киберпространстве Интернета с начала 90-х начался процесс стыковки технологий виртуальной реальности (ВР) с сетевыми технологиями. Первая такая реализация воплотилась в форме массовых многопользовательских сетевых ролевых игр (MMROPG).

[16] См.: URL: http://www.fskn.gov.ru (дата обращения: 22.11.2011).
[17] См.: Хайзинга Й. Homo Ludens. М., 1987.
[18] См.: Лем С. Сумма технологий. М., 1968.

Получились настоящие обитаемые ВР-миры. ВР – это искусственный мир, генерируемый при помощи компьютеров, в который можно заходить, перемещаться, действовать и испытывать приключения. ВР может быть для индивидуального восприятия или для коллективного, как в MMROPG. В таких коллективных играх можно видеть других персонажей глазами своего персонажа, общаться с другими людьми через их персонажи и совместно действовать. Главная проблема – какой мир и какая реальность генерируются и предлагаются в качестве поля взаимодействия. Компьютерная реальность может искажать у игрока историческую память (как, например, Blitzkrieg), может напрочь выключать эмпатию (Counter-Strike), может формировать установки на исключительно насильственные способы решения любых жизненных ситуаций. Сформировалась весьма своеобразная субкультура геймеров, часто теряющих границы между онлайном и офлайном[19].

Джаред Лофнер (Jared Loughner), обвиняющийся в том, что он устроил в 2011 г. бойню в американском городе Тусон, в ходе которой были убиты шесть человек и еще 14 – были ранены, был активным участником онлайн-игры Earth Empires. Еще до выхода неимоверно популярной игры Call of Duty: Modern Warfare 2, выпущенной в 2009 г. компанией Activision, вокруг нее возник скандал, когда благодаря утечке материалов стало известно, что в ней игроки могут присоединиться к группировке российских ультранационалистов, планирующих открыть огонь по пассажирам в аэропорту. 24 января 2011 г. аэропорт Домодедово, интерьеры которого используются в Call of Duty: Modern Warfare 2, стал местом атаки террористов-смертников. Но классическим примером реализации «операции базового эффекта» против нашей страны стала «Большая игра»*[20] «Северного братства». Сайт «Большой игры»*, которой «суждено расчистить поле для будущей решающей Битвы сил Света и Тьмы», заработал 23 декабря 2007 г. – в день зимнего солнцестояния (именно тогда якобы начался некий «рубеж вступления в свои права Эры Водолея»). Изначально сайт был зарегистрирован в Нидерландах, а физически размещен на сервере в Малайзии, то есть создатели сразу вывели его из российской юрисдикции. Суть игры сводилась к следующему. В «страны

[19] См.: Степанцева О. Субкультура геймеров в контексте информационного общества: дис. … канд. культуролог. наук. СПб., 2007.

[20] Упоминаемый здесь и далее в статье проект «Большая игра»* признан экстремистской организацией и запрещен в России.

Белой силы» (к которым относятся славянские государства СНГ) «под прикрытием силы Морока стали проникать внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста». «Пришельцы» – это коренные жители Кавказа и Средней Азии. Поддержку им оказывают некоторые «земляне», а именно: правоохранители, чиновники и олигархи (это и есть та самая «Система», которую требуется «сломать»). В «Большой игре» участвовали команды единомышленников (по терминологии игры – «автономные группировки»), которые регулярно получали на свои e-mail списки заданий различного уровня сложности. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие неславянам кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев». Также игрокам предстояло подбрасывать под окна приемных «Единой России», избиркомов (на сленге игроков – «лохотронов») или опорных пунктов милиции фальшивые бомбы. Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, телефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять их на e-mail организаторов. Выполнение каждого задания должно было подтверждаться фото- или видеозаписью, которые отправлялись на сайт «Большой игры», за что игрок и получал баллы. Именно так происходил формальный переход от онлайн к офлайн. Авторы игры признавались, что их цель – «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В архиве сайта «Большой игры» насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных заданиях, то есть о совершенных преступлениях экстремистской направленности. В 2010 г. решением суда сайт был закрыт, а часть его активных участников осуждена. Однако почти сразу его эстафету подхватил сайт с игрой «Городские партизаны» и поджогами помещений ОВД. Игры, обучающие и включающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, оказались одним из самых эффективных орудий сетецентрических войн.

Важнейшим достижением когнитивных технологий является разработка смартформ пресоциализации – добровольно-игрового неосознаваемого самим субъектом способа быстрой смены социальных ролей, статусов, позиций. Смартформы «завернуты» в контркультурную оболочку безобидной игры-прикола и выступают как «способы новой

консолидации людей». Наиболее известен флешмоб, или «умная толпа». Г. Рейнгольд описал флэшмоб, придавая особое значение новому способу организации организации. Он полагал, что флеш-акции столь мобильны благодаря тому, что их участники используют современные средства коммуникации для самоорганизации[21]:

они не стихийны. Это один из признаков данного использования когнитивных технологий. Средством организации, как правило, выступает Интернет;

у участников подобных акций есть конкретная цель. Например, прийти в указанное место, раскрыть зонтик и уйти; занять здание, развесить баннеры и т. п.;

действия участников акции заранее определяются сценарием;

ограниченность во времени. Участники акции приходят в указанное место, выполняют действие и одновременно расходятся.

Считается, что идея организовать флэшмоб с использованием Интернета как важнейшего ресурса пришла создателю сайта FlockSmart.com Робу Зазуэту после прочтения книги упомянутого выше Г. Рейнгольда «Умная толпа: следующая социальная революция». Следующий посыл – использовать смартформы для организации протестной деятельности. Результат последних лет:

2000 г. – бархатная революция в Югославии;

2003 г. – «революция роз» в Грузии;

2004 г. – оранжевая революция на Украине;

2005 г. – тюльпановая революция в Киргизии;

2005 г. – революция кедров в Ливане;

2006 г. – попытка васильковой революции в Беларусси;

2008 г. – попытка цветной революции в Армении;

2009 г. – укропная революция в Молдавии;

2010 г. – вторая дынная революция в Киргизии;

2010 г. – жасминовая революция в Тунисе;

2011 г. – твиттерная революция в Египте;

2011 г. – «демократическая» революция в Ливии.

Как уже говорилось, смартформы неотделимы от информационных технологий, которые начинают диктовать и социальное содержание. Как это выглядело на практике: 25 января на улицах Каира вспыхнули протесты против режима Хосни Мубарака. В попытке ограничить протестные действия правительство уже через три часа

[21] См.: Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.

закрыло службы Интернета и мобильной связи, но ничего не вышло: развитая экосистема переговоров через *Facebook**[22], *Twitter* и чаты уже объединила тысячи каирцев, которые продолжали бунтовать. Правительство отступило и восстановило связь, чтобы сохранить экономику и системы жизнеобеспечения страны, но протесты уже переросли в массовые беспорядки, и через 14 дней Мубарак ушел в отставку.

Всего несколькими неделями раньше в ходе «жасминовой революции» в Тунисе диссидент, блогер и организатор протестов Слим Амаму (Slim Amamou) использовал социальное приложение *Foursquare*, чтобы оповестить друзей о своем аресте 6 января. «Зарегистрировавшись» при помощи этого сервиса в тунисской тюрьме, он обозначил для глобального сообщества сторонников свое местонахождение, что сразу же привлекло внимание всего мира. С 8 января он был поддержан со стороны Anonymous (анонима, неизвестного – англ.), группы сопротивления, состоящей из хакеров, которые работают «непрерывно против цензуры в Интернете или в мире». В тот день из одного чата был распространен призыв к сотням людей: Anonymous запускает операцию Тунис, чтобы атаковать правительственные сайты. Если верить одному из парижских членов этой группы, пожелавшему остаться анонимным, атака была успешной. Немало официальных сайтов оказались в самом деле недоступными в тот день. «Речь идет одновременно об атаках DDOS (или Distributed Denial-of-Service, другими словами, распределенные атаки типа "отказ в обслуживании") или же об атакующей программе, как, например, LOIC (Low Orbit Ion Cannon – приложение, разработанное хакерской группой 4Chan, созданное для организации DDOS-атак на вебсайты с участием тысяч анонимных пользователей, пользующихся программой). Это рассматривалось как психологическое освобождение Туниса, по словам наших контактов на местах»[23].

Везде, где происходили события «арабской весны», для привлечения союзников протестующие использовали новые интернет-приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из ки-

[22] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[23] «Operation Tunisia»: la cyberattaque d'Anonymous aux cotes des manifestants // Liberation. Франция. 2011. 12 янв.

берпространства в городское пространство и обратно[24]. У посетителей социальных сетей создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей. Однако в действительности число реально протестующих и протестующих в Сети отличаются многократно. Достигается это с помощью специальных программ. В 2010 г. правительство США заключило договор с компанией HBGary Federal на разработку компьютерной программы, которая может создавать многочисленные фиктивные аккаунты в соцсетях для манипулирования и влияния на общественное мнение по спорным вопросам, продвигая пропаганду. Она также может быть использована для наблюдения за общественным мнением, чтобы находить точки зрения, которые не нравятся власть имущим. Затем «фиктивные» люди могут теоретически проводить грязные кампании против этих «реальных» людей. Еще раньше ВВС США заказала разработку Persona Management Software – программы по управлению персонажами, которую можно использовать для создания и управления фиктивными аккаунтами на сайтах социальных сетей, чтобы искажать правду и создавать впечатление, будто существует общепринятое мнение по спорным вопросам. «Персонажи должны производить впечатление, что они происходят почти из любого места в мире и могут взаимодействовать посредством обычных онлайн-сервисов и платформ социальных сетей»[25]. Издание DailyKos сообщило, что Persona Management Software позволит небольшому числу людей создавать «армию виртуалов» (фиктивных пользователей), которые могут искажать правду, в то же время создавая впечатление «настоящего онлайн-восстания», что активно используется сейчас для борьбы против правящего режима в Сирии и организации «Движение белых ленточек» в Москве.

Как-то неожиданно быстро и незаметно результаты NBIC-конвергенции и когнитивные технологии вошли в нашу жизнь и стали ее непременным атрибутом. Они дали столько положительного, что о темных сторонах их развития говорят только специалисты, да и то в своем узком кругу. Тем не менее, именно они стали основным оружием сетецентрических войн, более результативных,

[24] Методика и программные продукты были разработаны и внедрены американскими НПО. (См.: Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах: Доклад – презентация пособия. URL: http://www.Freedom House.com (дата обращения: 12.04.2011 г.)).

[25] Army of Fake Social Media Friends to Promote Propaganda // PCWorld. США. 2011. 23 февр.

как показывает опыт 2011 г., чем войны традиционные. В современном мире отсутствуют даже попытки какого-либо ограничения когнитивных технологий, но можно смело утверждать, что их военное и криминальное использование будет только расширяться по мере их развития.

1.11. Обитаемый остров 2.0[1]

При просмотре сюжетов о событиях на Украине, чтении текстов украинских авторов, живом общении с жителями различных украинских городов возникает устойчивое ощущение некой нарастающей напряженности. До тех пор, пока тематика общения не выходит за пределы *бытования* – все прекрасно; однако, чем больше общение приближается к политической проблематике, тем быстрее происходит переключение собеседника на некую особую картину мира («глобус Украины»), абсолютно привычную и комфортную для него, но вызывающую откровенное замешательство у собеседника. Причем, чем образованней украинский собеседник (автор), тем более детализированным становится этот «глобус». В качестве основных составляющих последнего выступают следующие представления:

протоукры – прародители остальных человеческих рас[2];

древние укры, а не арии – основные носители цивилизационных ценностей и свободы в обитаемых мирах[3];

прогрессорской деятельности укров постоянно мешали многочисленные малограмотные, но агрессивные соседние славянские племена[4];

в XX веке окончательно оформились главные враги украинцев и Украины: это коммунизм – Сталин – СССР – «Рашка» и русские[5];

именно эти враги совершили два главных преступления против Украины: Голодомор и дискредитацию истинных героев – С. Банде-

---

[1] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Обитаемый остров 2.0 // Экономические стратегии. 2014. № 2. 48–59.

[2] См.: Янів В. Вступний курс українознавства. Мюнхен, 1953.

[3] См.: Чайченко О.О. Укри-046-6арії: Дослідження родоводу українців. Київ: Воєнне видавництво України «Варта», 2003.

[4] См.: Демьянов В.А., Андреев А.А. Укры и украинцы: забытая история предков. URL: www.sunhome.ru/philosophy/11734 (дата обращения: 28.12.2013).

[5] См. Современная Украина: анализ школьных учебников истории. URL: http://meridian.in.ua/news/2461.html (дата обращения: 20.12.2013.

ры и Р. Шухевича, что до сих пор сказывается на всех сторонах жизни Украины[6].

Даже легкая ирония или сомнения в этих тезисах незамедлительно вызывают нарастающую агрессию. Создается впечатление, что большинство жителей Украины, вольно или невольно, приняли этот самый «глобус» и обусловленную им картину мира. Последняя характеризуется:

изменением исторической памяти двух последних поколений, мировоззрение которых полностью или в значительной мере сформировалось в период «незалежности»;

сменой географического вектора ценностных ориентаций (с Востока на Запад);

изменением круга «значимых других»: те, кто ранее воспринимались как злодеи, теперь стали героями и наоборот;

постепенной архаизацией системы бытования и бытового сознания при внутреннем ощущении стремительного прогрессивного развития.

Эта картина полностью соответствует положениям концепции «управления смыслами» Г.Г. Почепцова: «Смыслы ведут за собой человечество, потому что они формируют систему видения мира. В зависимости от картины мира человека возникают мотивации на те или иные действия. Картины мира существуют не только на уровне страны, но и на уровне семьи. И именно отсюда мы берем свои цели. Мы движемся туда, куда нас зовут наши смыслы»[7].

Но кто и каким образом сумел в такой степени изменить картину мира у населения целой страны, не вызвав когнитивного диссонанса? Попробуем последовательно разобрать эти вопросы.

Зачем потребовалось создавать «синтетическую» картину мира у населения целой страны?

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос наиболее четко сформулировал А. Фурсов: «...у нас часто цитируют слова Збигнева Бжезинского о том, что без присоединения Украины России не суж-

[6] См.: Чулпа А. Как объяснить то, что происходит на Украине (конфликт, который мы наблюдаем, проистекает из смертельного голодомора, организованного Сталиным еще в 1932 году). URL: http://ideas.time.com/2013/12/17/how-to-explain-whats-happening-in-the-ukraine/#ixzz2w14LwBTb (дата обращения: 10.02.2014).

[7] Почепцов Г.Г. Управление смыслами. 2013. URL: http://psyfactor.org/psyops/psywar20.htm (дата обращения: 10.02.2014).

дено вернуть статус великой державы. "Лонг Збиг" ошибается: Россия и без Украины может вернуть себе этот статус, только это будет труднее и займет больше времени. Но главное в этом, что Бжезинский не оригинален, он повторяет слова немецкого генерала Пауля Рорбаха, который в начале XX века предрек: чтобы исключить опасность со стороны России для Европы, и прежде всего – для Германии, необходимо полностью оторвать Украинскую Россию от России Московской. Обратим внимание на то, что для немецкого генерала и Украина, и Московия – это все Россия, и он говорит о необходимости вызвать внутрироссийский, внутрирусский раскол. В этом плане он развивает идеи немецких политиков последней трети XIX века, в частности Бисмарка, которые не только настаивали на необходимости такого раскола, но и предлагали конкретные средства решения этой задачи.

В частности, они подчеркивали необходимость противопоставить Украину России, стравить два народа, для чего необходимо было вырастить среди самих же русских украинцев людей с сознанием, измененным до такой степени, что они станут ненавидеть все русское. Таким образом, речь шла о ***психоисторической спецоперации, информационно-психологической диверсии***, цель которой – создание славян-русофобов как психокультурного типа и политической силы, этаких орков на службе западных саруманов. Они-то и должны были оторвать Украину от России и противопоставить ее последней как “антирусскую Русь”, как “свободную и демократическую” альтернативу империи. Оформлено все это было, в частности, галицийским проектом, над которым активно работали сначала разведки Австро-Венгрии и кайзеровской Германии, затем – Третьего рейха, во второй половине 20-го века и до наших дней – ЦРУ и БНД»[8].

Кто создавал эту «синтетическую» картину мира: люди, научные школы, организации, административный ресурс?

По общей оценке ресурсов и возможностей в сфере классических информационных войн (а создание «синтетической» реальности – это важнейший компонент психоинформационной войны) – украинцы не считаются лидерами. Тем не менее у них есть несколько очень серьезных работающих научных коллективов и групп.

[8] Украина нужна для удара по России: интервью А. Фурсова газете «Взгляд». URL: http://vz.ru/politics/2014/3/1/674907.html (дата обращения: 10.03.2014).

Первая – это теоретико-методологическая группа уже упоминавшегося профессора Георгия Почепцова[9] – признанного эксперта в области информационных войн, труды которого широко известны в России. По информации СМИ, Г.Г. Почепцов с начала 1990-х гг. установил тесные связи с коллегами из США, Канады и Германии. На самой же Украине он традиционно связан с Днепропетровской командой, имел хорошие отношения с Кучмой, Тимошенко и Клюевым (глава Администрации у Януковича). В 2002–2005 гг. Георгий Почепцов возглавлял *Управление стратегических инициатив в Администрации президента Украины*, включавшее, в частности, отдел стратегических коммуникаций, занимавшийся «имиджем и лоббированием украинских интересов»[10] и, следовательно, имевший мощный административный ресурс для воздействия на массовое сознание украинцев.

Особое место занимает Олег Бахтияров – видный специалист в области влияния экстремальных условий на личность и группу[11]. Среди близких ему людей и партнеров по преподаванию есть очень интересный философ – Сергей Дацюк. Во время первого Майдана он активно работал с «оранжевыми» и, судя по современным тек-стам, с тех пор его политические симпатии не изменились[12]. Группа Бахтиярова-Дацюка по своему интеллектуальному и инструментальному потенциалу успешно дополняет теоретико-методологическую группу Почепцова в деле создания научной базы для формирования «синтетической реальности».

Следует отметить, что в современных информационных войнах важны не только научные школы, но и хорошо подготовленные профессионалы, вооруженные самым современным инструментарием для мониторинга и опережающего реагирования в интернет-пространстве. На Украине имеется один из двух лучших на постсоветском пространстве сервисов мониторинга всех сегментов социальных сетей – компания Semantic Force[13]. Она располагает создан-

---

[9] См.: http://psyfactor.org/autors/pocheptsov.htm (дата обращения:10.02.2014).

[10] См.: Георгий Почепцов: В Украине надо чаще проводить смену элит // Четверта влада. 2003. URL: http://4vlada.net/vlast/georgii-pocheptsov-v-ukraine-nado-chashche-provodit-smenu-elit (дата обращения: 11.03.2014).

[11] Без знаний о влиянии социального и физического экстремума на личностные и групповые социальные и психологические параметры «синтетическую» картину мира не построишь.

[12] См.: http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/ (дата обращения: 11.03.2014).

[13] См.: www.semanticforce.net/ru/ (дата обращения: 11.03.2014).

ной украинскими программистами системой мониторинга и анализа онлайн-медиа и социальных сетей в режиме реального времени. Ориентирована на англоязычный и русскоязычный Интернет и позволяет вести мониторинг тысяч изданий стран СНГ и зарубежных онлайн-СМИ, социальных сетей «ВКонтакте», Facebook*[14], Twitter, форумов, сайтов, видео, презентаций. По своим возможностям эта структура существенно превосходит не только многих российских, но и зарубежных конкурентов. Компания располагает хорошо обученными профессионалами информационных войн.

Кроме СМИ и социальных сетей для продвижения «синтетической» картины мира необходимы и более тонкие инструменты, работающие в индивидуальном режиме. Ими стали различные «благостные организации», построенные по типу «клубов по интересам» и «семинаров и тренингов личностного роста». Ведущие постулаты – «духовность» и «непротивление злу насилием», действующие по принципу: «если против тебя проявлена агрессия, значит, необходимо искоренить ее в себе».

Основной информационно-идеологический постулат строится на синтезированной космогонической модели, согласно которой «в век Водолея изменяется энергоинформационный баланс, частотность вибраций повышается; следовательно, пройти в новый мир можно, только избавившись от низких вибраций»[15].

Финансирование организаций, необходимое для содержания штата преподавателей и менеджеров – «организаторов», сети офисов, проведения конференций, происходит прежде всего за счет «пожертвований» «заинтересованных структур» (СБУ, клубы промышленников, просто «благодарные лица»), а также за счет издания и распространения (в том числе и за пределами Украины) эзотерической литературы. Кроме того, сами семинары действуют на платной основе. На обложках изданий красуются номера американских грантов. Судя по долголетней стабильности на «рынке духовных услуг» (с 2000 по 2013 г.), эти предприятия высокорентабельны, несмотря на то, что их семинары рассчитаны в первую очередь на людей с ограниченным достатком.

---

[14] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[15] См.: Мы живем во времена больших перемен: планета Земля, вступив в эпоху Водолея, перешла на уровень Новых энергий. URL: www.ineo.com.ua/ru/enlightenment (дата обращения: 15.02.2014).

«Школы», «академии» и «клубы» имеют тесные контакты с корреспондирующими организациями в европейских странах, в России, проводятся выездные семинары и конференции за рубежом.

Основной контингент слушателей таких «академий» и «школ» – «современные деклассированные элементы», временно безработные, потерявшие «смысл жизни». Как правило, это образованные люди с выраженным «синдромом пространства, свернутого внутрь», – доминированием в сенсорном восприятии «внутреннего пространства» над «внешним» пространством, в котором должно осуществляться коммуницирование людей для совместного достижения социально значимых результатов деятельности. «Закукливание» – это «интровертирование» психики человека как субъекта социума, это «уход в себя» при неспособности адаптироваться к внешнему миру под влиянием экстремальных социальных нагрузок. «Закукливание», уход от социального строительства, приводит в свою очередь к утрате индивидуальности (которая формируется исключительно в социуме) – к тотальной унификации сознания[16]. Не возникают необходимые условия для системогенеза, как то умеренная конфликтность, разнообразие и отграничение; не «вырабатываются» новые нравственно-этические построения.

«Мягкий дауншифтинг» происходит не сам по себе, он направляется твердой и заботливой рукой в резонанс с уже запущенными процессами информационной войны – это подобие мягкой силы, только действующей изнутри. Психосоциальные результаты работы фабрик – приобщение адептов к «синтетической реальности» – в общем виде соответствуют целям и задачам информационной войны, обрушению государственности. Абсолютно не важно, кто получается в результате обработки сознания: уличный боевик или «блаженный». Главное, что оба будут пребывать в «синтетической» реальности, а значит, поддерживать ее.

Этапы формирования «синтетической» реальности

Первый этап процесса, продолжавшийся приблизительно с начала 1990-х по начало «нулевых» (2000-х) годов, характеризовал-

[16] Тотальная унификация сознания так же, как и «унификация потребностей» – возможность формирования «унифицированного потребителя» – идеального потребителя, – «рай» для планетарной экспансии государственно-монополистического и криминального капитализма.

ся доминированием проблемы выживания на всем постсоветском пространстве. Для многих ученых единственным источником сохранения не только научной школы, но и собственной жизнедеятельности, стали зарубежные гранты. Их давали не всем; но психосоциальное проектирование (популярный тогда термин для работ по созданию «синтетической» реальности) имело явный приоритет у грантодателей. Ученых приглашали на стажировки, давали минимальные деньги для издания результатов исследований, приучали к «новому стилю мышления и деятельности», заказами направляли характер исследований. Сами ученые, создавая компоненты и механизмы внедрения «синтетической» реальности, могли искренне верить, что создают механизм «социальной анестезии для безболезненного перехода к рыночным отношениям»[17].

Главным содержанием первого этапа стало отделение от прошлого: «Украина перестала быть совком, Украина стала самодостаточным, непохожим на Россию государством, Украина – европейское государство». Одновременно сложилось клише противопоставления народа и властных структур – «совковых и коррумпированных».

Второй этап – подготовка и реализация «оранжевой» революции.

Слагаемые успеха «цветной» революции на Украине стали особенно интересны ученым и практикам после сокрушительного провала попыток российских политиков вмешаться в этот процесс традиционными способами. Первые значимые монографические исследования феномена «цветных» революций на Украине принадлежат коллективу авторов под руководством С.Г. Кара-Мурзы и упомянутому Г.Г. Почепцову[18]. Несколько лет спустя Н.А. Нарочницкая выпустила свое исследование механизмов «оранжевых» революций, в котором рассматривалось распространение «оранжевых» политических технологий на постсоветском пространстве[19]. Первым

[17] Борисова С. Современная Украина как результат перманентных «реформ». URL: www.experts.in.ua/inform/smi/detail.php?ID=90210 (дата обращения: 10.02.2014); Дубровский В. и др. Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода. URL: www.i-soc.com.ua/journal/54-70_2010-1.pdf (дата обращения: 10.02.2014).

[18] См.: Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. На пороге оранжевой революции. М., 2005; Они же. Революции на экспорт. М.: Алгоритм : Эксмо, 2006; Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005.

[19] См. Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб.: Алетейя, 2008.

монографическим исследованием собственно технологий «цветных» революций можно считать монографию В.И. Якунина, В.Э. Багдасаряна и С.С. Сулакшина[20]. Однако эта работа, при всех ее несомненных достоинствах, основана на традиционном подходе при несколько чрезмерном обилии общих слов и явном недостатке конкретики. Современный анализ социальных технологий, применяемых в ходе «цветных» революций, дан в монографических исследованиях И.В. Максимова, А.Э. Гапича, Д.А. Лушникова, В.В. Бурматова, О.Н. Глазунова[21], к которым мы и отсылаем читателя.

Важным дополнением к базовым методикам Дж. Шарпа[22] в украинской версии «ненасильственного перехода от диктатуры к демократии» стал сначала «гламурный» национализм а-ля Юлия Тимошенко, а потом «животный» национализм а-ля Ирина Фарион и откровенный фашизм с антисемитизмом Олега Тягнибока, представляюшие формально разные, но по духу очень близкие партии «Батькивщина» и «Свобода».

Основной стратегией этапа стала стратегия «управляемого хаоса», с локальной точкой хаотизации общества в виде Майдана. После захвата власти («выборы» в три (!) этапа – иначе и не назовешь), хаотизатор (Майдан) удалось свернуть достаточно быстро. Эйфория второго этапа продолжалась недолго, и через оболочку «синтетической реальности», усиленной ультралиберальными конструктами, стала активно прорываться нерешенность экономических и социальных проблем.

Необходимость третьего этапа формирования «синтетической реальности» определялась тем, что «социальный наркоз» перестал действовать, всеобщее недовольство перешло к критической черте. Был выбран вариант «творческого разрушения»[23],

---

[20] См. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009.

[21] См.: Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? М., 2010; Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М., 2010; Бурматов В.В., Глазунов О.Н. Современные революционные технологии. Стратегия, технология и тактика «цветных» революций. М., 2011.

[22] См.: Шарп Дж. От диктатуры к демократии. М., 2007.

[23] «Творческое разрушение» – развитие стратегии «управляемого хаоса», использовавшейся в «арабской весне» (См.: «Творческое разрушение» мира: методология хаоса. URL: www.csef.ru/index.php/ru/politica-i-geopolitica/project/491-revolution-of-the-xxi-century-nonviolent- methods/1-stati/1845-creative-destruction-of-the-world-the-methodology-of-chaos (дата обращения: 21.02.2014)). Достаточно часто последние события характеризуются как использование «управляемого хаоса» в широком смысле (См.: Энергия управляемого Хаоса. Украинский мастер-класс. URL: http://chipstone.livejournal.com/ (дата обращения: 21.02.2014)).

контролируемого стравливания напряжения через локальные клапаны (Майдан центральный и региональные), причем каждый из организаторов (власть, оппозиция, внешние игроки) был твердо уверен, что именно он является самым главным Координатором. Фатальным для судьбы государства и подтверждающим доминирование стратегии «творческого разрушения» было решение властных элит об использовании ультранационалистических организаций[24] в качестве инструмента «адреналиновой накачки» в прямых столкновениях с силами правопорядка. То, что Майдан рассматривается организаторами как механизм разрушения, подтверждается также активным использованием боевых стимуляторов, поставлявшихся США и распространявшихся лидерами оппозиции[25].

Как внедрялась новая картина мира и как на ее базе происходило управление социальными процессами?

Основными инструментами внедрения новой картины мира являлись система образования (программы, учебники, учебные пособия и др.), средства массовой информации (печатные и электронные), сетевые ресурсы (Интернет, социальные сети). Формат статьи не позволяет проанализировать подробно систему образования на Украине, но мы отсылаем читателя к статье одного из ее конструкторов[26].

Информационная война в средствах массовой информации

Массмедиа стали активнейшими участниками революционных трансформаций на Украине. Информационное освещение первого и второго майданов и ситуации вокруг них проводилось по всем информационным каналам глобального и национального уровней: телеканалам, радиовещанию, печатным изданиям, интернет-СМИ и иным интернет-ресурсам. Большое количество журналистов и телерепортеров западных, украинских, российских и иных СМИ нахо-

[24] См.: Седов В. Украинский неонацизм и Запад. URL: www.fondsk.ru/news/2014/03/18/ukrainskij-neonacizm-i-zapad-i-26456.html (дата обращения: 18.03.2014).

[25] См.: Андрей Ваджра: Кличко возит на майдан боевые психостимуляторы армии США. URL: http://politikus.ru/events/13133-andrey-vadzhra-klichko-vozit-na-maydan-boevye-psihostimulyatory-armii-ssha.html (дата обращения: 18.03.2014); Мямлин К. Наркотики для пушечного мяса майдана. URL: http://ru-an.info/новости/наркотики-для-манипуляции-общественным-сознанием-людей/.

[26] См. Кононенко П.П. Украинское образование: состояние, проблемы, перспективы в Украине и в мире. URL: www.info-library.com.ua/libs/stattya/3819-ukrayinska-osvita-stan-problemi-perspektivi-vukrayini-i-v-sviti.html (дата обращения: 18.03.2014).

дилось в «гуще» протестных выступлений в Киеве по обе стороны баррикад, непосредственно наблюдая картину событий. Однако, будучи, по М. Маклюэну, «внешними расширениями человека», а конкретнее – глазами и ушами глобальной аудитории, СМИ транслировали совершенно разные образы происходящего тем или иным ее сегментам.

В ситуации с майданами СМИ задействовали основной и наиболее могущественный способ информационного воздействия на общество – *интерпретацию событий реальности*.

Фокусируя объективы фото- и телекамер на определенных событиях, действиях и персонажах, комбинируя определенным образом поступающие материалы, давая им нужные комментарии, объяснения и оценки, массмедиа сформировали у населения Украины и других стран отличные друг от друга картины и оценки противостояния на Украине.

Аудитория глобальных западных СМИ (и транслирующих их украинских и российских каналов) наблюдала хронику мужественной борьбы украинского народа, выбравшего свободный (потом – европейский) путь развития, против коррумпированных пророссийских властей Украины. Ее периодически будоражили кадры жестокого применения насилия полицейскими против «мирных протестующих» и сообщения о том, что Москва снова пытается помешать истинно демократическому (европейскому) развороту Украины и сохранить власть своего «ставленника».

Особое внимание западные (и украинские) СМИ уделили осуждению действий Президента России Владимира Путина, который был персонально обвинен в дестабилизации ситуации на Украине[27].

Безусловно, приведенное описание носит сильно упрощенный и утрированный характер, однако сам факт ярко выраженной тенденциозности освещения событий на Украине западными (и украинскими) СМИ вполне очевиден. Причем уже в который раз наблюдалась аномально высокая степень близости позиций и единодушия крупнейших массмедиа Запада, что подтверждает мысль о существовании механизмов координации их деятельности на глобальном уровне в ходе ведения информационной войны.

[27] См.: Западные СМИ: Хаос на Украине – дело рук Путина. URL: http://russian.rt.com/article/22914 (дата обращения: 27.02.2014).

Российский телезритель и читатель видел совершенно другую картину революционных событий на Украине. Украинское информационное пространство стало ареной жесткого противоборства местных, западных и российских СМИ. Причем говорить об относительной целостности позиции самих украинских массмедиа вряд ли возможно, поскольку они: а) изначально отличались в зависимости от направленности, собственника и установок редакций; б) претерпели трансформацию после смены руководства страны (это прежде всего касается официальных или провластных СМИ).

Кибернетический фронт противостояния

Весьма активно борьба за сохранение и укрепление «синтетической» реальности развернулась между различными политическими силами Украины в киберпространстве. Основным инструментом здесь стали достаточно архаичные, но эффективные DDoS-атаки (распределенные атаки типа «отказ в обслуживании»)[28]. При этом их количество и масштаб беспрецедентны. Пик таких атак пришелся на первую половину марта нынешнего года, что было очевидным образом связано с подготовкой референдума о статусе Крыма 16 марта 2014 г.

Прежде всего компьютерным нападениям подвергся ряд ведущих российских СМИ, активно освещавших события антиконституционного переворота на Украине (Майдан-2). 2 марта в результате хакерской атаки был взломан сайт российского телеканала RT, в заголовках основных новостей, касающихся России, появилось слово «Nazi» («нацизм»[29]). 7 марта хакеры атаковали сайт «Российской газеты». По словам главного редактора издания Владислава Фронина, ресурс предположительно взломала группа хакеров, которые назы-

[28] Цель DDoS-атаки состоит в том, чтобы заблокировать легальным пользователям доступ к какому-либо сайту либо крайне затруднить его. Для этого используются два типа воздействия: атака на канал связи, который «забивается» огромной массой специально созданных запросов, либо использование брешей в программном обеспечении и сетевых протоколах для блокирования доступа клиентов к ресурсам информационной системы. Сетевое нападение типа DDoS осуществляется с помощью ботнета (зомби-сети) – большого количества зараженных специальной вредоносной программой компьютеров, которые по команде из центра управления (от злоумышленника) начинают посылать на атакуемый компьютер множество особых запросов, блокирующих доступ к нему легальных пользователей. См.: DDoS-атаки: реальная опасность. URL: www.kaspersky.ru/products/business/services/ddos (дата обращения: 18.03.2014).

[29] См.: Седаков П., Филонов Д. Первый украинский киберфронт: кто и зачем объявил IT-мобилизацию? URL: www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/251623-pervyi-ukrainskiikiberfront-kto-i-zachem-obyavil-it-mobilizatsi (дата обращения: 16.03.2014).

вают себя «Майдановская сотня»[30]. 13 марта дважды подвергся компьютерным атакам сайт Первого канала, в результате он был временно выведен из строя. По информации СМИ, они были совершены из Киева[31]. В этот же день DDoS-атака была осуществлена и на ресурсы ВГТРК[32].

Вторую группу объектов воздействия DDoS-атак на территории нашей страны составили официальные сайты государственных органов и Межпарламентской ассамблеи СНГ. Причем почти все из них датируются одним днем – 14 марта 2014 г. Утром того же дня DDoS-атаке через серверы синхронизации времени в Сети подвергся и сайт Центробанка РФ[33]. Практически одновременно с ним был атакован и официальный сайт Президента России. «Действительно, идет серьезная DDoS-атака, причем не только на сайт Кремля, но и ряд других порталов», – подтвердили днем 14 марта в пресс-службе Кремля. Там также отметили, что за все время работы ресурса это – наиболее мощная попытка дестабилизировать его работу[34]. В последующем ответственность за нее взяли на себя члены группировки «Anonymous».

В тот же день Департамент информации и печати МИД России сообщил СМИ о перебоях в работе официального сайта внешнеполитического ведомства, не исключив возможности их связи с хакерскими атаками[35]. Около 16 часов 14 марта началась DDoS-атака на сайт Межпарламентской ассамблеи СНГ, в результате чего была нарушена его работа. «Подобным атакам сайт подвергается не в первый раз, но с настолько массированной атакой сервер МПА СНГ не сталкивался никогда», – подчеркнули в пресс-службе МПА СНГ[36].

---

[30] См.: Сайт Кремля атаковали хакеры. URL: http://itar-tass.com/obschestvo/1045230 (дата обращения: 14.03.2014).

[31] См.: Сайт Первого канала подвергся хакерской атаке второй раз за день. URL: www.vz.ru/news/2014/3/13/676943.html (дата обращения: 14.03.2014).

[32] См.: Ресурсы ВГТРК подверглись DDoS-атаке. URL: www.vesti.ru/doc.html?id=1371632 (дата обращения: 14.03.2014).

[33] См.: Сайт Банка России был атакован хакерами через серверы синхронизации времени. URL: http://itar-tass.com/ekonomika/1046498 (дата обращения: 14.03.2014).

[34] См.: Сайт Кремля атаковали хакеры. URL: http://itar-tass.com/obschestvo/1045230 (дата обращения: 14.03.2014).

[35] МИД РФ не исключает, что перебои в работе его сайта связаны с хакерскими атаками. URL: http://itar-tass.com/obschestvo/1046341 (дата обращения: 14.03.2014).

[36] См.: Сайт Межпарламентской ассамблеи СНГ подвергся массированной DDos-атаке. URL: http://itar-tass.com/obschestvo/1046478 (дата обращения: 14.03.2014).

Целями компьютерных атак стали и официальные сайты Автономной Республики Крым. 14 марта 2014 г. был атакован официальный сайт Верховного Совета Крыма. В ночь на воскресенье, 16 марта, когда должен был пройти референдум по статусу полуострова, его официальный сайт подвергся хакерскому нападению. «Сегодня в 1 час ночи по местному времени (3.00 по Москве) на наш сайт началась новая волна массированной DDoS-атаки последнего поколения», – сообщили в пресс-службе сайта референдума[37]. Причем было отмечено, что специалисты смогли вычислить источник атак. Им оказался Иллинойский университет в Урбан-Шампейне (США), откуда перед атакой проводилось мощное сканирование серверов сайта. По информации деловой газеты «Взгляд», нетипично высокое количество подсетей IP в городе Урбана указывает возможное расположение в нем одной из штаб-квартир АНБ.

СМИ сообщали и о применении кибероружия Россией против Украины. Мощный вирус под кодовым названием «Укус змеи», или «Уроборос», поразил десятки украинских компьютерных сетей, включая правительственные. При этом английские специалисты из компании «Bae System» немедленно выдвинули предположение о том, что операция осуществлялась с территории Российской Федерации[38], что является таким же классическим приемом информационной войны, как и многочисленные «сообщения» о смерти В. Януковича[39].

Силами, поддерживающими Майдан, активно применялись традиционные сетевые инструменты противоборства в киберпространстве. Например, представителями «Правого сектора» активно использовалась социальная сеть «ВКонтакте», где на страницах его сообществ размещались информация о проводимых протестных акциях и ответных действиях властей, пропагандистские материалы, а также данные о сборе средств и координации деятельности участников Евромайдана. По свидетельству экспертов, в наиболее «жаркие» дни протестных акций в феврале текущего года на странице «Право-

[37] См.: Сидоренко Е. «Атаки последнего поколения». Хакеры напали на сайт Крымского референдума. URL: http://vz.ru/society/2014/3/16/677302.html (дата обращения: 16.03.2014).

[38] См.: Британский эксперт: Россия развязала против Украины кибервойну. URL: http://ain.ua/2014/03/11/515577 (дата обращения: 16.03.2014).

[39] См.: URL: www.utro.ru/articles/2014/03/04/1179797.shtml; http://svit24.net/culture/54-culture/104107-v-sety-pojavylas-ynformacyja-o-smerty-vyktora-janukovycha (дата обращения: 16.03.2014).

го сектора» в социальной сети «ВКонтакте» наблюдался чрезвычайно высокий уровень сетевой активности, выражающейся в размещении новых сообщений, призывов, фотографий и видеозаписей.

Применялись и более современные инструменты сетевого противоборства, одним из которых стал так называемый ***Twitter-шторм***. Активисты Евромайдана запустили в Twitter флешмоб с хештегом #DigitalMaidan Twitter Storm с целью привлечь внимание иностранных СМИ и общественных деятелей к событиям на Украине. Организаторы акции предлагали пользователям принять участие в Twitter-шторме, в рамках которого необходимо было в определенное время отправить поток твитов, таргетированных на аккаунты ключевых журналистов, политиков и лидеров мнений по всему миру[40]. При этом на сайте уже было заготовлено более сотни коротких сообщений («твитов») с призывами предотвратить новые жертвы среди протестующих и поддержать украинцев в борьбе за демократию. Присоединиться к Twitter-шторму можно было на сайте или в группе инициативы на Facebook*[41]. Чтобы отправить твиты, достаточно лишь нажать на соответствующую кнопку на сайте напротив выбранного сообщения. При этом ресурс нацеливал именно на синхронную массовую рассылку таких сообщений, которая стартовала в определенное время, создавая тем самым мощный поток сообщений («шторм»).

Результат был впечатляющим. Активистам Евромайдана, которые 27 января 2014 г. в 17.00 запустили акцию #DigitalMaidan Twitter Storm, уже через полчаса после старта флешмоба удалось добиться поставленной цели: хештег #DigitalMaidan вышел на первое место в мировых трендах социальной сети. В последние дни января нынешнего года интенсивность постов с хештегом #DigitalMaidan составляла 5–6 твитов в секунду[42].

Весьма примечательной чертой информационной войны в киберпространстве вокруг украинских событий стало вовлечение в нее широких групп населения России и Украины, зачастую весьма далеких от политики. Здесь также преимущественно использовался ин-

---

[40] См.: Яровая М. Цифровой Майдан: активисты запускают Twitter-шторм, нацеленный на мировую общественность URL: http://ain.ua/2014/01/27/510280 (дата обращения: 16.03.2014).

[41] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[42] См.: Твиттер-шторм в поддержку ЕвроМайдана вывел украинский хештег на 1-ое место в мире URL: http://vlasti.net/news/185601 (дата обращения: 07.03.2014).

струментарий наиболее популярных на постсоветском пространстве социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники» и Facebook*, состоящий в обмене сообщениями, размещении постов, картинок, видеозаписей. Причем накал страстей был такой, что отчетливо наблюдалось действие описанного в социальной психологии механизма «групповой поляризации», разделившего населения братских постсоветских республик на два непримиримых лагеря – сторонников и противников конституционного переворота на Украине и ответной реакции российских властей. Звучали эмоциональные заявления о невозможности далее сохранять дружбу с людьми из «вражеского» лагеря. Подъем патриотического самосознания населения обеих стран был наиболее высоким за последние несколько десятилетий.

Противостояние сетевых сообществ в кибервойне

За одной из упомянутых выше кибератак на «Российскую газету» стояла так называемая Киберсотня Майдана – анонимное сетевое сообщество, объединяющее украинских интернет-активистов и имеющее аккаунт в Facebook* на украинском языке[43]. Киберсотня была создана в середине февраля 2014 г. и объединила людей, «которые по разным причинам не могут присутствовать в рядах Самообороны Майдана или волонтеров на самом Майдане в Киеве»[44]. Целью своей работы они видели разработку и организацию «точечных, но массовых действий» с использованием возможностей сети Интернет «в рамках законного поля с целью оказания давления, направленного на свержение преступного режима в стране и достижения нашей главной цели – получение честности, уважения и справедливости для каждого человека».

В начале марта 2014 г. издание Forbes сообщало, что в социальной сети LinkedIn было размещено сообщение Константина Корсуна, руководителя «Украинской группы информационной безопасности» (UISG), следующего содержания: «В связи с военной интервенцией РФ против Украины прошу всех, кто имеет технические возможности противостоять врагу в информационной войне, свя-

[43] См.: URL: https://www.facebook.com/cyber100ua (дата обращения: 07.03.2014).

[44] Киберсотня будет помогать Майдану через Интернет. URL: http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?kibersotnya_budet_pomogat_maydanu_cherez_internet&objectId=408787&lang=ru (дата обращения: 07.03.2014).

заться со мной в личке и быть готовым к бою. Будем связываться с силовиками и объединять усилия против внешнего врага». Автор подтвердил подлинность сообщения упомянотому изданию, указав на исключительно оборонительный характер планируемых действий[45]. При этом сам К. Корсун является профессионалом в данной области, имеющим длительный опыт работы в подразделении по борьбе с киберпреступностью Службы безопасности Украины и Государственной службе специальной связи и защиты информации Украины. Информация о дальнейшей активности указанного специалиста в данном направлении, равно как и его причастности к созданной «Киберсотне Майдана», в СМИ и интернет-ресурсах отсутствует.

В противовес «Киберсотне Майдана» на другой стороне политического фланга Украины было создано сетевое сообщество «КиберБеркут», имеющее свой собственный сайт[46].

В своем заявлении на сайте от 3 марта 2014 г. движение, представив критический анализ произошедшего захвата власти в Киеве неофашистами, объявило «Правый сектор» вне закона и провозгласило «охоту на преступников-неофашистов». В сообщении говорилось: «Сегодня мы начали взлом сайтов, чтобы заткнуть поток лжи запуганных СМИ! Мы заявляем, что отстоим Украину, сбережем ее историю и защитим будущее ее народа!!!» Ниже следовал список интернет-сайтов, на которые впоследствии осуществлялись кибератаки. 8 марта 2014 г. на сайте «КиберБеркута» было размещено обращение к гражданам Украины с призывом отправлять информацию о совершенных радикалами преступлениях личным сообщением на страницу движения в Facebook*.

Наибольшую известность «КиберБеркут» получил после обнародования переписки между главой МИД Эстонии Урмаса Паэта и верховным представителем Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон, а также серии проведенных кибератак на информационные ресурсы НАТО в середине марта 2014 года. Причиной последних послужил приезд в Киев группы специалистов Таллинского центра кибероборонь НАТО для ведения информационной войны. Особое их внимание обращено на ограни-

[45] См.: Седаков П., Филонов Д. Первый украинский киберфронт: кто и зачем объявил IT-мобилизацию? URL: www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/251623-pervyi-ukrainskiikiberfront-kto-i-zachem-obyavil-it-mobilizatsi (дата обращения: 16.03.2014).

[46] См.: URL: www.cyber-berkut.org/ (дата обращения: 16.03.2014).

чение доступа украинцев к русскоязычным СМИ и интернет-ресурсам. Как сообщается, указанные действия организаторы государственного переворота на Украине предприняли по рекомендациям своих европейских и американских советников и направлены они на искажение событий в свою пользу и оправдание своих агрессивных действий в глазах «общественности» (сообщение от 13 марта 2014 г.).

15 марта на сайте сообщества было размещено следующее послание: «Мы, КиберБеркут, не допустим присутствия на территории нашей Родины натовских оккупантов! В Украине по просьбе киевской хунты орудует группа студентов под руководством Таллиннского киберцентра НАТО (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence), которые назвали себя майдановской "Киберсотней". Прикрываясь ими, Запад ведет активную пропаганду среди украинского населения через СМИ и социальные сети, блокирует объективные источники информации, скрывает действия преступников, называющих себя "законной властью"». Далее следовало заявление о начале атаки на ресурсы НАТО, включая официальный сайты самой организации[47] и упомянутого Таллинского центра[48].

Представители НАТО подтвердили факт осуществленных кибератак, в результате которых все три сайта НАТО были временно выведены из строя[49].

Таким образом, виртуальное сообщество «КиберБеркут» ведет как информационно-психологическую, так и кибервойну против неонацистских группировок на Украине и ее сторонников. Причем мониторинг размещения ими на собственном сайте информации о новых информационных акциях свидетельствует о продолжении ими активного участия в информационной войне. Последнее сообщение на сайте от 19 марта 2014 г. рассказывает о проведенной «КиберБеркутом» блокировке телефонов «неонацистов и радикалов, принимающих участие в вербовке в так называемую Национальную гвардию Украины».

«Синтетическая» реальность, созданная гражданами Украины для граждан Украины, очень напоминает ситуацию, описанную братьями Стругацкими в романе «Обитаемый остров»: после глобаль-

[47] См.: URL: http://nato.int (дата обращения: 16.03.2014).

[48] См.: URL: http://ccdcoe.org (дата обращения: 16.03.2014).

[49] См.: Селиверствова О. «КиберБеркут» атакует сайты НАТО // Московский комсомолец. 2014. 16 марта.

ного кризиса группа энтузиастов стремится помочь своему народу, используя психоволновые технологии[50]. Дав кратковременный анестезирующий эффект, применение этих технологий далее ведет к деградации общества и государства. В романе землянин Максим взрывает управляющий центр башен излучателей, считая, что освободил народ от гнета:

« – Ну ладно. А дальше?

А дальше должна начаться революция.

Чего ради? – удивился Странник.

Но Центр-то ведь разрушен, излучения больше нет...

Ну и что же?

Теперь они сразу поймут, что их угнетают, что жизнь у них дрянная, и поднимутся»[51].

Они поднялись: националисты, фашисты, общеуголовная преступность, которую сначала использовали как ударную силу на Майдане, потом как инструмент рейдерского передела собственности[52]. «Творческое разрушение» государства и сложившейся системы экономического взаимодействия правящих элит продолжается. Операторы нынешней ситуации на Украине, вероятно, надеются на косовский вариант. Но в Косово ситуацию стабилизировали американские военные, а ультрапассионариев, после выполнения ими своих задач, направили в «горячие точки» по всему миру. Масштабы Украины не позволят реализовать косовский сценарий. Снова вспоминается «Обитаемый остров»:

« – Ты многое забыл, – проворчал Странник. – Ты забыл про экономику... Тебе известно, что в стране инфляция? Тебе известно, что надвигается голод.., что лучевое голодание в двадцати процентах приводит к помешательству?»[53]

В романе братьев Стругацких и Странник, и Максим прилетели на планету Саракш с Земли. Один – во главе группы прогрессоров-спасателей, другой – заблудившийся турист, решивший помочь аборигенам. В нашем мире «синтетическую» реальность Украины создавали и украинцы, и русские, и американцы, и поляки, и мно-

---

[50] См.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров // Они же. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1993.

[51] См.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров // Они же. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1993. С. 291.

[52] См.: Радикалы захватили ликеро-водочный завод в Винницкой области. URL: http://5-tv.ru/news/82212 (дата обращения: 16.03.2014).

[53] Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. С. 291.

гие другие, верившие, что они действуют во благо и самыми прогрессивными методами. *Hell is paved with good intentions*[54].

В результате – «синтетическая реальность» Украины встает вровень с оружием массового поражения.

[54] Благими намерениями ад вымощен (англ.).

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ УГРОЗ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

2.1. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ[1]

Насилие или угроза насилием становятся террористическим действием тогда, когда информация о них формирует поведение достаточно больших групп людей. То есть обязательными компонентами терроризма являются: акт насилия, генератор информационной картинки (послания), канал передачи информации, целевая аудитория. Именно поэтому первой террористической организацией принято считать секту сикариев, совершавших убийства римских легионеров в людных местах, что гарантировало быстрый и широкий информационный охват населения с помощью самого совершенного тогдашнего информационного канала – слухов.

С развитием средств массовой информации формируется близкая к современной концепция террора. Так, крупнейшая российская террористическая организация XIX в. «Народная воля» имела не только свои информационные ресурсы в виде газет и брошюр, но и поддерживала контакты с ведущими изданиями[2]. «Динамитная война» американских сторонников независимости Ирландии против Британской империи в 1880–1890-е годы также характеризовалась активным привлечением медийных ресурсов США и Европы[3].

Одной из целей современных террористических и экстремистских организаций в информационном пространстве является обеспечение глобального медийного освещения своей идеологии и совершаемых террористических актов. СМИ как наиболее мощный источник трансляции информации в массы рассматривается ими как ключевой канал донесения своих устрашающих «посланий» до общества и оказания давления на органы власти. Как отмечает Б. Накос, «прибегая ко все более зрелищным и жестоким действиям

[1] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ // Свободная мысль. 2014. № 4. С. 55–72.

[2] Подр. см.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

[3] Подр. см.: Encyclopedia Terroristica. URL: http://terroristica.info/taxonomy/term/11 (дата обращения: 15.05.2014).

и, таким образом, повышая порог насилия, террористы уверены в самом широком освещении своих действий в прессе и общественном внимании»[4].

Профессор Университета Джорджа Вашингтона Дж. Пост называет терроризм «медиафеноменом» и предлагает рассматривать его как особую форму психологической войны, ведущуюся через масс-медиа[5]. Именно через СМИ террористы получают неограниченные возможности для воздействия на власть и общественное мнение, для проведения массированных информационных атак, что в свою очередь является предпосылкой успеха в информационной агрессии, ставшей основным компонентом практически любого террористического акта на всех этапах его осуществления. «Медиатерроризм» порождает и стимулирует хаос, разрушение социальной устойчивости, нагнетание атмосферы «парализующего пессимизма», усиление общественной напряженности и конфликтности, нарушение нормального функционирования властных структур, подрыв доверия населения к действиям и намерениям власти[6].

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г., относит распространение идей терроризма и экстремизма через средства массовой информации к числу основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в стране.

Повышение роли СМИ в деятельности террористических и экстремистских организаций связано с тенденцией повышения социальной значимости и социального влияния формируемой средствами массовой информации (прежде всего телевидением) виртуальной реальности, которая составляет основу процесса виртуализации общества[7]. Этот процесс носит весьма многоплановый характер. В контексте темы нашего исследования наиболее значимым является завоевание СМИ роли основного источника информирования

---

[4] Nacos B. L. Terrorism and media: from Iran Hostage to the World Trade Center Bombing. N. Y., 1994. P. 7–8.

[5] См.: North A. How Media Coverage Influences Terrorism // BuzzFeed. URL: www.buzzfeed.com/annanorth/how-media-coverage-influences-terrorism (дата обращения: 15.05.2014).

[6] См.: Цыганов В. Медиа-терроррризм. Терроризм и средства массовой информации. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 25, 30.

[7] См.: Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.

общества и формирования образа окружающего мира. Подтверждением этого являются результаты социологических исследований. Так, проведенный в 2013 г. опрос ФОМ[8] показал, что именно из СМИ россияне чаще всего получают новости. Основным из них по-прежнему выступает телевидение (85 %), ему значительно уступают радио (20 %), печатная пресса (21 %), новостные сайты в Интернете (25 %). Тем не менее любое из указанных СМИ превосходит такой источник информации, как разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми (19 %).

При этом телевидение остается лидером в плане доверия граждан передаваемой им информации (59 %), более низкие показатели у интернет-СМИ и информации от родственников, друзей, знакомых (7 %), печатной прессы (4 %), радио (2 %).

Важно отметить, что СМИ не просто информируют нас о происходящем, но и формулируют определения, подсказывают выводы, задавая рамки интерпретации того или иного события[9]. Телевидение как наиболее значимое и влиятельное СМИ создает символический образ реальности, который в свою очередь и формирует восприятие жизненного пространства индивидом. Он структурирует жизненные ценности, нормы, общие обязательства и установки, формирует основу для взаимопонимания и взаимодействия (хотя и необязательно и соглашения) между большими и разнородными группами людей. Этот мир обусловливает образ мышления, чувств и поведения не индивидуумов, а масс в целом[10].

Современные масс-медиа распространяют в мировом масштабе информацию об одних и тех же наиболее важных событиях, произошедших в самых разных уголках земного шара. При этом они культивируют сопереживание непосредственно не затрагивающим нас мировым событиям и транслируют картинки далеких сегодняшних ужасов, предвещая общее будущее всех людей в современном мире[11]. Благодаря современным технологиям связи телезритель или

---

[8] См.: Исследование «ФОМнибус» июнь–июль 2013 года. URL: http://fom.ru/search#q=&from=01-06-2013&to=01-08-2013 (дата обращения: 15.05.2014).

[9] См.: Информационные аспекты террористических актов (аналитическое исследование). Информационное агентство «Росбалт» // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: сб. статей / под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2004. С. 204.

[10] См.: Полуэхтова И.А. Телевидение как механизм социального контроля // Вестник Московского университета: Социология и политология. 1998. № 1.

[11] См.: Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. С. 42, 45.

интернет-пользователь получает возможность наблюдать кадры реальных военных действий, происходящих революций и переворотов, катастроф и стихийных бедствий, других важных событий. Сказанное в полной мере относится к террористическим атакам и иным экстремистским действиям.

Средства массовой информации играют роль главного «проводника» (ретранслятора) устрашающего воздействия террористов и экстремистов на население, которую они реализуют посредством информационного освещения своей деятельности, в том числе последствий совершенных террористических актов и преступлений экстремистской направленности (погибших и раненых людей, материальных разрушений и т. п.). В рассматриваемом ракурсе теракты и иные экстремистские акции следует воспринимать как послание (message) террористов, доносимое до общества СМИ (в этом контексте исследователи говорят о «террористической коммуникации»). Благодаря СМИ экстремистские формирования в трансляции своей идеологии и запугивании общества получают выход на массовую аудиторию, которая была бы недоступна им при использовании только собственных информационных ресурсов.

Все виды средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, сетевые издания) осуществляют информационное освещение террористических актов и иных экстремистских действий. Однако наиболее мощным потенциалом воздействия на общество обладает телевидение, которое сохраняет это доминирующее положение даже в условиях бурного развития интернет-СМИ и социальных сетевых ресурсов (Web 2.0). Присущие телевидению характеристики – сочетание визуального и звукового сигналов, завораживающий вид самого изображения на экране ТВ, информационная насыщенность телесигнала, простота и удобство (комфортность) восприятия транслируемой информации, высокая сила эмоционального воздействия[12] – делают его главным инструментом донесения террористических и экстремистских посланий до общества. В частности, В. Цыганов обращает внимание на способность телевидения делать зрителей, находящихся за тысячи километров от эпицентра событий, не только их свидетелями, но и непосред-

[12] См.: Смирнов А.А. Телевидение как источник угроз информационно-психологической безопасности // Мир и безопасность. 2009. № 2, 3.

ственными участниками[13] (что особенно привлекательно для организаторов медиатеррористических актов), их виртуальными жертвами[14]. Наиболее успешно для этой цели применяются прямые репортажи с места совершения теракта либо совершения противоправных экстремистских акций в режиме реального времени.

Сетевые СМИ не принесли ничего принципиально нового в формат передачи информации, а наоборот – вобрали в себя все предыдущие формы ее отображения: текст, звук, фото- и видеоизображение («цифровая конвергенция»). Однако у них имеются и некоторые отличия от традиционных СМИ в части освещения террористических и экстремистских действий. Во-первых, в них зачастую применяются менее жесткие требования редакторской цензуры, что дает возможность размещения дополнительной информации о теракте или экстремистской акции, которая «не пошла» в телеэфир или печатный выпуск издания. Во-вторых, они носят интерактивный характер, позволяя пользователям оставлять свои комментарии о соответствующем информационном материале, которые, впрочем, подлежат модерации администрацией интернет-сайта. В-третьих, часть из них, напрямую или косвенно, создается террористическими и экстремистскими организациями для информирования общественности в нужном ключе (об этом будет подробнее сказано ниже).

Эксперты медиагруппы «Беслан» описывают механизм психологического воздействия террористов на общество через использование возможностей СМИ: «...именно обыватель является наиболее ценным объектом атаки для террористов и наиболее важным объектом для защиты власти. А медиамеханизм работает таким образом, что каждого из тех, кто подвергся такой атаке, обыватель (телезритель, радиослушатель, читатель газет и информационных лент) всегда ассоциирует с собой»[15]. Следствием этого выступает сеяние страха и паники среди граждан, которые начинают ощущать свою уязвимость в качестве потенциальной мишени следующей террористической атаки. Террористический акт здесь рассматривается как

[13] И.А. Полуэхтова в этом контексте говорит о расширении пространства социального опыта индивида «за счет виртуального подключения тех пластов социальной действительности, с которыми он не взаимодействует в своей реальной жизни» (Полуэхтова И.А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения: автореф. дис. … д-ра социол. наук. М., 2008. С. 18).

[14] См.: Цыганов В. Медиа-терроризм. Терроризм и средства массовой информации. С. 50.

[15] Медиадень: 2 сентября // Русский журнал. 2004. 3 сент. URL: http://old.russ.ru/culture/20040903_beslan.html (дата обращения: 15.05.2014).

«оружие психологического воздействия, целью которого являются не физические жертвы, а именно негативные психологические последствия, которые носят более масштабный и долгосрочный характер»[16].

Например, анализ медицинской статистики показал, что онлайн-трансляция на ведущих телеканалах захвата заложников в Беслане, переговоров и последующего штурма привела к резкому (в 2–3 раза) увеличению числа обострений хронических сердечно-сосудистых и неврологических заболеваний в период с 1 по 20 сентября 2004 г. и последующей смертности больных на всей территории нашей страны. Таким образом, медиасопровождение бесланского теракта увеличило количество жертв как минимум на порядок и может рассматриваться как пример «непрямого информационного воздействия с отсроченным летальным эффектом»[17].

Глобализация мирового информационного пространства способствует «расширению границ психологического воздействия террористов до мировых масштабов»[18]. Как отмечает В.А. Медведев, «именно безграничность информационного пространства превратила террор в планетарное явление»[19]. Безусловно, речь здесь идет о наиболее резонансных и крупномасштабных террористических актах, информационные волны от которых способны достичь самых отдаленных уголков планеты. Наиболее известными примерами такого рода являются террористические атаки в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., захват заложников в театральном центре на Дубровке в Москве 23 октября 2002 года и школе в Беслане 1 сентября 2004 г., серия подрывов поездов в Мадриде 11 марта 2004 г., серия вооруженных нападений в Мумбаи 26–29 ноября 2008 г., теракты, совершенные террористами-смертниками в Московском метрополитене 29 марта 2010 г. и др.

---

[16] Мкртычян А.А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2012. С. 10.

[17] Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008.

[18] Гарев В.А. Информационные угрозы современного международного терроризма. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. С. 17.

[19] Медведев В.А. Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. С. 108.

В. Цыганов выделяет следующие функциональные особенности масс-медиа, которые используются при осуществлении террористических акций:

функция антенны – выдача (передача) информации;

функция усилителя – драматизация событий, укрупнение масштабов случившегося;

функция фокуса – сосредоточение общественного и индивидуального внимания исключительно на предоставляемой информации, подавление внимания ко всему, не соответствующему этой информации;

функция призмы – «фильтрование» всей информации сквозь главное информационное событие, в данном случае – освещение террористического акта;

функция эха – сохранение в общественном сознании и памяти обстоятельств произошедшего террористического акта и вызванных им эмоций[20].

В силу важной роли СМИ в донесении до общества посланий террористов планирование террористических актов и иных экстремистских действий организуется согласно «постановочным принципам медиа»[21] таким образом, чтобы сделать их максимально эффектными в расчете привлечь как можно больше внимания СМИ, а значит – и общества в целом. «Недостаточно зрелищная террористическая акция, аудитория которой оказывается незначительной, с точки зрения ее авторов и организаторов, считается неудачной, а то и несостоявшейся»[22].

Первенство по зрелищности исполнения, безусловно, принадлежит «супертерактам» 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Р. Вахитов применил инструментарий семиотики для анализа этого теракта как медиасобытия[23]. Вот некоторые из его выводов.

Основными знаками сообщения о теракте 9/11 являются:

летящие самолеты, захваченные террористами;

террористы с ножами в руках и с арабской внешностью, но без каких-либо индивидуальных черт;

горящие и падающие башни ВТЦ и стена Пентагона;

---

[20] См.: Цыганов В. Медиа-терроррризм. Терроризм и средства массовой информации. С. 54–55.

[21] Больц Н. Азбука медиа. С. 56–58.

[22] Гарев В.А. Информационные угрозы современного международного терроризма. С. 32.

[23] См.: Вахитов Р.Р. Современный террористический акт как Текст Спектакля (опыт семиотики террора) // Альманах «Восток». 2003. № 2.

убийство заложников;

самоубийство самих террористов;

эпитеты, которые чаще всего звучали за кадром и, по сути, превратились в своего рода «подпись» к картинкам; если их свести воедино, получится фраза типа «*самый крупный и ужасный теракт в истории человечества!*».

Р. Вахитов предпринимает попытку «проинтерпретировать имеющиеся знаки в культурных кодах Спектакля», то есть объяснить символическое значение каждого из указанных знаков.

Самолеты. На языке Спектакля самолет символизирует собой одно из высших достижений западной, технологической, капиталистической цивилизации. Практически в каждом современном западном фильме присутствует знаковый эпизод: по взлетной полосе несется самолет, затем он медленно поднимается в воздух, его огни горят, моторы и сопла ревут (как правило, фоном этого является туманный или вечерний пейзаж, еще лучше оттеняющий огни и контуры лайнера). В общем, в этом контексте самолет призван всем своим видом воплощать величие и мощь западной техники.

Ножи в руках террористов, их арабское происхождение и подчеркнутая безличность. Нож предстает как низкотехнологичное орудие убийства, а вкупе с незападной внешностью на языке Спектакля, очевидно, означает антицивилизацию, дикость, иррациональность абсолютно Другого, который идентифицируется здесь как зло, поскольку цивилизация, рациональность, западность позиционируются как Добро. В фильмах Голливуда, во всяком случае, нож почти всегда ассоциируется с оружием героя-маньяка, который и есть иррациональный Другой, воплощающий принцип зла тотально. Подчеркнутая анонимность террористов – еще одно указание на то, что речь идет именно об архетипах, а не о живых людях.

Горящие и падающие небоскребы ВТЦ и стена Пентагона. Здания ВТЦ и Пентагон – это знаки языка Спектакля, которые все комментаторы правильно расценили как символы современного капитализма – его экономической (ВТЦ) и военной (Пентагон) мощи. Учитывая то очевидное обстоятельство, что экономическая сфера при капитализме стойко ассоциируется с сакральным, ясно, что речь идет о покушении на «священное пространство» капиталистического дискурса. Как видим, банк можно расценивать и как «капиталистический храм», то есть особое, «сакральное» с точки зрения данного дискурса место. Атака террористов на здание главного банка

западного мира с точки зрения мифологии капитализма означает не только нападение сил зла на западное общество, но и на Природу, естественную реальность в целом.

Смерть «простых людей» – заложников и людей в ВТЦ и в Пентагоне. Физическая смерть индивида в рамках либерального капиталистического дискурса вообще расценивается как одна из величайших трагедий, и в этом – одно из главных отличий этого дискурса от других, нелиберальных (например, традиционного христианского, мусульманского или советского, коммунистического). Либерализм изначально позиционируется в философской плоскости как особая разновидность номинализма – индивидуализм. Поэтому в рамках чистого, беспримесного либерального дискурса принципиально невозможна более или менее онтологически состоятельная надиндивидуальная идея, которая «снимала» бы в гегелевском смысле безысходность физической смерти индивида (отсюда глубинная трагичность и пессимистичность этого мировоззрения, выражение чего – такие знаковые феномены западного духа, как экзистенциализм, голливудские фильмы ужасов, психоанализ и т. д.). Особенно же это верно по отношению к позднелиберальному дискурсу, который представляет собой «идеологию потребления»: если смыслом жизни человека является лишь удовольствие, как заявляет этот дискурс во множестве своих репрезентаций (реклама, кино), то смерть тела – абсолютное зло, ведь удовольствия связываются именно с телом в его физическом смысле.

Смерть самих террористов. Различие между смертью заложников и смертью самих террористов с точки зрения Спектакля состоит в том, что в последнем случае к ужасу либерального человека перед смертью тела – источника удовольствий добавляется принципиальное и симптоматичное непонимание: как человек может добровольно пойти на смерть, ради чего бы то ни было пожертвовать жизнью? Спектакль настолько настойчиво элиминирует смерть человека, что даже все фильмы-боевики завершаются хеппи-эндом для главного героя – «хорошего парня», то есть жизнь человека в Спектакле мыслится в идеале как нескончаемый поток удовольствий. Террорист же для либерального человека – убежденного эгоиста и конформиста, представляющего человека лишь по образу и подобию своему, вообще предстает не как человек, а как иррациональное чудовище; и именно поэтому террорист в Спектакле, так сказать,

априори смертен, он – само воплощение Смерти, агрессивной, но бессильной перед Жизнью.

«Самый крупный и ужасный теракт в истории человечества!» Содержание этого сообщения столь же далеко от истины (ведь, к примеру, можно трактовать и американскую ядерную бомбардировку Хиросимы, унесшую гораздо больше жизней, как разновидность акта террора, только государственного), сколь и симптоматично. Здесь в неприкрытом виде предстает основополагающая черта всего действа – тенденция к самовосхвалению и самовозвеличиванию. В сущности, это сообщение стоит в одном ряду с другими слоганами Спектакля: «самый лучший шампунь», «самый вкусный шоколад», «самый высокий небоскреб» и т. д.

Обобщая вышеизложенное, Вахитов делает вывод, что основной идеологический смысл этого теракта как Текста Спектакля следующий: «Наша цивилизация устроена на естественных и рациональных началах, выступать против нее могут только дикари и безумцы, но и они вынуждены пользоваться ее достижениями»[24]. В контексте нашего исследования более важным является то, что организаторы теракта 9/11 очень грамотно выстроили его «визуальный ряд», во многом благодаря чему он произвел столь ошеломляющий эффект на мировое сообщество, не превзойденный (слава Богу!) до сих пор. Видеокадры с изображением процесса падения небоскребов ВТЦ после столкновения с ними самолетов стали самыми яркими символами начала новой эры в развитии международного терроризма и мироустройства в целом, в которой «мир уже никогда не станет прежним».

Особенно эффективными по силе устрашающего воздействия на аудиторию выступают террористические акты с участием террористов-смертников. Такие теракты всегда вызывают сильнейший общественный резонанс, так как действия смертников противоречат самой природе человека и не укладываются в границы разумного, вследствие чего шокируют обывателя. Усиление эффекта устрашения связано и с тем, что исполнителей таких терактов не страшит смерть, а следовательно – их практически невозможно остановить.

По словам В. Цыганова, «боевики-смертники в арсенале средств терроризма играют роль «оружия стратегического назначе-

[24] Вахитов Р. Р. Современный террористический акт как Текст Спектакля (опыт семиотики террора).

ния», используемого для демонстрации мировому сообществу разрушительного потенциала террористической организации и ее решимости в достижении поставленных целей любыми средствами. «Акции самопожертвования» гарантированно попадают в фокус внимания СМИ, что в свою очередь активно используется не только для насаждения в обществе парализующего страха, но и для пропаганды и оправдания террористических целей»[25].

В. Медведев, анализируя индивидуальный смысл террора, формулирует его как «прорыв к обретению «Я» в смерти человека, воспитанного и живущего в системе коллективных (роевых) ценностей». «Благодаря террору на минуты, часы, а то и дни, – продолжает автор, – такой вот «полуфабрикат» становится человеком планетарного масштаба, входит в поле мысли и чувств миллиардов людей. ...При качественно выстроенной системе ценностно нагруженной пропаганды, усиленной формами сублиминального управления и контроля, подобного рода прорывы к обретению «морального Я», становятся не террористическими актами, а подвигами самопожертвования, вокруг которых выстраиваются культы ритуального поклонения»[26].

Террорист-смертник с «поясом шахида» стал одним из наиболее известных и мощных образов современного терроризма, который весьма активно эксплуатируется СМИ. Чаще всего в этой роли выступают женщины, лицо и тело которых, как правило, скрыто одеждой черного цвета, что в сочетании с открытой демонстрацией нательных взрывных устройств придает им особо устрашающий вид. В нашей стране наиболее резонансными терактами с участием смертников стали захват театрального центра на Дубровке в 2002 г. и взрывы на нескольких станциях Московского метрополитена в 2010-м.

Специалисты отмечают высокий профессионализм информационной деятельности современных террористических формирований: «...правильный выбор объекта для создания коммуникативного резонанса, постоянная стимуляция обсуждения проблемы, многоканальность воздействия на аудиторию и т. д. наглядно демонстрируют хорошую подготовленность террористов к проведению много-

[25] Цыганов В. Медиа-терроррризм. Терроризм и средства массовой информации. С. 16.

[26] Медведев В.А. Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации. С. 129.

уровневых психологических операций в информационном пространстве других стран»[27].

Так, специалистами отмечалось, что организаторы захвата заложников театрального центра «Норд-Ост» с самого начала детально продумывали свою медиастратегию. Они сделали все возможное, чтобы насытить эфир максимумом информационных поводов о себе: выдвигали и отменяли различные требования, заставляли родственников заложников проводить митинги с плакатами, приглашали на переговоры известных людей и потом отказывались от переговоров с ними, впускали камеры НТВ и пытались выйти в эфир с мобильных телефонов заложников, когда те говорили с «внешним миром». Все это может быть расценено только как стремление сделать так, чтобы теракт «висел» в медиасфере непрерывно, обрастая все новой и новой информацией, нагнетая напряжение[28].

Возможна ситуация, когда террористические и экстремистские организации целенаправленно явно или скрытно нанимают специалистов из СМИ и PR-агентств, которые обеспечивают соответствующее освещение терактов в средствах массовой коммуникации, создание необходимого заказчику образа экстремиста или террориста (борца за свободу своего народа, мстителя за гибель от рук федерального правительства семьи любящего отца, «идейного» борца за свободу и т. п.), противодействие правительственным органам путем их дискредитации, организацию давления на правительство в целом со стороны международных организаций и структур и наконец координацию и корректировку деятельности террористов путем прямой демонстрации конкретных действий контртеррористических сил.

Весьма сильным медиапосланием террористических организаций выступает заявление о взятии на себя ответственности за совершенный теракт. В. Гарев отмечает, что это имиджевый жест, медиабомба, возможность бесплатной рекламы на ведущих каналах, поскольку за появлением информации о причастности к теракту следует развернутый репортаж о деятельности организации, взявшей на себя ответственность[29]. По свидетельству эксперта по терроризму Брайна Джейкинса, современные террористы, захватывающие

---

[27] Гарев В.А. Информационные угрозы современного международного терроризма. С. 6.

[28] См. Информационные аспекты террористических актов (аналитическое исследование). С. 205.

[29] См.: Гарев В.А. Информационные угрозы современного международного терроризма. С. 43–44.

заложников, почти всегда требовали прямого эфира. Примерно в 95 процентах организаторы теракта обращаются в редакции СМИ, чтобы сообщить о взятии ответственности за совершенное преступление[30].

Так, например, ответственность за страшные взрывы в Московском метрополитене в марте 2010 г. взял террорист Доку Умаров. При этом СМИ передали его обращение к обществу, в котором он заявил, что атака в Москве была законной акцией возмездия за продолжающиеся убийства мирных жителей на Кавказе. Теракты на территории России будут продолжаться, заверил Умаров. Он напомнил, что уже ранее предупреждал жителей России, что они «больше не будут спокойно наблюдать за войной на Кавказе в своих телевизорах. Поэтому война придет на ваши улицы, и вы ее ощутите на собственных жизнях и собственных шкурах»[31].

Со своей стороны СМИ также заинтересованы в освещении действий экстремистов, поскольку любой террористический акт либо экстремистская акция рассматривается ими как значимый информационный повод, приковывающий внимание аудитории и поднимающий рейтинг просмотра. Терроризм отвечает всем трем основным критериям приоритетности материала для СМИ (привлекательность темы для аудитории, неординарность фактов, новизна материалов), в силу чего он становится суперзрелищем. Как точно замечает В. Цыганов, «в переполненном насилием мире любая террористическая акция по-прежнему является сенсацией, а ради сенсаций конкурирующие между собой СМИ готовы на все»[32]. По мнению германского ученого Н. Больца, существует целая «мультимедийная индустрия страха»[33].

Владельцы СМИ и интернет-сайтов получают щедрые инвестиции и пожертвования, позволяющие в том числе выплачивать журналистам очень высокие гонорары. Передаваемая террористами информация (требования, интервью) позволяет выходить с эксклюзивными репортажами и статьями, повышающими рейтинг и статус самого СМИ. И у владельцев СМИ, и у журналистов возникает иллюзия

---

[30] См.: Медведев В.А. Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации. С. 129.

[31] Доку Умаров «со второго раза» взял на себя ответственность за взрывы в Москве // News.ru. 2010. 31 марта. URL: www.newsru.com/russia/31mar2010/umarovneumarov.html (дата обращения: 15.05.2014).

[32] Цыганов В. Медиа-терроррризм. Терроризм и средства массовой информации. С. 3.

[33] Больц Н. Азбука медиа. С. 79.

прямого влияния на власть (власть вынуждена с ними сотрудничать), причастности к принятию судьбоносных решений, собственной исключительности (избранности). Это состояние сродни наркотическому опьянению – эйфория, искаженное восприятие реальности, отчуждение от других (простых) людей, возрастающая зависимость от источника наслаждения (возможности получать и передавать эксклюзивную информацию, повышающую статус и гонорары)[34].

Террористы определенным образом доверяют СМИ в том, что последние, в силу своего стремления заполучить горячие новости, «без купюр» выдадут в эфир или опубликуют интервью с тем или иным лидером террористов – что, собственно, и сделала телекомпания «Al-Jazeera» в октябре 2001 г. с видеозаписью интервью террориста № 1 (по мнению США) Усамы бен Ладена, а еще ранее (в мае 1997 г.) – телекомпания CNN[35].

Впрочем, некоторые исследователи подчеркивают, что широко освещая теракты, СМИ лишь отвечают на запросы аудитории, которой интересны шокирующие факты насилия[36]. Проведенное А. Мкртычяном исследование во многом подтверждает данный вывод. Согласно полученным им данным, каждый второй из опрошенных (56,8 %) «регулярно» следит за криминальной хроникой по ТВ. Объясняя свой интерес, респонденты отметили следующие причины просмотра криминальных новостей: «Желание быть в курсе событий для реальной оценки происходящего» (56,8 % ответивших); «Любопытство» (23,1); «Отсутствие интересных альтернатив» (15,4); «Профессиональный интерес» (3,6) и «Дефицит острых ощущений в собственной жизни» (1,2 % опрошенных)[37].

Как резонно замечают сотрудники информационного агентства «Росбалт», «восприятие событий аудиторией во многом зависит от способа подачи соответствующего материала в средствах массовой информации»[38]. Зачастую освещение совершенных терактов и преступлений экстремистской направленности в СМИ не сводится к

---

[34] См.: Сундиев И.Ю. Оперативно-розыскная террология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

[35] См.: Высоцкий Д.В. СМИ и международный терроризм: основные аспекты взаимодействия. URL: www.mgimo.ru/files/69767/visocky.rtf (дата обращения: 15.05.2014).

[36] См.: North A. How Media Coverage Influences Terrorism // BuzzFeed. 2013. 19 Apr. URL: www.buzzfeed.com/annanorth/how-media-coverage-influences-terrorism (дата обращения: 15.05.2014).

[37] См.: Мкртычян А.А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма. С. 16–18.

[38] Информационные аспекты террористических актов (аналитическое исследование). С. 206.

простому информационному сообщению, а включает в себя подробные репортажи с места событий, эмоциональные комментарии участников и очевидцев происшествия, демонстрирование (при наличии) соответствующих видеозаписей происшествия либо ярких видеосюжетов с места его происхождения с показом трупов, раненых, крови, обломков техники и т. п.

Для придания красочности применяются и элементы художественного описания. Вот описание корреспондента «Комсомольской правды» З. Лобановой из зала центра на Дубровке в Москве через час после спецоперации, опубликованное в газете: «По лестнице поднимаюсь на второй этаж – туда, где началась эта чудовищная драма. В зале свет притушен. И кажется, оперативники и спецы говорят тише. Картина открывается чудовищная. На сцене, по центру, канистра с бензином. Четвертый ряд, место 34. Откинув голову на спинку красного сиденья, сидит молодая шахидка. Лицо, которое она так тщательно скрывала, открыто. Изо рта вытекла и засохла тонкая струйка крови. 10-й ряд, крайнее место: скрючившийся боевик. Последние ряды – три женщины-камикадзе. На всех трех – пояса шахида с взрывчаткой. Одна из них сидит, сложив руки на кресле и уронив на них голову. Можно подумать, что спит. Другая женщина-террористка сидит, привалившись к подруге»[39].

В упомянутом исследовании А. Мкртычяна полученные данные свидетельствуют о желании большей части зрителей (82,6 %) получать подробную информацию о теракте. Однако половина из них (41,0 %) не желает видеть иллюстрации с места совершения террористического акта (рис.).

Необходимо отметить, что при постановке более узкого вопроса относительно детализации информации о жертвах и последствиях террористического акта («Как Вы считаете, передаваемая в СМИ информация должна содержать подробности изображения жертв и последствий террористического акта?») большинство респондентов, 63,6 %, ответили отрицательно и лишь 36,4 % – положительно. Из всех, выбравших ответ «нет», 24,7 % респондентов уточняют, что подобная информация пугает и шокирует телезрителя (прежде всего – детей); 4,5 % отмечают, что это играет на руку террористам, так как сеет панику, страх и агрессию в обществе; и еще 3,9 % настаивают на том, что подобный формат трансляции представляет из себя шоу – что неэтично по отношению к жертвам.

[39] Лобанова З. Замочили! // Комсомольская правда.2002. 28 окт.

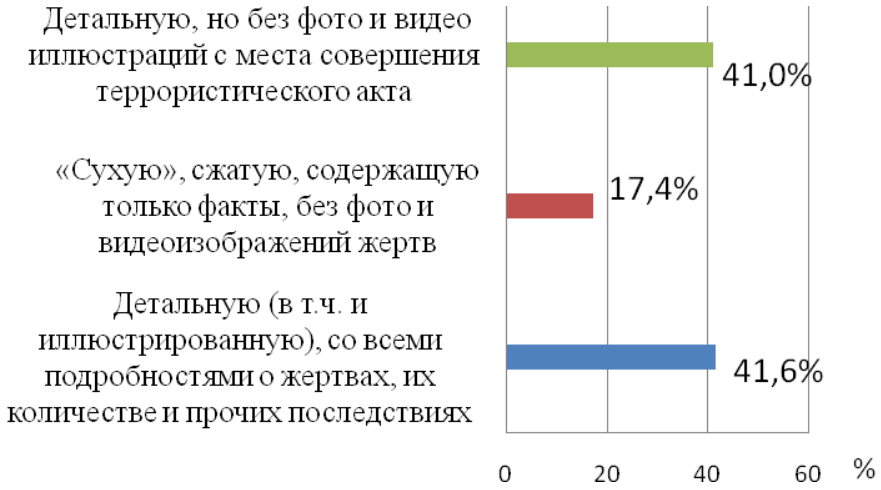

Рис. Предпочтения респондентов относительно объема получаемой о террористическом акте информации, в процентах

В изучении данного вопроса А. Мкртычяном применены и психологические методики психологических последствий терроризма на личностном уровне, в результате которых получены интересные результаты. Им установлено, что характер и содержание новостных передач о террористическом акте влияют на степень проявления посттравматического синдрома, что было и так вполне очевидно. Однако направленность и механизм такого влияния оказались парадоксальными. Ученый пришел к выводу, что наличие изображения жертв и последствий террористического акта – так же, как и самих террористов и других непосредственных участников травмирующего события, ведет не к усилению, а, наоборот, к редукции таких определяющих симптомов посттравматического стресса, как тревожность, фобические состояния, депрессия. И связано подобное изменение с тем, что с помощью эмоционально насыщенной трансляции, передаваемой через СМИ, наблюдатель удовлетворяет резко возникающую потребность в подробной информации о произошедшем, так как именно первоначальный ее дефицит, как, впрочем, и намеренное искажение (цензура), пренебрежение подробностями (со стороны сотрудников СМИ и представителей правительственных структур) усугубляет панические настроения и, соответственно, приводит к формированию фобических состояний, в том числе и к страху смерти.

По мнению исследователя, дело состоит в том, что отсутствие в репортажах подробностей начинает трактоваться напуганным зри-

телем не как желание со стороны государства избежать паники, а как намеренное искажение и замалчивание. А это приводит не только к ухудшению личного психологического состояния зрителя, но и к формированию негативной и подозрительной позиции по отношению к внешним объектам, в том числе и к представителям властных структур, а значит – и к государству в целом. А дальше начинает развиваться цепная реакция паники, агрессии и т. п., одним из звеньев которой становится хаотический поиск любой информации о происшествии. И в данном случае человек начинает обращаться к непроверенным источникам. А точнее – пользуется слухами и мифами, которые очень оперативно возникают на фоне дефицита официальной информации, что, естественно, еще больше усугубляет негативное состояние, формируя уже стойкие негативные психологические состояния и поведенческие диспозиции, в том числе и агрессивного, девиантного характера[40]. На наш взгляд, сам полученный автором результат исследования равно как и его теоретическая интерпретация могут быть поставлены под сомнение. Имеется ряд социологических и психологических исследований, содержащих практически противоположные выводы. Так, например, Фонд «Общественное мнение» через месяц после захвата заложников в «Норд-Осте» в 2002 г. и телесюжетов о нем зафиксировал, что 68 % населения страны считали, что следующий теракт произойдет именно в их городе или поселке. Больше 70 % опрошенных испытывали чувство настоящего ужаса, как если бы это произошло с их близкими людьми, коллегами. Отдел клинической психологии Научного центра РАМН провел собственное исследование, когда были опрошены более 300 москвичей, у которых на Дубровке не было ни родственников, ни знакомых. В итоге у 24 % из них обнаружили симптомы посттравматического расстройства, характерного для участников боевых действий и настоящих жертв теракта[41]. По мнению российского психиатра Т. Дмитриевой, зрители, смотрящие прямые телерепортажи о террористических актах, испытывают практически те же чувства, что и заложники: растерянность, ощущение бессилия, ненависть к террористам, беспомощность и страх за себя и своих

[40] См.: Мкртычян А.А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма. С. 30–31.

[41] См.: Информационные аспекты террористических актов (аналитическое исследование). С. 212–213.

близких, которые могли оказаться в роли заложников[42]. То есть передача шокирующих подробностей терактов формирует не катарсис (нравственное возрождение от пережитого страдания – Аристотель), а усугубляет депрессивное состояние зрителей.

Не менее интересным являются выявленные А. Мкртычяном мнения опрошенных граждан относительно допустимости интервьюирования террористов в прямом эфире. Здесь значительно преобладает отрицательное отношение (50,3 %) над положительным (19,1 %), при значительной доле тех, кому «все равно» (30,6 %). Из противников интервьюирования террористов 12,4 % уточняют, что подобная практика является рекламой террористов и способствует их популяризации; 4,5 % считают, что это пугает зрителей и рождает панику; более радикально настроены 3,9 % респондентов, которые уверены в том, что с террористами вообще бессмысленно общаться, и единственный способ «взаимодействия» с ними – физическое уничтожение. Что касается сторонников, то 33,3 % из них уточняют, что подобные интервью несут в себе важную информацию; еще 33,0 % считают, что эта информация наиболее достоверна, так как не подвергается цензуре; и 25,0 % респондентов отметили, что необходимо и террористам предоставить возможность донести до общества свою позицию.

Одним из негативных факторов освещения террористических и экстремистских действий средствами массовой информации в режиме реального времени является *возможность создания ими помех деятельности правоохранительных органов по их пресечению*. Это особенно важно при проведении контртеррористических операций, связанных с освобождением удерживаемых заложников. Благодаря радио- и телетрансляциям, сообщениям в сетевых СМИ исполнители теракта и координирующие их действия лица могут оперативно отслеживать действия «силовиков» и принимать упреждающие меры. Очевидно, что следствием этого может стать гибель заложников, сотрудников правоохранительных органов, а также посторонних гражданских лиц (например, если террористы в последнем «рывке» решат совершить прорыв либо просто причинить максимальный вред перед собственной гибелью).

Подобная ситуация не раз имела место в реальности. В частности, многими экспертами вспоминается в связи с этим захват залож-

[42] См.: Вторичные жертвы // Литературная газета. 2001. 20–26 нояб.

ников в ТЦ на Дубровке («Норд-Ост»), когда журналисты многочисленных телеканалов, находившиеся рядом с местом события, выдавали в эфир информацию о якобы начавшейся силовой операции по освобождению заложников и иным образом мешали работе спецслужб. «Во время московских событий в погоне за вниманием аудитории телевизионные репортеры и комментаторы вместе с техническими подробностями происходящего выбалтывали оперативные сведения, данные, остававшиеся вне внимания террористов. Мнения оккупирующих эфир многочисленных экспертов зачастую представляли собой конкретную информацию о возможных способах и направлениях нейтрализации террористов. А как назвать несанкционированные штабом контртеррористической операции попытки журналистов связаться с террористами? Или периодически звучавшие с телеэкрана безответственные, по сути своей подстрекательские, предположения о якобы скором начале штурма, что могло спровоцировать расправу над заложниками?» – справедливо негодовал по поводу безответственных действий СМИ В. Цыганов[43].

Помимо использования возможностей глобальных и национальных средств массовой информации, наиболее мощные террористические и экстремистские организации стремятся создавать и развивать собственные СМИ. Их основной целью выступает ведение экстремистской пропаганды. Так, например, исламистское движение «ХАМАС» запустило в 2006 г. вещание официального телевизионного канала «Аль-Акса» (Al-Aqsa TV), программы которого включают новости и пропаганду, исходящие от данной организации, детские и религиозные передачи[44]. За несколько лет до этого начала вещание радиостанция ХАМАС «Голос Аль-Аксы» (Radio Al-Aqsa Voice).

Другая известная террористическая организация исламистского толка – «Хезболла» располагает собственным спутниковым телеканалом «Аль-Манар» (Al-Manar TV Lebanon) и радиостанцией «Аль-Нур» (Al-Nour), которые работают с начала 1990-х гг. «Аль-Манар» пользуется самоназванием «станция сопротивления» и является ключевым инструментом в достижении того, что «Хезболла» называет «психологической войной против сионистского врага» в арабском мире.

---

[43] Цыганов В. Медиа-терроризм. Терроризм и средства массовой информации. С. 3.

[44] См.: Westervelt E. Hamas Launches Television Network // NPR. 2006. 3 Febr. URL: www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=5186883 (дата обращения: 15.05.2014).

С развитием Интернета и социальных сетей потребность в наличии собственных СМИ снижается, так как намного проще и дешевле использовать различные интернет-хостинги и иные социальные сетевые ресурсы для распространения массовой информации. Однако вполне возможен вариант одновременного использования собственных СМИ и интернет-ресурсов в террористических и экстремистских целях.

За последние несколько лет на Ближнем Востоке появилась и стремительно набрала колоссальную мощность суннитская повстанческая террористическая организация джихадистского толка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)*[45], играющая значительную роль в Ираке и Сирии[46]. Она примечательна во многих отношениях и представляет собой некую новую мутацию международного терроризма, сочетающую в себе элементы незаконного вооруженного формирования сетевого типа с иностранным элементом и агрессивной джихадистской идеологии со стремлением создания халифата на захваченных территориях. Ее отличительной чертой также является применение беспощадного насилия и террора, уровень которых запределен даже для «Аль-Каиды»*[47]», к любым своим противникам, включая мусульман-шиитов, и иным *кяфирам*. В контексте нашего рассмотрения ИГИЛ* интересна весьма активным и умелым ведением пропаганды как с использованием традиционных информационных материалов и СМИ, так и ресурсов Интернета.

ИГИЛ* с начала своего существования (2006 г.) создало мощную пропагандистскую структуру – медиаагентство «Аль-Фуркан» (Al-Furqan Institute for Media Prodution), которая изготавливает CD и DVD-диски, постеры, брошюры и информационные материалы для распространения в Интернете[48]. Выпущенный им в 2014 г. пропагандистский документальный фильм «Звон мечей» отличается очень высоким качеством исполнения, в связи с чем агентство CNN срав-

---

[45] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «ИГИЛ» («Исламское государство)* признана террористической организацией и запрещена в России.

[46] См.: Арзуманян Р.В., Акопян А.А. Иррегулярные конфликты. Ближний Восток. Террористические группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламский фронт»: цели, задачи, формы и способы действий в Сирии и Ираке. М.: АНО ЦСОиП, 2014.

[47] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

[48] См.: Roggio. B. US targets al Qaeda’s al Furqan media wing in Iraq // The Long War Journal. 2007. 28 Okt. URL: www.longwarjournal.org/archives/2007/10/us_targets_al_qaedas.php (дата обращения: 15.05.2014).

нило его с продукцией Голливуда[49]. В нем запечатлены многочисленные сцены жестоких нападений, террористических актов, казней, проводимых членами ИГИЛ*, производящие сильное устрашающее воздействие.

В начале фильма один из лидеров террористической группы произносит пламенную речь перед скоплением членов ИГИЛ*, в которой, в частности, говорится: «И мы скажем *тагутам* и *кяфирам* во всем мире то, что сказал Ибрагим, Мир ему, своему отцу: "мы отрекаемся от Вас, и тех, кому Вы поклоняетесь помимо Аллаха! Мы отвергаем Вас и между нами и вами установилась вражда и ненависть навеки, пока не уверуете вы в одного Аллаха" (60:4). И мы скажем вам, как сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: "Поистине, мы пришли к вам с резней!" Так возрадуйтесь, о неверующие!». После чего он достает большой нож-мачете и начинает угрожающе им размахивать. Очевиден устрашающий характер послания террористов, обращенный всем «неверным».

Основным масс-медиа, который использует ИГИЛ*, является Медиафонд «Итисаам» (I'tisaam Media Foundation), сформированный в марте 2013 г. и распространяющий информацию через Глобальный исламский медиафронт (Global Islamic Media Front)[50]. В 2014 г. ИГИЛ* учредил Медиацентр «Аль-Хайят» (Al Hayat Media Center), который ориентирован на западную аудиторию и производит материалы на английском, немецком, русском и французском языках[51]. Одновременно ИГИЛ* запустил проект Медиафонда «Айнад» (Ajnad Media Foundation), который распространяет аудио-материалы с джихадистскими проповедями и песнопениями[52].

В июле нынешнего года ИГИЛ* начал выпускать печатный журнал «Дабик» (Dabiq) на нескольких языках, включая англий-

---

[49] См.: Media Member Brutal terrorist video borrows techniques from Hollywood. CNN..

[50] См.: Zelin A.Y. New statement from the Global Islamic Media Front: Announcement on the Publishing of al- I'tisaam Media Foundation – A Subsidiary of the Islamic State of Iraq – It Will Be Released Via GIMF // JIHADOLOGY. 2013. 8 March. URL: http://jihadology.net/2013/03/08/new-statement-from-the-globalislamic-media-front-announcement-on-the-publishing-of-al-iti%25E1%25B9%25A3am-media-foundationa- subsidiary-of-the-islamic-state-of-iraq-it-will-be-released-via-gimf&sourceid=opera&ie=utf-8&oe=utf-8-&gfe_rd=cr&ei=zigOVM6SDca ANJmR-gLAB (дата обращения: 15.05.2014).

[51] См.: Gertz B. New Al Qaeda Group Produces Recruitment Material for Americans, Westerners // The Washington Free Beacon. 2014. 13 June. URL: http://freebeacon.com/national-security/new-al-qaeda-groupproduces-recruitment-material-for-americans-westerners/ (дата обращения: 15.05.2014).

[52] См. ISIL Launches «Ajnad Media Foundation» to Specialize in Jihadi Chants // SITE Institute. 2014. 15 Jan. URL: http://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/isil-launches-qajnad-media-foundationq-tospecialize-in-jihadi-chants.html (дата обращения: 15.05.2014).

ский. Название журнала заимствовано от города в северной Сирии, который упоминается в *хадисах* об Армагеддоне[53]. По мнению Харлина К. Гэмбхира (Harleen K. Gambhir) из Института изучения войны (Institute for the Study of War), в отличие от журнала «Вдохновение» («Inspire Magazine»), который используется «Аль-Каидой»* в странах Аравийского полуострова преимущественно для подстрекательства своих читателей к совершению одиночных атак на страны Запада, «Дабик» основное внимание уделяет приданию легитимности ИГИЛ* и провозглашаемого им халифата, а также поощрению мусульман эмигрировать в последний[54].

Одной из последних резонансных медиаакций ИГИЛ* стало размещение 19 августа 2014 года в сети Интернет видеоролика с казнью (обезглавливанием) американского журналиста Джеймса Фоули (James Foley). Ролик был изготовлен агентством «Аль-Фуркан». Представитель террористической группировки заявил, что данная казнь явилась местью за бомбардировку Соединенными Штатами отрядов ИГИЛ* на территории Ирака. Информация об этом событии вместе с фотографиями были растиражированны всеми основными мировыми информационными агентствами и вызвали широкий общественный резонанс. Свои комментарии по этому поводу высказали руководители ряда западных государств, в частности главы США, Великобритании, Италии, Франции. Убийство журналиста осудил Совет Безопасности ООН[55].

По итогам нашего рассмотрения можно сделать ряд выводов.

1. Информационная составляющая экстремистской и террористической деятельности с возрастанием социальной роли СМИ резко увеличилась и стала определять форму, сценарий и эффективность террористических актов и преступлений экстремистской направленности.

2. Террористические и экстремистские организации стремятся обеспечить максимально широкое медийное освещение своей дея-

---

[53] См.: Dabiq: What Islamic State's New Magazine tells Us about their Strategic Direction, Recruitment Patterns and Guerrilla Doctrine // The Jamestown Foundation. 2014. 1 Aug. URL: www.jamestown.org/programs/tm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42702&cHash=0efbd71af77fb92c064b9403dc8ea838 (дата обращения: 15.05.2014).

[54] См.: Dabiq: The Strategic Messaging of the Islamic State. Institute for the Study of War // The Jamestown Foundation. 2014. 15 Aug. URL: www.understandingwar.org/sites/default/files/Dabiq%20Backgrounder_Harleen%20Final.pdf (дата обращения: 15.05.2014).

[55] См.: Казнь журналиста из США боевиками ИГ // РИА «Новости». 2014. 20 авг. URL: http://ria.ru/trend/foly_death_20082014/ (дата обращения: 15.05.2014).

тельности с целью запугивания населения, получения общественной известности и пропаганды экстремистской идеологии.

3. Средства массовой информации также заинтересованы в широком информационном освещении террористических актов и иных экстремистских действий, поскольку рассматривают их как значимый информационный повод, привлекающий внимание аудитории и повышающий рейтинг просмотра. При этом характер и содержание передаваемой информации и комментариев об экстремистских акциях может существенно варьироваться.

4. Потребители продукции СМИ в большей своей части также желают и стремятся получать максимально полную информацию о совершенном теракте (экстремистской акции). Однако значительная часть из них выступает против излишней натуралистичности демонстрирования последствий совершенных противоправных действий, травмирующих психику человека и общественное сознание, а также предоставления лидерам террористических организаций возможности делать публичные заявления в прямом эфире телевидения.

5. Наиболее мощные международные террористические организации создают собственные средства массовой информации и интернет-ресурсы, используемые для пропаганды своей идеологии и информационного освещения своей деятельности. Причем, как показывает пример с джихадистской группой «Исламское государство Ирака и Леванта»*, террористы обрели способность изготавливать медиапродукцию весьма высокого качества, что повышает ее потенциал воздействия на сознание.

6. В этих условиях эффективная борьба с террористической и экстремистской деятельностью невозможна без создания государственной системы информационного противодействия, включающей теоретически обоснованную концепцию и практически проверенную методологию, адаптированную к региональным особенностям.

7. Требуются выработка и правовое закрепление правил освещения СМИ террористических актов, особенно связанных с захватом заложников, а также координация деятельности правоохранительных органов и СМИ во время проведения контртеррористических операций и пресечения массовых публичных мероприятий экстремистского характера.

2.2. Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ*[1]

За последние несколько лет на Ближнем Востоке появилась и набрала колоссальную мощность суннитская повстанческая террористическая организация джихадистского толка *«Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) (Islamic State of Iraq and the Levant (ISIS, ISIL)*[2], на арабском Da'ish)*, играющая значительную роль в Ираке и Сирии[3]. Она представляет собой некую новую мутацию международного терроризма, сочетающую в себе признаки организованного вооруженного формирования и агрессивной джихадистской идеологии. ИГИЛ* отличается применением тактики беспощадного насилия и террора к своим противникам.

В июне 2014 г. ИГИЛ* сменило название на «Исламское государство»* и провозгласило создание «халифата» на контролируемых ею территориях Сирии и Ирака, по сути – квазигосударственного образования. Халифом стал шейх Абу Бакр Аль-Багдади (Abu Bakr al-Baghdadi).

ИГИЛ* выделяется среди других террористических группировок не только своей военной и экономической мощью, но весьма умелым ведением пропаганды с использованием СМИ и интернет-ресурсов. При том, что группировка стремится построить Исламское государство на основе средневековых правил, для достижения поставленной цели оно использует новейшие высокотехнологичные инструменты коммуникации и передовые маркетинговые стратегии.

Медиаимперия ИГИЛ*

Для реализации информационной политики ИГИЛ* была создана развитая медийная инфраструктура. Еще в 2006 г. «Аль-

[1] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Костин В.Н. Новое качество террористической пропаганды: медиа-империя ИГИЛ // Информационные войны. 2015. № 1. С. 30–36.

[2] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «ИГИЛ» («Исламское государство)* признана террористической организацией и запрещена в России.

[3] См.: Арзуманян Р.В., Акопян А.А. Иррегулярные конфликты. Ближний Восток. Террористические группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламский фронт»: цели, задачи, формы и способы действий в Сирии и Ираке. М.: АНО ЦСОиП, 2014.

Каидой»*[4] и «Исламским государством Ирака»* учреждено *медиа-агентство «Аль-Фуркан» (al-Furqan Institute for Media Production),* которое стало основным центром производства широкого спектра медиапродукции: фильмов, аудио- и видеодисков, брошюр, а также информационных материалов для распространения в сети Интернет. В пресс-релизе «Исламского государства Ирака»* данное медиа-агентство назвалось «вехой на пути к Джихаду; прославленным СМИ, которое вносит существенный вклад в борьбу с крестоносцами и их пособниками и разоблачает ложь западных СМИ»[5]. Масштабы деятельности данной структуры иллюстрирует тот факт, что только в одном из ее офисов, захваченном войсками международной коалиции в ходе рейда в иракском городе Самарра в июне 2007 г., было обнаружено 65 жестких дисков, 18 флешек, свыше 500 CD-дисков и 12 персональных компьютеров. Также в нем имелась полноценная студия для производства фильмов.

В 2014 г. агентство «Аль-Фуркан» выпустило пропагандистский *документальный фильм «Звон мечей»*, получивший широкую известность. В нем запечатлены многочисленные сцены жестоких нападений, террористических актов, казней, проводимых членами ИГИЛ*, производящие сильное устрашающее воздействие. Одновременно в фильме демонстрируются рядовые члены и главари ИГИЛ*, заявляющие о своей верности «халифату», а также социальные акции ИГИЛ*. Среди последних, в частности, демонстрируются кадры покаяния «муртадов» (вероотступников) из числа иракских военных и полицейских, которых боевики ИГИЛ* великодушно прощают. Данный фильм отличается очень высоким качеством исполнения, что дало агентству CNN основание сравнить его с продукцией Голливуда[6].

Сильнейший общественный резонанс в глобальном масштабе вызывала серия видеороликов ИГИЛ* с казнями (обезглавливанием) американских журналистов Джеймса Фоули и Стивена Сотлоффа, а также подданного Великобритании Дэвида Хэйнса в течение августа–сентября 2014 г. Ролики был изготовлены и распространены в Интернете агентством «Аль-Фуркан». Запечатленные в них страш-

[4] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

[5] Bill Roggio. US targets al Qaeda's al Furqan media wing in Iraq. The Long War Journal. 28 October 2007. URL: http://www.longwarjournal.org/archives/2007/10/us_targets_al_qaedas.php# (дата обращения: 20.08.2014).

[6] Mohammed Jamjoom. Brutal terrorist video borrows techniques from Hollywood. CNN.

ные кадры расправы над гражданами западных стран позиционировались ИГИЛ* в качестве актов возмездия за бомбардировку Соединенными Штатами отрядов ИГИЛ* на территории Ирака и Сирии. Фото и видео казней были растиражированы большинством мировых информационных агентств и стали одними из наиболее мощных по силе воздействия на массовое сознание террористических посланий после терактов 11 сентября 2001 г. в США.

Шокирующие кадры жестокости и насилия являются основой террористического медиадискурса ИГИЛ*. И именно они, по признанию многих экспертов, выступают одним из ключевых факторов «привлекательности» («attractive power» по Дж. Наю) данной группировки, притягивающий к ней сторонников со всех частей мира. В результате, по словам аналитика Эль Мюрида, «облегчается работа по массовой вербовке все новых и новых боевиков, для которых этот запрос становится навязчивой идеей и модой, на которую падка молодежь в любых странах. Быть убийцей становится именно модно, и теперь уже подвиги борцов за веру начинают вытеснять все иные образы в молодежной среде»[7]. Схожую мысль высказывает и директор авторитетного центра мониторинга экстремистских сайтов «SITE Intelligence Group» Рита Катц (Rita Katz): «Жуткие сцены казней и разрушений и есть именно то, что группы, подобные ИГИЛ*, используют для привлечения сторонников»[8].

В 2013 г. ИГИЛ* создало *медиафонд «Айнад» (Ajnad Media Foundation)*, который специализируется на изготовлении и распространении джихадистских проповедей и песнопений (нашидов)[9]. По словам экспертов, значительное возрастание количества нашидов на тему джихада во многом связано с военными действиями последних лет в Ираке и Сирии, и вклад ИГИЛ* в данный процесс является определяющим[10]. Они преимущественно распространяются в Интернете через сайты ИГИЛ* и социальные сети. В наиболее крупных

---

[7] Мюрид Э. Как работает пропаганда группировки «Исламское государство» URL: http://itar-tass.com/opinions/2299 (дата обращения: 24.10.2014).

[8] Tony Dokoupil. War of Words: Is Obama Losing the ISIS Propaganda Battle? // NBC News. September 29th 201 September 29th 2014. URL: http://www.nbcnews.com/storyline/isis-terror/war-words-obama-losing-isis-propaganda-battle-n211711 (дата обращения: 21.10.2014).

[9] См.: ISIL Launches «Ajnad Media Foundation» to Specialize in Jihadi Chants. SITE Intelligence Group. 15 January 2014. URL: http://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/isil-launches-qajnad-media-foundationq-to-specialize-in-jihadi-chants.html (дата обращения: 12.07.2014).

[10] См.: Thomas Seymat. How nasheeds became the soundtrack of jihad. URL: http://www.euronews.com/2014/10/08/nasheeds-the-soundtrack-of-jihad/ (дата обращения: 22.10.2014).

джихадистских онлайн-форумах имеется специальный аудиораздел, где можно прослушать и скачать множество нашидов.

Наиболее известный нашид, выпущенный фондом «Айнад», называется «Моя умма, рассвет уже начался» («My ummah, Dawn has appeared»). Данный нашид звучит во многих пропагандистских видео ИГИЛ* и, по свидетельству экспертов, стал почти официальным гимном организации. В нем имеются следующие слова: «Исламское государство возникло на крови праведников; Исламское государство возникло благодаря джихаду благочестивых; они открыли свои души праведности со стойкостью и твердой верой, таким образом может утвердиться религия, в которой закон (шариат) является повелителем миров».

По словам исследователя из Университета Йены (Германия) Бехнама Саида (Behnam T. Said), джихадистские песни (нашиды) сами по себе не могут рассматриваться как полноценный фактор радикализации молодежи, однако они являются важными слагаемыми формируемой культурной матрицы глобального джихадистского сообщества.

В 2013 г. ИГИЛ* учреждено *медиаагентство «Итисаам» (I'tisaam Media Foundation)*, которое производит и распространяет контент на арабском языке. Во многих западных СМИ оно называется основным массмедиа ИГИЛ*, хотя это утверждение представляется спорным. Изучение размещенных в Интернете (в частности, на сайте Jihadology.net) материалов агентства I'tisaam показывает, что они преимущественно представляют собой пропагандистские фотографии, видеоролики и аудиозаписи на арабском языке, в части из которых присутствуют английские субтитры. В марте 2014 г. агентством был выпущен годовой отчет о деятельности («al-Naba» or «annual report»), в котором содержится обобщенная информация о деятельности организации за период с ноября 2012 г. по ноябрь 2013 г.[11]

В 2014 г. ИГИЛ* учредил новый *медиацентр «Аль-Хайят» (ALHayat Media Center)*, который ориентирован на западную аудиторию и производит материалы на английском, немецком, русском и французском языках[12]. Производимая им медиапродукция (видео-,

[11] См.: ISIL Annual Report Reveal a Metric-Driven Military Command. Institute for the Study of War. 22 May 2014. URL: http://www.understandingwar.org /sites/default/files/ISWBackgrounder_ISIS_Annual_Reports_0.pdf (дата обращения: 15.09.2014).

[12] См.: Gertz, Bill. New Al Qaeda Group Produces Recruitment Material for Americans, Westerners. The Washington Free Beacon. 13 June 2014. URL: http://freebeacon.com/national-security/new-al-qaeda-group-produces-recruitment-material-for-americans-westerners/ (дата обращения: 12.07.2014).

аудио- и печатные материалы) нацелена на привлечение новых участников в террористическую группировку из западных стран. Количество выходцев из них в рядах ИГИЛ* (по оценкам экспертов, речь идет о нескольких тысячах добровольцах) свидетельствует о высокой эффективности такой пропаганды. Кроме того, информационные материалы группировки призывают жителей стран Запада совершать теракты в странах их проживания и приводят необходимые инструкции по их подготовке и осуществлению.

В сентябре 2014 г. центром «Аль-Хайят» был выпущен трейлер к будущему фильму «Пламя войны» («Flames Of War»). Ролик, в котором используются кадры боевых действий и записи телеэфиров, сделан по всем канонам клипмейкерства: спецэффекты, замедленное движение, взрывы, музыка. Зрителю показывают записи боевых действий на Ближнем Востоке, американских солдат, а ближе к концу – президента США Барака Обаму и Белый дом. В конце трейлера на экране появляется надпись «Flames Of War. Fighting has just begun. Coming soon», как в анонсе голливудского фильма или компьютерной игры[13].

Медиацентр «Аль-Хайят» создал *сайт на русском языке под названием «Халифат. Исламское государство. Информационный сайт» (http://www.h-center.info/)*, который сделан на высоком профессиональном уровне. В нем есть несколько рубрик (новости, статьи, видео), имеются ссылки на аккаунты в социальных сетях и раздел «контакты», позволяющий отправить сообщение администраторам сайта либо непосредственно перейти в чат для общения. На сайте размещен преимущественно видео- и аудиоконтент пропагандистского толка на русском языке либо с русскими субтитрами.

Среди печатной продукции, выпускаемой медиацентром ИГИЛ* «Аль-Хайят», необходимо отметить брошюры Islamic State Report и Islamic State News, а также журнал Dabiq, которые издаются на нескольких языках, включая английский. Они доступны для скачивания в Интернете.

Издания Islamic State Report и Islamic State News представляют собой информационные бюллетени объемом в среднем 8–10 страниц, которые выпускаются с определенной периодичностью, начиная с июня 2014 г. Они содержат текстовый и иллюстративный ма-

[13] См.: ИГИЛ опубликовал пропагандистский видеоролик о борьбе с США // Новая газета. 2014. 17 сент. URL: http://www.novayagazeta.ru/news/1687101.html (дата обращения: 18.09.2014).

териал, рассказывающий о различных сторонах деятельности «Исламского государства»*: деятельности органов управления ИГИЛ*, экономической сфере жизни «Исламского государства»*, наиболее важных политических и социальных акциях ИГИЛ* (таких, как символическое разрушение границы между Ираком и Сирией с помощью бульдозера), военных операциях ИГИЛ* и т. д.

Журнал Dabiq является полноценным высококачественным глянцевым журналом объемом от 25 до 50 страниц, выполненным по всем канонам жанра. Название журнала заимствовано от города в северной Сирии, который упоминается в хадисах об Армагеддоне[14]. Изучение выпусков данного журнала показывает, что в нем преимущественно содержатся обширные статьи религиозно-идеологического характера. Также в нем приводятся сводки боевых действий отрядов ИГИЛ*, освещаются проводимые ими действия на контролируемых территориях «халифата», излагаются высказывания лидеров и членов группировки, включая погибших в бою. От указанных выше информационных бюллетеней статьи в журнале «Dabiq» отличаются своим объемом и глубиной.

По мнению Харлина К. Гэмбхира (Harleen K. Gambhir) из Института изучения войны (Institute for the Study of War), в отличие от журнала Inspire, который используется «Аль-Каидой»*[15] в странах Аравийского полуострова преимущественно для подстрекательства своих читателей к совершению одиночных атак на страны Запада, «Дабик» основное внимание уделяет приданию легитимности ИГИЛ* и провозглашаемого им халифата и поощрению мусульман эмигрировать в последний[16].

Журнал Dabiq отличается очень высоким качеством исполнения. Вот как описывает журналист «Радио свобода»*[17] А. Остальский свои впечатления от ознакомления с ним: «Я прочитал пару номеров и поразился: наверное, это одно из самых эффект-

---

[14] См.: Dabiq: What Islamic State's New Magazine Tells Us about Their Strategic Direction, Recruitment Patterns and Guerrilla Doctrine. Jamestown Foundation. 1 August 2014. URL: http://www.jamestown.org/programs/tm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=42702&cHash=0efbd71af77fb92c064b9403dc8ea838 (дата обращения: 12.07.2014).

[15] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

[16] См.: Dabiq: The Strategic Messaging of the Islamic State // Institute for the Study of War. 15 August 2014. URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Dabiq%20Backgrounder_Harleen%20Final.pdf (дата обращения: 12.07.2014).

[17] Деятельность упоминаемой организации «Радио Свободная Европа/Радио Свобода»* признана нежелательной в России.

ных и привлекательных изданий такого рода. Ясно, что над ним работают великолепные дизайнеры и веб-мастера. Потрясающие фотографии. Очень точно и умно подан текст, написанный хорошим, в меру простым, точно соответствующим запросам целевой аудитории английским языком. Здесь и элемент завлекательной мистики, и правильно выбранный тон, и гипнотизирующий ритм. Психологически выверенные, нажимающие на все нужные точки юного воображения ходы. Красиво подан и главный лозунг, цитата от отца-основателя Абу Мусаба аз-Заркауи: Из искры, зажженной в Ираке, возгорится пламя... оно, если позволит Аллах, будет пылать сильнее и сильнее, пока не сожжет армии крестоносцев в Дабике[18].

Таким образом, можно констатировать создание достаточно мощной и разветвленной «медиаимперии ИГИЛ*», включающей в себя ряд медиаагентств, выпускающих высококачественную информационную продукцию всех основных видов на нескольких языках. Ключевым каналом ее распространения выступает сеть Интернет. Пока ИГИЛ* еще не налажено постоянное теле- и радиовещание на контролируемых территориях Ирака и Сирии, однако представляется, что это лишь вопрос времени.

Вопрос о том, являются ли указанные информационные агентства ИГИЛ* реально существующими структурами, базирующимися на захваченных территориях «халифата», либо некими виртуальными брендами, за которыми могут стоять внешние компании (не исключая западные), работающие на аутсорсинге, остается открытым.

Информационная работа ИГИЛ* в социальных сетях

Не менее активно ИГИЛ* проявляет себя в социальных интернет-сетях, искусно проводя информационные акции. Как отмечает эксперт в области террористических сетей Д. Бергер (J.M. Berger), ИГИЛ* реализует изощренную стратегию в социальных медиа (social media)[19]. Его мысль развивает российский исследователь В. Васильченко: «Боевики ведут себя как настоящие профи соци-

[18] Остальский А. Халифат все ближе // Радио свобода. 2014. 21 окт. URL: http://www.svoboda.org/content/article/26644660.html (дата обращения: 22.10.2014).

[19] См.: Berger J.M. How ISIS Games Twitter // The Atlantic. Jun 16, 2014. URL: http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/06/isis-iraq-twitter-social-media-strategy/372856/ (дата обращения: 17.09.2014).

ального маркетинга: выкладывают в Instagram*[20] селфи с оружием и котятами, ведут трансляции боев в Twitter. У них есть собственное мобильное приложение и интернет-магазин, где можно купить футболку или худи с логотипом террористов в знак поддержки»[21].

ИГИЛ* создает аккаунты на различных языках в наиболее популярных социальных сетях: Facebook*[22], Twitter, Instagram*, Friendica и другие, через которые оно распространяет информацию о себе, ведут пропаганду и вербуют новых сторонников. По словам В. Васильченко, для привлечения сторонников террористы используют стандартный набор приемов. У группировки есть официальный профиль – там выкладывают видеообращения и заявления руководства; есть профили для трансляций с захваченных территорий; есть профили конкретных бойцов, где они делятся с подписчиками подробностями участия в боях, эмоциями и повседневными бытовыми деталями. Бойцы ИГИЛ* называют себя в Twitter «борцами за веру» – муджахидинами. Любой пользователь Twitter может включиться в беседу с муджахидином, они активно идут со всеми желающими на контакт на арабском или даже на английском языках[23].

Члены ИГИЛ* применяют и весьма необычные способы завоевания аудитории через социальные сети. Например, по сообщениям СМИ от августа 2014 г., исламисты пытаются улучшить свой имидж в глазах общественности посредством использования весьма популярных в Интернете образов кошек. Страница в Twitter @ISILCats («Исламское государство кошек») изобилует фотографиями боевиков, играющих с котятами. Многие из изображенных на снимках мужчин вооружены, одеты в одежду цвета хаки, носят маски. Авторы твитов называют котят «мяуджахедами» (mewjahid) по аналогии с «моджахедами». Тем самым исламисты хотят продемонстрировать западной аудитории, что они ведут якобы совершенно нормальную жизнь в охваченном войной регионе. «Если этому не противостоять, легкие по содержанию посты такого рода в социальных сетях Facebook* и Twitter приведут к нормализации идеи идти воевать в

[20] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Instagram* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[21] Васильченко В. Джихад в Twitter: Как террористы осваивают приемы социального маркетинга // Apparat. 07.07.2014. URL: http://apparat.cc/network/isis-social-war/ (дата обращения: 17.09.2014).

[22] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[23] См.: Васильченко В. Джихад в Twitter: Как террористы осваивают приемы социального маркетинга // Apparat. 07.07.2014. URL: http://apparat.cc/network/isis-social-war/ (дата обращения: 17.09.2014).

Ирак и Сирию», – заявил в интервью The Telegraph глава мусульманской организации Ramadhan Foundation Мохаммед Шариф[24].

Активисты ИГИЛ* заявили о себе и в наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте». По словам В. Васильченко, фанатские аккаунты ИГИЛ* появились еще в конце прошлого года. Среди них русскоязычное сообщество сторонников ИГИЛ* ShamToday и закрытая группа Islamic State News, а также индивидуальные аккаунты членов и сторонников организации. Через данные ресурсы ведется информирование пользователей об успехах ИГИЛ* и иная пропаганда, осуществляется вербовка новых рекрутов (в том числе с помощью прямых призывов «не бросать своих братьев в беде»), а также осуществляется сбор средств в поддержку военных действий в Ираке и Сирии. В начале сентября 2014 г. администраторы ShamToday отчитались о передаче «нуждающимся братьям» 95 тыс. рублей. Сбор средств осуществлялся с помощью платежной системы Qiwi[25].

Указанные сообщества в сети «ВКонтакте» в настоящее время заблокированы. На одном из аккаунтов сторонника ИГИЛ* под ником Abu Ubayda имеется «перепост» сообщения Shamtoday от 13 сентября 2014 г. о том, что «кафиры закрыли сегодня все группы и сообщества, которые передают новости из Халифата!», и содержится призыв «Ради Аллаха делайте репост группы!». Однако нам удалось обнаружить действующий аккаунт сообщества Shamtoday в сети «Одноклассники», который насчитывает 785 участников.

Закрытие связанных с ИГИЛ* аккаунтов в открытых социальных сетях, влекущее за собой и удаление соответствующего контента, с неизбежностью направило активность ИГИЛ* в одноранговые (пиринговые) сети, в которых каждый узел обладает равными полномочиями. Речь идет как об использовании децентрализованной социальной сети Diaspora[26], так и о задействовании всевозможных анонимных сетей и чатов.

---

[24] См.: СМИ: исламисты пытаются улучшить свой имидж с помощью котят. URL: http://ria.ru/world/20140822/1021030581.html (дата обращения: 22.08.2014).

[25] См.: Васильченко В. Халифат во «ВКонтакте»: как террористы из «Исламского государства» захватывают российскую соцсеть. URL: http://apparat.cc/network/vk-isis/ (дата обращения: 17.09.2014).

[26] Васильченко В. Террористы из ИГИЛ начали пользоваться социальной сетью Diaspora // Apparat. 2014. 20 авг. URL: http://apparat.cc/news/islamic-state-diaspora/ (дата обращения: 17.09.2014).

Необходимость обеспечения краудфандинга (привлечение финансирования) при сохранении анонимности пользователей не могла не привести ИГИЛ* к использованию Биткойна. По мнению авторитетных российских экспертов Е. Лариной и В. Овчинского, Биткойн в первые годы своего существования превратился в своего рода валюту сети Tor (28 % которой занимают хакерские ресурсы, 23 % – ресурсы киберпреступности; 17 % – ресурсы террористических организаций)[27]. Уже в начале июля 2014 г. появились призывы жертвовать Биткойн на поддержку ИГИЛ*[28].

Таким образом, можно отметить присутствие ИГИЛ* и в этом – «теневом» сегменте «всемирной паутины» (Dark Net).

Члены ИГИЛ* используют и «продвинутые» инструменты продвижения информации в Интернете. В частности, они организуют массовые кампании по рассылке сообщений в Twitter, используя заранее заготовленные шаблоны твитов с изображениями и текстом (схожие акции под названием Twitter Storm проводились сторонниками «Евромайдана» на Украине в начале 2014 г.[29]). В ходе одной из таких кампаний под названием «Предупреждение американским гражданам» (Warning to the American Peeople) в июне 2014 г. через многочисленные твиттер-аккаунты сторонников ИГИЛ* распространялись сообщения с угрозами под общим хештегом #CalamityWillBefallUS («бедствие настигнет США»). Участники акции делали репосты твитов, которые появлялись на главном аккаунте ИГИЛ*. Заготовленные шаблоны твитов включали в себя картинки с изображениями падающих башен Всемирного торгового центра, цитатами из высказываний американского пропагандиста «Аль-Каиды»*[30] Анвара Аль-Авлаки и фото боевиков ИГИЛ*. Среди заготовленных текстовых сообщений присутствовали слоганы: «Если США бомбят Ирак, каждый американский гражданин является законной целью для нас», «За каждую каплю крови иракцев американцы прольют реки крови», «Не приходите в Ирак, если не хотите

[27] Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014.

[28] Tom Cheshire. Global Jihad 'Could Be Funded With Bitcoin' // Sky News. 07 July 2014. URL: http://news.sky.com/story/1296508/global-jihad-could-be-funded-with-bitcoin (дата обращения: 01.11.2014).

[29] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Обитаемый остров 2.0. URL: http://spkurdyumov.ru/networks/obitaemyj-ostrov-2-0/ (дата обращения: 26.10.2014).

[30] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

повторения 11 сентября» и т. п. Помимо Twitter, акция проходила также в Facebook*, YouTube и на множестве экстремистских форумах[31].

В интересах ИГИЛ* было разработано специальное приложение для Android под названием The Dawn of Glad Tidings («Рассвет радостных вестей») для массовой генерации и рассылки сообщений в Twitter. Как только сторонники ИГИЛ* регистрировались в приложении, оно начинало рассылать от их имени одинаковые сообщения, вставляя между каждым символом пробел, обходя тем самым алгоритмы антиспама в Twitter. Таким образом, в топ новостей в Twitter выводились те сообщения, которые были необходимы ИГИЛ*.

Во время штурма Мосула в июне 2014 г. было опубликовано около 40 тыс. твитов в поддержку ИГИЛ*. Этого достаточно, чтобы выводить в топ нужные хештеги (например, #ISIS, #AllEyesOnISIS, #Iraqwar) и фотографии, манипулируя новостной повесткой. Устрашающие видеоролики, тысячи твитов на тему «мы идем вас убивать», рассказы об убитых иракских военных и мирных жителях, фотографии обезглавленных или распятых тел – виртуальная атака на город оказалась не менее устрашающей, чем реальная. И она в итоге сработала. The Guardian рассказывает, что защитники Мосула в панике оставляли свои посты, едва завидев символику ИГИЛ*. Источник Washington Post, близкий к премьер-министру страны, сообщает, что за первые недели кризиса в Ираке около 90 тыс. военных дезертировали[32].

Другим способом работы ИГИЛ* в Twitter выступает продвижение определенных хештегов. Сотни, а иногда и тысячи активистов в определенное время дня многократно размещают твиты с необходимыми хештегами. Этот способ позволил активистам ИГИЛ* искажать результаты @ActiveHashtags (популярного аккаунта в арабском TWitter, в котором ежедневно публикуются наиболее популярные теги). Проводя свой хештег в этот аккаунт, ИГИЛ* обеспечивает себе дополнительную аудиторию (контент от ИГИЛ* «попадается на глаза» тем пользователям, которые сами его не искали). Кроме того, сторонники ИГИЛ* запустили свой

[31] ISIS Propaganda Campaign Threatens U.S. // ADL Blogs. 2014. 27 June. URL: http://blog.adl.org/extremism/isis-propaganda-campaign-threatens-u-s (дата обращения: 15.10.2014).

[32] См.: Васильченко В. Джихад в Twitter. URL: http//apparat.cc/network/isis-social-war/ (дата обращения: 17.09.2014).

подобный аккаунт, который также расширяет количество твитов с необходимым содержанием.

На этом представители ИГИЛ* не остановились и, пользуясь тем, что в июне 2014 г. в Бразилии стартовал чемпионат мира по футболу, начали использовать популярные хэштеги #WorldCup и #Brazil2014[33]. Так, например, футбольные фанаты, желающие получить информацию о турнирной таблице чемпионата, пользуясь хэштегом #WorldCup, получали видеосъемку казни иракских полицейских с комментариями от представителей ИГИЛ* о том, что отрубленной головой можно поиграть в футбол[34].

Еще одной возможностью для ИГИЛ* стал мессенджер FireChat, позволяющий общаться без подключения к Интернету. В приложении реализован принцип mesh-сетей (каждый узел в сети обладает равными полномочиями). Если на смартфоне установлено данное приложение, то даже при отсутствии интернет-соединения сообщение можно отправить через другие смартфоны с таким приложением, которые находятся в радиусе действия и подключены к Интернету. При этом mesh-сеть на мобильном устройстве потребляет минимум трафика и не слишком сильно сказывается на заряде аккумулятора[35].

Подводя итог обзору активности ИГИЛ* в социальных сетях, следует признать их настоящими мастерами маркетинга в социальных медиа (social media marketing), весьма искусно владеющими новейшими инструментами работы в них.

Таким образом, в лице ИГИЛ* мы имеем террористическую организацию, которая демонстрирует новое качество террористической пропаганды. Используя значительные финансовые ресурсы, аккумулированные группировкой благодаря захвату городов, криминальной деятельности и продаже нефтересурсов, ИГИЛ* создало развитую медийную инфраструктуру, изготавливающую и распространяющую разнообразную информационную продукцию на не-

[33] См.: Активность ИГИЛ в соцсетях выйдет им боком, считают аналитики США // РИА Новости. 2014. 2 июля. URL: http://ria.ru/world/20140702/1014489041.html (дата обращения: 20.10.2014).

[34] См.: Sheera Frenkel. Meet The “ISIS Fanboys” Spreading The Message Of Iraq’s Most Feared Terror Group // BuzzFeed. 2014. 17 June. URL: http://www.buzzfeed.com /sheerafrenkel/meet-the-isis-fanboys-spreading-the-message-of-iraqs-most-fe (дата обращения: 20.10.2014).

[35] См.: Denis Mirkov. Mesh-сети теперь и под iOS. URL: http://xakep.ru/62251/ (дата обращения: 24.10.2014).

скольких языках. Также ИГИЛ* демонстрирует беспрецедентно высокий уровень владения передовыми информационно-коммуникационными технологиями, включая методы работы в социальных сетях.

Все это позволяет группировке успешно вести пропаганду джихада в глобальном масштабе и вербовать новых сторонников во всех частях света. Грамотная информационная политика ИГИЛ*, наряду с ее военными успехами, способствовала возвышению данной повстанческой группировки среди других террористических организаций Ближнего Востока и завоеванию известности в мире. Она же в настоящее время играет ключевую роль в легитимизации созданного «халифата» в глазах мусульманской уммы.

2.3. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности[1]

Терроризм и экстремизм в современном мире относятся к числу актуальных угроз национальной безопасности, представляющих высокую степень общественной опасности. Экстремистские группировки расширяют территориальные масштабы своей деятельности, усиливают интенсивность и жесткость совершаемых террористических атак. Происходят постоянное развитие форм и методов деятельности террористических и экстремистских организаций, повышение уровня их организованности и материально-технической оснащенности, их транснационализация и сращивание с организованной преступностью.

Существенное влияние на террористическую и экстремистскую деятельность оказывает формирование глобального информационного общества. Стремительные темпы внедрения информационных технологий, развития компьютеризации и информатизации всех сфер жизнедеятельности общества ведут к созданию единого мирового информационного пространства, в котором находятся во взаимодействии и взаимосвязи все средства сбора, накопления, обработки, обмена и хранения информации. Такое пространство становится мощным орудием в руках террористов, оказывающим устрашающее воздействие не только на отдельную личность, но и на целые государства, группы государств и мировое сообщество в целом[2].

История террористической деятельности в киберпространстве непродолжительна. В 1998 г. около половины из тридцати террористических организаций, внесенных США в список иностранных террористических организаций, имели Web-сайты, к 2000 г. практически все террористические группы обнаружили свое присутствие в

[1] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности // Научный портал МВД России. 2014. № 1. С. 84–91.

[2] См.: Буркин А.И., Возженников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических вызовов / под общ. ред. А.В. Возженикова. М.: РАГС, 2008. С. 248.

сети Интернет[3]. В настоящее время Интернет рассматривается многими террористическими и экстремистскими формированиями как один из ключевых инструментов реализации своих противоправных целей.

В сложившейся ситуации особую значимость приобретает адекватная оценка текущего состояния использования информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности и построение эффективного механизма противодействия. В силу своей относительной новизны данная проблема сравнительно недавно стала разрабатываться в научных трудах[4].

Общая оценка использования Интернета террористическими и экстремистскими организациями

Глобальная информационная сеть Интернет приобрела важное значение в нашей жизни и завоевала огромную популярность. По данным Международного союза электросвязи (ITU), в начале 2013 г. число пользователей Интернета в мире достигло 2,75 млрд человек, что составляет 38,8 % населения мира[5]. Нахождение в социальных сетях является сегодня самой популярной формой активности интернет-пользователей. Число пользователей Facebook*[6], хотя бы один раз в месяц посещающих эту социальную сеть, в октябре 2012 г. превысило 1 млрд человек[7].

---

[3] См.: Вейман Г. Как современные террористы используют Интернет: Специальный доклад № 116 // Центр исследования компьютерной преступности. URL: http://www.crime-research.ru/analytics/Tropina_01/ (дата обращения: 12.04.2013).

[4] См.: Вейман Г. Указ. соч.; Конвей М. Использование террористами сети Интернет и борьба с этим явлением / Владивостокский центр исследования организованной преступности. URL: http://www.crime.vl.ru (дата обращения: 12.05.2013); Сундиев И.Ю. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по предотвращению вербовки в экстремистские и террористические организации с использованием сети Интернет: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010; Сундиев И.Ю. Введение в оперативно-розыскную террологию: Монография. М.: Юнити, 2011; Герке М. Понимание киберпреступности: явление, задачи и законодательный ответ // Международный союз электросвязи. 2012; Использование Интернета в террористических целях / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. 2013.

[5] См.: International Telecommunication Union. Statistics. URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (дата обращения: 08.09.2013).

[6] См.: Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[7] См.: Число пользователей соцсети Facebook перевалило за миллиард // РИА Новости. 2012. 4 окт. URL: http://ria.ru/technology/20121004/766127348.html (дата обращения: 14.03.2013).

Наша страна, находившаяся в числе аутсайдеров в начале 2000-х годов, совершила стремительный рывок и в 2012 г. вышла по показателям численности интернет-пользователей на 1-е место в Европе. Согласно данным, приведенным аналитической компанией TNS Россия на конференции i-Comference-2013, примерно 60 % населения России старше 12 лет хотя бы раз в месяц пользуются Интернетом, что составляет около 74,4 млн человек[8]. По разным данным, от 75 до 80 % россиян, пользующихся Интернетом, посещают социальные сети. Как показало исследование comScore, в августе 2011 г. объем времени, проводимого нашими соотечественниками на страницах социальных сетей, превышал средний общемировой показатель более чем вдвое. Таким образом, Россия оказалась страной с наивысшей в мире популярностью социальных сетей. Крупнейшей российской социальной сетью считается «ВКонтакте», в которой зарегистрировано более 140 млн пользователей. При этом ежедневно этой социальной сетью пользуются 38 млн человек. У социальной сети «Одноклассники» этот показатель равен 30 млн пользователей[9].

Столь обширная аудитория Интернета и колоссальные возможности распространения информации в ней привлекли к себе внимание террористических и экстремистских организаций. Сегодня все действующие террористические группы обнаруживают свое присутствие в Интернете. К наиболее значимым террористическим организациям, активно использующим ресурсы Интернета, можно отнести такие, как ХАМАС, «Хизбалла», «Аль-Джихад», «Братья-мусульмане»*[10], «Народный фронт освобождения Палестины», «Конгрегел» (бывшая Рабочая партия Курдистана), «Реальная ИРА» и ряд других. С помощью глобальной сети данные организации решают свою главную задачу – при обеспечении наибольшего охвата потенциальной аудитории довести сообщение до каждого конечного потребителя быстро и без цензуры[11].

---

[8] См.: Ежемесячно Интернетом пользуется около 60 % населения РФ старше 12 лет // РИА Новости. 2013. 5 марта. URL:http://ria.ru/society/20130305/925928196.html (дата обращения: 05.03.2013).

[9] Фонд развития гражданского общества. Рунет сегодня. М., 2012.

[10] Упоминаемое в статье организация «Братья мусульмане»* признана террористической организацией и запрещена в России.

[11] См.: Горбатова В.В. Информационно-пропагандистская политика радикальных исламских организаций (на примере Хамас, «Хизбаллы» и «Аль-Каиды»): автореф. дис. ... канд. полит, наук. М., 2013. С. 24.

Как показал проведенный нами анализ, в России начало активного использования Интернета террористическими и экстремистскими организациями можно отнести к началу 2000-х гг. В дальнейшем развитие данного процесса шло в геометрической прогрессии. Отмеченная негативная тенденция продолжает сохраняться и в настоящее время, при этом она корреспондируется с развитием киберпреступности в нашей стране.

В Рунете существуют более ста активно действующих интернет-сайтов российских радикальных структур (рп14.info, dpni.org, nazbol.ru, tor85.livejournal.com и т.д.). Они, как правило, пропагандируют политические идеи, проводят агитационную и вербовочную деятельность, направленную на увеличение числа своих сторонников. Исследование показало динамику изменения (роста) количества субъектов террористической и экстремистской деятельности, использующих Интернет (табл.). Налицо резкий скачок в 2012 г. Данная тенденция сохраняется и в 2013 г.

Таблица

Предполагаемое (среднеарифметическое) количество субъектов экстремистской и террористической деятельности, использующих Интернет (доля по сравнению с неиспользующими), %

	Годы			
	2009	**2010**	**2011**	**2012**
Предполагаемое количество субъектов экстремистской и террористической деятельности, использующих Интернет	55,5	63,5	50,0	71,4

В качестве примера можно рассмотреть Дальневосточный федеральный округ, в котором проблема экстремистских проявлений в Сети возникла недавно. Интернет в нем стал общедоступен в 2004–2006 гг., и с этого времени органами внутренних дел фиксируется деятельность радикальных групп по созданию в Интернете негативного образа представителей государственной власти, распространению материалов, направленных на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды. Общедоступность распространяемой информации и ее быстрое тиражирование способствовали резкому увеличению количества сторонников радикальных объединений. В результате в 2008 г. значительно увеличилось коли-

чество выявленных противоправных деяний экстремистской направленности. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. В таких неформальных движениях манипулируют общественным сознанием, дискредитируют органы государственной власти, создают собственные образы борцов за права и свободы, что привлекает молодежь. Участники этих объединений скрывают свои противоправные устремления, но посредством Интернета в короткие сроки вовлекают многих граждан в криминальную деятельность. Пропагандируемая идеология подменяет морально-этические нормы общества, формирует асоциальные мировоззрение и поведение у своих сторонников.

Терроризм в сети Интернет – очень динамичное явление: сайты появляются внезапно, часто меняют формат, а затем также стремительно исчезают или во многих случаях создают видимость исчезновения, меняя свой адрес, но сохраняя содержание. При этом отмечаются все более многочисленные случаи ежедневного использования сети Интернет террористами, которые носят внешне легитимный характер.

Основные направления и способы использования Интернета террористическими и экстремистскими организациями

Собственно в использовании Интернета (и особенно социальных сетей) террористическими и экстремистскими организациями можно выделить два генеральных направления: обеспечивающее (пропаганда, сбор информации, связь, координация, вербовка, сбор денежных средств) и непосредственное – кибертерроризм[12].

Более детальная классификация представлена в научных работах. Так, Г. Вейман выделил восемь способов использования Интернета террористами: 1) ведение психологической войны; 2) поиск информации; 3) обучение; 4) сбор денежных средств; 5) пропаганду; 6) вербовку; 7) организацию сетей; 8) планирование и координацию террористических действий[13]. Схожий перечень приводится в специальном аналитическом докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) «Использование Интернета в террористи-

[12] Threat assessment (abridged). Internet Facilitated Organised Crime. iOCTA. EUROPOL Public Information. 2012.

[13] См.: Вейман Г. Указ. соч.

ческих целях»[14] (далее – Доклад УПН): 1) пропаганда (в том числе вербовка, радикализация и подстрекательство к терроризму); 2) финансирование; 3) подготовка террористов; 4) планирование (в том числе с использованием секретной связи и открытых источников информации); 5) исполнение; 6) кибератаки. Рассмотрим основные направления использования Интернета в деятельности террористических и экстремистских организаций на основе анализа названых источников.

Пропаганда

Оценивается как приоритетное направление использования Интернета террористами. Основные цели состоят в максимально широком распространении своих идей среди населения и оказании психологического воздействия на целевые группы (сторонников, реальных или потенциальных жертв, правительство, международное сообщество). В качестве примера можно привести «Аль-Каиду»*[15], идеологи которой особо подчеркивают важность последовательного ведения так называемого медиа джихада[16].

Обычно пропагандистские материалы имеют форму мультимедийных коммуникаций, содержащих идеологические или практические наставления, разъяснения, оправдания или рекламу террористической деятельности. К ним могут относиться виртуальные сообщения, презентации, журналы, теоретические работы, аудио- и видеофайлы, а также электронные игры, разрабатываемые террористическими организациями или их сторонниками. К основным источникам пропаганды в сети Интернет относятся разнообразные интернет-порталы (официальные и неофициальные СМИ, сайты организаций и др.); интернет-форумы различной направленности, блоги, социальные сети и видео-хостинги.

Широкая область влияния распространяемой через Интернет информации значительно увеличивает аудиторию, на которую она может воздействовать. Для обеспечения большей доступности террористические группы создают многоязычные сайты. К примеру,

[14] Использование Интернета в террористических целях / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. 2013.

[15] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

[16] См.: Горбатова В.В. Указ. соч. С. 24.

баскская террористическая организация ЕТА предлагает информацию на испанском, немецком, французском и итальянском. Шриланкийская группировка «Тигры освобождения Тамил-Илама» публикует свои материалы на английском, японском и итальянском, «Исламское движение Узбекистана»*[17] – на узбекском, арабском, английском и русском. Движение «Талибан» размещает информацию на своих аккаунтах в социальных сетях «Фейсбук» (Facebook*) и «Твиттер» (Twitter). С мая 2011 г. страница в «Твиттере», помимо языка пушту, ведется на английском. Двуязычие уже позволило движению привлечь на свою страницу в «Твиттер» более 5,5 тыс. подписчиков.

Простой порядок размещения контента в Интернете устраняет зависимость террористических организаций от СМИ, редакционная политика которых может блокировать распространение пропагандистской информации о террористах.

Вербовка и подстрекательство

Ресурсы Интернета активно используются в деятельности экстремистских и террористических организаций для привлечения новых участников. Совокупная аудитория Интернета обеспечивает данным организациям глобальный резерв потенциальных новобранцев. Для целей вербовки могут использоваться как информационные сайты террористов, так и коммуникационные веб-платформы: чаты, блоги, социальные сети, IP-телефония и мессенджеры, электронная почта. Еще одним средством вовлечения сторонников (особенно несовершеннолетних) в террористическую деятельность могут служить онлайновые компьютерные игры, которые могут предусматривать выполнение «заданий» не только в виртуальном пространстве, но и реальной жизни (совершение актов насилия, погромов, иных действий по устрашению). В последнем случае можно говорить уже о подстрекательстве к совершению преступлений террористического характера. Хотя чаще оно осуществляется посредством индивидуального общения в Интернете с потенциальным исполнителем теракта с целью склонения его к реализации задуманного. Как правило, для этого используются «приватные» инструменты коммуникации, такие как закрытые чаты, электронная почта и IP-телефония.

[17] Упоминаемая в статье организация «Исламское движение Узбекистана»* признана террористической организацией и запрещена в России.

В Докладе УПН отмечается, что грань между пропагандой терроризма и подстрекательством к совершению терактов зачастую достаточно тонкая. Поэтому в ряде стран, где сама пропаганда не запрещена, для привлечения к ответственности за подстрекательство требуется доказать наличие необходимого умысла и прямой причинной следственной связи между ним и действиями по подготовке и совершению теракта. Промежуточной ступенью между первичной вербовкой и непосредственно подстрекательством к совершению теракта является психологическая обработка неофита с целью привития ему экстремистских взглядов и обеспечения готовности к активным действиям («радикализация»).

Подготовка (обучение) террористов

Интернет обеспечивает возможность широкого распространения учебно-методической литературы и мультимедийных обучающих материалов, касающихся тактики подготовки и совершения терактов, самодельного изготовления оружия и взрывных устройств, сбора необходимой информации, обеспечения защиты используемых каналов коммуникации и т. п. Как отмечается в документе, были обнаружены виртуальные учебные лагеря, предоставляющие инструкции по использованию оружия в форме дистанционного электронного обучения[18]. Еще одной «инновационной» формой обучения террористов являются онлайн-инструктажи, проводимые посредством интернет-телефонии.

Планирование и координация деятельности

Данное направление включает в себя несколько составляющих. Одной из них является использование Интернета для сбора информации из открытых источников о потенциальных объектах террористической атаки, возможных орудиях и средствах ее совершения. Может включать в себя применение популярных интернет-сервисов, в частности геоинформационных ресурсов (например, Google Earth) и социальных сетей (например, Facebook*).

Другим аспектом является использование Интернета в качестве канала коммуникации (связи) между различными ячейками терро-

[18] См.: Герке М. Указ. соч. С. 37.

ристической организации или отдельными ее членами как в «повседневной» деятельности, так и при планировании и осуществлении конкретного теракта. Для этих целей задействуются интернет-мессенджеры, электронная почта, IP-телефония. Например, было установлено, что исполнители теракта 11 сентября 2001 г. в США использовали электронную почту для координации действий. В целях конспирации террористы активно применяют методы обеспечения анонимности в Интернете, такие как шифрование трафика, задействование программ-анонимайзеров и стеганографии (сокрытие сообщений в графических изображениях). Например, летом 2012 г. администрация «Кавказ-Центра» разместила копию своего ресурса в общедоступной сети анонимизации Tor, тем самым предоставив пользователям Рунета возможность получить свободный анонимный доступ к информации, размещенной на своих страницах.

Кроме того, Интернет может использоваться для совершения онлайн-покупок материалов и средств, необходимых для совершения теракта.

Финансирование

Террористические и экстремистские организации используют возможности Интернета для финансового обеспечения своей деятельности. Оно включает в себя несколько направлений сбора средств:

а) сбор пожертвований – осуществляется путем прямых призывов к пожертвованию средств, размещаемых на веб-сайтах, в чатах или социальных сетях, распространяемых посредством массовых рассылок;

б) электронная торговля – включает организацию интернет-магазинов, предлагающих информационные материалы (книги, аудио- и видеозаписи), символику и атрибутику и т. д.;

в) использование платежных систем в Интернете – предполагает применение данных систем для электронного перевода средств террористическим организациям, а также совершение актов интернет-мошенничества с помощью таких приемов, как хищение личных данных, кража кредитных карт и т. д.;

г) посредничество благотворительных организаций – вклю-чает создание фиктивных «благотворительных» организаций для сбора средств или внедрение в существующие организации для ока-зания поддержки террористическим формированиям.

Кибератаки на информационные системы (кибертерроризм)

Данное направление включает прямое использование компьютерных ресурсов в качестве средства совершения террористических атак против информационных систем. Под кибертерроризмом, как правило, понимают действия по дезорганизации информационных систем, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если они совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решения органами власти, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях[19]. Орудием кибертеракtов выступает вредоносное программное обеспечение (вирусы, «трояны», программы для массовой рассылки сообщений и т. п.).

Ключевой целью кибертеррористов служат системы управления критически важными объектами инфраструктуры (транспорт, атомная энергетика, электросети и т. д.), нарушение работы которых может повлечь значительные негативные последствия. Причем последние не ограничатся только киберпространством, а затронут объекты реального мира, такие как системы жизнеобеспечения городов (электроэнергетические сети, система теплоснабжения), объекты авиа-, морского (речного) и железнодорожного транспорта, атомной энергетики и так далее, что наглядно продемонстрировал вирус Stuxnet. Как известно, его атаке в 2010 г. подверглись программируемые логические контроллеры иранской АЭС, в результате которой был нарушен процесс функционирования. Как отмечалось в обзоре Kaspersky Security Bulletin 2010, данный пример свидетельствует о том, что существовавшая ранее грань между виртуальным и реальным миром фактически оказалась стертой.

По данным Международного института антитеррористической политики (International Policy Institute for Counter-Terrorism), террористы уже использовали или в состоянии использовать такие виды «кибероружия», как компьютерные вирусы, «черви» и «троянские кони», «логические бомбы». Они могут также создавать обычное программное обеспечение, которое в определенный момент может

[19] См.: Федоров А.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе: учеб. пособие. М.: МГИМО, 2006. С. 111.

быть использовано против владельцев компьютеров, например, если террористам понадобится получить доступ к секретной информации, содержащейся на компьютере, где установлена подобная программа.

Пока еще не было зафиксировано масштабных актов кибертерроризма. Но представляется, что это лишь вопрос времени. Экспертные оценки и моделирования показывают неготовность государств и предприятий к кибератакам террористов. Так, Гари Дэвис (Gary Davis) из фирмы McAfee привел пример, когда система водоснабжения Южной Калифорнии наняла хакера проверить надежность ее сети управления. Хакер за час добился доступа и полного контроля над системой и осуществил добавление оговоренных химических веществ в воду[20]. В начале 2013 г. на хакерской конференции Hack In The Box в Амстердаме немец Хьюго Тезо представил программу для Android-устройств, которая позволяет дистанционно перехватывать управление самолетом с помощью смартфона[21]. Эти примеры демонстрируют потенциальные возможности террористических структур в киберпространстве, которые, впрочем, не стоит преувеличивать[22].

Говоря о кибертерроризме, следует иметь в виду возможную связь исполнителей таких терактов со спецслужбами определенных государств. Другими словами, террористы могут осуществлять кибератаки в интересах третьей стороны против определенного государства в соответствии с полученными директивами, выполняя тем самым за нее «грязную работу». На это обращено внимание в Докладе группы правительственных экспертов ООН A/65/201, в котором отмечается, что физические лица, группы и организации, включая преступные группы, выполняют посреднические функции в осуществлении подрывной сетевой деятельности от имени других[23]. Для государства – заказчика такой операции – это отличный способ избежать ответственности за свои действия. При этом для обеспечения успеха операции оно может передать террористам всю необходимую информацию об объекте кибератаки (в том числе полученную разведы-

[20] См.: Семенов Ю.А. Сетевые угрозы // Экономические стратегии. 2013. № 3. С. 51.

[21] См.: Теперь с мобильного можно перехватить управление самолетом. URL: http://hitech.vesti.ru/news/view/id/1759 (дата обращения: 13.04.2013).

[22] См.: Астахов А. Реалии и мифы кибертерроризма. URL: http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/kiberugrozy-i-kiberterrorizm/ realii-i-mify-kiberterrorizma (дата обращения: 20.08.2013).

[23] См.: Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2012. С. 1–10.

вательным путем). Нельзя также исключать возможности использования спецслужбами террористов для указанных целей «втемную» – посредством организации контролируемых утечек информации и совершения определенных действий.

Еще одной формой кибертерроризма следует считать хакерские атаки на правительственные и корпоративные сайты с целью блокирования их работы либо размещения на них пропагандистской информации. Данная форма действий терроризма уже получила широкое распространение в мире. Например, авторы статьи «Сетевые медиабои на Ближнем Востоке» в качестве эпизода длительного противостояния в виртуальном пространстве израильских и исламских групп интернет-активистов приводят взлом палестинской группой хакеров Gaza Team сайтов израильской партии «Кадима» и Кнессета (парламента) Израиля, на которых было размещено требование освобождения всех заключенных палестинцев, а также прекращения строительства еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан и археологических раскопок у мечети Аль-Акса в Иерусалиме. Другой пример, указанный в статье, – хакерская атака марокканской группы Team Evil более чем на 750 израильских сайтах. На атакованных ресурсах ими был размещен текст: «Вы убиваете палестинцев, мы убиваем серверы»[24].

Подобной атаке подвергалась и наша страна. Сирийские хакеры из группы Syrian Revolution Electronic Suite взломали сайт Полномочного представителя Президента РФ по Дальневосточному федеральному округу и разместили на нем обращение к российскому народу, в котором они призывали россиян отказаться от поддержки президента Сирии Б. Асада и прекратить поставки Дамаску тяжелого вооружения[25].

Социальные сети в деятельности экстремистских формирований

Горизонтальные сетевые структуры самоорганизации людей существовали всегда и действовали на уровне частной и бытовой жизни. Однако координировать и быстро управлять ресурсами, не-

[24] Газетов В.И., Ветров М.Н. Сетевые бои на Ближнем Востоке // Независимое военное обозрение. 2013. № 27.

[25] См.: Сирийские хакеры взломали сайт дальневосточного полпредства. URL: http://top.rbc.ru/society/18/03/2013/ 849534.shtml (дата обращения: 18.03.2013).

обходимыми для решения масштабных задач, было под силу лишь несетевым, жестким вертикальным структурам с четким управлением. Ключевое отличие сегодняшней ситуации в том, что обладая цифровыми сетевыми технологиями, сетевые структуры впервые «способны в одно и то же время быть гибкими и адаптивными благодаря своей способности децентрализованных действий сети автономных ячеек и при этом оставаться способными координировать всю эту децентрализованную активность в соответствии с общей целью принимаемых решений»[26].

Сегодня сетевые структуры противостоят классическому суверенному национальному государству (соответственно и правоохранительным органам) с двух направлений – как «снизу» в виде различных формальных и неформальных сообществ и НПО, так и «сверху» в виде «надгосударственных» сетевых структур. Использование социальных сетей террористическими и экстремистскими организациями выходит на новый уровень и приобретает системный характер. Социальные сети и сервисы микроблогов, предоставляющие возможность свободно размещать информацию, становятся одними из наиболее эффективных средств влияния на массы людей при планировании и непосредственном осуществлении террористических и экстремистских актов.

Ярким примером является массовое использование социальных сетей и сервисов микроблогов во время так называемой арабской весны. Подтверждением служит динамика количества входов в социальную сеть Twitter в Египте в период с января по март 2010 г. (пик соответствует переизбранию Хосни Мубарака на должность президента Египта). В своей книге «Революция 2.0» один из организаторов революционных выступлений в Египте Ваэль Гоним описывает методику мобилизации общественной поддержки политического протеста через Facebook*[27], включающую несколько стадий. «На первой стадии убеждаешь людей присоединиться к странице и читать записи. На второй подталкиваешь их взаимодействовать с контентом, ставя "лайки" и комментируя. На третьей – принимать уча-

[26] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; науч. ред. О.И. Шкаратан. М., 2000.

[27] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

стие в онлайновых кампаниях страницы и самим поставлять контент. На четвертой и последней стадии люди выходят на улицы»[28].

25 января 2010 г. на улицах Каира вспыхнули протесты против режима Хосни Мубарака. В попытке ограничить протестные действия правительство уже через три часа закрыло службы Интернета и мобильной связи, но ничего не вышло: развитая экосистема переговоров через Facebook*, Twitter и чаты уже объединила тысячи каирцев, которые продолжали бунтовать. Правительство отступило и восстановило связь, чтобы сохранить экономику и системы жизнеобеспечения страны, но протесты уже переросли в массовые беспорядки, и через 14 дней Мубарак ушел в отставку.

Всего несколькими неделями раньше в ходе «жасминовой революции» в Тунисе диссидент, блогер и организатор протестов Слим Амаму (Slim Amamou) использовал социальное приложение Foursquare, чтобы оповестить друзей о своем аресте 6 января. «Зарегистрировавшись» при помощи этого сервиса в тунисской тюрьме, он обозначил для глобального сообщества сторонников свое местонахождение, что сразу же привлекло внимание всего мира. С 8 января он был поддержан со стороны Anonymous (анонима, неизвестного – англ.), группы сопротивления, состоящей из хакеров, которые работают непрерывно «против цензуры в Интернете или в мире». В тот день из одного чата был распространен призыв к сотням людей: Anonymous запускает операцию «Тунис», чтобы атаковать правительственные сайты. Если верить одному из парижских членов этой группы, пожелавшему остаться неизвестным, атака была успешной. «Речь идет одновременно об атаках DDoS (Distributed Denial-of-Service – распределенные атаки типа «отказ в обслуживании») или же об атакующей программе, как, например, LOIC (Low Orbit Ion Cannon – приложение, разработанное хакерской группой 4Chan, созданное для организации DDoS атак на веб-сайты с участием тысяч анонимных пользователей, пользующихся программой). Это рассматривалось как психологическое освобождение Туниса, по словам наших контактов на местах»[29].

Везде, где происходили события «арабской весны», для привлечения союзников протестующие использовали новые интернет-

[28] Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман / пер. с англ. Т. Даниловой. СПб.: Лениздат; Команда А, 2012. С. 93.

[29] «Operation Tunisia»: la cyberattaque dAnonymous aux cotes des manifestants // Liberation (Франция). 2011. 12 янв.

приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из киберпространства в городское пространство и обратно[30]. Для посетителей социальных сетей создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей. Однако в действительности число реально протестующих и число протестующих в сети отличается многократно. Достигается это с помощью специальных программ. В 2010 г. правительство США заключило договор с компанией HBGary Federal на разработку компьютерной программы, которая может создавать многочисленные фиктивные аккаунты в социальных сетях для влияния на общественное мнение по спорным вопросам и манипулирования им, продвигая пропаганду. С февраля 2011 г. эта программа активно используется и распространяется. Она также может быть использована для наблюдения за общественным мнением, чтобы находить точки зрения, которые не нравятся власть имущим. Затем их «фиктивные» люди могут теоретически проводить грязные кампании против этих «реальных» людей. Еще раньше ВВС США заказали разработку Persona Management Software (программы по управлению персонажами), которую можно использовать для создания и управления фиктивными аккаунтами на сайтах социальных сетей, чтобы искажать правду и создавать впечатление, будто существует общепринятое мнение по спорным вопросам. «Персонажи должны производить впечатление, что они происходят почти из любого места в мире и могут взаимодействовать посредством обычных онлайн-сервисов и платформ социальных сетей»[31]. Издание DailyKos сообщило, что Persona Management Software позволит небольшому числу людей создавать «армию виртуалов» (фиктивных пользователей), которые могут искажать правду, в то же время создавая впечатление «настоящего онлайн-восстания».

В настоящее время данный отработанный механизм использования социальных сетей террористическими и экстремистскими организациями представляет реальную угрозу Российской Федерации. В нашей стране направленность использования социальных сетей террористическими организациями связана с очагами тлеющих эт-

[30] Методика и программные продукты были разработаны и внедрены американскими неправительственными организациями. (Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах: Доклад-презентация пособия. 2011. 12 апр.). См.: URL: http://www.Freedom House.com (дата обращения: 18.03.2013).

[31] Army of Fake Social Media Friends to Promote Propaganda // PCWorld. 2011. February, 23.

нических конфликтов. Это прежде всего Республика Дагестан. Правоохранительными органами периодически фиксируются факты появления новых социальных сетевых ресурсов, пропагандирующих радикальные религиозные течения с целью вовлечения лиц в незаконные вооруженные формирования.

Все вышеизложенное позволяет сделать однозначный вывод – противодействие использованию информационных сетей террористическими и экстремистскими организациями, защита важнейших информационных инфраструктур от кибератак приобретают важное значение для национальной безопасности Российской Федерации в современную эпоху. В данной области требуется повышение эффективности работы правоохранительных и иных государственных органов, выстраивание взаимодействия и обмена информацией между ними и организациями частного сектора, включая интернет-отрасль, формирование и развитие соответствующего законодательства.

Отметим также, что меры по закрытию интернет-ресурсов экстремистского характера и (или) ограничению доступа к ним имеют невысокую эффективность в борьбе с использованием сети Интернет в деятельности террористических и экстремистских организаций и могут быть успешно преодолены. В связи с этим требуются выработка и реализация комплекса альтернативных мер по противодействию данной угрозе, важнейшими из которых являются меры информационного реагирования и контрпропаганды. Другими словами, правоохранительным органам необходимо научиться вести информационную войну с террористическими и экстремистскими формированиями в Интернете, создав для этого необходимый кадровый и ресурсный потенциал.

2.4. Влияние информационных технологий на теневую экономику и терроризм[1]

Бурное развитие в последние три десятилетия цифровых технологий и формирование так называемого информационного общества, проникновение информационных технологий во все сферы жизни современного общества позволяет говорить о новой исторической фазе в развитии человечества. Причем речь идет не только о развитых странах, где давно были сформированы сначала индустриальное, а затем и постиндустриальное общество, но и о странах догоняющего развития, многие из которых еще не миновали индустриальный и тем более постиндустриальный период своего развития.

В связи с этим в научной литературе в настоящее время встречается несколько подходов к понятию «информационное общество». При этом большинство авторов рассматривают информационное общество как новый этап в развитии человечества, в котором главными движущими силами развития экономических и социальных процессов становятся информация и знания[2]. Более того, этот контекст понимания «информационного общества» находит отражение и в ряде государственных программ по информатизации общества[3] и цифровой экономике[4].

Конкретной формой воплощения понятия «информационное общество» является формирование единого гиперинформационного пространства посредством информационных и телекоммуникационных технологий. Это пространство развивается столь стремительно,

---

[1] Сундиев И.Ю., Крылов А.А. Влияние информационных технологий на теневую экономику и терроризм // Микроэкономика. 2018. № 6. С. 119–123.

[2] См.: Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004; Назаров С.А. Трансформации образовательных систем в условиях глобальной информатизации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1. С. 213–216; Скородумова О.Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4. Культурология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/#_ftnref13 (дата обращения: 17.07.2014).

[3] См.: Государственная целевая программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: постановление Правительства от 15 апреля 2014 г. № 313 // КонсультантПлюс; Стратегия развития информационного общества в Рос. Федерации»: от 7 февр. 2008 г. № Пр-212 // КонсультантПлюс.

[4] См.: Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. // КонсультантПлюс.

что на Земле уже не осталось регионов, в которых были бы не доступны современные информационные и коммуникационные технологий. Естественно, такое положение дел оказывает самое прямое воздействие на социум всех стран мира. В свою очередь различные представители социума сегодня становятся субъектами единого информационного пространства. А это означает, что, несмотря на уровень своего развития, господствующие в том или ином регионе идеологии, практически все субъекты современного социума могут продвигать свои интересы, используя гиперинформационное пространство.

С одной стороны, это хорошо, так как беспрепятственно может осуществляться интеграция вертикальных и горизонтальных связей, цепочек создания стоимости, продвижение новых технологий, продуктов и услуг, знаний и идей. Цифровые решения и новые формы аналитики создают новую производительную силу, которая получила название «Индустрия 4.0».

«Индустрия 4.0» предусматривает массовую цифровизацию, которую очень точно определил академик РАН С. Гончаров[5], это:

во-первых, процессы глубокого проникновения идеи создания и использования цифровых моделей в экономическую практику. При этом речь идет не о решении отдельных экономических задач с помощью цифровизации, а о создании, экосистем.

и, во-вторых, собственно саму цифровую экономику как результат повсеместной цифровизации или оцифровки процессов, что позволяет все более эффективно решать комплексные и масштабные экономические задачи, например, оптимально управлять активами с помощью цифровых моделей.

К этому определению можно добавить лишь то, что цифровизация предусматривает интеграцию всех процессов, начиная от разработки продуктов и закупок и заканчивая производством, логистикой и обслуживанием. Цифровизация производства и потребления, государственного и корпоративного управления, социальной сферы и жилищно-коммунального хозяйства, образования, науки и культуры создает новую дополнительную стоимость, обеспечивает надежность систем управления, способна управлять рисками и факторами дестабилизации, что вызывает наибольшую озабоченность основной массы населения любой страны.

---

[5] См.: Гончаров С. Цифровизация изначальная. URL: http://expert.ru/siberia/2018/13/tsifrovizatsiyaiznachalnaya/ (дата обращения: 07.11.2018 г.).

В то же время процессы глобальной информатизации обостряют проблемы информационной безопасности. Сегодня, в условиях неограниченного доступа к информации, можно проследить жизнь практически любого человека (по мобильному телефону, кредитной карте или пользованию Интернетом). Огромное количество датацентров собирают не только открытую информацию, но и хранят конфиденциальную информацию. Персональные данные большинства людей уже можно встретить в различных базах и банках данных как государственных, так и частных организаций.

В гиперинформационном пространстве циркулирует огромное количество «информационного мусора», медиавирусов и интернет-мемов. Все это напрямую направлено на манипулирование человеческим сознанием, на продвижение деструктивной, экстремистской и даже террористической идеологии, что, в конечном счете, снижает дееспособность обычного пользователя противостоять шквалу информации, дезинформирует его, может склонять его к неповиновению официальным властям и правонарушениям.

Перечисленные выше особенности гиперинформационного пространства успешно используются не только правопослушными пользователями, но и преступными сообществами и различными деструктивными силами. Так, цифровизация расширяет возможности нерегистрируемой экономики. Например, компания Uber, создавшая мобильное приложение, позволяющее пассажирам и частным водителям находить друг друга, фактически создала прецедент вытеснения из бизнеса посредников в виде регуляторов, операторов, контролеров и т. п. Эту роль стала выполнять цифровая платформа. В итоге в 2015 г. по Европе (и не только) прошли акции протестов водителей такси против применения приложения Uber. Дело в том, что это приложение позволило повсеместно нанимать водителей без специальных лицензий и таким образом демпинговать на рынке пассажирских перевозок. Это привело сначала к сильному сокращению заработка традиционных таксистов, а затем и пользователей приложения Uber, которые стали требовать обеспечить им хотя бы минимальный уровень заработной платы. Таким образом, цифровая модель бизнеса, которая изначально продвигалась как возможность быстро и много заработать и сократить издержки потребителей, сделала работников социально незащищенными гражданами и создала условия для снижения материального благополучия. Подобная цифровизация бизнеса сегодня ведет к тому, что вместо трудовых

контрактов с пособиями и гарантиями появляется незащищенная самозанятость.

Эта проблема уже стала предметом обсуждения политиков. Так, по словам теневого министра финансов Великобритании Джона Макдоннелла, экономика свободного заработка несет в себе риски ограничения прав работников и ухудшения условий труда[6]. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 г. отмечалось, что миллионы жителей индустриальных стран в недалеком будущем останутся без работы и причиной этому станет цифровизация[7]. Таким образом, цифровизация, трансформируя общество, порождает не только новые возможности для экономического и социального развития, но и ведет к относительной депривации – состоянию, которое указывает человеку на его собственную несостоятельность в сравнении с другими людьми или социальными группами.

Подобные процессы происходят и в России, где за последние годы сильно увеличилось количество электронных приложений, подобных Uber-приложению[8], и фрилансеров[9]. Все это связано с поиском заработка самозанятыми гражданами, а работодатели видят в этом возможность использовать дешевую рабочую силу.

Сегодня уже появился специальный термин – уберизация (от названия первого массового цифрового агрегатора). В процессе уберизации растет число работников, не имеющих стабильной профессиональной идентичности, растет доля дилетантов и деятельность таких людей нельзя даже назвать работой – это скорее подработка. Такие работники, в отличие от постоянных штатных сотрудников, не имеют рабочего места, формализованных трудовых отношений, они не вовлечены в жизнь трудовых коллективов. В результате про-

[6] См.: Джон Макдоннелл: мы должны остановить «Уберизацию» рабочего места. URL: www.theguardian. com.technology/2017/jon-medonnell-we-muststop-uberisation-of-the-workplace (дата обращения: 07.11.2018 г.).

[7] См.: В Давосе заявили об угрозе технологической безработицы. URL: https://rns.online/articles/vdavose-zayavie-ob-ugroze-tehnologicheshoibezrabotitsi-2017-01-22 (дата обращения: 07.11.2018 г.).

[8] См.: Что такое Uber, где и как он работает? URL: https://auto.today/bok/4764-chto-takoe-ubergde-i-kak-on-rabotaet.html (дата обращения: 07.11.2018 г.); Яндекс. Такси – Как работать с этим приложением? URL: http://dvigist.ru/likbez/yandeks-taksiprilozhenie.html (дата обращения: 07.11.2018 г.).

[9] См.: 41 % офисных работников отмечают рост числа фрилансеров в России. URL: https://vedomosti. ru/management/articles/2017/05/25/691419-rostfrilanserov (дата обращения: 07.11.2018 г.).

фессиональная среда «размывается». У таких людей нет ощущения принадлежности к какой-либо стабильной группе.

Между тем многолетний опыт различных корпораций, компаний, ассоциаций, кооперативов и других формализованных сообществ работников доказывает, что такие объединения создают у их членов чувство идентичности и усиливают их вовлеченность в общественную жизнь. Здесь имеет место не только контроль, но и поощрение, что способствует формированию у членов этих групп позитивных ценностей, самооценки и понимания своего места в коллективе и в жизни вообще. Конечно, не все сообщества могут похвастаться эффективной групповой культурой, но ее базовые элементы присутствуют везде.

Если человек оказывается вне какой-либо группы, велика вероятность столкнуться с кризисом идентичности. Традиционно считалось, что кризис идентичности чаще затрагивает подростков, но это явление встречается и у взрослых людей, когда они переживают какие-либо драматические изменения. Психологи выделяют несколько групп, подверженных такому состоянию: военные в отставке; люди, вышедшие на пенсию; иммигранты и т. п.[10] Обманутые ожидания улучшения экономического и социального положения неизбежно ведут к депривации и радикализации, которые, в свою очередь, легко трансформируются в экстремизм, преступность и терроризм.

Уберизация, которая устраняет посредников и обезличивает процесс контроля за самозанятыми, и депривация, которая ставит человека в безвыходное положение, часто ведут к профессиональной деформации людей и создают чрезвычайно благоприятную среду для теневой экономики. Психологи давно доказали, что все экономические преступления совершаются осознано. Существует более десятка мотиваций самооправдания преступлений, которые чаще всего являются результатом профессиональной деформации людей[11]. Такие люди, отчаявшись, готовы на все и, естественно, они либо сами переступают закон, либо попадают в зависимость от организованных преступных группировок.

---

[10] См.: Эрик Эриксон. Кризис идентичности. URL: http://www.psychologos.ru/ articles/view/krizisidentichnosti/ (дата обращения: 07.11.2018 г.).

[11] См.: Пряжников Н.С., Полевая М.В., Камнева Е.В. Самооправдание участия в экономических преступлениях в контексте профессиональной деформации // Гуманитарные науки: Вестник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 2017. № 2. С. 27–34.

В современном мире информационные технологии, породившие такие явления как уберизация, криптовалюты или технологии «блокчейн», стали активно использоваться не только для совершения всевозможных экономических преступлений, но и для подготовки и совершения террористических актов. Так, формы и методы, которые сегодня используются «Исламским государством»*[12] за пределами вооруженных конфликтов, являются своеобразной формой воплощения идеи уберизации. На эту тему появилось уже немало исследований. В научный оборот вошел термин «уберизация массового террора». Так, французский философ Б.А. Леви в статье о теракте 15 июля 2016 г. в Ницце написал, что это способ влияния на человека без установления контакта, когда каждый может стать боевиком в армии террористической организации «Исламское государство»* (далее – ИГ*), не проходя тренировку, вербовку и ни с кем, непосредственно, не контактируя[13]. При такой модели любой, кто находится в конфликте с обществом, потенциально может стать террористом. Все, что нужно сделать террористической группировке, – канализировать его ненависть. В данном случае боевики-одиночки выступают в роли трудового ресурса, как и водители в цифровом агрегаторе Uber. Они в любой момент могут подключиться к «приложению» и «выполнить указание оператора». Такая форма работы со своими сторонниками позволяет ИГ* экономить и оптимизировать затраты. Напомним, большинство терактов в последние годы были малобюджетными. Анализ показывает, что практически любой человек может реализовать подобные теракты на собственные небольшие средства. Фактически, такой террорист для ИГ* – «самозанятый партнер», взявший на себя все расходы и исполнение террористического атак. А ИГ* их снабжает лишь методиками и моральной поддержкой.

Согласно исследованиям, сегодняшние террористические организации сильно децентрализованы, и, в отличие от традиционной модели терроризма, в них нет четкой иерархии, субординации и все операции планируются на месте без непосредственного контакта с

[12] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «ИГИЛ» («Исламское государство)* признана террористической организацией и запрещена в России.

[13] См.: Bernard-Henri Lévy: Logic Does Not Explain Nice Attack–Or Jihad. URL: http://time.com/4410621/ nice-attack-bernard-henri-levy (дата обращения: 07.11.2018 г.).

организаторами[14]. Преимущества современной модели терроризма состоит в том, что ликвидация одной из ячеек в любой части планеты не угрожает всем остальным. Единственным обязательным условием для подобной системы террора является наличие условного «приложения», подключенного к Интернету.

Современный Uber-терроризм изменил и систему финансирования. Лидеры такой системы уже не зависят от крупных финансовых доноров. Они собирают средства через получение кредитов компаниями-однодневками, активно используют краудфандинг (коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций) и другие новые финансовые инструменты.

Возникает вопрос: Что можно сделать, чтобы минимизировать угрозы, связанные с бурным развитием информационных технологий и, особенно, с использованием этих технологий в теневой экономике, преступной деятельности и терроризме?

1. Необходимо дальнейшее совершенствование правоотношений в информационной сфере. Несмотря на попытки регулирования в некоторых законах Российской Федерации отношений в различных областях информационной сферы, до сих пор не разработаны конкретные механизмы их реализации, особенно, применительно к обеспечению информационной безопасности. Вся эта работа должна проводиться не только в рамках Российской Федерации, но и на уровне международного сообщества.

2. Необходимы специальные государственные программы, направленные на преодоление в Российской Федерации информационной безграмотности, информационного бескультурья и нигилизма. Причем эта проблема касается не только граждан, но и сотрудников органов государственного и территориального управления и служащих различных бизнес-структур.

3. В стране уже началась цифровизация продуктов и услуг, что проявляется в дополнении их интеллектуальными датчиками или устройствами связи, совместимыми с инструментами аналитики данных. Появляются новые цифровые продукты, предназначенные для предоставления комплексных услуг и решений. Все это обяза-

[14] См.: Канунникова Т. Убер-терроризм: новый вызов международной безопасности. URL: http://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/uber-terrorizm-novyy-vyzov-mezhdunarodnoy-bezopasnosti (дата обращения: 07.11.2018 г.).

тельно должно тестироваться с точки зрения национальной и экономической безопасности.

4. Уберизация экономической жизни – объективный процесс. Запретить это явление невозможно, но государство и различные профессиональные ассоциации должны научиться ее регулировать с целью минимизации негативного влияния на граждан.

5. Необходимо устранить все несоответствия в законодательстве, связанные с уберизацией экономических процессов. В частности, следует формализовать статус самозанятых работников, наделив их законным правом получать пособия, оплачиваемые больничные листы, минимальную заработную плату и т. п. Uber-агрегаторы должны контролироваться извне и отвечать за допущенные факты социальной безответственности и несоблюдение действующего законодательства.

6. Следует обеспечить полную прозрачность интернет-технологий для контролирующих и правоохранительных органов.

7. Наконец, необходима широкая программа контрпропаганды на всех уровнях общества против экстремизма, радикализма и терроризма. При этом особое внимание необходимо уделять институтам, которые формируют социальную идентичность индивида.

2.5. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху[1]

Принято считать, что история развития Интернета началась с запуском первого искусственного спутника Земли в 1957 г. Представители Министерства обороны США были обеспокоены этим событием, усмотрев в нем прямую угрозу безопасности своей страны. Было принято решение разработать надежную систему передачи информации, которая смогла бы обеспечить бесперебойную связь между различными государственными органами и армейскими подразделениями на случай войны с СССР. К работе по созданию новой сети, названной ARPANET, были привлечены ученые из ведущих университетов США. 29 октября 1969 г. между узлами сети, соединяющей компьютеры, расположенные на расстоянии в 640 км в Стэндфордском исследовательском институте и в Калифорнийском университете, провели первый сеанс связи. Целью создания электронной почты в 1972 г. была необходимость получения «строителям» ARPANETa простого инструмента для координации работ. В 1989 г. в Европе началось развитие концепции Всемирной паутины (WWW), которую предложил Тим Бернерс-Ли. Он же создал протокол HTTP, язык HTML и идентификаторы URI. Таким образом, начавшаяся в США история развития глобальной сети Интернет нашла свое продолжение в Старом свете, где в совершенствовании новых коммуникационных технологий приняли участие многие известные исследователи из СССР, Англии, Франции, Германии, Бельгии и других стран. Появление нового протокола WWW практически совпало с прекращением существования сети ARPANET, уступившей место существующей с 1984 г. компьютерной сети Национального фонда науки США (NSFNet). Появившийся Интернет стал быстро обрастать различными сервисами и многочисленными пользователями.

Еще в 1997 г. Уэйн Раш[2] предполагал, что экстремистские группы будут использовать сеть Интернет в своих целях как средство коммуникации, организации, вербовки, сбора денежных средств, стратегического позиционирования, связи с медиа, взаимо-

[1] Сундиев И.Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // Научный портал МВД России. 2018. № 1. С. 67–76.

[2] См.: Rash, W. Politics on the Nets. 1997.

действия с группами, имеющими схожие цели, и международного взаимодействия. По данным У. Раша, в 1996 г. насчитывалось 24 млн пользователей Интернета и 16 сайтов, принадлежащих террористическим организациям. Хотя У. Раш не определил террористов в качестве специфической политической группы, использующей Глобальную сеть, его список в общих чертах совпадает с исследованиями, проведенными позже авторами, изучающими более узкую проблему использования сети Интернет именно террористами. Например, в 1999 г. Стив Фернел и Мэтью Уоррен называют в качестве основных способов использования террористами сети Интернет пропаганду, сбор денежных средств, распространение информации, конспиративные коммуникации. Фред Коэн представил практически такой же список (2002 г.). В работе Тимоти Л. Томаса способы, используемые интернет-террористами, изложены более детально. В статье «"Аль-Каида" и Интернет: опасность "киберпроектирования"» (2002 г.) Тимоти Л. Томас[3] обсуждает 16 возможных способов использования террористическими группами Глобальной сети. Габриэль Вейманн в своей книге «Террор в Интернете: новая арена битвы, новые вызовы»[4] определяет восемь методов, которые, как он утверждает, террористы уже используют в Интернете. По его мнению, на 1,5 млрд пользователей Интернета в 2004 г. приходилось 4 896 активных террористических сайтов.

В середине 2000-х гг. онлайн-рекрутинг мало отличался от классических форм вербовки в офлайне (реальности). Базовое отличие заключалось в том, что Интернет изначально предлагал сразу несколько путей достижения вербовочного результата: делал для потенциальных рекрутов более доступной информацию об экстремистских идеях, существующих террористических организациях, представляя большее количество данных гораздо быстрее и в формате мультимедиа; глобальный размах Сети позволял экстремистским и террористическим группам пропагандировать себя большему количеству людей; в результате все возрастающих возможностей интерактивных коммуникаций открываются также и большие возможности для содействия данным группам и даже прямого контакта с ними. Один из начальных шагов онлайн-рекрутинга заключался в

[3] См.: URL: http://www.crime.vl.ru/ index.php?p=1104&more=1&c=1&tb=1&pb=1 (дата обращения: 15.01.2018).

[4] Weiman, G. Terror on the Internet: The New Arena, the New Challenges: The New Arena, the New Challenges. 2006.

использовании форумов, чтобы втянуть в дискуссию публику – неважно сторонников группы или ее противников. Это давало террористам возможность обозначить свою позицию и заинтересовать аудиторию, увеличив обсуждаемость своих слов и действий, повышая тем самым уровень общей привлекательности.

После многоэтапных вербовочных онлайн-бесед рекруту (потенциальному члену экстремистской или террористической группы) делалось предложение об участии в конкретной (пока «онлайновой») акции. Если рекрут не уверен в своем желании вступить в группу и участвовать в непосредственных действиях или группа не уверена в нем, то он направляется в чат, где виртуально подвергается детальному осмотру (сбору информации по определенной схеме, созданию психологического онлайн-профиля). В случае успешного прохождения этого этапа он перенаправляется в другой чат для дальнейшей проверки и в конечном счете сможет напрямую войти в контакт с членом группы. Цель этого процесса – отсев неподходящих людей или потенциальных агентов правоохранительных служб. Пример работы по этой схеме среди исламской молодежи, проживающей в европейских странах: «домашний джихадист» («armchair jihadi» – человек, считающий себя готовым к джихаду) шлет запрос на тематическом форуме: как попасть в Ирак (Сирию) для участия в джихаде? На него через форум выходит вербовщик (идеолог). Начинается общение, и если кандидат обладает нужными задатками, потенциалом, он получает команду прекратить постинги на форуме. Когда приходят к выводу, что новобранец готов действовать, его связывают с оперативным лидером ячейки. Тем самым фиксируется, что новобранец закончил идеологический курс обучения и перешел к тактическому этапу. Ни идеолог, ни новобранец не являются террористами с точки зрения закона. Они обмениваются легальной информацией. Более того, идеолог в этот момент прекращает контакты с новобранцем и его уже невозможно связать с террористической деятельностью. Ну а дальнейшее обучение – как избавляться от слежки, как закладывать бомбы и как выбирать цель – проходит уже вне форума в закрытой сети Tor. После этого связь прекращается, новобранец получает указание собрать группу людей, верящих в то же, во что верит он сам, чтобы стать лидером ячейки. В конце концов деятельность переходит в офлайн. Как правило, новобранцы ни в каких полицейских «списках наблюдения» не состоят и в криминальной деятельности не замечены. У спецслужб нет никаких указа-

ний на то, что именно эти люди могут быть причастны к подготовке терактов. Другие участники группы встречаются с ними «в реале», помогают сделать бомбу и уезжают до того, как производится атака. Предсказать и предотвратить такую атаку очень трудно.

Однако для всех террористических групп важнее активно искать подходящих рекрутов, чем ждать, когда они сами выйдут на них.

Своеобразным ответом на многочисленные мифы об общности мотивации и сходности социального состава членов экстремистских и террористических организаций во всех странах стали результаты исследования одного из самых квалифицированных экспертов по вопросам исламского терроризма, экстремизма и глобального джихада – профессора социологии Пенсильванского университета и советника правительства США по борьбе с терроризмом Марка Сейджмена (Marc Sageman) – он провел социологическое исследование 400 самых видных фигур международного терроризма[5], которое представил в своем докладе на международной конференции в Вашингтоне в декабре 2004 г. Исследование Сейджмена проведено на основе анализа данных американских, британских и французских спецслужб о террористах, имеющих прямое отношение к сети «Аль-Каидой»*[6], тесно связанных с Усамой бен Ладеном, аль-Завахири, аль-Рашиди, египетской группой «Исламский джихад»*[7] (Аль-Джихад, Аль-Гамаа аль-Исламийа, Джемайя Исламия) и филиппинской «Абу Сайаф».

В этническом плане исламистское движение «Глобальный джихад Салафи» является многонациональной организацией, в которой около 60 % составляют жители арабских стран, преимущественно Саудовской Аравии и Египта, 30 % численного состава – жители Магриба (Марокко, Алжир и Тунис) и около 10 % – индонезийцы. Что касается социально-экономического статуса, то порядка двух третей – выходцы из зажиточных семей. Оставшаяся треть – наследники марокканских и алжирских иммигрантов, проживающих на территории Франции и Германии. Большинство руководителей террористических ячеек этой исламистской организации имеют хо-

[5] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и практика социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М. : Институт экономических стратегий, 2014.

[6] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

[7] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Исламский джихад»* признана террористической организацией и запрещена в России.

рошее светское европейское образование – исключением являются индонезийцы, получившие исламское религиозное образование у себя на родине.

Подавляющее большинство руководителей «Глобального исламского джихада Салафи»* в целом и «Аль Каиды»* в частности имели высшее профессиональное образование, были женаты и имели детей. Данные спецслужб в полной мере согласуются с результатами исследования Марка Сейджмена и свидетельствуют о том, что большая часть членов «Аль-Каиды» принадлежит к социально обеспеченным слоям населения: 17,6 % – к высшему классу, 54 % – к среднему, 27,5 % – к низшему классу. Лишь 16,7 % имеют неоконченное среднее образование, 12,1 % – среднее, 28,8 % обучались в колледже, а 33 % окончили колледж, 9 % имеют ученую степень. Вопреки распространенному мнению, что вербовка членов террористических групп происходит в фундаменталистских исламских школах, лишь 9,4 % террористов имели религиозное образование, все остальные – исключительно светское. Среди членов сети не было обнаружено ни безработных, ни бродяг, пришедших к террору в поисках денег или славы. Их можно охарактеризовать скорее как квалифицированных профессионалов при хорошей работе: 42,4 % – врачи, юристы, учителя и пр., 32,8 % – профессионалы средней квалификации и только 24,8 % не имеют специальной квалификации. Причем к последней категории принадлежат в основном арабы, выходцы из Магриба (Марокко, Алжир и Тунис). Обращает на себя внимание тот факт, что в деятельность террористических организаций вовлечена главным образом молодежь. Средний возраст активистов – 25,7 года. Даже в Центральном штабе средний возраст составляет 27,9 года. Члены «Глобального джихада Салафи»* индонезийского происхождения вступали в эту исламистскую сеть в более позднем возрасте (30 лет), а арабы – в более молодом (23 года). Три четверти участников салафистского движения являются экспатриантами – на момент вступления они уже длительное время проживали за границей вдали от своих семей. Порядка 10 % салафистов – это второе поколение иммигрантов, чувствующих тягу к родине и своим историческим и этническим корням. 84 % общего числа членов «Глобального исламского джихада Салафи»* – мусульмане, так или иначе оторванные от своих корней и не сумевшие включиться в полноценную экономическую и общественную жизнь в западных странах. К моменту, когда они присоединились к исламскому джи-

хаду, произошли изменения в их убеждениях и восприятии окружающего мира – будущие террористы чувствовали себя изолированными и не вписывающимися в окружающее их западное общество.

В двух третях случаев ключевую роль в принятии решения о вступлении в террористическую организацию играют именно дружеские и родственные связи между террористами, а не идеология. Типичный сценарий присоединения к движению исламского джихада предполагает несколько этапов. На начальном этапе молодой человек, чувствующий свое одиночество в чуждом ему западном мире, направляется в знакомое ему еще по жизни на родине место – мечеть – в первую очередь для того, чтобы оказаться в кругу знакомых людей с близкими интересами и общими для всех иммигрантов проблемами, или заходит на популярный арабоязычный сайт, где участвует в форумах и оставляет свои сообщения в блогах. На втором этапе происходит вовлечение молодого человека в одну из небольших групп единомышленников и встречи переносятся из религиозных и культурных учреждений (с форумов и блогосферы) на частные квартиры.

На третьем этапе осуществляется интенсивная идеологическая обработка будущих террористов. Какими бы ни были изначальные причины вступления в террористическую сеть, будущие террористы проходят длительную идеологическую подготовку в небольших группах, где формируется чувство взаимного доверия и преданности, а также происходит принятие всеми членами группы убеждений своих экстремистски настроенных и фанатичных лидеров. Новый круг общения в сочетании с исламистской пропагандой отдаляет террористов от друзей и семьи, усиливая изолированность от общества, фиксирует преданность новой группе, которая, в свою очередь, укрепляет веру нового адепта в идеи исламского террора. На этом этапе члены террористической ячейки уже готовы принимать полноценное участие в джихаде. Критическим фактором в вербовке оказывается то, что они отождествляют идеи джихада уже не с абстрактными постулатами исламистской идеологии, а с конкретными людьми из группы, в которой они проходили подготовку. Финальным этапом является обучение в тренировочных лагерях, которые до конца 2001 г. находились на территории Афганистана, а в настоящее время переместились в Судан и на север Пакистана, в Сирию и Ирак.

Вербовочная работа в информационном пространстве, так же как в обычной жизни, строится на понимании и использовании мотивов, доминантных для конкретного человека. Однако специфика мотивации и понятийного аппарата «жителей Сети» настолько своеобразна[8], что многие традиционные формы и приемы вербовки требовали значительной переработки, а специфика информационной среды и используемых информационных технологий часто стирала грань между конфиденциональным и публичным, скрытым и обыденным. Именно поэтому вербовочные действия могут проходить и в онлане, и в офлайне, и в их комбинациях. Применительно к «сетевым сообществам» существуют три базовых варианта организации взаимодействия между вербовщиком и объектом, которые могут модифицироваться в конкретных условиях.

1. Вербовка и дальнейшее взаимодействие между объектом и членами террористической либо экстремистской организации осуществляются исключительно в онлайн-режиме. Примеры: взаимодействие пишущих и снимающих журналистов, нижнего звена (пехоты) с заказчиками. Подбор журналиста, заказ, получение (размещение) материалов и оплата происходят через электронные сети. Аналогичным образом идет подбор, инструктаж массовки для флешмобов и участников групп, совершающих «немотивированные нападения на граждан неславянской внешности». В последнем случае либо вся группа подбирается из неофитов для одной единственной акции, либо группу неофитов возглавляет человек, уже имеющий опыт участи в подобных акциях.

2. Вербовка разных по функциям членов террористической либо экстремистской организации осуществляется в онлайн-режиме, а их взаимодействие в офлайне – под легендированным прикрытием. Пример: большая часть «одноразовых» квартирьеров (лиц, способных предоставить жилье в определенном месте) вербуется «втемную» на сайтах неформальных молодежных объединений, религиозных групп. Для субъектов, которые будут пользоваться услу-

[8] См.: Петренко, В.Ф. Опыт исследования мотивации в хакерском сообществе / В.Ф. Петренко, А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова // Влияние информационных технологий на национальную безопасность: материалы к заседанию рабочей группы (тезисы докладов российских участников конференции «Построение стратегического сообщества через образование и науку»). М.: МГУ, 2001; Размышления Команды Игры о тактике действий. О возне критиканов и грядущей Битве. О страхе трусов и крахе Системы. URL: http://rusigra.org/index.php?o=static&page=2 (дата обращения: 18.09.2009).

гами подобных квартирьеров, необходимо знание специфики и идеологии именно данного объединения.

3. Объект предстоящей вербовки отыскивается в информационной среде, там же, в онлайн-режиме, происходит его первичная оценка и контактное взаимодействие, после чего вербовочные мероприятия продолжаются в офлайне.

Стоит отметить документ под названием «Искусство вербовки», появившийся в 2008 г. на сайте «Аль-Каиды»*[9]. Его автор Абу Омар аль-Каиди на 51 странице рассказывает о принципах отбора кандидатов, наиболее подходящих всемирному движению джихада. Он пишет о психологических различиях молодых людей, проживающих в Иордании, Ливии, Египте, Алжире и других мусульманских странах. «Задача вербовщика состоит в том, чтобы сделать молодого человека свободным от национальных предрассудков и воспитать из него настоящего моджахеда, преданного принципам джихада». В связи с этим аль-Каиди настаивает на индивидуальном подходе к каждому из кандидатов, отдавая предпочтение наиболее образованным и интеллектуально подготовленным. Он пишет, что у интеллектуалов зачастую существует довольно предвзятое отношение к движению джихада, которое служит серьезным барьером на пути восприятия идей «чистого ислама». Молодые люди с серьезной подготовкой в высших учебных заведениях могут сыграть решающую роль в борьбе с неверием и Западом. Однако, – пишет аль-Каиди, – чем выше подготовка молодых интеллектуалов, тем сложнее убедить их в единственно верной точке зрения относительно идей салафизма.

Он делит кандидатов на три типа: первый – индифферентные к каким-либо идеологическим направлениям, такие молодые люди наиболее предпочтительны для привлечения к движению джихада; второй – мусульмане, разочаровавшиеся в традиционном исламе, ищущие альтернативную идеологию; третий – «новообращенные», стремящиеся найти в салафизме то, что сможет разнообразить их действительность.

Автор документа предлагает сконцентрировать внимание на колледжах, школах и университетах. Он считает наиболее приемлемым проводить вербовку в три этапа. На первом этапе предпочтение следует отдавать честным, преданным людям, демонстрирующим

[9] См.: URL: http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016sageman1.htm (дата обращения: 15.01.2018).

следование исламским нормам в повседневной жизни. На втором этапе, рассчитанном на три недели, проводящий отбор должен постараться перейти от онлайн-общения к непосредственному взаимодействию, расположить к себе кандидата, проводить с ним как можно больше времени (посещать вместе с ним мечеть, приглашать его на обед, делать подарки). В течение этой фазы с молодым человеком следует начать вести беседы на политические темы, касаясь ситуации в мусульманских странах. «Очень важно понять взаимоотношения кандидата в семье, выяснить его интересы, с кем и где он проводит время». На заключительной стадии, которую аль-Каиди называет «фазой пробуждения веры», продолжающейся от одной до двух недель, молодого человека необходимо посвятить в суть салафистской доктрины, побудить его к прочтению соответствующей литературы (в частности, аль-Каиди настаивает на изучении трудов А. Аззама, Х. Рашида, А. Завахири, Х. Али). Проходящий отбор должен свободно высказывать свои соображения и делиться впечатлениями от прочитанного. Автор «Искусства вербовки» призывает к тому, чтобы кандидата подталкивали к салафизму, но не давили на него. В результате подобных обсуждений происходит процесс «саморадикализации» молодых людей, подчеркивает аль-Каиди. Именно на таких форумах в диалоге при свободном обмене мнениями ведутся активная пропаганда, вербовка и воспитание новых поколений моджахедов.

Формирование экстремистских ячеек под прикрытием религиозного просвещения осуществляет ряд организаций. На этом фоне обращает на себя внимание активизация тоталитарных сект квазирелигиозного профиля. Данные обстоятельства заставляют, во-первых, несколько иначе взглянуть на ситуацию с религиозными сектами и социальными ячейками тоталитарного типа (религиозная тоталитарная секта – это религиозная авторитарная организация, претендующая на исключительность своей роли, доктрины, идейных принципов; имеющая обожествленного лидера; практикующая скрытое психологическое насилие над личностью путем применения методов воздействия на сознание своих членов, тотального контроля за их поведением и жизнью; использующая обманные методы вербовки новых участников с целью их использования в своих интересах, незаконного обогащения и незаконной власти, деятельность которой связана с нарушением уголовного и иного законодатель-

ства)[10], а во-вторых, обратить внимание как на специфику объектов и субъектов вербовки, так и на применяемые при этом деструктивные психотехники.

Именно такого рода религиозные движения активно практикуют контроль сознания как управленческую технологию. В качестве синонима специалисты применяют также термины «реформирование мышления», «программирование», «несанкционированное внедрение в психику». Здесь принципиально важным является то обстоятельство, что контроль сознания преследует в конечном счете цель формирования асоциального отношения к институтам государственной власти и обществу в целом.

Дальнейшее развитие Darknet, социальных сетей и мессенджеров, онлайн-компьютерных игр привело к тому, что у экстремистских и террористических организаций появились конфиденциальные средства связи, огромные возможности пропаганды и манипуляции среди различных социальных групп и принципиально новые возможности онлайн-рекрутинга (вербовки).

В докладе «Будущее образования: глобальная повестка» есть раздел 3.4 – «ТОТАЛЬНОСТЬ ИГРЫ», в котором сказано: «наиболее успешными являются игровые развивающие трансмедийные продукты длительного пользования, "взрослеющие" вместе с ребенком и позволяющие ему решать новые задачи; в перспективе именно "длинные" игры, существующие в виде шоу, дополненной реальности и других медиа, станут одним из основных форматов детского образования...»[11]. «С проникновением дополненной реальности школы смогут достраивать свои образовательные процессы многопользовательскими играми, организующими разновозрастные группы вокруг разных типов заданий, а образование происходит исподволь, в процессе решения задач ... уже с начала 2020-х годов виртуальные миры будут массово использоваться как "пространства передержки" и профессиональной переквалификации – как дешевая альтернатива системам переподготовки при центрах занятости. В перспективе те же подходы могут использоваться и для проработки травматических переживаний и снятия дисфункционального поведения у большого числа условно нормальных людей – "миры пси-

[10] См.: Василенко М.М. Предупреждение преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 3.

[11] Будущее образования: глобальная повестка: доклад. 2016. Режим доступа : URL: http://edu2035.org/pdf/GEF. Agenda_ru_full.pdf (дата обращения : 25.07.2017).

ходрам", в которых люди совместно будут играть и проживать жизненные истории, могут стать рабочей альтернативой групповой терапии не только в формате клинической психотерапии, но и как часть образовательной траектории»[12].

В современной гибридной войне используются **Alternate Reality Games** – игры в альтернативной реальности, ключевым аспектом которых является принцип TINAG (this is not a game – «это не игра»), где участники до конца сомневаются в игровом характере происходящего. Это гигантские многопользовательские головоломки, своеобразный микс ролевых и компьютерных игр, флешмобов, мистификаций. Первым подобным игровым ресурсом, сочетающим виртуальные и реальные действия игроков, направленные на деструкцию государства (www.rusigra.org, адрес регистрации сайта – г. Чикаго, США), стала появившаяся в 2007 г. «Большая игра*[13]. Сломай Систему» – ресурс, который в настоящее время в установленном законом порядке признан экстремистским и закрыт[14].

По сюжету «Большой игры» * «земляне» (представители белой расы, а фактически – ультрарадикальные националисты) должны: 1) системно причинять ущерб «пришельцам» (представителям кавказских и азиатских народов, прежде всего трудовым мигрантам из государств Центральной Азии); 2) системно имитировать причинение вреда органам государственной власти (в терминах игры – «Системе»). В последнем случае акцент делался на таких объектах, как избирательные участки и здания, занимаемые силовыми структурами. Участникам игры предлагалось за плату и в реальной действительности совершать определенные действия на первых шести уровнях игры. Характерно, что задания седьмого уровня рассылались игрокам, прошедшим шестой уровень, на личные почтовые ящики. Иными словами, в режиме игры осуществлялись подбор и отсев кандидатов, реальные вербовки и неявные вовлечения в реальную экстремистскую и террористическую деятельность.

На сайте «Большой игры»* в разделе «Новости» публиковались не только отчеты о результатах действий участников, подтвержденные фотовидеоизображениями. Здесь же можно было получить

[12] См.: Будущее образования: глобальная повестка: доклад. 2016. URL: http://edu2035.org/pdf/GEF. Agenda_ru_full.pdf (дата обращения: 25.07.2017).

[13] См.: Упоминаемый здесь и далее в статье проект «Большая игра»* признан экстремистской организацией и запрещен в России.

[14] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и практика социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Институт экономических стратегий, 2014.

рекомендации по конспирации[15], подробную инструкцию по изготовлению взрывного механизма с электронным будильником в качестве часового устройства[16], увидеть карикатуры на «пришельцев» и «силовиков системы», много другой «полезной» информации.

Среди прав и обязанностей участников[17] особое внимание привлекали положения, посвященные конспирации. Провозглашая целью сетевого проекта «колоть неповоротливую Систему миллионами мелких уколов, но не стремление к перевороту»[18], организаторы обязывают игроков «не распространять информацию об участии в Игре и Игроках, за исключением случаев, определяемых Командой Игры, принять все меры к сохранению в тайне любой информации, которая может их идентифицировать, включая способы связи с Командой Игры». Особое внимание уделено безопасности игроков при выполнении заданий даже начального уровня: целенаправленные звонки должны производиться из телефонов-автоматов, рассылки по Интернету – из интернет-кафе и одноразовых электронных почтовых ящиков, электронные фотографии с фиксацией выполненных заданий – через файлообменные сети[19].

К уголовной ответственности в Российской Федерации привлечен ряд лиц именно в связи с непосредственным участием в «Большой Игре»* и фактическим выполнением действий, подпадающих под ту или иную статью Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализ сайта «Большая игра. Сломай Систему»* позволил сделать следующие выводы:

во-первых, сайт был создан за рубежом с участием носителей русского языка (использование молодежного сленга) и носителей английского языка;

во-вторых, сайт охватывал аудиторию не только в России, но и в Восточной Украине;

---

[15] См.: Открытое письмо группы офицеров безопасности. URL: http://rusigra.org/index.php? newsid=93 (дата обращения: 18.09.2009).

[16] См.: Игрок-радиотехник. Ч. 2. URL: http://rusigra.org/index.php?newsid=116 (дата обращения: 18.09.2009).

[17] См.: Общие положения Большой Игры. URL: http://rusigra.org/ index.php?do=static&page=3 (дата обращения: 18.09.2009).

[18] Размышления Команды Игры о тактике действий. О возне критиканов и грядущей Битве. О страхе трусов и крахе Системы. URL: http://rusigra. org/index.php?o=static&page=2 (дата обращения: 18.09.2009).

[19] См.: Интернет-боец. Варианты заданий. URL: http://rusigra. org/index.php? do=static&page=12 (дата обращения: 18.09.2009).

в-третьих, сайт был рассчитан на молодежную аудиторию, использовался как инструмент количественного и качественного определения репрезентативной группы, потенциально готовой к насильственным действиям в отношении представителей и органов власти.

Очевидно, что данный ультранационализм использовался лишь в качестве «ширмы» или «спускового механизма». Основная цель сайта – это запустить механизм эскалации насилия в отношении властных структур. В качестве таких территорий-мишеней объективно фиксировались крупные областные центры, хотя «знаки Сварога» встречались и в столицах. Последнее обстоятельство указывает на то, что разработчики сайта занимались изучением ситуации именно в регионах;

в-четвертых, на сайте активно задействовались технологии, ранее применявшиеся в ходе «оранжевой революции» на Украине и «тюльпановой революции» в Киргизии:

театрализованные, карнавальные эффекты; расчет на основную движущую силу – молодежь (фактически устанавливаются потенциальные группы активистов);

акцентуация на националистической мотивации; создание эффекта тотального присутствия (вследствие размещения знаков и надписей в хорошо просматриваемых публичных местах, на денежных знаках);

использование таких приемов, как «шельмование» публичных лиц, создание так называемых черных списков (весьма подробно описано в пособии Дж. Шарпа по технологиям организации «бархатных революций», которые активно использовались в Югославии и на Украине)[20];

настоятельная рекомендация тактики «пчелиного роя», то есть организации множества «мелких укусов», каждый из которых незначителен, но их массовость и системность, действительно, могут дестабилизировать структуры, обеспечивающие общественный порядок;

пошаговые действия, подводящие к готовности прямого насилия в отношении государственной власти (например, разлить и поджечь бензин на входе в избирательный участок), а также различных групп граждан (забросать петардами торговый киоск, предварительно подперев дверь).

[20] См.: Sharp, G. The Methods of Nonviolent Action / G. Sharp. –Boston: Porter Sargent, 1973.

Объективно есть все основания считать, что проект «Большая игра. Сломай Систему»* являлся составной частью подготовки более масштабного проекта, направленного на дестабилизацию ситуации – не только в нашей стране – и камуфлированного под ультранационалистическое молодежное движение. Его дальнейшую реализацию мы увидели сначала на Евромайдане 2013–2014 гг., потом – в политической практике Украины.

Взрывной рост популярности социальных сетей, появление множества сетевых контркультур, сетевого фольклора и множества сленгов породили особую форму – ARG суицидальной направленности – и, соответственно, новые формы неосознанного включения в террористическую деятельность, минуя членство в террористических организациях. Все, кто проводил «интернет-расследования», датируют появление во «ВКонтакте» сети «групп смерти» – f57, νεκρές ψυχές, «Море Китов», «Тихий Дом» с самоубийства девочки Рины Паленковой (настоящее имя – Рената Камболина, 16-летняя студентка колледжа из Уссурийска) в ноябре 2015 г.

Но триггером всей компании, на наш взгляд, стала книга «50 дней до моего самоубийства», написанная «Стейс Крамер» (Анастасией Хохловой из г. Астрахани) и выпущенная издательством АСТ. Книга написана очень понятным для девочек-подростков языком. Она является своеобразным камертоном, по которому настраивается психологическое состояние подростка для последующих суицидальных действий. Но книга – это только начало. После нее у подростка появляется желание больше узнать на эту тему, как, собственно говоря, и было запланировано. В игре в «синие киты» – 50 заданий, в книжке – 50 дней…

Создатели «киберсекты» f57 совместили мифологию нетсталкинга с темой суицида и начали раздавать интерактивные квесты подросткам («нетсталкинг» (англ. net stalking – интернет-сталкерство, назойливый поиск в Сети) – поиск в Сети мистики, теорий мирового заговора, прячущихся в коде Всемирной паутины, и подобной криптофантастики. Основная концепция данного «верования» заключается в том, что в недрах Сети существует «глубинный Интернет», содержащий различную страшную для человеческого сознания информацию. Чем глубже погружаешься в Сеть, тем больше соприкасаешься с мистическим миром, где цифры, формы и смыслы теряют свое значение. Самый нижний слой – тот самый «Тихий дом», куда согласно данной концепции уходят души мерт-

вых и уже не возвращаются). Задания – разгадать таинственные шифрограммы, сделать и прислать тематический фан-арт и сигны, найти определенный контент в Сети. Все это быстро трансформировалось в ARG, игры в альтернативной реальности (Alternate Reality Games). Наибольший интерес к феномену «групп смерти» проявляют пользователи в возрасте 15–16 лет.

Далее рассмотрим способ попадания пользователя в игру. Характерно, что «куратор» осуществлял поиск потенциальных «игроков» по размещенным на их страницах записям с такими пометками (хэштегами), как #синийкит, #морекитов, #куратор, #кураторжду и др. Такая форма вовлечения в «игру» свидетельствует о добровольности желания потенциального игрока принять в ней участие. И мотивы, лежащие в основе такого желания, могут иметь вполне традиционный характер для подростковых самоубийств (отсутствие заботы со стороны родителей, неразделенная любовь и т. п.).

Количество выполняемых заданий «игроком», как правило, составляло 50, однако имеются свидетельства, что их может быть значительно меньше. По нашему мнению, это может зависеть от личностных особенностей «игрока» и ситуативных факторов, оказывающих влияние на восприятие последним окружающей действительности и принятие решений[21].

Кроме того, в суицидальных сообществах были применены давно известные специалистам манипулятивные техники – например, лишение сна, многократно апробированные руководителями деструктивных сект и организаторами мошеннических психологических тренингов[22].

Описанный механизм психологического воздействия «кураторов» на подростков в игровой интерактивной форме проявил себя с некоторыми отличиями в разных регионах страны. Он носит достаточно грамотный и изощренный характер, учитывающий психологические особенности современных детей. Все это свидетельствует о наличии некоего тщательно разработанного сценария проведения данной информационной акции и существовании организационной базы для его проведения.

---

[21] См.: 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка и Validata // Young Space. URL: http://youngspace.ru/faq/issledovanie-molodezhi/ sberbank-issledovanie-molodezhi/ (дата обращения: 17.06.2017).

[22] Амелина, Я. «Группы смерти» как угроза национальной безопасности России: аналитический доклад // Кавказский геополитический клуб. М. : Издатель А. В. Воробьев, 2017. С. 12.

Исследование активности различных языковых сегментов Сети позволяет говорить о распространении феномена «групп смерти» не только в России и странах СНГ, но и за рубежом. Более того, выявленные закономерности «сетевого поведения» «групп смерти» в различных странах имеют схожие тенденции.

На наш взгляд, можно говорить о наличии централизации при организации информационного вброса о «группах смерти» с использованием ботов, а также факторе внешнего контроля и управления поддержанием интереса к феномену «групп смерти».

Как показала практика «групп смерти», игры в альтернативной реальности могут использоваться не столько в развлекательных или рекламных целях, сколько в деструктивных. Если удалось убедить человека покончить с собой, то что мешает сделать финальным заданием игры, например, подрыв объекта критической инфраструктуры или отравление водозаборного узла, как это было в «Большой игре»?

Вероятнее всего, что в ближайшее время мы столкнемся с явлением **краудфандинговых преступлений** или даже **краудфандингового террора**. Разведка, рекогносцировка местности, перевозка и доставка грузов, логистика – все эти необходимые для совершения теракта функции можно делегировать ничего не подозревающим игрокам. Человек думает, что участвует в интерактивном квесте, а на самом деле используется террористами. Технология ARG подразумевает анонимность организаторов (так называемых кукловодов) и непредсказуемость сценария. Эти факторы открывают безграничные возможности для манипуляции людьми.

Создатели ARG могут вовлекать в свои игры психологически уязвимых людей. В случае с f57 игроками стали депрессивные подростки, которых организаторы находили в специфических тематических группах. Форумы и социальные сети позволяют найти человека по любым заданным параметрам и вступить с жертвой в переписку. Прямой физический контакт не нужен, игроком можно управлять удаленно. В этом кроется еще одна особенность игр в альтернативной реальности – уже не ты находишь ARG, а ARG находит тебя. В ARG могут оказаться вовлеченными посторонние люди и структуры: журналисты, блогеры, сотрудники правоохранительных органов, активисты общественных организаций, озабоченные родители. Они могут не планировать участия ни в чем подобном, но случайно «провалиться» в так называемую кроличью нору (кроличья нора

(rabbit hole), или начало тропы (trailhead), – сообщение, веб-страница или некая подсказка, которая вовлекает в игру) – по работе, из праздного любопытства или родительской озабоченности.

В 2016–2017 гг. миру пришлось столкнуться с новым трендом бесструктурной и бесконтактной глобальной террористической деятельности – ингамаси, выросшим из палестинской «Интифады ножей». В медийном пространстве ингамаси – это одиночка или небольшая группа террористов, действующих автономно в выборе времени, места (как правило) и орудий уничтожения. В реальности ингамаси – это лица, находящиеся в пограничном психическом состоянии и проводящие большую часть своего свободного времени в социальных сетях. В основе тренда ингамаси лежат постоянно совершенствующиеся сетевые и поведенческие технологии. Главный принцип ингамаси – в любой нужной точке пространства и времени можно найти достаточно психически неадекватного индивида для совершения теракта, ему просто надо помочь самому выбрать цель, подобрать доступное для себя оружие, определить место и время. «Помогают» в созревании боевика-ингамаси и выборе средств «собеседники» по социальным сетям. Первичный отбор бойцов-ингамаси ведется в автоматическом режиме по месту, роли, степени и направленности уже имеющейся радикализации. После уточнения психологического профиля на основе технологий «больших данных» начинается индивидуальная подготовка («накачка») к действию конкретного персонажа, приуроченному либо к конкретной дате, либо как ввод в общее поле «насыщающего террора» в стране-мишени (насыщающий террор – доступный относительно бедному и технологически отсталому субъекту деструктивного действия метод ведения войны против страны богатой, технологически развитой и благополучной. Он заключается в проведении многочисленных террористических атак сначала против мирного населения, а затем, спустя относительно длительный промежуток времени, против объектов критической инфраструктуры). При этом рекрут может выступать как от имени конкретной террористической организации, так и от своего имени «настоящего белого человека», такого как А. Брейвик. Практически одновременно технология ингамаси стала развиваться и в русле радикального ислама, и в русле ультранационализма (фашизма). Первый крупный двойной теракт в стиле ингамаси, в результате которого погибли 77 человек и 151 получил

ранения, совершил А. Брейвик 22 июля 2011 г. в г. Осло и на острове Утейа.

В 2016 г. в технологию ингамаси добавился новый способ «уничтожения неверных (биомусора)» – это использование тяжелых грузовиков, врезающихся в праздничную толпу. Ницца (14 июля 2016 г.) и Берлин (19 декабря 2016 г.) стали первыми, далее – гг. Лондон, Стокгольм и Барселона.

В нашей стране характерным для ингамаси терактом можно считать нападение на приемную ФСБ в г. Хабаровске 21 апреля 2017 г., в результате которого погибли сотрудник ФСБ и штатный переводчик. Нападавший А.А. Конев, 1999 г. р., был ликвидирован. Но обращает на себя внимание ряд фактов, предшествующих нападению: во-первых, А. Конев в общении с собеседниками по соцсетям за сутки до теракта сообщал, что «собрался в последний путь», во-вторых, ранее он участвовал в сетевой игре, где подробно разбирался сценарий нападения на приемную ФСБ.

Важный момент: ингамаси нельзя отождествлять с суицидальным террором, значительная часть боевиков-ингамаси в странах Европы либо успевали скрыться с места преступления, либо спокойно сдавались полиции.

Как показали результаты нашего и зарубежных исследований вербовочных технологий, высокая скорость разработки новых форм деструкции, их «купажирование» в значительной мере затрудняют возможность выработки эффективной государственной концепции противодействия им в традиционном контексте. Необходимо искать концептуально новые формы стратегической борьбы с сознательной деструкцией социума.

Как показывает накопившийся мировой опыт, тактически противодействовать вербовочным технологиям в экстремистской и террористической деятельности можно и нужно по двум основным направлениям. Первое направление обусловлено тем, что в когнитивном и поведенческом ключе основу вербовочных технологий составляет информационная компонента. Поэтому эффективно противодействовать этим информационным технологиям можно лишь в соответствующей форме информационного противодействия. Вторая линия – это контроль и минимизация инфраструктурной и ресурсной баз субъектов применения вербовочных технологий. В первую очередь речь идет о пробелах в законодательстве государства, дающих возможность использовать эти технологии и не позво-

ляющих правоохранителям эффективно с ними бороться. Кроме того, это организационные ресурсы субъектов, использующих деструктивные технологии: от отдельных инсургентов и террористов до виртуальных и реальных социальных организаций – как отечественных, так и зарубежных. Ни одна террористическая организация (а именно они являются видимыми субъектами использования вербовочных технологий) не может обойтись без финансовых ресурсов. Выявление (легальных, «серых», «черных») каналов финансирования означает контроль и нейтрализацию возможности использования новых вербовочных технологий.

2.6. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность[1]

Современные информационные технологии способствовали развитию не только дистанционных технологий вербовки в террористические и экстремистские организации, но и широкому распространению ***бесструктурных способов вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность***. Термин «бесструктурные» в данном контексте означает возможность удаленного формирования и стимулирования противоправной активности индивидов и групп без формального их вхождения в состав террористических и экстремистских структур.

В основе таких способов воздействия лежит *механизм краудсорсинга* (англ. «crowdsourcing», «crowd» – толпа и «sourcing» – использование ресурсов) – привлечение к решению определенных задач широкого круга лиц на добровольных началах с использованием информационно-коммуникационных технологий. В классическом случае краудсорсинг – это схема, по которой задания посредством Интернета передаются заранее неизвестной группе исполнителей («толпе») в форме открытого конкурса[2]. Наиболее известным краудсорсинговым проектом в мире является Википедия – электронная энциклопедия, которая составляется пользователями по всему миру.

На первом этапе эволюции Интернета (web 1.0) появились многочисленные ресурсы радикальной направленности, в которых содержались литература и публикации экстремистского характера, инструкции о способах изготовления оружия и взрывных устройств, способах совершения терактов, силовых действий в отношении сотрудников правоохранительных органов и т. п. Такого рода информация и раньше распространялась через подпольные издания, однако именно с появлением Интернета доступ к ней получили миллионы пользователей.

Дальнейшее повышение качества и содержания экстремистских ресурсов, включающих профессионально снятые видеофильмы

---

[1] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Андрюхин Н.Г. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Научный портал МВД России. 2018. № 2. С. 52–60.

[2] Беленький, А. Многоликий краудсорсинг // КомпьютерПресс. 2011. № 10.

и ролики, высококлассные печатные издания, пособия и инструкции, создало основу для процесса саморадикализации, когда индивид приобретает экстремистские взгляды посредством потребления экстремистского контента в Сети, а также самостоятельно «осваивает» методы и средства осуществления террористической и экстремистской деятельности.

Развитие мобильной связи и сетевых интернет-технологий (web 2.0) значительно расширило возможности распространения экстремистского контента любым пользователем, а также вооружило сторонников радикальных взглядов доступными инструментами дистанционного влияния в глобальном масштабе.

В своей совокупности описанные информационно-коммуникационные технологии обеспечили осуществимость дистанционного бесструктурного и бесконтактного управления как отдельными индивидами, так и большими массами людей (толпой), что было использовано идеологами радикальных организаций для инспирирования террористической и экстремистской деятельности.

Прежде всего, ***технологии дистанционного управления были задействованы при организации коллективных акций «умной толпы», включая протестные акции и массовые беспорядки.*** Концепцию «умной толпы» сформулировал в своей вышедшей в 2002 г. книге Говард Рейнгольд, определив ее как форму самоструктурирующейся социальной организации посредством эффективного использования коммуникационных технологий[3]. Отличительными чертами «умной толпы» являются не только новые способы ее формирования (для возникновения «традиционной толпы» нужен «шоковый стимул» – внезапное событие, прямо затрагивающее жизненные интересы участников; «умная толпа» направленно формируется за счет продолжительного диалога в сетевых ресурсах и средствах массовой коммуникации[4]), но и активная роль каждого ее участника при планировании и реализации проводимых акций (участие в обсуждении замысла, оперативная координация, информационное освещение).

---

[3] См.: Rheingold, H. Smart Mobs: The Next Social Revolution / H. Rheingold. Cambridge, MA : Perseus Publishing, 2002.

[4] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»): монография. М. : Русский биографический институт; Институт экономических стратегий, 2016. С. 259.

Наиболее известной формой организации «умной толпы» выступает флешмоб (англ. flashmob, flash – вспышка, mob – толпа), который представляет собой заранее спланированную массовую акцию, организованную, как правило, через социальные сети: большая группа людей внезапно появляется в общественном месте и в течение нескольких минут выполняет заранее оговоренные действия, которые называются сценарием, а затем быстро расходится.

Оказалось, что технология флешмоба применима не только для организации развлекательных акций, но и групповых насильственных действий, террористических актов и массовых беспорядков. При этом участники флешмоба могут не входить в состав террористических и экстремистских организаций и даже лично не знать друг друга.

Ярким примером использования социальных сетей и сервисов микроблогов для массового вывода людей на улицы является так называемая Арабская весна. В своей книге «Революция 2.0» один из организаторов революционных выступлений в Египте Ваэль Гоним описал использованную методику мобилизации общественной поддержки политического протеста через Facebook[5], включавшую несколько стадий. «На первой стадии убеждаешь людей присоединиться к странице и читать записи. На второй подталкиваешь их взаимодействовать с контентом, ставя „лайки” и комментируя. На третьей – принимать участие в онлайновых кампаниях страницы и самим поставлять контент. На четвертой и последней стадии люди выходят на улицы»[6].

В Российской Федерации наиболее ярким примером применения современных сетевых технологий для организации протестных акций являются акции протеста, организуемые последние несколько лет оппозиционным деятелем Алексеем Навальным.

В частности, можно отметить одну из наиболее массовых акций протеста 2017 г. под названием «Он нам не Димон», прошедшую 26 марта 2017 г. во многих российских городах. Формальным поводом стало отсутствие должной реакции властей на размещение в сети Интернет 2 марта 2017 г. фильма-расследования Фонда борь-

[5] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

[6] Гоним, В. Революция 2.0: Документальный роман; пер. с англ. Т. Даниловой. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. С. 93.

бы с коррупцией [7] «Он вам не Димон». Благодаря раскрутке в Интернете и либеральных СМИ фильм вызвал достаточно серьезный общественный отклик, который был умело и быстро использован для стимулирования протестной активности во многих городах России. Отличительной чертой прошедших публичных акций стало вовлечение в них большого количества несовершеннолетних лиц начиная с 12–13 лет.

Еще одной характерной чертой проведенной акции «Он нам не Димон», задавшей тренд для последующих локальных акций, стало активное использование для мобилизации протестующих мессенджера Telegram. В частности, в столице для этой цели был учрежден *специальный тематический канал (чат) «Протестная Москва 2017»* (t.me/nedimon_msk), позиционирующий себя как «конференцию для неравнодушных жителей Москвы и России, готовых к активным действиям ради борьбы за лучшее будущее своей страны». В нем непрерывно шло обсуждение прошедших и предстоящих протестных акций, осуществлялось их активное информационное освещение, в том числе посредством стриминговых трансляций с места событий. Данный канал продолжает работу и в настоящее время, выступая в качестве одного из ключевых ресурсов организации протестных акций в столичном регионе (по состоянию на май 2018 г. насчитывает 2,4 тыс. участников).

Протестные акции А. Навального нельзя назвать «классическими» примерами бесструктурного и бесконтактного способа вовлечения в противоправную деятельность (противоправный характер имеет проведение несогласованных публичных акций, а также нарушение правил их проведения организаторами и участниками), поскольку в их организации были задействованы штабы оппозиционера и иные подконтрольные организационные структуры. Тем не менее большая часть вовлекаемых участников незаконных публичных акций не входила в их состав (подконтрольных структур) и аккумулировалась благодаря использованию современных цифровых инструментов коммуникации.

Еще одним примером сетевой протестной акции стал проект «Артподготовка»*[8], организованный оппозиционером В. Мальце-

[7] Упоминаемый «Фонд борьбы с коррупцией»* признан экстремистской и террористической организацией и запрещен в России.

[8] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «Артподготовка»* признана террористической организацией и запрещена в России.

вым. Широкую известность он получил после начала работы канала ARTPODGOTOVKA на видеохостинге YouTube, на котором в онлайне транслировалась передача «Плохие новости» с резкой критикой правящего режима. Через данный канал и иные сетевые ресурсы В. Мальцевым продвигалась идея о неизбежности «русской революции» (датой ее начала определено 5 ноября 2017 г.) и необходимости подготовки к ней заинтересованных сил (слоган «Не ждем, а готовимся»). Предполагалось, что к указанной дате вследствие ухудшения социально-экономической ситуации в стране созреет почва для выражения массового общественного недовольства, которым и планировали воспользоваться «мальцевцы». Помимо интернет-ресурсов также распространялась печатная продукция (листовки, наклейки), организовывалась продажа футболок с отпечатанными принтами «05.11.17».

Постепенно на основе консолидации сторонников проекта В. Мальцева возникло движение с аналогичным названием, которое, впрочем, не обрело признаков организации в силу своего децентрализованного и слабо структурированного характера. Координация деятельности своих сторонников осуществлялась лидером движения преимущественно в дистанционном режиме, через Интернет.

Перед объявленной датой «революции» в ноябре 2017 г. правоохранительные органы России провели серии задержаний сторонников «Артподготовки»*, причем у многих из них при обыске были обнаружены оружие, взрывчатые вещества, бутылки с зажигательной смесью. Задержанным инкриминировались попытки поджогов административных зданий, нападений на сотрудников полиции, совершения иных преступлений террористического характера и экстремистской направленности. 26 октября 2017 г. решением Красноярского краевого суда движение «Артподготовка»* было признано экстремистским и его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Показательно, что в ходе производства в Верховном Суде РФ, в который было обжаловано решение суда первой инстанции о запрете «Артподготовки»*, представитель защиты юрист Игорь Элифханов заявил, что такой организации, как «Артподготовка»*, вообще не существует. По его словам, сторонники Мальцева просто

слушали его выступления, обсуждая их в Интернете и публичных пространствах[9].

Другим направлением применения краудсорсинговых технологий в экстремистской и террористической деятельности выступает ***стимулирование деструктивной активности со стороны отдельных неперсонифицированных лиц***. В отличие от предыдущего направления, которое реализуется за счет массового участия граждан, оно носит более «приватный» характер и предполагает индивидуальный характер исполнения. Общим же для этих форм является то, что вовлечение лица в противоправную деятельность происходит без формального и непосредственного вхождения в организационные структуры радикальных организаций и объединений.

Одним из наиболее известных примеров воплощения данного направления на пространстве СНГ стал игровой *интернет-проект «Большая игра. "Сломай систему"»**[10], который впоследствии был признан экстремистским ресурсом.

В декабре 2007 г. П. Хомяков и националистическое движение «Северное Братство»* (в 2012 г. признано экстремистской организацией и его деятельность запрещена в России) заявили о создании ими интернет-сайта «Большая игра "Сломай Систему"*». В заявлении о создании «Большой игры»*, в частности, говорилось: «Человечество гением своей мысли шло на взлет и к Свободе, но Система бросила в бой свой последний резерв – пришельцев. Под прикрытием силы Морока лишь внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста стали проникать в страны Белой силы, протаскиваемые Системой в руководство их государствами и экономиками. Так, из года в год, безропотно служа Системе, пришельцы и поныне протаскивают в страны Белой силы миллионы своих сородичей, искореняя землян». Таким образом, организаторы «Игры» использовали фэнтезийный тезаурус для того, чтобы избежать обвинений в нарушении уголовного законодательства.

Однако очевидно, что под «Системой» подразумевался существующий в Российской Федерации государственный строй, под «странами Белой силы» – европейские страны, включая РФ, под

---

[9] См.: Движение «Артподготовка» окончательно признали экстремистским и запретили URL: https://ovdinfo.org/expressnews/2018/02/28/dvizhenie-artpodgotovkaokonchatelno-priznali-ekstremistskim-i-zapretili (дата обращения: 18.05.2018).

[10] Упоминаемый здесь и далее в статье проект «Большая игра» признан экстремистской организацией и запрещен в России.

«землянами» – представители «белой расы», а под «пришельцами из созвездия Южного Креста» – представители «небелых рас», прежде всего евреи, негры, цыгане и мигранты из центрально-азиатских республик бывшего СССР. Смысл самой «Игры» заключался в осуществлении акций, направленных как на пропаганду идей «Северного Братства»*, так и на психологический и физический террор в отношении работников «Системы» (сотрудников правоохранительных органов) и «пришельцев» (мигрантов и лиц неславянской национальности)[11].

Сайт «Большой игры»*, которой «суждено расчистить поле для будущей решающей Битвы сил Света и Тьмы», заработал 23 декабря 2007 г. – в день зимнего солнцестояния (именно тогда якобы начался некий «рубеж вступления в свои права Эры Водолея»). Изначально сайт был зарегистрирован в Нидерландах, а физически размещен на сервере в Малайзии, то есть создатели сразу вывели его из российской юрисдикции. Суть игры сводилась к следующему. В «страны Белой силы» (к которым относятся славянские государства СНГ) «под прикрытием силы Морока стали проникать внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста». «Пришельцы» – это коренные жители Кавказа и Средней Азии. Поддержку им оказывают некоторые «земляне», а именно: правоохранители, чиновники и олигархи (это и есть та самая «Система», которую требуется «сломать»). В «Большой игре»* участвовали команды единомышленников (по терминологии игры – «автономные группировки»), которые регулярно получали на свои e-mail списки заданий различного уровня сложности. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие неславянам кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев». Также игрокам предстояло подбрасывать под окна приемных «Единой России», избиркомов (на сленге игроков – «лохотронов») или опорных пунктов милиции фальшивые «бомбы». Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, телефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять их на e-mail организаторов.

[11] См.: Северное братство // Антикомпромат. URL: http://www. anticompromat.org/nazi-p/sev_br.html (дата обращения: 12.02.2018).

Выполнение каждого задания должно было подтверждаться фото- или видеозаписью, которая отправлялась на сайт «Большой игры», за что игрок получал баллы. Именно в этом заключался формальный переход от онлайна к офлайну. Авторы игры признавались, что их цель – «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В архиве сайта «Большой игры»* насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных «заданиях», то есть о совершенных преступлениях экстремистской направленности[12]. Одним из доказанных эпизодов криминальной деятельности участников «Большой игры»* является случай в г. Невинномысске Ставропольского края, где студент И. Карцев, участвуя в интернет-проекте, подложил муляж взрывного устройства к зданию отдела УФСБ, а впоследствии обстрелял из охотничьего ружья жителей города, за что был приговорен Невинномысским городским судом к полутора годам лишения свободы[13].

В последующем проект «Большая игра»* был признан экстремистским, а его основатель – предприниматель А. Мухачев – осужден за организацию экстремистского сообщества[14].

Позже игровая модель получила свое применение и в механизме подстрекательства несовершеннолетних к совершению суицида в так называемых группах смерти. В них подростки выполняли задания, которые им последовательно давались «кураторами» суицидальных пабликов. Большинство заданий предусматривало активность именно в офлайне, а последним из них выступало совершение самоубийства.

Необходимо отметить, что фактором, способствующим внедрению игровых методик для стимулирования террористической и экстремистской деятельности, могут выступать различные новые технологии. Один из примеров – Pokemon Go: выпущенная в 2016 г.

---

[12] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»): монография. М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий, 2016. С. 243–244.

[13] См.: Ларинцева А. «Большая игра» завела в колонию. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1109376 (дата обращения: 03.03.2018).

[14] Интернет-проект «Большая "игра Сломай систему"» признан экстремистским // URL: http://www.regnum. ru/news/1258963. html?forprint (дата обращения: 03.03.2018); Создатель интернет-проекта «Большая Игра. "Сломай Систему"» за планы «бархатной» революции в РФ осужден на 9 лет. URL: http://pravo.ru/news/view/61736/ (дата обращения: 03.03.2018).

многопользовательская ролевая мобильная игра, задействующая технологии геопозиционирования и дополненной реальности. В ней игроки используют мобильные устройства с возможностью находить, захватывать, сражаться и тренировать виртуальных существ («покемонов»), которые появляются на экране при нахождении игрока в определенном месте «реального» пространства. То есть игра является очередным примером стимулирования офлайн-активности с помощью информационных технологий. После своего выхода она получила глобальное распространение, стала одним из наиболее часто используемых мобильных приложений и, по сообщениям, была загружена более чем 100 млн человек по всему миру.

Ряд российских органов власти отреагировали на выход игры информационными сообщениями. В частности, Роскомнадзор предупредил об опасности скачивания вредоносного программного обеспечения при установке игры на телефон из нелегальных ресурсов. Также представители ведомства отметили, что инструмент данной игры под названием Lure Modules, который повышает шанс появления покемона в данной локации в ближайшие полчаса, может использоваться преступниками для устраивания засад на игроков и совершения грабежей[15].

Теоретически можно допустить возможность задействования данной опции и лицами, планирующими совершение террористических и экстремистских действий. Однако вероятность использования такого сложного и ненадежного сценария с их стороны представляется весьма небольшой (собственно, таких фактов в мире зафиксировано не было). Тем не менее игру Pokemon Go все же следует рассматривать как прообраз технологического инструмента будущего, позволяющего управлять поведением подростков в «реальной» жизни, который может быть применен и для вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность.

Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения в террористическую деятельность лежат также в основе такой современной ее формы, как *терроризм одиночек*. Под террористом-одиночкой обычно понимается лицо, формально не входящее в состав ячейки террористической организации и самостоятельно совершающее террористический акт вследствие саморадикализации.

[15] См.: Роскомнадзор предупредил любителей Pokemon Go о мошенниках и засадах. URL: http://www.interfax.ru/russia/519331 (дата обращения: 12.02.2018).

Террористическая активность индивида в данном случае является спонтанным актом – следствием потребления экстремистского контента в Сети и виртуального общения в многочисленных радикальных каналах и группах, в ходе которого он «заражается» идеологией экстремизма и выходит на путь террора.

Этому предшествует активная пропагандистская кампания самой террористической и экстремистской организации, обеспечивающая ей привлечение внимания широкой аудитории и получение известности. На следующем этапе некоторым представителям привлеченной «паствы» даются указания о том, что они должны «делом» доказать свою верность идеям организации и подтвердить свою собственную решительность и храбрость. Форма этих указаний может быть различной: от размещения на видеохостинге обращения лидера террористической организации до распространения через тематические каналы в мессенджерах пропагандистских постов с соответствующими призывами.

Так, в выпущенном летом 2016 г. проигиловской хакерской группой «Объединенный киберхалифат» (United CyberCaliphate) пропагандистском постере был размещен прямой призыв к совершению убийств «неверных» в качестве «мести за мусульман»: «О, львы-одиночки, разбросанные по всему миру. Убивайте крестоносцев, где бы вы их ни встретили. За их войну против Ислама и муджахидов. Убивайте их решительно. Убивайте их жестоко».

Для совершения одиночных атак сторонникам запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» (далее – ИГИЛ)*[16], было рекомендовано использовать любые доступные средства – ножи, топоры, автотранспортные средства, огнестрельное оружие и т. д. В этом, на наш взгляд, кроется одна из причин всплеска террористических атак в Европе, поскольку заметно упрощается процесс приготовления к совершению преступления и существенно расширяется круг его потенциальных исполнителей (ведь кухонный нож или топор, в отличие от взрывчатки, может приобрести и использовать любой желающий).

Основной аудиторией отмеченной пропагандистской кампании ИГИЛ* на Западе стала молодежь из миграционных волн («беженцев»), затопивших Европу в 2014–2017 гг.

[16] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «ИГИЛ» (Исламское государство)* признана террористической организацией и запрещена в России.

Их значительно больше, чем «коренных» молодых людей. Они не имеют желания адаптироваться к европейской культуре, работать «в поте лица» ради пропитания, не знают европейских языков (и не стремятся их изучать). Получение статуса беженца и вида на жительство в Европе позволяет этим молодым людям свободно перемещаться в пределах Евросоюза.

Отсутствие необходимости ходить на работу, получая пособие (за сам факт своего проживания в Европе), с одной стороны, позволяет им не заботиться о пропитании и жилье, с другой – ломает поведенческие стереотипы и ведет к формированию реактивного психоза. Таким способом они вынужденно концентрируются вокруг мечетей и молельных домов, по сути, являющихся «точками халифата»[17], а также общаются в специализированных группах социальных сетей. Практически для всех из них характерен «миграционный психоз»[18], проявляющий себя в повышенной агрессивности и гиперсексуальности. Для молодых мигрантов характерна высокая внушаемость, особенно если субъект внушения говорит с ними на понятном для них языке. Комплекс этих и иных факторов способствовал совершению ими многочисленных актов одиночного террора в европейских городах в период 2015–2018 гг.

В России, в отличие от стран Европы, пока ситуация не столь критичная. Как отмечают эксперты, «просмотр материалов запрещенного в России ИГ* и онлайн-радикализация в большинстве случаев не влияют на поведение в реальной жизни. Страх погибнуть или быть арестованным пересиливает все блага, которыми джихадисты прельщают потенциальных мучеников. Поэтому их "амалии" носят куда меньшие масштабы: вместо взрывов – раскрашенные автомобили, вместо казней – травля популярных в Интернете блогеров… Лишь отдельные личности из числа подписчиков подобных каналов рискуют последовать методичкам, остальные же продолжают оставаться "опасными" лишь на просторах Сети. И отчаянно нуждаются в примере, который их "вдохновит". Поэтому версии об аффилированности 22-летнего смертника Акбаржона Джалилова с

[17] «Точечный халифат» в Европе. URL: https://ria.ru/analytics/20160125/1363435503.html (дата обращения: 15.05.2018).

[18] Миграционный психоз. URL: https://bib.social/psihiatriyapsihologiya_915/migratsionnyiy-psihoz-113150.html (дата обращения: 15.05.2018).

ИГ* служат "диванным муджахидам" доказательством могущества террористов и косвенно призывают их к активным действиям»[19].

Тем не менее в России за последние годы также были совершены несколько нападений «волков-одиночек» (террористический акт на Джемикентском посту ГИБДД в Дагестане 15 февраля 2016 г., нападение на пост ДПС в Московской области 17 августа 2016 г., ножевая атака в Сургуте 19 августа 2017 г.). Последний резонансный случай имел место 18 февраля 2018 г. в г. Кизляре Республики Дагестан, где местный житель 1995 г. расстрелял из охотничьего оружия прихожан, выходивших из православной церкви. Позже в сети Интернет было опубликовано видео, на котором исполнитель теракта принес присягу («байат») лидеру ИГИЛ* Абу Бакру Аль-Багдади[20].

Наряду с совершением террористических актов и иных насильственных нападений, формой бесструктурного участия лиц в экстремистской деятельности может выступать проведение ими пропагандисткой деятельности. Наиболее успешно данную форму бесконтактного вовлечения использовала МТО ИГИЛ*.

Как показал исследователь Ч. Уинтер на основе анализа методического документа ИГИЛ* по пропаганде под названием «Медиа-оператор, ты тоже моджахед!», данной террористической организацией в агитационной работе уделяется существенное внимание стимулированию своих сторонников к ведению индивидуальной пропаганды, которая позиционируется как одна из самых значимых форм джихада. В указанном документе говорится: «Братьям медиа-операторам ИГ*: вы должны знать и быть убежденными в том факте, что ваша работа – это тоже джихад во имя Аллаха и что вы, выполняя ее, являетесь муджахидами, следующими по пути Аллаха». Далее следует обсуждение критических аргументов против такой формы «джихада»: «Некоторые критикуют "медиаоператоров" за то, что они ведут словесный джихад, сидя на диванах в прекрасных домах. Наоборот, "медиа-операторы" находятся на передовой, в самом сердце войны, в самом пекле битвы. Плечом к плечу со своими братьями, они сражаются с врагами Аллаха в этом мире, высоко поднимая знамя джихада. Они преломляют хлеб свой с ними, повсюду

[19] Мамкины шахиды. Почему российские подростки становятся террористами. URL: https://lenta.ru/articles/2017/04/07/ diwan/ (дата обращения: 09.04.2017).

[20] Кровавое воскресенье: в Дагестане расстреляли православных. URL: https://lenta.ru/brief/2018/02/18/dagestan/ (дата обращения: 19.02.2018).

сопровождают их, спят на голой земле рядом с ними… Не будет преувеличением сказать, что медиа-оператор – это мученик без "пояса шахида". Этот титул они заслужили»[21].

Как справедливо резюмирует сам автор, «обещание активного, но не представляющего большого риска участия в джихаде оказалось исключительно привлекательной идеей для многих тысяч людей во всем мире»[22]. Именно она, в сочетании с мощной пропагандистской машиной террористической организации, позволила сформировать децентрализованную сеть распространения радикальной исламистской идеологии в глобальном масштабе.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность не только стали реальностью, но и получают все большее распространение. В связи с этим можно прогнозировать в ближайшем будущем распространение краудсорсинговых преступлений или даже возникновение краудсорсингового террора. Такие необходимые для совершения теракта функции, как разведка, рекогносцировка местности, перевозка и доставка грузов, логистика, можно делегировать ничего не подозревающим игрокам. Человек думает, что участвует в интерактивном квесте, а на самом деле он используется «вслепую» террористами. Технология Alternate Reality Games (игр в альтернативной реальности) предполагает анонимность организаторов и непредсказуемость сценариев. Все эти факторы, вместе взятые, открывают безграничные возможности для манипулирования людьми.

[21] Winter, Ch. Media Jihad: The Islamic State’s Doctrine for Information Warfare Ch. Winter // International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence. 2017.

[22] Там же.

2.7. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи[1]

Интенсивное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, наряду с позитивными изменениями в жизни общества, создает новые вызовы, содержит в себе риски деструктивного влияния на детей и молодежь. По данным ООН, более миллиона детей и подростков в мире ежегодно подвергаются различным формам противоправных посягательств, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В условиях пандемической и постпандемической реальности социальные сети и новые массмедиа приобретают особую значимость для всех групп населения как основные источники жизненно важной информации. При этом уровень доверия к этим источникам у молодежи максимален[2].

Об угрозе радикализации детей и молодежи через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (далее – Интернет) заявил Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, который 27 апреля 2020 г. отметил, что в условиях пандемии ситуация значительно ухудшилась: свыше 1,5 млрд детей в мире из-за распространения нового коронавируса не ходят в школу и много времени проводят в Интернете, что увеличивает риск их радикализации и вербовки экстремистскими группировками. «Мы уже видим, что (экстремистские) группы пользуются карантинными мерами и активизируют усилия по пропаганде через социальные сети и привлечению на свою сторону молодых людей, которые все больше времени проводят дома и сидят в Интернете»[3], – подчеркнул Генеральный секретарь ООН. Тем самым информационная война в условиях пандемии не только не стихает, но и приобретает новые, более изощренные формы.

Информационные каналы в Интернете, благодаря своим техническим возможностям, наращивают скорость подачи и объемы информации. Как следствие – у потребителей этой информации снижа-

---

[1] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. «Токсичный» контент в сети интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. 2020. № 4. С. 35–44.

[2] См.: Марков А. Информационная безопасность в условиях пандемии COVID-19. URL: https://russiancouncil. ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnayabezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/?sphrase_ id=35369216 (дата обращения: 05.05.2020).

[3] Гутерриш заявил об угрозе радикализации через Интернет более 1,5 млрд детей. URL: https://tass.ru/obschestvo/8347533 (дата обращения: 10.06.2020).

ется возможность сформировать свою версию происходящих событий: человек начинает жить в рамках навязанных ему интерпретаций.

Деструктивное информационное влияние на интернет-аудиторию оказывается через распространение «токсичного» контента.

«Токсичный» контент

Под «токсичным» контентом мы понимаем различные виды негативной информации, оказывающей деструктивное психологическое воздействие на личность, социальные группы и общество в целом.

Термин «токсичный» изначально имеет значение «ядовитый» и определяется как способность некоторых химических или биологических веществ нарушать нормальные физиологические функции организма человека, животных или растений, вызывая его отравление (интоксикацию), а при тяжелых поражениях – гибель[4].

Однако в последнее время данный термин стал использоваться в иных предметных контекстах. Стало принято говорить о токсичных отношениях, людях, культурах. В 2018 г. Оксфордский словарь выбрал его словом года[5].

Используя данный термин в своей статье, мы исходим из возможности токсичного контента оказывать отравляющее воздействие на индивидуальное и групповое сознание и, возможно, бессознательное.

В научной литературе и правовых актах выделяют множество видов негативного контента. Например, В.Н. Лопатиным в качестве «вредной» информации идентифицированы: информация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; призывы к войне; пропаганда ненависти, вражды и превосходства; порнография; посягательство на честь, доброе имя и деловую репутацию людей; реклама (недобросовестная, недостоверная, неэтичная, заведомо ложная, скрытая); информация, оказывающая деструктивное воздействие на психику людей[6].

---

[4] См.: Уткин Ю. Н. Токсичный // Большая российская энциклопедия: электронный ресурс. URL : https://bigenc.ru/ chemistry/text/4195484 (дата обращения: 12.10.2020).

[5] Оксфордский словарь выбрал слово года – «токсичный». Это и яды, которыми травили Скрипалей, и «токсичные отношения». URL: https:// meduza.io/feature/2018/11/15/ oksfordskiy-slovar-vybralslovo-goda-toksichnyy-eto-ne-tolko-pro-yady-est-toksichnayamaskulinnost-i-toksichnye-otnosheniya (дата обращения: 12.10.2020).

[6] Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2000.

В аналитическом докладе «Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики» 2013 г. назывались следующие категории интернет-контента, которые подвергаются фильтрации в странах мира[7]:

политический контент (сайты оппозиционных и правозащитных движений, религиозных движений и сект, информация об этнических меньшинствах);

социально опасная информация (порнография, ЛГБТ*[8] пропаганда, разжигание национальной и религиозной розни, призывы к насилию);

контент, связанный с национальной безопасностью (сайты террористических и экстремистских организаций, ресурсы военных противников, ресурсы с конфиденциальными данными и др.); сайты и сервисы, нарушающие экономические интересы (файлообменные сайты и торенттрекеры);

специализированные интернет-инструменты и социальные сервисы (поисковые сервисы, социальные сети, онлайн-переводчики).

В методологическом плане решение задачи определения видов контента, который идентифицируется как токсичный (негативный, вредный, опасный), и составление его общего перечня может быть осуществлено несколькими способами. Основным из них является аналитический метод, предполагающий вычленение и указание видов негативного контента, закрепленных в международных договорах и национальном законодательстве. Для этого используется сравнительно-правовой метод исследования.

Вместе с тем существует и другой возможный подход, который можно обозначить как *сущностный метод*. Он предполагает выделение и обоснование критериев вредоносности контента, на основе применения которых динамически выявляется и корректируется перечень деструктивной информации. В определенном смысле его можно сравнить с проактивным принципом работы антивирусных программ, отличающимся от традиционного сигнатурного тем, что вирус обнаруживается не путем сравнения его с эталонным перечнем, а посредством описания и детекции признаков вредоносности. В рамках сущностного метода требуется установить и доказать деструк-

[7] См.: Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики: аналитический доклад / Фонд развития гражданского общества, 2013.

[8] Упоминаемое в статье движение «ЛГБТ»* признано экстремистской организацией и запрещено в России.

тивность того или иного контента на основе определенной процедуры.

Авторское применение первого метода позволило составить обобщенный перечень такого контента, который включает в себя следующие виды информации[9]:

1) информацию, пропагандирующую либо оправдывающая войну и иные международные преступления;

2) информацию, пропагандирующую либо оправдывающую терроризм, иные преступления и правонарушения;

3) информацию, разжигающую расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду, пропагандирующую либо оправдывающую экстремистскую деятельность;

4) информацию, оскверняющую историческую память, символы воинской славы или государственные символы;

5) информацию, оскорбляющую религиозные чувства верующих;

6) информацию, отрицающую или дискредитирующую традиционные ценности, пропагандирующую деструктивные ценности и установки;

7) информацию, пропагандирующую либо оправдывающую насилие и жестокость, девиантное поведение, а также действия, опасные для жизни и здоровья человека;

8) информацию о способах и средствах совершения преступлений, иных правонарушений или антиобщественных действий, а также действий, опасных для жизни и здоровья человека;

9) сексуально откровенный контент и иную непристойную информацию;

10) нецензурную брань;

11) контент устрашающего характера, включая изображение или описание насилия, жестокости, катастроф или несчастных случаев;

12) заведомо ложную информацию;

13) дискредитирующую информацию;

14) скрытую информацию, воздействующую на подсознание человека;

15) рекламу товаров и услуг, которые могут причинить вред жизни и здоровью человека.

---

[9] См.: Смирнов А.А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // Информационное право. 2015. № 2. С. 18–25.

В плане правового регулирования негативный контент в законодательстве большинства западных стран (США, государств – членов ЕС) подразделяется на две категории: незаконный и вредный, правовые режимы оборота которых отличаются. Под *незаконным контентом (illegal content)* понимается законодательно запрещенная информация, производство и (или) распространение которой является преступлением или административным правонарушением. Такого подхода, в частности, придерживается Международная ассоциация «горячих интернет-линий» INHOPE (http://www.inhope.org). Хотя иногда к незаконному относят контент, преследуемый по гражданскому законодательству. Под *вредным контентом (harmful content)* понимается иная общественно опасная информация, которая не запрещена уголовным или административным законодательством, но для которой установлены определенные ограничения на ее распространение. В обоих случаях критерии вреда для информации остаются разными на территории разных стран – каждое государство само решает, что считать законным или незаконным на основании различных культурных, моральных, религиозных и исторических признаков и конституционных ценностей. Данный методологический подход используется и в отечественной законотворческой практике.

В силу ряда особенностей, включая децентрализованный характер распространения контента, Интернет насыщен значительным объемом токсичного контента. Особенно в этом плане выделяются социальные сети, контент в которых генерируется самими пользователями.

Специалисты российской компании «Крибрум», занимающейся мониторингом Интернета, отмечают высокую распространенность в социальных медиа негативной информации и виртуальных сообществ деструктивной направленности: «На сегодняшний день в деструктивные течения в Рунете вовлечены порядка 5-ти миллионов аккаунтов российских подростков (35 % от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти. За период с января 2018 г. по март 2019 г. обнаружен стабильно высокий, растущий деструктивный фон, особую опасность представляют следующие темы: наркомания, ультрадвижение, анархия»[10].

[10] Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. М.: Крибрум, 2019.

Особенности молодежной среды Интернета

Результаты исследования лиц, склонных к радикализации через Интернет[11], позволили выделить их общие социальные черты. Прежде всего, в этот процесс в основном вовлечены молодые люди, поскольку молодежь, как правило, чувствует себя в интернет-среде более комфортно. Люди старшего возраста привыкли к личному общению. Эта поколенческая динамика отчасти прослеживается и среди ученых, занимающихся исследованиями в сфере радикализации.

Формирование своеобразия современной молодежи определяется тремя значимыми факторами: *прохождением обществом постиндустриального барьера* (развитие автоматизированных производств на границе 90-х стало гарантированно обеспечивать витальные функции всего человечества), *созданием глобальной цифровой платформы* (обеспечение возможности мобильного коммуницирования через «виртуальную реальность») и, наконец, *смещением плотности населения к городским агломерациям* (в начале XX в. соотношение сельских и городских жителей было 80/20, в XXI в. – 20/80 %). Глобальные лонгитюдные исследования, проводимые с конца 80-х гг. XX в., зафиксировали стадийное *«катастрофическое нарастание патофеноменов в детской популяции»* – различных форм делинквентного и девиантного поведения (агрессивное поведение, токсикомания, речевые расстройства) – «в целом учебную и социальную неуспешность», а также ухудшение состояния здоровья школьников[12] (ныне молодых людей, включающихся в основные звенья производства и управления). Но патологический дизонтогенез в популяции проявляет себя и через описательные признаки.

Во-первых, это *ограничение способности к целенаправленной деятельности* (целеполаганию и самоорганизации), отсюда – *невозможность нормального взаимодействия в социальной группе.* Непосредственное общение этих молодых людей со сверстниками вызывает трудности, но если общаться через технический посредник (гаджет-коммуникатор), проблема легко решается[13]. Y-ки и Zеты не по-

[11] См.: Сундиев И.Ю. Эволюция способов вовлечения в террористическую деятельность с использованием информационных технологий // Вестник национального антитеррористического комитета. 2019 (20). № 1. С. 80–88.

[12] См.: Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: учеб. пособие. М.: Генезис, 2007. С. 33.

[13] В течение дня поколение Z проводит онлайн более семи часов – 3:45 с компьютера и 4:01 с телефона (данные Global Web Index).

нимают переносных значений и «игру» слов, не воспринимают юмор и не смеются над «классическими» анекдотами и шутками (опять же заменяя в «виртуале» мемами и демотиваторами)[14]. В свою очередь, *отсутствие результатов социально значимой деятельности приводит к потере «обратной связи» – индивид становится склонным значительно завышать собственную самооценку (эффект Даннинга-Крюгера)*[15] и не может реально *соотносить* свои результаты с реальными результатами деятельности других.

Крайне драматичными являются признаки утраты эмпатии – «эмоционального сострадания» (восприятия чужой боли, физической и душевной, как своей собственной); эмпатия – важнейшее свойство для формирования морально-нравственных качеств личности, без которых общество не может развиваться. Именно поэтому поток «чернухи» из средств цифровой коммуникации не воспринимается как шоковый стимул, не отторгается, не игнорируется. Также утрата эмпатии приводит к потере социально-исторической субъектности – неспособности индивида соотносить результаты своей деятельности с достижениями предшествующих поколений.

Одновременно фиксируется *снижение либидо* (либо инверсия и патологические влечения), вызванное незрелостью, а, значит, функциональной недостаточностью стволовых отделов головного мозга (особенно, ретикулярной формации). Если X и Y были «живчивками», то Z не проявляют «непреодолимого интереса» к противоположному полу (заменяя суррогатным или виртуальным сексом, тем более что непосредственное «общение» затруднено или невозможно в силу несложившихся коммуникативных качеств). Они не стремятся к семейной жизни, тем более «заводить детей», поскольку для них это просто «неинтересно» и «противно». Отсюда – движение *childfree* – пожить для себя любимого.

У представителей этих поколений имеется *упрощенное представление о реальности:* поскольку отсутствует необходимая диффе-

[14] Американские ученые Нейл Хоув и Уильям Штраус предложили в 1991 г. теорию поколений, согласно которой каждые 20–25 лет появляется новое поколение людей, которое отличается от предыдущих привычками, характером, ценностями и целями: молчаливое поколение (родившиеся в 1923– 1943 гг.); беби-бумеры (родившиеся в 1943–1963 гг.); поколение X (родившиеся в 1963–1984 гг.); поколение Y (родившиеся в 1984–2004 гг.); поколение Z (родившиеся в 2004 г. и младше).

[15] Justin Kruger, David Dunning. Unskilled and Unaware of It: How Diffi culties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Infl ated SelfAssessments // Journal of Personality and Social Psychology: 2009, January.

ренциация «функциональных блоков мозга», то и картина мира строится из «крупных пикселов», а не предстает в «качественном» высоком разрешении. Такой ребенок, «внезапно» ставший взрослым, «не видит проблемы» и «сложностей» в любой области, не различает препятствий и возможных трудностей – целеполагание не работает, а огрубленный «образ цели» долго не удерживается вниманием[16].

Криминологически значима их *психологическая лабильность:* из-за недоформированности «тормозных центров» лобных отделов – склонность к социальным девиациям, суициду, агрессии. Поскольку девиации скомпенсировать невозможно, *«онижедети» легко вовлекаются в деструктивные процессы – становятся орудием для социальной деструкции*[17].

Утрата черт социальной субъектности приводит к тому, что индивиды легко вовлекаются в деструктивную социальную деятельность через широкий спектр новых форм специфической сетевой организации (табл.).

Еще один патологический феномен, характерный для Zетов, – *возникновение «роевой» неспецифической субъектности*. Недостаточность функциональных блоков мозга компенсируется через сетевые взаимодействия посредством современных средств электронной коммуникации – интернет-мессенджеров. Можно сказать, что «сеть» как форма организации позволяет заместить недостающие функции полноценной социальной субъектности.

[16] Удержание образа будущего требует напряженной работы лобных отделов мозга – вытормаживать мешающие, борющиеся за доминирование другие информационные блоки. Отсюда и невосприимчивость к различным эстетическим формам, «эстетическая слепота» и «когнитивная слепота».

[17] По мнению американского исследователя М. Хогга: «Такие люди легко становятся фанатиками и радикалами. …Людям всего лишь нужен кто-то, кто скажет им, что делать. … источником информации и влияния в большинстве случаев становится Интернет – вебсайты, социальные сети, каналы в Twitter, подкасты и многое другое. Интернет – идеальное место для избавления от дискомфорта, связанного с неуверенностью в себе. …В Интернете можно с легкостью найти группы, которые малодоступны в обычном мире. …В этих замкнутых социальных вселенных определяются контуры "истины"». (См.: Хогг М. Радикальные изменения. Неопределенность окружающего мира угрожает нашему самоощущению. Люди справляются с этим благодаря увлечению популизмом. URL: http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/11/radikalnyeizmeneniya.pdf (дата обращения: 10.06.2020)).

Таблица

Морфологическая обусловленность девиантного поведения

Новые формы девиантного поведения поколений Y, Z	**Дизонтогенетические патофеномены**
Скулшуттинг[18]	Психологическая лабильность, отсутствие эмпатии
Буллинг	Отсутствие эмпатии
Троллинг	Перенаправление эвристики и творческих способностей в виртуальную область, отсутствие эмпатии
*Колумбайн**	Отсутствие эмпатии, невозможность нормального взаимодействия в социальной группе
Суицидальные квесты	Психологическая лабильность
Убер-терроризм	Психологическая лабильность, отсутствие эмпатии, невозможность нормального взаимодействия в социальной группе, упрощенное представление о реальности
Протестные акции и флэшмобы	Психологическая лабильность, упрощенное представление о реальности
Чайлд-фри, гомосексуализм и др.	Снижение либидо, инверсия либидо

Экстремистский контент и угроза радикализации

Одним из наиболее опасных видов токсичного контента в Сети выступает *экстремистский контент* – информация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду и стимулирующая насилие.

Потребление экстремистского контента может приводить к вступлению человека в радикальные асоциальные сообщества или способствовать его саморадикализации. В обоих случаях результатом может стать совершение террористического акта или нападения по мотивам ненависти или вражды к определенным группам.

Специалистами неоднократно отмечалось, что Интернет выступает подходящей средой для формирования различных групп девиантной направленности. Я. Костюковский так описывает данный процесс: «Человек, который интересовался чем-то и имел вполне

[18] Упоминаемое здесь и далее в статье движение «Колумбайн» («Скулшутинг») признано террористической организацией и запрещено в России.

девиантное увлечение, но никогда особо не задумывался над этим, вдруг встречает не только информацию, точно совпадающую с его интересами, но получает теоретические и практические сведения, точный диагноз и название этих интересов, возможность общаться с коллегами, и наконец, встречаться с ними не только в виртуальном мире»[19].

Описанный механизм четко прослеживается на примере экстремистских виртуальных сообществ. Давид Гартенстайн-Росс подчеркивает, что «в Интернете, независимо от того, во что вы верите и как далеко заходите в своих убеждениях, легко найти тех, кто разделяет ваши взгляды. Интернет позволяет стать частью сообщества единомышленников, даже если объединяющие идеи являются экстремистскими – будь то радикальный исламизм, белый национализм, неонацизм или радикализм сторонников освобождения животных. Люди, высказывающие в Сети радикальные взгляды, могут найти тех, кто задается аналогичными вопросами, придерживается таких же крайних представлений о мире или же стремится обратить в свою веру новых сторонников»[20].

В составе террористических и экстремистских организаций действуют опытные вербовщики, которые могут самостоятельно отыскивать потенциальных кандидатов и проводить вербовочные мероприятия. «Классической» можно считать схему вовлечения, состоящую из двух этапов.

На *первом этапе* общения в социальных сетях потенциальные объекты для вовлечения в экстремистские и террористические организации подвергаются убеждающей коммуникации и навязыванию им (отдельным реципиентам и группам) специфической системы ценностей через контент общения. Общий контекст такого воздействия выстраивается на продвижении стереотипов, предрассудков и предубеждений, разделяющих людей на «своих» и «чужих». Под воздействием такого рода коммуникации реципиенты постепенно меняют свои установки и поведение. Под воздействием массированной пропаганды они становятся последователями продвигаемых деструктивным сообществом идей и начинают действовать в соответствии с

[19] Костюковский Я. Девиантогенные эффекты Интернета // Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 287.

[20] Радикализация и насилие в интернете // Российский совет по международным делам. 14 июня 2013 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/radikalizatsiya-i-nasilie-v-internete/? sphrase_id= 37561508 (дата обращения: 10.06.2020).

нормами и моделями поведения, принятыми в данных деструктивных сообществах.

На *последующем этапе* происходит селекция: реципиенты, проявившие высокую восприимчивость к предлагаемым идеям и ценностям и обладающие необходимыми способностями, вовлекаются в данные сообщества и становятся их членами. Их сознание подвергается насильственному изменению, запускается механизм контроля сознания членов лидерами этих подгрупп. Деструктивные сообщества через современные информационно-коммуникационные технологии воздействуют на сознание молодых людей, трансформируют их мировоззрение и установки, изменяют их личность, превращая их в орудие для реализации различных деструктивных целей и задач сообщества[21]. Реципиенты с выраженной психопатологией, психологически неустойчивые, с низким уровнем социально-нравственного развития становятся объектами бесструктурного и бесконтактного воздействия и подготавливаются в основном *для акций насыщающего террора*[22].

Что касается процесса саморадикализации, то он предполагает самостоятельный поиск и потребление контента террористической и экстремистской направленности, в результате чего лицо усваивает экстремистскую идеологию и приходит к психологической готовности к совершению теракта или иного насильственного преступления.

Основным каналом саморадикализации в современном мире выступают интернет-ресурсы – интернет-сайты, видеохостинги, социальные сети и мессенджеры. Содержащийся в них контент можно условно разбить на две большие группы – пропагандистские и новостные материалы, подготовленные основными медиацентрами террористических организаций, и продукция индивидуальной сетевой активности сторонников экстремизма. Во втором случае в основном идет речь о текстовых и голосовых сообщениях, которые распространяют участники многочисленных радикальных чатов и форумов, функционирующих преимущественно на базе мессенджеров (Telegram, WhatsApp, Skype) и имиджбордов (4chan, 8chan, Gab).

---

[21] См.: Лири Т., Стюарт М. Технологии изменения сознания в деструктивных группах / пер. с англ.; под ред. И. Митрофановой. СПб.: Экслибрис, 2002.

[22] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Андрюхин Н.Г. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Научный портал МВД России. 2018. № 2. С. 52–60.

Очевидно, что заходящий на тематические ресурсы или подписывающийся на соответствующий канал индивид делает это не случайно, а уже имея определенный первичный интерес, который может быть детерминирован разными причинами (любопытство, состояние депрессии или озлобленности, решение проблем статуса в молодежной группе). В дальнейшем, потребляя экстремистский контент и активно обсуждая радикальные идеи в виртуальных форумах, индивид может радикализоваться и начать подготовку террористического акта. Параметры протекания данного процесса будут во многом зависеть от его индивидуальных психологических особенностей[23].

Отдельным направлением радикализации выступает вовлечение широких масс в противоправные публичные акции. Социальные сети и мессенджеры стали основным каналом мобилизации массовых протестных мероприятий. В качестве последнего примера можно привести Республику Беларусь, в которой основным информационным каналом для стимулирования радикализации стал телеграм-канал Nexta, имеющий также «зеркала» (дубли) и на других цифровых платформах.

По мере совершенствования технологий коммуникации возникают новые способы организации протестной деятельности. Например, весной 2020 г. в нашей стране были проведены «виртуальные митинги» с использованием «Яндекс навигатора». Митинги, в которых люди участвовали, не выходя из дома, прокатились по стране в последние дни апреля. Волну подняли жители Ростова-на-Дону. Визуальное пространство карты перед зданием администрации региона заполнилось метками-комментариями с помощью сервисов «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор» и их элемента для текстовых комментариев – сервиса «Разговорчики». Начиналось это как флэшмоб граждан, недовольных плохой организацией выдачи пропусков в «режиме повышенной готовности», но быстро превратилось в «виртуальный» митинг с политическими и экономическими требованиями: введения ЧС, помощи тем, кто остался без работы и так далее.

Таким образом, можно констатировать, что формы политической активности (митинги, демонстрации, пикеты и т. д.) успешно переходят в онлайновые формы в цифровой среде и при дальнейшем развитии технических и сценарно-структурных элементов могут стать не менее значимыми, чем «классические».

[23] См.: Смирнов А., Андрюхин Н. Терроризм одиночек как современная форма террористической деятельности // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 91–109.

Противодействие «токсичному» контенту в Интернете

Мировой опыт противодействия токсичному контенту в Интернете показывает, что оно включает в ряд направлений:

1) мониторинг интернет-пространства в целях выявления токсичного контента;

2) уголовное или административное преследование либо привлечение к гражданской ответственности лиц и организаций, создающих и распространяющих негативных контент;

3) удаление или ограничение доступа к токсичному контенту в Сети;

4) информационно-просветительскую и контрпропагандистскую работу в Сети.

Широко используемый способ блокировки запрещенных материалов имеет ограниченную эффективность, поскольку зачастую способствует перемещению противоправного контента на другую вебплатформу или уходу в теневой Интернет (DarkNet). Тем не менее этот метод работает, особенно если к данному процессу активно подключается администрация самих социальных сетей и мессенджеров. Например, в мессенджере Telegram создан канал ISIS Watch, который в ежедневном режиме публикует данные о блокировке каналов распространения террористического контента и используемых для этих целей ботов.

Решение указанных проблем предопределяет необходимость комплексного подхода, включающего в себя как использование адекватных инновационных технических средств выявления, мониторинга и пресечения асоциального контента, так и широкого внедрения в онлайн-среду специально подготовленных сил реагирования (киберполицейских не только с техническим, но и психологическим, педагогическим, историческим, иным гуманитарным образованием). С учетом того, что в настоящее время киберпреступность становится ядром современной преступности, представляется необходимым экстенсивное наращивание полицейского присутствия в интернет- и онлайн-среде с одновременной интенсификацией антиэкстремистской деятельности при дополнительной гуманитарной поддержке (социальный онлайн-мониторинг) подростков и молодежи, склонных к радикальным проявлениям.

Эффективно противодействовать негативному контенту, способствующему вовлечению молодежи в деструктивную деятельность

посредством масс-медиа и сети Интернет, необходимо комплексно, в первую очередь с помощью организационно-правовых, информационных и оперативно-розыскных мер. Приоритетное внимание необходимо уделять контрпропагандистской работе, направленной на нейтрализацию экстремистской и иной деструктивной деятельности[24].

[24] См.: Смирнов А.А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: науч.-практ. пособие / под ред. А.П. Новикова. М.: АТЦ СНГ, 2020.

2.8. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции[1]

Игра – древнейший, «докультурный» уровень формирования знаний, умений и навыков, в том числе межличностного взаимодействия. По мере развития человеческой культуры игры развивались, усложнялись, дифференцировались по социальным группам и целевому назначению[2].

Информационная революция и развитие информационно-коммуникационных технологий предопределили переход к созданию методов трансформации личности в заданном направлении – через внедрение игровых методик в различные области социальной деятельности. Например, в докладе «Будущее образования: глобальная повестка»[3] в разделе 3.4 – «ТОТАЛЬНОСТЬ ИГРЫ» сказано: «*наиболее успешными являются игровые развивающие трансмедийные продукты длительного пользования, "взрослеющие" вместе с ребенком; в перспективе именно "длинные" игры, существующие в виде шоу, дополненной реальности и других медиа, станут одним из основных форматов детского образования...*». Согласно представленной программе уже с начала 2020-х гг. виртуальные миры будут массово использоваться как «пространства передержки» и профессиональной переквалификации – как дешевая альтернатива системам переподготовки при центрах занятости.

Как и все новые социальные технологии, ***геймификация*** активно используется современными экстремистскими и террористическими организациями для бесконтактного и бесструктурного вовлечения игроков в преступные акции[4]. Террористы занимаются вербовкой молодежи в чатах сетевых компьютерных игр, а также

---

[1] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции // Научный портал МВД России. 2021. № 3. С. 39–51.

[2] Хайзинга Й. Homo Ludens. М., 1987.

[3] Будущее образования: глобальная повестка. Сколковский институт науки и технологий. URL : http:// rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ ru_full.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

[4] См.: Геймификация: игровые методики для мотивации человека // MENTAMORE. 2019. 31 дек. URL: https:// mentamore.com/covremennye-texnologii/gejmifikaciya.html (дата обращения: 09.04.2021).

создают клоны игр с имитацией терактов. Об этом сообщил, выступая на открытии IX Московской конференции по международной безопасности 23 июня 2021 г., директор ФСБ России Александр Бортников: «В особой группе риска молодежь, психологическая обработка которой ведется в социальных сетях и игровых чатах популярных многопользовательских компьютерных игр. Более того, исламистские группировки уже вышли на уровень создания собственных клонов таких игр, которые позволяют воздействовать на сознание потенциальных сторонников терроризма и экстремизма не только через голосовое общение, но и путем включения пользователя в игровые ситуации совершения терактов»[5].

Понятие, сущность и содержание геймификации как социальной технологии

Понятие ***геймификации*** обычно определяется как «использование игровых методик в неигровых контекстах»[6]. Сам термин является транслитерацией англоязычного аналога «gamification» (он был предложен английским программистом Ником Пеллингом в 2002 г.).

Непосредственные причины широкого использования геймификации во многом связаны с ростом индустрии компьютерных игр и активным увлечением ее продукцией молодежи. По мнению западных исследователей, компьютерные игры заменили музыку в качестве наиболее значимого компонента молодежной субкультуры[7]. Ресурс Adweek отмечал весной 2020 г., что доходы бизнеса компьютерных игр в США составляют 139 млрд долларов. Эта сумма превышает совокупные доходы НХЛ, НБА, Национальной футбольной

[5] Бортников заявил, что террористы создают клоны компьютерных игр с имитацией терактов // ТАСС. 2021. 23 июня. URL: https://tass.ru/obschestvo/11723253 (дата обращения: 23.06.2021).

[6] Deterding S., Dixon D., Khalad R. & Nacke L. From game design elements to gamefulness: Defining ‘gamification’ // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments (MindTrek '11). ACM. – NewYork. NY. USA. 2011. P. 9–15.

[7] См.: Monahan S. Video games have replaced music as the most important aspect of youth culture // The Guardian Mon. 2021. 11 Jan. URL: https://www.theguardian.com/ commentisfree/2021/jan/11/video-games-music-youthculture?fbclid=IwAR0zH5C_eioD53G_aZcyIOBIA 7hdvUOfa01558 HitbZo5A5XToD6S_Vp9wg (дата обращения: 08.04.2021).

лиги и Главной лиги бейсбола США вместе взятых[8]. В 2020 г. мировая игровая индустрия заработала 180 млрд долларов – это на 20 % больше, чем доходы от спорта и кино по всему миру[9].

Процесс геймификации, связанный с применением игровых моделей в различных сферах деятельности, зависит не только от развития самих компьютерных игр, но и от иных компонентов цифровой среды: «удобство и распространение информационных технологий упростили процессы создания и внедрения элементов игры в социальное управление, снизили требования к необходимым организационным и материальным ресурсам для использования технологий геймификации, позволили эффектно оформлять игровые элементы»[10].

В. Меркурьев с соавторами выделяют ряд преимуществ технологии геймификации, связанных с психологическими особенностями личности[11]:

1. Использование потребности человека в целостных эмоциональных переживаниях – применение игры позволяет обеспечить единство мыслей, чувств и действий, пробудить творческий потенциал, усилить ощущение солидарности и конкуренции.

2. Принцип добровольности – принцип игры предполагает добровольное участие или создание подобного ощущения у игроков.

3. Вовлеченность участников в процесс – геймификация усиливает вовлеченность участников в процесс, используя потребности в достижении успеха и поощрении, познании, общении, влиянии на других.

4. Эксплуатация чувства безопасности – игровая форма снимает напряжение участников и обеспечивает им ощущение защищенности, отсутствия угроз из-за нереальности происходящего в игре.

---

[8] См.: Traeger P. Gaming as a Cultural Force Just Stepped to the Forefront of Entertainment // I-COM. 2020. April 29. URL : https://www.i-com.org/news-articles/gaming-as-a-cultural-force-just-stepped-to-the-forefront-of-entertainment (дата обращения: 08.04.2021).

[9] Monahan S. Video games have replaced music as the most important aspect of youth culture // The Guardian Mon. 2021. 11 Jan. URL: https://www.theguardian.com /commentisfree/2021/jan/11/video-games-music-youth-culture?fbclid=IwAR0zH5C_eioD53G_aZcyIOBIA7hdvUOfa01558HitbZo5A5XToD6S_Vp9wg (дата обращения: 08.04.2021).

[10] Меркурьев В. В., Хлопкова О. В., Клементьев А. С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 89.

[11] См.: Там же. С. 90.

5. Обеспечение эффекта «размытой ответственности» – участие в игре позволяет человеку снижать контроль и ответственность за свои поступки.

В качестве игровых элементов, применяемых при геймификации, выделяют: уровни (статусы), лидерборды (таблица лидеров рейтингов), бейджи (виртуальные награды), очки и баллы, шкалу прогресса, продвижение по уровням, дайджесты успеха, интерактивные элементы, виртуальную валюту, виртуальные товары (продукция, которая продается за виртуальные деньги)[12].

Выделено несколько игровых психотипов, проявляющихся в игре и обладающих определенным набором паттернов поведения: а) накопитель – игрок, для которого главной задачей является сбор всех бонусов и получение всех достижений; б) киллер – игрок, для которого главной задачей является победа над конкурентами. Им движет доминирование и жажда власти; в) исследователь – игрок, для которого важно изучить внутреннюю экосистему игры; г) общительный – игрок, для которого важен социальный контакт с другими пользователями или администрацией игры. Исходя из данной типологии можно подобрать игровую модель для взаимодействия с пользователями[13].

Следует отметить, что пандемия существенно усилила тенденцию роста востребованности компьютерных игр. По оценкам Nielsen, среднее игровое время в 2020 г. выросло на 30–40 %[14]. В социальном плане «широкое распространение и доступность игр и стриминговых сервисов превратили видеоигры в мощный инструмент влияния на аудиторию»[15].

Опыт и направления использования геймификации в террористической и экстремистской деятельности

Компьютерные игры как один из основных элементов массовой культуры были задействованы террористическими и экстре-

[12] См.: Руднева Т. Геймификация: что это такое, для чего нужно. URL: https://postium.ru/ gejmifikaciya-chto-eto-takoe/#:~:text=Геймификация%20 –%20это%20когда %20элементы,и%20обменяй%20их%20на%20приз» (дата обращения: 09.04.2021).

[13] См.: Там же.

[14] См.: Корешкова Т. Риски и угрозы, сопутствующие развитию индустрии киберспорта и гейминга. URL : https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming/ (дата обращения : 01.06.2021).

[15] СМ.: Руднева Т. Геймификация: что это такое, для чего нужно. URL: https://postium.ru/gejmifikaciya-chto-eto-takoe/#:~:text=Геймификация%20–%20это%20когда% 20элементы,и% 20обменяй%20 их%20на%20приз» (дата обращения: 09.04.2021).

мистскими организациями для достижения различных целей, включая вовлечение детей, донесение своих идей до широкой аудитории, усиление радикализации сторонников и интерактивное конструирование их идеальной реальности[16].

В киберпространстве с начала 90-х годов XX в. начался процесс стыковки технологий виртуальной реальности (ВР) с сетевыми технологиями. Первая такая реализация воплотилась в форме массовых многопользовательских сетевых ролевых игр (MMROPG). Получились настоящие обитаемые ВР-миры. ВР – это искусственный мир, генерируемый при помощи компьютеров, в который можно заходить, перемещаться, действовать и испытывать приключения. ВР может быть для индивидуального восприятия или для коллективного, как в MMROPG. В таких коллективных играх можно видеть других персонажей глазами своего персонажа, общаться с другими людьми через их персонажей и действовать с ними совместно.

Главная проблема – какой мир и какая реальность предлагаются в качестве поля взаимодействия. Компьютерная реальность может искажать у игрока историческую память (как, например, Blitzkrieg), может выключать эмпатию (Counter-Strike), может формировать установки на исключительно насильственные способы решения любых жизненных ситуаций. Сформировалась весьма своеобразная субкультура геймеров, часто теряющих границы между онлайном и офлайном[17].

В западной науке концепция геймификации была перенесена из сферы бизнеса в дискурс об экстремизме и радикализации преимущественно в связи с прямыми стримами нападений ультраправых террористов в Крайстчерче, Эль-Пасо и Галле. Хотя еще в 2011 г. американские консультанты по вопросам безопасности и внешней политики Дж. Брахман (J. Brachman) и А. Левин (A. Levine) отмечали использование принципов геймификации на сайтах джихадистской и праворадикальной направленности, стимулирующих

[16] См.: Schlegel L. Ready Player One: How Video Games Could Facilitate Radicalization Processes // European Eye on Radicalization. 2020. March 13. URL: https://eeradicalization. com/ ready-player-one-how-video-games-could-facilitateradicalization-processes/ (дата обращения: 17.01.2021); Сундиев И. Ю. Информационные технологии в экстремистской дея-тельности молодежных объединений // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 19–21.

[17] Степанцева О. Субкультура геймеров в контексте информационного общества: дис. … канд. культуролог. наук. – СПб., 2007.

активность их пользователей на основе конкуренции[18]. За прошедшие годы данный тренд получил дальнейшее развитие.

В настоящее время можно выделить несколько направлений и форм использования геймификации в террористической и экстремистской деятельности.

1. Использование образов из компьютерных игр в пропагандистских материалах.

Принимая во внимание широкую популярность компьютерных игр, экстремисты активно используют содержащиеся в них персонажи, эстетику и сюжеты в своей пропагандистской деятельности. В частности, эксперты обращали внимание на присутствие образов и даже реальных сцен из популярного игрового шутера Call of Duty в пропагандистских роликах джихадистских группировок[19]. В 2017 г. телеграмм-канал «Д///ихад» отметил появление кадров из онлайн-игры World of Warships в ролике ИГИЛ*[20]. Видеоряд с кораблями из игры возникает в самом начале экстремистского материала, который заканчивается казнью четырех пленников[21].

Ранее, в 2014 г., данное МТО выпустило видео, содержащее вырезанные и отредактированные минуты игрового сюжета Grand Theft Auto5. Ролик был сделан с целью вербовки молодых людей, транслируя посыл о том, что террористы «делают то, что вы выполняете в играх, в реальной жизни на поле боя». В нем демонстрируются кадры игры с нападением на военный конвой и убийством полицейских[22].

Еще одним наглядным примером геймификации террористической пропаганды является демонстрация экрана с вариантами оружия для совершения террористических атак в пропагандистском ролике ИГИЛ* «Побуждайте последователей» (Incite the Believers). Он

---

[18] См.: Brachman J., Levine A. The World of Holly Warcraft. How al Qaeda is using online game theory to recruit the masses // Foreign Policy. 2011. April 13. URL: https://foreignpolicy. com/2011/04/13/the-world-of-holy-warcraft (дата обращения: 19.03.2021).

[19] См.: Schlegel L. Can You Hear Your Call of Duty? The Gamifi cation of Radicalization and Extremist Violence // European Eye on Radicalization. 2020. March 17. URL: https://eeradicalization.com/can-you-hear-your-call-of-dutythe-gamification-of-radicalization-and-extremist-violence/ (дата обращения: 17.01.2021).

[20] Упоминаемая здесь и далее в статье организация «ИГИЛ» («Исламское государство)* признана террористической организацией и запрещена в России.

[21] См.: В ролике «Исламского государства» заметили кадры игры Worldof Warships. URL: https://lenta.ru/news/2017/04/06/is_wow/ (дата обращения: 14.05.2021).

[22] См.: Tassi P. ISIS Uses ‘GTA 5’ In New Teen Recruitment Video // Forbes. 2014. Sep. 20. URL: https://www.forbes. com/sites/insertcoin/2014/09/20/isis-uses-gta-5-in-newteen-recruitment-video/?sh=6f57b47e681f (дата обращения: 20.05.2021).

изображен по канонам компьютерных игр с указанием доступности оружия для игрока на текущем уровне. Также в ролике сочетается нарезка кадров компьютерной графики и реальных видеозаписей, что, по мнению экспертов, размывает границы между насилием в игре и в реальной жизни[23].

Таким образом, использование образов популярных компьютерных игр выступает действенным приемом пропаганды экстремизма. Западные эксперты дискутируют на счет того, охватывает ли такая пропаганда лишь адептов и сторонников экстремистских организаций либо способна влиять и на более широкую аудиторию[24]. На наш взгляд, верен второй вариант ответа и именно для этих целей радикалы задействуют узнаваемую символику наиболее рейтинговых и известных игр.

2. Использование онлайн-стримов в террористической и экстремистской деятельности.

Помимо непосредственных компьютерных игр, широкую популярность среди пользователей получили игровые ***стримы*** – видеотрансляции в Сети прохождения игры определенным игроком или группой игроков. Наиболее востребованной платформой для игровых стримов является Twitch[25].

За последние годы было зафиксировано несколько случаев ведения *стримов* непосредственно в ходе реализации терактов, которые по своей стилистике очень напоминают игровые трансляции компьютерных шутеров от первого лица (First-person Shooter, FPS). Такой прием был использован в одном из наиболее резонансных терактов второго десятилетия XXI в., совершенном в г. Крайстчерче в Новой Зеландии. Его исполнитель Брентон Таррант заранее анонсировал, а затем вел прямую трансляцию своего теракта на Facebook*[26] с помощью экшн-камеры. На видео нападавший комментировал ход атаки, как бы выступая перед аудиторией, и демон-

[23] См.: Wicks S. Islamic State's Use of Gamifi cation and Low-Tech Terror Tactics // Global Network on Extremism & Technology. 2020. September 2. URL: https://gnet-research.org/2020/09/02/iss-use-of-gamification-and-low-techterror-tactics/ (дата обращения : 27.05.2021).

[24] См.: Robinson N., Whittaker J. Playing for hate // Global Network on Extremism & Technology. 2021. March 1. URL: https://gnet-research.org/2021/03/01/playing-forhate/ (дата обращения: 27.05.2021).

[25] См.: Брызгалова Е. Каждый третий пользователь рунета смотрит стримы, а каждый восьмой стримит сам. URL: https://www.vedomosti.ru/ technology/articles/2019/08/01/807883-kazhdii-smotrit-strimi (дата обращения: 03.03.2021).

[26] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

стрировал свое оружие, на котором были начертаны имена исторических личностей и сражения в борьбе европейских держав против Османской империи. Атака транслировалась в прямом эфире в течение 17 мин и просматривалась не менее 4 тыс. раз, прежде чем Facebook* отключил ссылку. В течение следующих 24 ч. Facebook* удалил еще 1,5 млн копий видео атаки со своих страниц.

Благодаря широкому резонансу теракта, сделавшего из Тарранта «икону» для мирового ультраправого движения, тактика применения *стримов,* несомненно, получит дальнейшее распространение в качестве мощного инструмента привлечения общественного внимания. Показательно, что вдохновленный новозеландским терактом мужчина, совершивший нападение на синагогу в американском г. Пауэе 27 апреля 2019 г., также планировал вести его онлайн-трансляцию в Facebook*, а исполнитель теракта в немецком Галле такую трансляцию вел через игровую онлайн-платформу Twitch[27] .

Вполне возможно распространение подобных политических заявлений посредством онлайн-стримов координаторами и участниками незаконных протестных акций, проповедниками экстремистских движений. В то же время для лидеров крупных международных террористических организаций использование прямых трансляций представляется маловероятным из-за возможности раскрытия своего местоположения.

3. Встраивание игровых элементов в пропагандистские материалы и коммуникационные приложения.

Данное направление наиболее четко выражает общепризнанное понимание геймификации и объединяет различные формы встраивания игровых элементов и методик в информационную активность экстремистов.

Дж. Брахман и А. Левин, одними из первых обратившие внимание на внедрение геймификации в деятельность радикалов, в качестве используемых игровых элементов выделили присвоение баллов, определенных рейтингов и статусов. В качестве примера ими приведен британский исламистский экстремистский сайт Salafi Media, который измерял уровень вовлеченности пользователей «метром фундаментализма». Чем более «радикальным» или «фундаменталистским» становился пользователь, тем больше власти и легитимности он приобретал на форуме. Следствием применения

[27] Koehler D. The Halle, Germany, Synagogue Attack and the Evolution of the Far-Right Terror Threat. CTC Sentinel. Vol. 12. Issue 11. 2019. December. P. 14–20.

таких игровых методик становится увеличение числа посетителей экстремистских ресурсов и проводимого на них времени. Однако применение принципов геймификации не ограничивается Интернетом: журнал ИГИЛ* Inspire публиковал игровые задания для своих читателей, такие как «сделать бомбу на кухне вашей мамы» и «осуществить Мумбаи (атаку) возле Белого дома, чтобы стать мучеником»[28].

Как отмечают российские эксперты, «при помощи технологий геймификации организаторы террористической деятельности могут ранжировать потенциальных и реальных участников экстремистских ячеек, выявлять наиболее активных и эффективных игроков. Эти люди с большой вероятностью могут быть назначены лидерами ячеек, групп либо исполнителями наиболее важных и сложных поручений»[29].

Одним из достаточно свежих примеров применения игровых методик для вовлечения в экстремистскую активность выступает приложение PatriotPeer («Радар патриота»), самостоятельно разработанное идентитаристским движением (Identitarian Movement) и представленное лидером его австрийского подразделения Мартином Зельнером. Patriot Peer представляет собой социальный сервис, сочетающий возможности Tinder и Pokemon Go и позволяющий членам движения обнаруживать друг друга поблизости на карте и встречаться для общения. Сервис имеет элементы геймификации, присваивая и накапливая баллы для наиболее активных его участников[30].

Еще один пример «самогеймификации» описан К. Макдональдом. Британские подростки создали виртуальную группу в WhatsApp, чтобы бороться с «колдунами», под которыми понимались религиозные лидеры мусульманских групп, воспринимаемые как отступники. Участники группы совершали «рейды», вламываясь в дома «колдунов», чтобы украсть предметы «черной магии», а за-

[28] Brachman J., Levine A. The World of Holly Warcraft. How al Qaeda is using online game theory to recruit the masses // Foreign Policy. 2011. April 13. URL: https://foreignpolicy.com/2011/04/13/the-world-of-holy-warcraft (дата обращения: 19.03.2021).

[29] Меркурьев В. В., Хлопкова О. В., Клементьев А. С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 87–95.

[30] См.: Prinz M. „PATRIOT PEER“ ALS MISCHUNG AUS TINDER UND POKEMON GO // BellTower news. 28 Februar 2017. URL: https://www.belltower.news/heimatliebe-im-app-storepatriot-peer-als-mischung-aus-tinder-und-pokemon-go-43312/ (дата обращения: 25.01.2021).

тем делились своим опытом в Сети. Такой сценарий очень напоминает набеги на темницы и обмен пройденными «квестами» между участниками известных многопользовательских игр, таких как World of Warcraft. В этом случае границы между играми и реальностью размываются. Воображаемые персонажи и их роль как «игрового клана» с миссией в игровой сфере были перенесены в офлайн-мир[31].

4. Создание компьютерных игр, сценарий которых связан с осуществлением экстремистской деятельности.

Данное направление геймификации включает компьютерные игры, сценарий которых предполагает осуществление насильственных и иных экстремистских действий и в виртуальной, и в офлайн-среде[32].

Одним из первых таких примеров стала игра «Этническая чистка», персонажи которой в образе членов Ку-клукс-клана или скинхедов охотились на «агрессивных человекоподобных существ» и «их еврейских хозяев» на улицах европейских городов. Национальный директор европейской Антидиффамационной лиги Авраам Фоксман, комментируя выход игры в 2002 г., заявил, что «расисты находят способы использовать современные технологии для распространения в массовой аудитории идей белого супрематизма, антисемитизма и ненависти»[33].

Также в статье Е. Журавлевой описана модифицированная версия известного шутера «Побег из замка Волфенштейн», в которой главные герои этой игры занимались отстрелом негров[34]. Зарубежными экспертами приводятся и другие примеры компьютерных игр экстремистского характера, включая игры белого супрематизма

[31] См.: Schlegel L. Points, Rankings & Raiding the Sorcerer’s Dungeon: Top-down and Bottom-up Gamifi cation of Radicalisation and Extremist Violence // Global Network on Extremism & Technology. 2020. February 17. URL : https:// gnet-research.org/2020/02/17/points-rankings-raiding-thesorcerers-dungeon-top-down-and-bottom-up-gamifi cationof-radicalization-and-extremist-violence/ (дата обращения: 21.09.2020).

[32] См.: Steele C. 10 Shocking Games That Ignited Controversy // PCMag. 2014. 21 June. (дата обращения: 07.06.2021).

[33] См.: Журавлева Е. Грязные игры: Кто и почему втягивает геймеров в политическую борьбу. URL: https://www.popmech.ru/technologies/5476-gryaznye-igry-kto-i-pochemu-vtyagivaetgeymerov-v-politicheskuyu-borbu/ (дата обращения: 21.05.2021).

[34] См.: Журавлева Е. Грязные игры: Кто и почему втягивает геймеров в политическую борьбу. URL: https://www.popmech.ru/ technologies/5476-gryaznye-igry-kto-i-pochemu-vtyagivaetgeymerov-v-politicheskuyu-borbu/ (дата обращения : 21.05.2021).

(White Law (2003), ZOG's[35] Nightmare (2006), ZOG's Nightmare II (2007) и игры исламистских групп (Hezbollah's Special Force)[36].

Существует также пласт компьютерных игр, сюжет которых завязан на сценарии проведения протестных акций и организации революций. Примером такой игры является 3D-стратегия *Republic: The Revolution*, разработанная компанией Elixir Studios. События игры происходят в вымышленной Новострании – бывшей советской республике, ставшей самостоятельным государством после распада СССР. Игровой сценарий предполагает борьбу одной из множества оппозиционных партий против коррумпированного диктатора Карасева, недовольство которым растет в народе. Игровой персонаж в начале сюжета возвращается в город Екатерининск и вступает в борьбу за политическую власть. Для этого он создает партию, начинает ее раскрутку с целью завоевания популярности населения и борьбы с конкурентами. В дальнейшем он начинает реализовывать идею создания подпольной сети и организации революции для свержения диктатора.

Набор игровых опций достаточно широк, вот как он описан в рецензии: «А в The Revolution игроку предлагалось пройти путь от основателя партийной ячейки до президента государства – и при этом вовсе не стесняться в средствах, применяя политические, финансовые, преступные, религиозные и военные методы... Игроку предлагалось вести опасную политическую игру, совмещая подкупы видных общественников и заказные убийства конкурентов с храбрыми речами и активной партработой. Хотите быть олигархом? Пожалуйста! Основать преступный синдикат? Сколько угодно! Организовать "бархатную революцию" или провести путч? Да запросто!»[37].

Еще более наглядным примером компьютерной игры, используемой для обучения тактике протестных действий, является пошаговая стратегия *A Force More Powerful (AFMP)*, выпущенная в 2006 г. Игра разработана Международным центром ненасильствен-

[35] См.: Аббревиатура ZOG в лексиконе правых экстремистов означает «сионистское оккупационное правительство» (Zionist Occupation Government). – Прим. авт.

[36] См.: Robinson N., Whittaker J. Playing for hate // Global Network on Extremism & Technology. 2021. March 1. URL : https://gnet-research.org/2021/03/01/playing-forhate/ (дата обращения: 27.05.2021).

[37] Хорев Т. Republic: TheRevolution (Республика: Революция). URL: https:// www.igromania.ru/article/3473/Republic_The_Revolution_ (Respublika_Revolyuciya).html (дата обращения: 24.05.2021).

ного конфликта (International Center on Nonviolent Conflict, ICNC) в сотрудничестве с компанией Break Away Games. Она завершила линейку информационных продуктов с таким названием, первым из которых стал документальный фильм (1999 г.), а вторым – книга (2001). При выходе игры было заявлено, что AFMP – это «первая и единственная игра, обучающая методам влияния или изменения политической обстановки ненасильственными способами. Она предназначена для использования активистами и лидерами сопротивления и движений оппозиции»[38]. Игра включает «дюжину сценариев, основанных на реальных событиях, в том числе выступления против диктаторов, оккупантов, колонизаторов и коррумпированных режимов, показывает борьбу за права человека, этнических и расовых меньшинств и женщин», а пользователей обучают «стратегическому планированию, формулировке целей (типа требования свободных выборов или отставки диктатора), выбору тактики (например, забастовок, акций протеста или бойкотов)»[39].

Игре дал высокую оценку один из основателей сербской группы студенческого сопротивления «Отпор» Иван Марович: «*…игра поможет оппозиции больше, чем кино или литература, поскольку активисты смогут моделировать различные ситуации и опробовать различные стратегии прежде, чем испытать их в действии*»[40].

В 2019 г. вышла подобная игра – «симулятор восстаний» – под названием *RIOT – Civil Untrest*. Ее создатель Леонард Менчиари также имеет реальный опыт участия в протестах в Италии и создавал игру, чтобы поделиться своим опытом. Симулятор дает возможность играть за обе стороны конфликта. Для протестующих предусмотрен широкий набор игровых действий, начиная с ненасильственных и заканчивая атаками на полицию с коктейлями Молотова[41]. Наиболее опасной формой геймификации экстремизма является применение «игр в альтернативной реальности» (alternate reality

[38] Болотов К. Игра готовит оппозицию к борьбе с диктатурой и кровавым режимом. URL : http://www.membrana.ru/particle/476 (дата обращения : 27.04.2013).

[39] Там же.

[40] Журавлева Е. Грязные игры: Кто и почему втягивает геймеров в политическую борьбу. URL: https://www.popmech.ru/technologies/5476-gryaznye-igry-kto-i-pochemu-vtyagivaetgeymerov-v-politicheskuyu-borbu/ (дата обращения: 21.05.2021).

[41] См.: Коршунов С. На баррикады! Игры про революцию и борьбу с режимом. URL: https://www.unian.net/games/top-5-igr-pro-revolyuciyu-iborbu-s-rezhimom-igry-11026028.html (дата обращения: 24.06.2020).

game, ARG) – интерактивных игр, в которых игровой платформой выступает реальный мир. Авторы таких игр создают целостный игровой мир со своими героями, сюжетом и атмосферой[42]. Залогом успеха игр с альтернативной реальностью служит их правдоподобность, стирание грани между игрой и действительностью.

Известным примером применения ARG являлся российский интернет-проект «Большая игра. Сломай систему»*[43]. Проект был запущен националистическим движением «Северное Братство»*[44] в 2007 г. и может считаться одним из первых и наиболее «продвинутых» образцов геймификации экстремизма. Это отчасти объясняется тем, что в числе его разработчиков выступал бывший сотрудник Института системного анализа Российской академии наук доктор технических наук Петр Хомяков, впоследствии осужденный за экстремизм. Смысл самой «Игры» заключался в осуществлении акций, направленных как на пропаганду идей «Северного Братства»*, так и на психологический и физический террор в отношении работников «Системы» (сотрудников правоохранительных органов) и «пришельцев» (мигрантов и лиц неславянской национальности)[45].

В «Большой игре»* участвовали команды единомышленников (по терминологии игры – «автономные группировки»), которые регулярно получали на свои e-mail списки заданий различного уровня сложности. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие неславянам кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев». Также игрокам предстояло подбрасывать под окна приемных «Единой России», избиркомов (на сленге игроков «лохотронов») или опорных пунктов милиции фальшивые «бомбы». Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, те-

[42] См.: Persianinov R. Все, что нужно знать об играх в альтернативной реальности // TJ. 2017. 4 июля. URL: https://tjournal.ru/flood/45950-arg (дата обращения: 04.04.2021).

[43] Упоминаемый здесь и далее в статье проект «Большая игра»* признан экстремистской организацией и запрещен в России. См.: Горев А.И. Информационные методы противодействия экстремизму и терроризму // Научный портал МВД России. 2010. № 3. С. 112–123; Сундиев И. Ю. Социальные технологии как инструмент социальной деструкции: опыт экспозиции // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 24–32.

[44] Упоминаемое здесь и далее в статье движение «Северное Братство»* признано экстремистской организацией и его деятельность запрещена в России.

[45] См.: Северное братство // Антикомпромат. URL: http://www.anticompromat.org/nazi-p/sev_br.html (дата обращения: 12.02.2018).

лефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять их на e-mail организаторов.

Выполнение каждого задания должно было подтверждаться фото- или видеозаписью, которая отправлялась на сайт «Большой игры»* и за что игрок получал баллы. Таким образом происходил формальный переход от онлайн-игры к игре в системе офлайн. Авторы игры признавались, что их цель – «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В архиве сайта «Большой игры»* насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных «заданиях», то есть о совершенных преступлениях экстремистской направленности[46]. Одним из доказанных эпизодов криминальной деятельности участников «Большой игры»* является случай в г. Невинномысске Ставропольского края, где студент И. Карцев, участвуя в интернет-проекте, подложил муляж взрывного устройства к зданию отдела УФСБ, а впоследствии обстрелял из охотничьего ружья жителей города, за что был приговорен Невинномысским городским судом к полутора годам лишения свободы[47]. В последующем проект «Большая игра»* был признан экстремистским, а его основатель А. Мухачев осужден за организацию экстремистского сообщества[48].

Позже данная игровая модель получила свое применение и в механизме подстрекательства несовершеннолетних к совершению суицида в так называемых группах смерти – суицидальных виртуальных сообществах, созданных в социальных сетях. В них подростки выполняли задания, которые им последовательно давались «кураторами» суицидальных пабликов (сама «игра» получила сленговое название «синий кит» из-за активного использования образа данного млекопитающего). Задания предусматривали нанесение ребенком себе порезов на руки, ночное пробуждение и просмотр

[46] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции в XXI веке (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий, 2016. С. 243–244.

[47] См.: Ларинцева А. «Большая игра» завела в колонию. URL : http://www.kommersant.ru/ doc/1109376 (дата обращения: 03.03.2018).

[48] См.: Интернет-проект «Большая игра. Сломай систему» признан экстремистским. URL: http://www.regnum.ru/news/1258963.html?forprint (дата обращения: 03.03.2018); Создатель интернет-проекта «Большая Игра. Сломай Систему» за планы «бархатной» революции в РФ осужден на 9 лет. URL: http:// pravo.ru/news/view/61736/ (дата обращения: 03.03.2018).

определенного контента, выполнение «квестов» (сделать селфи на крыше высотного дома, пробежать перед машиной и т. п.). Заключительным заданием выступало совершение самоубийства[49]. Кейс «синих китов» также выделяется созданием антуража таинственности и использованием мифологических конструкций популярных молодежных субкультур, в частности образа «тихого дома» субкультуры нетсталкеров, в игровом сюжетном сценарии[50].

Противодействие использованию технологий геймификации в террористической и экстремистской деятельности

Ниже будут представлены некоторые предложения по противодействию применению технологий геймификации, используемых для террористической и экстремистской деятельности. Однако сразу отметим, что геймификация не является какой-либо самостоятельной формой проявлений терроризма и экстремизма. Напротив, теоретический конструкт геймификации описывает лишь варианты встраивания игровых методик и сюжетов в «классические» направления экстремистской деятельности, такие как пропаганда, вербовка и радикализация.

А потому главным «рецептом» борьбы с технологиями геймификации терроризма и радикализма будет принятие их во внимание при выработке соответствующих мер противодействия. Вместе с тем может потребоваться принятие комплекса специальных мер в рамках следующих направлений.

1. Регулирование оборота информационной продукции – меры в рамках этого направления могут потребоваться для ограничения распространения на территории страны компьютерных игр, сценарий которых связан с осуществлением экстремистской деятельности. В соответствии с национальным законодательством может быть введен запрет на оборот таких игр либо возрастные ограничения в рамках механизма возрастной классификации и маркировки информационной продукции (в России такой механизм установлен Феде-

[49] Сундиев И. Ю., Смирнов А. А., Курицын А. Н. Теория и технологии социальной деструкции в XXI веке (на примере «цветных революций») // Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 334–342.

[50] Там же.

ральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»[51]).

2. *Ограничение доступа к информации в сети Интернет* – для ограничения доступа к материалам игрового характера (начиная с самих компьютерных игр и заканчивая публикациями игровых заданий в сети Интернет) могут применяться действующие организационно-правовые механизмы блокировки. В случае если речь идет о размещении контента в социальных сетях и мессенджерах, требуется организация взаимодействия с администрациями данных платформ в целях удаления такого контента, выявления его распространителей и блокировки их аккаунтов.

3. *Криминализация отдельных форм геймификации экстремистской деятельности* предполагает установление уголовной и (или) административной ответственности за отдельные правонарушения, связанные с задействованием игровых методик. Например, в России для борьбы с деятельностью так называемых кураторов суицидальных сообществ («групп смерти») потребовалось введение в УК РФ двух новых составов преступлений, так как имевшаяся ст. 110 «Доведение до самоубийства» не во всех случаях позволяла привлечь к ответственности лиц, склонявших детей к самоубийству через игровые методики. Поэтому новой ст. 110.1 УК РФ было криминализировано склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, а также содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства, либо устранением препятствий к его совершению, или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Для тех лиц, которые сами не склоняли детей, но создавали информационные ресурсы с суицидальным контентом для привлечения внимания несовершеннолетних (ст. 110.2 УК РФ), была установлена ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

Данные статьи предоставили правоохранительным органам возможность применить обычные инструменты оперативно-

[51] См.: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ // КонсультантПлюс.

розыскной и уголовно-процессуальной деятельности для пресечения деятельности виртуальных суицидальных сообществ. И благодаря этому силовым структурам России данную угрозу удалось успешно нейтрализовать.

4. *Информационно-разъяснительная и контрпропагандистская работа* – сведения об опасности и возможных формах использования геймификации в террористической и экстремистской деятельности должны быть включены в имеющиеся и перспективные программы профилактической работы в рассматриваемой сфере. Некоторые проявления геймификации могут потребовать и контрпропагандистских усилий, направленных на разоблачение истинных целей организаторов опасных игр, снижение их популярности у молодежи и предложение позитивных альтернатив.

Для данного направления следует сделать одну оговорку. Кейс «синих китов» в России показывает, что иногда широкое освещение в СМИ и социальных сетях определенных угроз само по себе служит фактором их разрастания. Поскольку оно привлекает внимание широких слоев населения, вызывает «моральную панику» и, самое главное, стимулирует интерес к теме самих детей. В примере «групп смерти» последнее обстоятельство не только привело к всплеску интереса молодежи к данной теме, но и породило возникновение так называемых псевдокураторов – подростков, которые, не будучи вовлеченными в организованные сетки суицидальных сообществ, по своей инициативе решили попробовать довести кого-то до самоубийства из «спортивного интереса». К сожалению, у части из них это получилось. Поэтому информационная работа с целью повышения осведомленности о деструктивных технологиях геймификации должна проводиться аккуратно, чтобы, с одной стороны, проинформировать родителей, педагогов и иных ответственных лиц, а с другой – не «подогреть» интерес к теме у несовершеннолетних.

Как было показано, технологии геймификации задействуются террористами и экстремистами для пропаганды, вербовки и вовлечения в противоправную деятельность.

Пока наблюдается спорадическое задействование таких технологий в деятельности различных джихадистских, праворадикальных и иных организаций. Однако в глобальном информационном пространстве любая эффективная практика радикализации получает широкое распространение. Это отчетливо было видно в случае теракта в Новой Зеландии, транслировавшегося в режиме реального

времени в Сети, спровоцировавшего волну схожих атак в разных странах мира с попытками прямых стримов.

Наибольшую опасность среди технологий геймификации представляет создание экстремистских игр в альтернативной реальности, предполагающих выполнение игровых заданий (терактов и иных экстремистских акций) в реальном мире. Это один из наиболее перспективных способов бесструктурного способа вовлечения в противоправную деятельность.

В связи с этим можно прогнозировать, что геймификация станет неотъемлемым элементом информационных стратегий террористических и экстремистских организаций. Этот вызов требует выработки адекватных механизмов нейтрализации его проявлений. Ответ должен быть комплексным и включать в себя систему точечных мер мониторинга и противодействия данной угрозе, в том числе меры по ограничению оборота информационной продукции, блокировке определенного контента и ресурсов, криминализации наиболее опасных форм геймификации, ведению информационно-разъяснительной и контрпропагандистской работы.

Вместе с тем технологии геймификации следует воспринимать и как возможность, которая открывается для правоохранительных органов в плане возможного пополнения собственного арсенала традиционных средств борьбы с угрозами, включая терроризм и экстремизм, новыми инструментами и методиками работы.

2.9. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети Интернет[1]

Благодаря СМИ сложилось мнение, что для террористов любой индивид, проявивший активность в Интернете, уже является подходящим объектом для вербовки. Однако это не так. Во-первых, вербовочная деятельность есть трудозатратный и достаточно дорогой процесс, чтобы его использовать «по площадям» (даже использование специальных поисковых программ, позволяющих выявлять потенциальных рекрутов по анализу контента их общения на форумах и строить их индивидуальные психопрофили, не отменяет реальных трудозатрат вербовщиков). Во-вторых, современные террористические организации по структуре подобны крупным транснациональным корпорациям, для которых характерна выраженная профессионализация, поэтому в каждый конкретный момент нужны не просто рекруты, а профессионалы определенной направленности.

Так, для ИГИЛ*[2] наибольший интерес представляют выпускники и студенты старших курсов горных институтов, химики-технологи (для обслуживания нефтепромыслов), логистики, врачи всех специальностей, фармакологи, переводчики (для обеспечения взаимодействия в межнациональных формированиях), искусствоведы и археологи (для идентификации и первичной оценки культурных артефактов, нелегальная торговля которыми ведется всеми террористическими организациями).

За специалистами подобного рода ведется целенаправленная охота, осуществляется поиск вербовочных подходов к ним, который, кроме идеологической обработки, предполагает заключение контракта на работу. Международные террористические организации стремятся упрочить свое положение внутри нашей страны, поэтому приоритетными объектами вербовки становятся дети представителей властных и силовых структур, бизнес-сообщества, масс-медиа. Предполагается, что вербовка детей дает возможность по-

[1] Сундиев И.Ю. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2017. № 2. С. 89–95.

[2] Упоминаемая организация «ИГИЛ» («Исламское государство»)* признана террористической организацией и запрещена в России.

следующего шантажа или вербовки родителей. Остальная масса пассионарных и религиозно ориентированных рекрутов предназначена для пополнения пехоты («пушечного мяса»). В отношении этой категории стимулируется эффект «самовербовки», когда идеологические воззрения пользователей Интернета резко радикализуются под влиянием распространяемой пропаганды, в результате чего они активно ищут контакты с представителями экстремистских и террористических структур. Рекруты подобного вида должны пополнить новые блочно-роевые организационные структуры террористических организаций, построенные на базе религии агрессивного, презирающего жизнь насилия. Рой способен к самоорганизации либо в силу биологических законов, как в стаях птиц или косяках рыб, либо по слову вождя или духовного лидера у людей.

Для целенаправленного создания террористического человеческого роя была применена психосоциолингвистическая инженерия в отношении массива исламских священных духовных источников, а также невербальной составляющей текста молитв во время отправления служб. Они были определенным образом перекомпонованы, трансформированы с учетом последних достижений психотехнологий. В 2015–2016 гг. блочно-роевая боевая структура была впервые испытана в действии в Париже, Брюсселе, Ницце, Мюнхене и других городах Германии.

Специфика действия блочно-роевых структур заключалась в незапланированных акциях, для которых использовались фанаты-одиночки и группы лиц, побужденные определенными молитвами, мнемопосылами и интернет-обращениями. Террористы были фактически запрограммированы. Это отличительная черта метода террористического насыщения (насыщающее террористическое нападение – доступный относительно бедному и технологически отсталому субъекту деструктивного действия метод ведения войны против страны богатой, технологически развитой и благополучной. Он заключается в проведении многочисленных террористических атак сначала против мирного населения, а затем, иногда спустя относительно длительный промежуток времени, против объектов критической инфраструктуры). Также была опробована на политикотеррористическом поле известная маркетинговая техника распространения информационного вируса заразительности действий и эмоций.

Для понимания технологий вовлечения в террористическую деятельность как с использованием Интернета, так и традиционным

способом необходимо иметь в виду следующие факторы: вовлечение (индоктринация) новых субъектов в террористическую и экстремистскую деятельность по своим механизмам максимально сходно с технологиями вербовки в религиозные секты[3];

при вовлечении самым активным образом используются деструктивные психотехники;

вербовка в религиозные секты часто становится лишь этапом для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность;

вовлечение в экстремистскую и террористическую деятельность представляет собой технологическую цепочку элементов психологического воздействия на сознание объекта. Технология вовлечения обладает всеми свойствами промышленной технологии, поскольку она универсальна, подлежит многократному тиражированию, имеет устойчивые параметры получаемого «продукта»[4].

Формирование террористических ячеек под прикрытием религиозного просвещения осуществляет ряд организаций (в нашей стране «пионером» в этой области был террористический концерн «Нурджулар»*[5] Ф. Гюлена). В качестве фактора виктимизации (предрасположенности стать рекрутом террористической организации) можно выделить ряд особенностей отношения человека с внешним миром:

низкая самооценка с постоянной, зачастую агрессивной готовностью к защите своей личности; переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать причины своих жизненных неудач на близкое окружение или общество в целом;

мнимая социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и потери жизненной перспективы;

сильная (как правило, неудовлетворенная) потребность в присоединении или принадлежности к значимой группе[6].

---

[3] См.: Лири Т. Технологии изменения сознания в деструктивных культах: под ред. И. Митрофановой. СПб.: Экслибрис, 2002.

[4] См.: Сундиев И.Ю. Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 19–21.

[5] Упоминаемая здесь и далее в статье международная религиозная организация «Нурджулар»* признана экстремистской организацией и запрещена в России.

[6] См.: Олейник, И. Почему люди тянутся в тоталитарные секты? URL: http://psyfactor.org/lib/sekta24.htm (дата обращения: 10.04.2017).

Особенно уязвимы для вовлечения в террористическую деятельность люди, зацикленные на темах мистики, эзотерики, оккультизма, нетрадиционных религиозных учений. Благодаря тому, что очень часто окружающие недостаточно серьезно относятся к их увлечениям, такие люди быстро и с удовольствием находят общий язык с вербовщиками. Впоследствии они могут стать наиболее страстными и бескомпромиссными сторонниками культа (необходимо помнить, что ваххабизм, салафизм – суть секты по отношению к каноническому исламу).

Первичный этап работы по вербовке в террористические организации содержит следующие действия:

выявление человека, который является потенциальным объектом для вовлечения в террористическую организацию. В этих целях вербовщик изучает контент интернет-форумов, блогов, сообществ на предмет обнаружения активных участников (как правило, эту часть работы выполняют специальные поисковые программы, позволяющие выявлять потенциальных рекрутов по анализу контента их общения на форумах и строить их индивидуальные психопрофили. В целом первая стадия выявления потенциальных рекрутов фактически компьютеризирована);

сбор информации об объекте – изучение личной странички в социальных сетях, изучение высказываний конкретного человека в блогах, социальных сетях в целях установления его психологического состояния, умонастроений (так называемая разработка онлайнового профиля человека по специальной программе), переписка посредством личных сообщений с самим объектом;

оценку полученной информации с точки зрения возможности привлечения потенциального кандидата к тем или иным акциям в той или иной роли.

Обратить внимание вербовщиков террористических организаций на человека заставляют следующие критерии:

высказывание и демонстрация на форумах и в блогах определенных политических симпатий; демонстрируемая информированность об интересующих террористическую организацию событиях, лицах, объектах;

демонстрируемое недовольство определенными политическими деятелями и принимаемыми ими решениями.

Как показывает практика, в террористическую организацию вербуются лица, которые представляют для нее интерес в силу сво-

их личных качеств (готовность противостоять обществу, государству, правительству; способность получать полезную информацию для террористических организаций; обладать творческими и аналитическими способностями, морально-нравственными качествами), а также явной полезности для организации. Человек обладает специальными навыками или знаниями, необходимыми для экстремистской или террористической организации (например, для «Исламского государства»* – имеет хотя бы минимальную военную подготовку или уже боевой опыт, владеет иностранными языками, знаниями в сфере IT-технологий, располагает специальными профессиональными знаниями в области медицины, химии и т. п.; имеет контакты с представителями конкретных СМИ; располагает устойчивыми контактами в конкретной этнической диаспоре, религиозной группе из числа интересующих экстремистскую или террористическую организацию).

Второй этап содержит следующие действия:

установление непосредственного контакта с потенциальным объектом, онлайн-беседы, предложение изучить определенную литературу или просмотреть специальные сайты (формирование самообразования объекта в нужном направлении). Здесь вербовщик, как правило, придерживается определенной легенды и сообщает о себе сведения, которые будут позитивно восприняты вербуемым (имеет ту же профессию, также разочарован укладом жизни, но нашел выход и т. п.). Характерно, что такие контакты могут расцениваться объектом как совершенно случайные. Однако эти «счастливые» случайности являются результатом продолжительной работы в режиме онлайн;

оценку личных психологических качеств человека и его текущих психологических, личностных, материальных проблем. Установление, как именно эти качества и проблемы могут быть использованы для вовлечения этого человека в деятельность экстремистской или террористической организации;

отнесение объекта к разряду «одноразовых» или «многоразовых» потенциальных членов;

проверку надежности деятельности привлеченного объекта – привлечение к участию в одной или нескольких пробных онлайновых акциях под строгим наблюдением куратора.

Третий этап:

прямое предложение вступить в организацию. Здесь участие в организации подается как способ решения проблем, выхода из житейского, психологического или мировоззренческого тупика;

в случае необходимости – психологическое удержание объекта на необходимый для экстремистской или террористической организации период деятельности (консервация);

переход к реальной деятельности. Сопряжен с чрезвычайным усилением группового давления. Здесь возможны: привлечение завербованного лица к вербовочной деятельности в отношении других людей; организация перемещения завербованного к месту непосредственного осуществления террористических акций или боевых действий; включение в группу, непосредственно реализующую террористические акты, и т. д.

Как показывает опыт самих террористов (приведенная схема является типовой. Она изложена в программной статье ДАИШ* под названием «Искусство вербовки», появившейся на сайте «Аль-Кайды»*[7]. Ее автор Абу Омар аль-Каиди на 51 странице рассказывает о принципах отбора кандидатов, наиболее подходящих всемирному движению джихада. По мнению автора, этот процесс должен проходить в названные три этапа), упрощенные методы вербовки в террористической организации пригодны к тем объектам, кто демонстрирует ультрарадикализм в сочетании с ограниченным жизненным опытом («одноразовый герой») или проявляет инициативу, демонстрирует готовность участвовать в экстремистской и террористической деятельности («домашний джихадист»).

Как правило, члены террористических организаций на различных этапах вербовочной работы с объектом меняются друг с другом. При стандартном трехступенчатом подходе это следующие представители организации:

наводчик (специализируется на предварительном изучении объекта, после чего устанавливает личный контакт с ним. Выполняет первичную разработку объекта с тестированием и выдает заключение о целесообразности привлечения данного человека как «одноразового» или «многоразового» члена, а также о перспективных направлениях целевого воздействия на него);

[7] Упоминаемое здесь и далее в статье организация «Аль-Каида»* признана террористической организацией и запрещена в России.

вербовщик (устанавливает сначала контакт с объектом, и если он признан потенциально «многоразовым», то устанавливается непосредственный контакт);

ведущий (производит инструктаж и осуществляет все дальнейшее руководство в режиме реального времени, направляющее деятельность объекта). Переход к непосредственному взаимодействию – в порядке исключения[8].

Самостоятельный вербовочный ресурс может быть скрыт в сетевых компьютерных играх, содержание которых направлено на культивирование насилия, подстрекательство к совершению действий насильственного экстремистского характера (в составе блочно-роевых структур)[9].

Деструктивные психотехники, используемые сектами (террористическими организациями), имеют следующие характерные свойства:

воздействие на психику проводится в чрезвычайном по силе (интенсивности) режиме;

объект воздействия удаляется из привычной социальной среды и теряет возможность выбора между общепринятой и предлагаемой новой моделью поведения. Специально создаются условия жизни, которые резко отличаются от обычных условий социализации (секты выносят места своего обитания за город, в малонаселенные пункты; военно-тренировочные лагеря подготовки террористов («рохбар») также выносятся в малоконтролируемые районы);

осуществляется целенаправленная замена самой социальной «матрицы» объекта, подмена социальных и личностных ценностей;

устанавливается жесткая иерархия подчинения, но при этом демонстрируется возможность продвижения по иерархии (это прямая замена нормальным «социальным лифтам»);

формируется «образ врага» (диапазон чрезвычайно широк – от матери-дьяволицы до пакистанских спецслужб);

поддерживается хронически нестабильное психофизическое состояние объекта (в результате псевдодобровольного или карательного голодания, непосильного физического труда или изматывающих тренировок и т. д.);

---

[8] URL: http://www.nationalsecurity. ru/library/00016/00016sageman1.htm> (дата обращения: .15.04.2017).

[9] См.: URL: http://bloknot.ru/chp/igil-vrossii-verbuet-lyudej-s-pomoshh-yu-seksa-i-kompyuterny-h-igr-243003.html (дата обращения: .15.04.2017).

формируется «выученная беспомощность», то есть неспособность принять самостоятельное решение вне контроля руководителя. Внешний контроль становится обязательным элементом психической деятельности объекта;

по мере реализации деструктивных психотехник выявляются наиболее перспективные с точки зрения функциональной манипуляции и возможностей последующего использования люди-объекты[10].

Подобные воздействия практически сразу проявляются в поведенческой матрице личности и могут быть сравнительно легко идентифированы. К числу таких признаков можно отнести следующие.

1. Внезапное изменение лексики, не связанное с получаемыми новыми знаниями в ходе образовательного процесса. Устойчиво произносятся ранее не использовавшиеся слова, которые не характерны для конкретной микросоциальной группы или семьи и обозначают:

иерархию в религиозной или военизированной структуре (эмир, эмират, джихад, моджахед);

новые социальные обязательства (иншалла (клянусь), «хлебом клянусь», упоминание названий джамаатов, к которым принадлежит человек);

цитаты из религиозных текстов или ссылки на них.

Такого рода ключевые слова обычно используются в пропагандистских листовках, брошюрах, материалах, в том числе псевдорелигиозного разъясняющего характера.

2. Резкое изменение паттернов поведения, ранее не характерных для конкретного человека, проявляется следующим образом:

внезапно, без видимых причин, человек бросает курить, употреблять спиртные напитки, использовать бранные слова, объясняя это новыми правилами жизни;

общительный молодой человек становится замкнутым, настороженным; в случае расспросов о его состоянии – раздражительным; появляется симптоматика устойчивого страха, подозрительности. Возможен и диаметрально противоположный вариант – человек становится уверенным, даже самоуверенным и высокомерным, получая поддержку в новой социальной группе;

[10] Вершинин М. Психологические особенности личности членов деструктивных и террористических групп URL: www.psyfactor.org (дата обращиения: .15.04.2017).

внезапная интенсивная увлеченность силовыми видами спорта, восточными единоборствами, стрельбой, владение холодным оружием; внезапная, без видимых причин, увлеченность религиозными, эзотерическими материалами (видеоролики, тексты, специализированные электронные ресурсы); в разговоре – постоянное упоминание новых авторитетов в этой области или ссылки на содержание видеороликов, текстов, сайтов;

увлеченность специальными компьютерными играми (например, «Большая Игра. Сломай систему»*[11]), в которых разыгрываются смешанные (онлайн и оффлайн) сценарии, основанные на пропаганде религиозного, расового, этнического, политического противостояния, включающие прямые насильственные действия в реальной жизни и требующие фото- и видеоотчета в режиме реального времени;

изменяется отношение к женщине. Поддерживаются и одобряются разговоры о неполноценности женщин, их невысоких умственных способностях и личных качествах. Отношение к женщине становится высокомерным – как к низшему существу;

резкое и внезапное изменение пищевого рациона – отказ от блюд из свинины, обилие растительной пищи и травяных приправ.

3. Смену обычной одежды на специализированную, смену прически:

например, девушка из православной семьи начинает носить хиджаб; из гардероба исчезают так называемые вызывающие элементы одежды (декольтированные блузы, короткие юбки, чрезмерно яркая и пестрая одежда); изменяется прическа (голова в общественном месте всегда покрыта платком); из обихода исчезают духи и косметика; мужчина перестает носить галстук; носит одежду только темного цвета; появляются специализированные четки; отращивается характерная бородка. Лица, принадлежащие к ваххабизму, перестают носить нижнее белье, что соответствует особой традиции;

появляются татуировки на арабском языке, чаще всего это цитаты из исламских религиозных текстов, а также татуировки, пришедшие из культуры «исламских моджахедов» (татуировки на японском или китайском языках в современной культуре воспринимаются, скорее, как интересные картинки, придавая владельцу стиль и элемент загадочности). Обратим внимание, что в традиционном ис-

[11] Упоминаемый здесь и далее в статье проект «Большая игра»* признан экстремистской организацией и запрещен в России.

ламе рисовать по телу – «харам», то есть запрещено, поэтому на фотографиях у настоящих боевиков на руках нет никаких картинок, их можно увидеть на теле так называемых новообращенных; из разряда очевидного: в гардеробе молодого человека появляется одежда с нацистской символикой, стилизованные ботинки, предметы атрибуты (например, значки с нацистской символикой); наносятся татуировки с нацистской символикой или цитатами из соответствующих источников; стрижка очень короткая или голова обривается налысо.

4. Появление новых знакомых/приятелей, новой социальной микрогруппы с неочевидной социальной идентификацией.

Как показывает накопившийся мировой опыт, противодействовать вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети Интернет можно и нужно по двум основным направлениям. Первое – связано с тем, что в сетевой вербовочной деятельности основу составляет информационный компонент. Соответственно, эффективно противодействовать вербовочным технологиям можно лишь в форме информационного противодействия. Вторая линия – это контроль и минимизация ресурсной и инфраструктурной базы субъектов применения сетевых вербовочных технологий. В первую очередь речь идет о пробелах в законодательстве нашего государства, дающих возможность использовать эти технологии и не позволяющих правоохранителям эффективно с ними бороться. Кроме того, это организационные ресурсы субъектов, использующих вербовочные технологии: от членов роя до виртуальных и реальных социальных организаций, как отечественных, так и зарубежных. Ни одна террористическая организация не может обойтись в вербовочной деятельности без финансовых ресурсов. Выявление легальных и нелегальных каналов финансирования означает контроль и нейтрализацию возможности использования вербовочных технологий[12].

Основной предпосылкой для осуществления эффективного информационного противодействия вербовочным технологиям является *организация мониторинга информационного пространства*. Объектом первоочередного внимания правоохранительных органов должны стать социальные сети как основной коммуникационный

[12] Сундиев И.Ю. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности: монография / И.Ю. Сундиев, А.А. Смирнов, А.И. Кундетов и др. М., 2014.

ресурс, используемый для стимулирования, управления и информационного сопровождения вербовочных акций.

Несмотря на стремление в первую очередь задействовать закрытые платформы «темного» Интернета (Darknet), вербовщики всегда вынуждены обращаться к наиболее раскрученным открытым блогам и аккаунтам. Поэтому именно по этим информационным адресам необходимо организовать постоянный мониторинг вербовочной активности. В свою очередь, для работы с информацией в закрытых группах на коммуникационных площадках «темного» Интернета потребуется проведение специальных оперативно-технических мероприятий.

Следует подчеркнуть, что попытки решения проблемы «в лоб», через блокирование различным вербовщикам доступа к Интернету и мобильной связи в краткосрочном периоде, могут дать лишь ограниченный и краткосрочный позитивный эффект. Но в долгосрочной перспективе запреты и блокирование ресурсов могут привести к негативным последствиям в виде дополнительного «прилива» социального недовольства со стороны даже тех граждан, которые не входили в террористический актив.

В связи с этим более эффективным методом представляется тактика *точечного блокирования доступа к определенным сайтам, аккаунтам в социальных сетях или сетевым сообществам*. За последние несколько лет в законодательство Российской Федерации об информации и массовых коммуникациях были внесены изменения, учредившие организационно-правовые механизмы ограничения доступа к интернет-ресурсам, содержащим запрещенную для распространения в Российской Федерации информацию, включая контенты экстремистского характера. Тем не менее, упование только на запретительные меры в информационном пространстве является заведомо проигрышным. Скорость создания новых альтернативных аккаунтов в социальных сетях не позволит перекрыть все имеющиеся ресурсы вербовщиков.

В этих условиях ключевая роль в информационном противодействии вербовочным технологиям отводится мерам информационного противоборства. В основе информационного противоборства лежит *информационное воздействие*, которое оказывается на выбранный объект (группу объектов) для достижения определенных целей. Формы такого воздействия многообразны. Это могут быть трансляция видеороликов в общественных местах, распространение дискредити-

рующих материалов в социальных сетях, компьютерные атаки на серверы, радиоэлектронное подавление средств связи и т. п.

В зависимости от типа оказываемого информационного воздействия и его объектов выделяют два основных направления:

информационно-техническое, в основе которого лежит воздействие на информационно-технические системы (системы связи и управления, компьютерные и телекоммуникационные системы и сети, радиоэлектронные устройства);

информационно-психологическое, объектами воздействия которого выступают психика человека и общественное сознание.

Основными направлениями информационного противоборства экстремизму и терроризму выступают:

мониторинг экстремистских и террористических угроз в информационном пространстве, анализ информационной обстановки – включают изучение состояния информационной обстановки, выявление имеющихся и перспективных угроз экстремистского характера, сбор информации о планах и намерениях противоборствующей стороны; прекращение информационной активности участников и сторонников экстремистских и террористических организаций и групп – включает меры по блокировке интернет-ресурсов с экстремистским и террористическим контентом, направлению предупреждений о недопустимости распространения материалов экстремистского характера;

дискредитация идеологии экстремизма и терроризма, лидеров и членов экстремистских и террористических организаций и групп, а также их сторонников – предполагает распространение информации, разоблачающей и опровергающей постулаты идеологии экстремизма и терроризма, выявление и придание огласке сведений, дискредитирующих лидеров и членов экстремистских и террористических формирований, а также лиц и организаций, оказывающих им содействие;

дезинформация лидеров и членов экстремистских и террористических организаций и групп – означает распространение информации в целях введения в заблуждение противоборствующей стороны и стимулирования совершения ею определенных действий;

срыв и компрометация акций экстремистской и террористической направленности – включают проведение вбросов компрометирующей информации об организаторах и участниках планируемых акций, их целях и спонсорах, организацию действий, затрудняющих

проведение таких акций или делающих их непривлекательными, организацию параллельных публичных акций патриотической и антиэкстремистской направленности; склонение участников экстремистских и террористических организаций и групп к отказу от противоправной деятельности – осуществляется посредством проведения профилактических бесед с участниками экстремистских формирований, их родственниками и близкими, стимулирования распрей между лидерами и членами экстремистских организаций, организации выступлений авторитетных лидеров с призывами к отказу от противоправной деятельности, распространения иных информационных материалов, направленных на склонение участников экстремистских организаций и групп к отказу от противоправной деятельности;

формирование в обществе неприятия экстремистских и террористических идей – включает пропагандистскую и разъяснительную работу в обществе, отдельных социальных группах и коллективах, направленную на формирование отрицательного отношения социума к идеологии экстремизма, убежденности в неправильности и неприемлемости осуществления экстремистской деятельности.

Для оказания информационного противодействия вербовочным технологиям требуется задействовать все возможные каналы, начиная от государственного вещательного телевидения и печатных изданий (периодических изданий) и заканчивая блогами, сообществами в социальных сетях и хакивистов. Необходимо также осуществлять распространение официальных информационных сообщений и коммюнике, а также своевременно опровергать подрывные информационные посылы в средствах массовой информации и сети Интернет, проводить брифинги или пресс-конференции для СМИ, подготавливать и распространять информационную продукцию (фильмы, передачи, статьи, плакаты и т. п.).

Необходим оперативный информационный отклик на любую информацию, распространяемую вербовщиками террористических организаций, и подробное разъяснение действий правительственных сил. Следует раскрывать истинные деструктивные цели террористических организаций, подробно рассказывать о противоправных и асоциальных действиях их участников, а также сообщать информацию об источниках их финансирования. Другим важным направлением является соответственное *информационное сопровождение действий сил правопорядка по пресечению террористических акций*. Необходимо, чтобы в наиболее значимых СМИ (прежде всего,

на государственных телеканалах) и интернет-ресурсах доминировала информация, исходящая от государственных органов. Анализ направленного медийного сопровождения некоторых военных конфликтов последнего времени с прямым или косвенным участием военных подразделений нашей страны (грузино-осетинская война, начавшаяся в августе 2008 г., военное столкновение вооруженных сил ДНР и ЛНР с ВСУ в 2014–2015 гг., российская военная операция, проведенная в Сирии осенью 2015 г.) убедительно доказывает его высокую эффективность. Для этого организуется специальный пресс-центр, в котором ежедневно до журналистов и блогеров доводится информация об общей обстановке, конкретных действиях вооруженных сил и сил правопорядка, а также ответных действиях со стороны противника.

Для того чтобы информационное противодействие не ограничивалось только лишь оперативным реагированием на проявления вербовочной деятельности террористических формирований, данные методы должны дополняться методами информационно-пропагандистского, обучающего и воспитательного воздействия. Они должны включать в себя упредительные меры, направленные, прежде всего, на формирование «информационного иммунитета» населения к пропаганде идеологов терроризма. Таковыми могут выступать: показ по федеральным телеканалам документальных фильмов и телепередач; распространение контрпропагандистской информации в других СМИ и сети Интернет; проведение специальных занятий и учебных курсов в образовательных организациях; ведение разъяснительной работы с помощью религиозных организаций; распространение специальной учебной и популярной литературы; создание специализированной информационной продукции СМИ и интернет-сайтов; организация культурных, спортивных и иных массовых мероприятий и др.

Рассматриваемая группа методов включает в себя не только методы противодействия вербовочной деятельности, но и способы стимулирования позитивной социальной активности. Например, в качестве таковой может выступать создание патриотических общественно-политических организаций с последующим содействием (преимущественно скрытно): предоставление организационного и информационного ресурса и отчасти материального в сочетании с организацией различных препятствий для деятельности экстремистских и террористических формирований.

2.10. «Токсичное» влияние цифросетевых структур на радикализацию молодежи[1]

В условиях пандемической и ближайшей постпандемической реальности особую значимость для всех групп населения приобретают социальные сети и новые масс-медиа как основные источники жизненно важной информации. При этом уровень доверия к этим источникам у молодежи максимален[2]. Но надо помнить, что именно эти информационные каналы благодаря своим техническим возможностям наращивают скорость подачи и объемы информации. Как следствие, у потребителей этой информации снижается возможность сформировать свою версию происходящих событий: человек начинает жить в рамках навязанных ему интерпретаций. Тем самым информационная война в условиях пандемии не только не стихает, но и приобретает более изощренные формы. Необходимо отметить растущую медиазависимость терроризма и экстремизма: прогресс в медиатехнологиях меняет их природу, формы, методы вербовки, а также степень влияния на общественное мнение[3]. Важнейшими являются не столько технология съемки и передачи информации, сколько технологии формирования экстремистского и террористического контента[4], а также методов его распространения.

По исследованиям И. Ашманова и Н. Касперской[5], «на сегодняшний день в деструктивные течения в Рунете вовлечены порядка 5 миллионов аккаунтов российских подростков (35 % от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти. За период с января 2018 г. по март 2019 г. обнаружен стабильно высокий, растущий деструктивный фон».

---

[1] Сундиев И.Ю. «Токсичное» влияние цифросетевых структур на радикализацию молодежи // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции. М., 2021. С. 28–41.

[2] РСМД: Информационная безопасность в условиях пандемии COVID-19. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnaya-bezopasnost-vusloviyakh-pandemii-covid-19/?sphrase_id=35369216. (дата обращения: 09.04.2020).

[3] Burke J. How the changing media is changing terrorism // The Guardian. URL: https://www.Com/world/2016/feb/25/ (дата обращения: 09.04.2025).

[4] Контент (от англ. content – содержание) – это любое информационно значимое либо содержательное наполнение информационного ресурса или веб-сайта.

[5] См.: Ашманов И., Касперская Н. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. М., 2019.

Исследование содержательной части контента масс-медиа и сети Интернет в постоянном режиме ведут ФСО, ФОМ и частные компании, входящие в крупные IT-концерны. Некоторые из них публикуют данные своих исследований с высокой периодичностью[6]. По отдельным проблемам исследования контента выходят диссертационные исследования, НИР вузов и научных центров[7].

Был принят ряд важных законодательных актов в сфере противодействия распространению негативного контента в СМИ и сети Интернет, среди которых федеральные законы от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ и от 1 мая 2019 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"».

В аналитическом докладе «Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики»[8] названы следующие категории контента, которые должны подвергаться фильтрации:

политический контент (сайты оппозиционных и правозащитных движений, религиозных движений и сект, информация об этнических меньшинствах); социально опасная информация (порнография, ЛГБТ*-пропаганда[9], разжигание национальной и религиозной розни, призывы к насилию);

контент, связанный с национальной безопасностью (сайты террористических и экстремистских организаций, ресурсы военных противников, ресурсы с конфиденциальными данными и др.);

---

[6] См.: Тенденции монетизации контента в Интернете. Медиапотребление в России-2019. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ (Москва, сентябрь 2019 г.). URL:https://media.rbcdn.ru/media/reports/mediaconsumption-russia-2019.pdf (дата обращения: 09.04.2020).

[7] См.: Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернетпространстве: традиционные и инновационные формы: метод. пособие. URL: https://minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/antiterror/metodichka_soderzhanie_03.12.2018-1.pdf (дата обращения: 09.04.2020).

[8] Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики: аналит. докл. Фонд развития гражданского общества, 2013.

[9] Упоминаемое в статье движение «ЛГБТ»* признано экстремистской организацией и запрещено в России.

сайты и сервисы, нарушающие экономические интересы (файлообменные сайты и торент-трекеры);

специализированные интернет-инструменты и социальные сервисы (поисковые сервисы, социальные сети, онлайнпереводчики).

Лонгитюдные исследования, проводимые с конца 1980-х гг., зафиксировали стадийное «катастрофическое нарастание патофеноменов в детской популяции» – различных форм делинквентного и девиантного поведения (агрессивное поведение, токсикомания, речевые расстройства) – «в целом учебную и социальную неуспешность», а также ухудшение состояния здоровья школьников[10] (ныне молодых людей, включающихся в основные звенья производства и управления). Но патологический дизонтогенез в популяции проявляет себя и через описательные признаки.

Во-первых, это ограничение способности к целенаправленной деятельности (целеполаганию и самоорганизации), отсюда – невозможность нормального взаимодействия в социальной группе. Живое общение этих молодых людей со сверстниками вызывает неосознаваемые трудности, но, если его вести через технического посредника (гаджет-коммуникатор), проблема легко решается[11]. Так, невозможность принятия социальных ролей – как роли лидера, так и роли подчиненного в реале – компенсируется участием в компьютерной игре, где это легко реализуется в рамках стандартного сюжета. Еще один патологический признак – невозможность анализа и синтеза информационно-смысловых конструктов: Y-ки и Zеты не понимают переносных значений и игру слов, не воспринимают юмор и не смеются над анекдотами и шутками (опять же заменяя в виртуале мемами и демотиваторами)[12]. В свою очередь, отсутствие результатов социально значимой деятельности приводит к потере обратной связи – индивид становится склонным значительно завышать само-

[10] См.: Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: учеб. пособие. М.: Генезис, 2007. С. 33.

[11] В течение дня поколение Z проводит онлайн более семи часов – 3:45 с компьютера и 4:01 с телефона (данные Global Web Index).

[12] Американские ученые Нейл Хоув и Уильям Штраус предложили в 1991 г. теорию поколений, согласно которой каждые 20–25 лет появляется новое поколение людей, которое отличается от предыдущих привычками, характером, ценностями и целями: молчаливое поколение (в 1923–1943 гг.); беби-бумеры (в 1943–1963 гг.); поколение X (в 1963–1984 гг.); поколение Y (в 1984–2004 гг.); поколение Z (в 2004 г. и младше).

оценку (эффект Даннинга–Крюгера)[13] и не может реально соотносить свои результаты с реальными результатами деятельности других.

Во-вторых, это утрата эмпатии – эмоционального сострадания (восприятия чужой боли физической и душевной как своей собственной); эмпатия – важнейшее свойство для формирования морально-нравственных качеств личности, без которых общество не может развиваться. Сюда же можно отнести и повышение порога тактильной и болевой чувствительности (вплоть до клинических феноменов нечувствительности к душевной боли): толстокожесть, непробиваемость, черствость.

В-третьих, это утрата пассионарности – отсутствие «избыточной» психофизиологической энергии – «тонуса» (ответственна ретикулярная формация головного мозга), необходимого для нормальной социальной жизни – социальных свершений.

В-четвертых, это снижение либидо (либо инверсия и патологические влечения), вызванное незрелостью, а значит, функциональной недостаточностью стволовых отделов головного мозга (особенно ретикулярной формации). Если X и Y были «живчивками», то Z «не проявляют непреодолимого интереса» к противоположному полу (заменяя суррогатным или виртуальным сексом, тем более что непосредственное общение затруднено или невозможно в силу несложившихся коммуникативных качеств. Они не стремятся к семейной жизни, тем более «заводить детей», – это просто «неинтересно» и «противно». Отсюда – движение childfree – пожить для себя любимого.

В-пятых, это упрощенное представление о реальности. Поскольку отсутствует необходимая дифференциация «функциональных блоков мозга», картина мира строится из «крупных пикселов», а не предстает в «качественном» высоком разрешении. Поэтому такой ребенок, «внезапно» ставший взрослым, «не видит проблемы» и «сложностей» в любой области, не различает препятствий и возможных трудностей – целеполагание не работает, а огрубленный «образ цели» долго не удерживается вниманием[14].

---

[13] См.: Kruger J.; Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments (англ.) // Journal of Personality and Social Psychology. 1999.

[14] Удержание образа будущего требует напряженной работы лобных отделов мозга – вытормаживать мешающие, борющиеся за доминирование другие информационные блоки. Отсюда и невосприимчивость к различным эстетическим формам, «эстетическая слепота» и «когнитивная слепота».

В-шестых, это психологическая лабильность: из-за недоформированности «тормозных центров» лобных отделов – склонность к социальным девиациям, суицид, агрессия. Поскольку девиации скомпенсировать невозможно (перенести нагрузку на другие сопряженные отделы мозга), «онижедети» легко вовлекаются в деструктивные процессы – становятся орудием для социальной деструкции[15].

Еще один патологический феномен, характерный для Zетов, – возникновение «роевой» неспецифической (нечеловеческой) субъектности. Недостаточность «недостроенных» функциональных блоков мозга компенсируется через сетевые взаимодействия (через современные средства электронной коммуникации – интернет-мессенджеры). Можно сказать, что сеть как форма организации позволяет заместить недостающие функции полноценной социальной субъектности: «Сеть – …структура, в которой отсутствует единый центр (лидер, доминант), так что ее поведение является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых могут быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему»[16].

Свойства сети антагонистичны свойствам социальных систем: если системообразующим фактором для «сборки» социальных субъектов является результат действия, то сеть не имеет всего этого и организуется только для того, чтобы иметь возможность и далее воспроизводить себя саму – максимально разрастаться («мерцает» ситуативно). Ключевая роль в управлении поведением и создании «молодежного роя» принадлежит соцсетям, особенно компании Facebook*[17], которой принадлежат также приложения WhatsApp и

[15] По мнению американского исследователя М. Хогга, «такие люди легко становятся фанатиками и радикалами. …Людям всего лишь нужен кто-то, кто скажет им, что делать. … источником информации и влияния в большинстве случаев становятся интернет-веб-сайты, социальные сети, каналы в Twitter, подкасты и многое другое. Интернет – идеальное место для избавления от дискомфорта, связанного с неуверенностью в себе… В интернете можно с легкостью найти группы, которые малодоступны в обычном мире. …В этих замкнутых социальных вселенных определяются контуры «истины».

[16] Олескин А.В. Децентрализованные сетевые структуры в экономической и политической сферах. Сетевой социализм и сетевая меритократия // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: http://spkurdyumov.ru/networks/decentralizovannye-setevye-struktury-vekonomicheskoj-i-politicheskoj-sferax-setevoj-socializm-i-setevaya-meritokratiya/2/ (дата обращения: 09.04.2020).

[17] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Facebook* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

Instagram*[18]. Как работает управление массами? СМИ и блогеры чутко реагируют на любое изменение алгоритмов Facebook* и Google, стараясь под них подстроиться. Так алгоритм задает даже самым «независимым» из них повестку, поощряет показами «правильный» контент, убирает с глаз долой «неправильный», а порой и просто отправляет источник неугодной информации в «бан». Создатель алгоритма YouTube Кристос Гудроу в интервью одному из научных подкастов проговорился, рассказав, как система анализирует содержание видеоматериалов. Алгоритм добавляет просмотров тем из них, которые соответствуют общепринятым версиям, и «задвигает» тот контент, который не соответствует.

Ответственное социальное поведение при патологическом дизонтогенезе становится невозможным: утрата черт социальной субъектности приводит к тому, что индивиды легко вовлекаются в деструктивную социальную деятельность через широкий спектр новых форм специфической сетевой организации.

Современный медиаконтент перестал быть исключительно текстовым, в нем все больше преобладает визуальность, что обеспечивает ему большую аудиторию. Преобладание визуальной информации над текстовой в традиционных СМИ, а также в различных типах рекламы интернет-пространства свидетельствует не только о возникновении нового способа общения, но и о глобальной трансформации стиля мышления массовой аудитории.

Цифровой мир формирует новый тип восприятия, отличный от традиционного текстового или книжного. Для обозначения нового типа сознания в середине 1990-х гг. в науке было введено понятие «клиповое сознание/мышление». Как сформулировал К.Г. Фрумкин, «суть клипового мышления заключается в том, что современный человек умеет и любит быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами. Обладателям клипового восприятия свойственна большая скорость обработки информации и способность к многозадачности. Эта многозадачность вызвала к жизни и такие феномены, свойственные современному человеку, как рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение не

[18] Упоминаемая здесь и далее в статье социальная сеть Instagram* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в России.

текстовой, а образной информации»[19]. Клиповую культуру и клиповое сознание, а некоторые называют его «клиповым мышлением», присущие «цифровым аборигенам», Элвин Тоффлер[20] рассматривает как последствия формирования новой инфосферы, в которой до невероятных размеров возрос поток информации. Клиповое сознание выступает некоей защитной реакцией человека, который пытается освоить огромный объем передаваемых сообщений. Мозг такого человека, не успевая переработать всю информацию, обрушившуюся на него, отбирает только яркие «фрагменты» информационного «поля», повседневно скрывающего от человека реальную действительность. Для большинства современных молодых людей бумажная книга – это сложно, скучно и неудобно. Наиболее приемлемы форматы Twitter*, Instagram*, TikTok, в которых доминирует фиксированное число читаемых знаков, фото, коротких видео. Активная визуализация провоцирует неосознанные действия, которые потом, в «оправдание», будут «рационализированы» рассуждениями об их необходимости.

Сетевая коммуникация способствует удовлетворению следующих базовых психологических потребностей:

спасение от одиночества и получение психологической поддержки; сохранение существующих отношений;

поиск новых друзей, присоединение к виртуальному сообществу; привлечение внимания, повышение статуса; получение информации о людях, событиях, возможностях; развлечение и регуляция эмоций.

Люди чаще всего ищут в сетевом общении ощущение психологического благополучия. Чем сильнее выражено чувство одиночества у человека, тем больше уровень его сетевого общения. Ощущение одиночества может возникать у индивида как при застенчивости, так и в ситуациях, когда он подвергается остракизму. Этим можно, например, объяснить высокую потребность в сетевом общении между трудовыми мигрантами, находящимися в чужой для них стране. Индивид обращается к возможностям сети для поддержания психологической близости в группе, для социальной поддержки.

[19] Фрумкин К. Откуда исходит угроза книге // Знамя. 2010. № 9. URL:https://magazines.gorky.media/znamia/2010/9/otkuda-ishodit-ugroza-knige.html (дата обращения: 09.09.2020).

[20] Тоффлер Э. Эра смещения власти. URL: http://www.df.ru/~metuniv/consor/POWER1.html (дата обращения: 09.09.2020).

Именно эти специфические свойства сетевого общения активно используются террористическими и экстремистскими организациями. «Классической» можно считать схему вовлечения, состоящую из двух этапов.

На первом этапе общения в социальных сетях потенциальные объекты для вовлечения в экстремистские и террористические организации подвергаются убеждающей коммуникации и навязыванию им (отдельным реципиентам и группам) специфической системы ценностей через контент общения. Общий контекст такого воздействия выстраивается на продвижении стереотипов, предрассудков и предубеждений, разделяющих людей на «своих» и «чужих». Под воздействием такого рода коммуникации реципиенты постепенно меняют свои установки и поведение. На следующем этапе происходит селекция: реципиенты, проявившие высокую восприимчивость к предлагаемым идеям и ценностям и обладающие необходимыми способностями, вовлекаются в данные сообщества и становятся его членами. Их сознание подвергается насильственному убеждению, запускается механизм контроля сознания членов лидерами этих подгрупп. Технологии деструктивных сообществ в сочетании с современными возможностями коммуникации воздействуют на сознание молодых людей, трансформируют их мировоззрение и установки, изменяют их личность, превращая в орудие для реализации деструктивных целей и задач сообщества[21]. Реципиенты с выраженной психопатологией, психологически неустойчивые, с низким уровнем социально-нравственного развития становятся объектами бесструктурного и бесконтактного воздействия и ориентированы в основном на акции насыщающего террора[22].

Поскольку общество как системное построение в норме стремится к оптимуму («золотое правило саморегуляции»[23]), экстремальные психосоциальные события (в данный момент – пандемия), требующие мобилизации, вытесняют и вытормаживают «традиционные» возможности экстремистской и террористической деятельности, которые приобретают формы латентного существования.

---

[21] См.: Лири Т., Стюарт М. и др. Технологии изменения сознания в деструктивных группах / пер. с англ.; под ред. И. Митрофановой. СПб.: Экслибрис, 2002.

[22] См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Андрюхин Н.Г. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Науч. портал МВД России. 2018. № 2.

[23] См.: Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. С. 96, 99, 119, 130–131.

Важно и то, что все медиапространство оказывается тотально занятым обсуждением социальных проблем экстремума и для одной из ведущих составляющих современной экстремистской и террористической деятельности – широкого медийного освещения – в нем практически не остается места. Единственными возможными формами представляются насыщающий террор и «новаторские» разработки с применением современных интернет-мессенджеров.

Эффективно противодействовать негативному контенту, способствующему вовлечению молодежи в деструктивную деятельность посредством масс-медиа и сети Интернет, необходимо комплексно, в первую очередь с помощью организационноправовых, информационных и оперативно-розыскных мер.

Меры организационно-правового противодействия ориентированы на криминализацию появляющихся видов преступного поведения, а также на реализацию принципа неотвратимости наказания за вовлечение молодежи в деструктивную деятельность, за совершенные подростками в результате такого вовлечения правонарушения и (или) преступления.

Так, в июле 2016 г. принят Федеральный закон № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее – ФЗ № 374), который содержит ключевые новеллы, имеющие отношение к нашей теме. В частности, дополнен перечень оперативно-розыскных мероприятий ОРМ «Получение компьютерной информации» (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), на операторов связи возложен ряд дополнительных обязанностей, позволяющих противодействовать негативному контенту, способствующему вовлечению молодежи в деструктивную деятельность посредством массмедиа и сети Интернет.

Кроме того, 7 июня 2017 г. вступил в силу Федеральный закон № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».

Принятие данного нормативного правового акта – важнейший шаг в деле противодействия лицам, распространяющим негативный

контент и склоняющим в информационно-телекоммуникационных сетях несовершеннолетних к совершению суицида. Так, ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» дополнена частью второй. Квалифицирующими признаками, отягчающими ответственность, теперь являются доведение до самоубийства: несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; двух или более лиц; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Кроме того, в Уголовный кодекс Российской Федерации введены ст. 1101 и 1102, содержащие новые способы криминальной активности: склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1); содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.1); организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2).

Очевидно, что принятие указанных и ряда других законов расширяет правовые возможности правоохранительных органов по отслеживанию негативного контента в информационном пространстве.

Меры информационного противодействия основаны на разъяснении сущности негативного контента, побуждающего молодых людей к деструктивному поведению, и его общественной опасности, направлены на формирование стойкого неприятия молодыми людьми идеологии насилия, терроризма и экстремизма, суицида, криминальных субкультур АУЕ*[24], ЛГБТ*-движений[25] и т. д. Кроме того, призваны привлекать молодых граждан к участию в противодействии деструктивному поведению.

В рамках информационного противодействия необходимо применять методы информационного реагирования и контрпропаганды, направленные против деструктивного поведения, включая распространение официальных информационных сообщений, опровержений

[24] Упоминаемое здесь и далее в статье движение «АУЕ»* признано экстремистской организацией и запрещено в России.

[25] Упоминаемое здесь и далее в статье движение «ЛГБТ»* признано экстремистской организацией и запрещено в России.

в СМИ и сети Интернет, проведение брифингов или пресс-конференций для СМИ, подготовку и распространение информационной продукции (фильмов, передач, статей, плакатов и т. п.), участие в дискуссиях на форумах и в социальных сетях, проведение разъяснительных бесед с общественностью, семьями пострадавших.

Необходимой предпосылкой проведения данной работы является выстраивание конструктивного взаимодействия с институтами гражданского общества и СМИ в целях противодействия вовлечению молодежи в деструктивную деятельность посредством распространения негативного контента в масс-медиа и сети Интернет и формирования в общественном сознании понимания необходимости бескомпромиссной борьбы с указанными угрозами безопасности.

Обозначенные методы должны дополняться методами информационно-пропагандистского, обучающего и воспитательного воздействия, включать в себя меры, направленные на формирование информационного иммунитета у молодежи к распространению идеологии насилия, суицида, экстремизма, терроризма, кибербуллинга, скулшутинга*[26], АУЕ*, ЛГБТ*-движений и т. д.

Формами информационно-пропагандистского, обучающего и воспитательного воздействия могут выступать специальные занятия и учебные курсы в образовательных организациях, ведение разъяснительной работы в ходе религиозных мероприятий, распространение специальной учебной и популярной литературы, создание специализированной информационной продукции СМИ и интернет-сайтов информационно-разъяснительного и просветительского характера, организация культурных, спортивных и иных массовых мероприятий и др.

Рассматриваемая группа методов включает в себя не только методы противодействия деструктивной деятельности, но и меры стимулирования позитивной социальной активности молодежи, пропаганду социально значимых ценностей. Например, создание патриотических общественно-политических организаций, поддержка их деятельности, предоставление материального и информационного ресурса в сочетании с организацией различных препятствий для деятельности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством ИТТ, включая сеть Интернет.

Меры оперативно-розыскного противодействия направлены на предупреждение, выявление и документирование деятельности лиц,

[26] Упоминаемое здесь и далее в статье движение «Колумбайн» («Скулшутинг»)* признано террористической организацией и запрещено в России.

распространяющих негативный контент, вовлекающих молодых людей в деструктивную деятельность посредством масс-медиа и сети Интернет.

Меры оперативно-розыскного противодействия направлены на выявление в интернет-среде фактов распространения негативного контента и осуществление документирования преступных действий в целях привлечения виновных к ответственности.

Основным способом получения информации о вовлечении молодежи в деструктивную деятельность посредством распространения негативного контента через масс-медиа и сеть Интернет является мониторинг сети.

Данную задачу на практике выполняют подразделения по противодействию экстремизму МВД России. Так, на Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации возложено проведение мониторинга печатных и электронных средств массовой информации, а также сети Интернет в целях выявления правонарушений экстремистского характера.

Главным управлением и территориальными подразделениями по противодействию экстремизму на постоянной основе осуществляется мониторинг сети Интернет, направленный на изучение общественных настроений, социально-политической напряженности, криминогенной и социально-экономической обстановки и получение упреждающей информации о факторах, которые могли бы дестабилизировать общественно-политическую и криминогенную обстановку в стране.

Другим важным инструментом противодействия использованию негативного контента масс-медиа, включая сеть Интернет, для вовлечения молодежи в деструктивную деятельность является мониторинг сетевой активности злоумышленников и привлеченных ими лиц. Помимо классических методов оперативно-розыскной деятельности для решения этих задач могут использоваться автоматизированный сбор и анализ информации в информационно-телекоммуникационных сетях по технологиям больших данных. Для этого используются технические средства СОРМ. Правовые основы применения СОРМ заложены в ст. 64 Закона о связи, которая предусматривает обязанности операторов связи и ограничение прав пользователей услугами связи при проведении оперативно-розыскных мероприятий, мероприятий по обеспечению безопасности Российской Федерации и осуществлении следственных действий.

2.11. Постпандемическая трансформация ресурсной базы террористических и экстремистских организаций[1]

Еще в 2016 г. российский футуролог С.Б. Переслегин в своем докладе «Глобальная катастрофа как "оптимальное решение"» выдвинул и обосновал предположение о том, что мировые элиты в не столь отдаленном будущем попытаются организовать масштабную экологическую/природную катастрофу, например, взрыв вулкана в Йеллоустоне (США), или попробуют вызвать большое/разрушительное землетрясение в Японии. По мнению футуролога, смысл столь радикальных шагов – в исчерпании целей развития. Зачем наращивать производство в условиях переизбытка товарной массы и нарастающего дефицита природных ресурсов? Но чем занять при этом большую часть населения, не занятую в реальном производстве и управлении? Последние тридцать лет доминантным смыслом было потребление без моральных и материальных ограничений.

Благодаря научно-технической революции (как общекультурному достоянию) в XX в. общество прошло постиндустриальный барьер и достигло той цели, к которой тысячелетиями стремилось – возможности полного удовлетворения своих витальных потребностей. Развиваться дальше в прежнем качестве оно не имеет возможности, потому что для этого ему приходится тормозить дальнейшее цивилизационное развитие: как с помощью создания структуры общества потребления, так и с применением жестких и изощренных методов депопуляции (деструкции). На переломе XX и XXI в. либерализм пытается затормозить развитие человечества в формате гибридных войн, в которых наряду с масс-кинетическими компонентами (управление с использованием терроризма, экстремизма, цветных революций) присутствуют информационно-смысловые компоненты («вирусная пропаганда» через сети и СМИ на базе глобальной цифровой платформы).

С 2010-х гг. для деструкции социума стала активно использоваться новая форма – война Шредингера[2]. Это исключительно мно-

[1] Сундиев И.Ю. Постпандемическая трансформация ресурсной базы террористических и экстремистских организаций // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2022. С. 143–153.

гомерная информационно-смысловая война, в которой вообще не используются материальные компоненты как таковые (при этом все информационные посылки-суперпозиции являются ложными). Главный результат «войны Шредингера» – направленный популяционный дизонтогенез, индуцированный глобальной либеральной системой образования. Навязывание стандартов Болонской системы привело к малозаметным (в состоянии условной комфортабельности жизни подрастающего поколения) нарушениям в психосоциальном и морфофункциональном развитии, представленным в современной популяции у индивидов в возрасте моложе 40 лет (у значительной части представителей так называемых поколений Y и Z). Главная особенность – утрата черт человеческой субъектности, то есть способности к функциональному взаимодействию в социальных группах для достижения социально значимых результатов действия, особенно способности работать в экстремуме. Поскольку у всех носителей дизонтогенетических патофеноменов отсутствует эмпатия, то они не могут кооперироваться в социальные группы для мобилизации, но при этом становятся трансмиттерами – нейтральными передаточными звеньями негативной информации и деструктивных каузальных связей. Пассивно адаптивными к настоящей пандемии оказались представители поколения Z: в режиме самоизоляции они как «тихо» сидели по домам, так и сидят. Как работали на удаленке, так и продолжали работать: на первом этапе они выпадали из группы риска. Но рискуют заболеть старшие поколения, особенно пенсионеры (и предпенсионеры), наделенные сочувствием и состраданием (и потому выжившие в 1990-е). Они наиболее чувствительны к «чернухе» и поэтому под мощнейшим воздействием индуцированных информпотоков могут терять необходимые мобилизационные качества (а значит, и необходимые иммуннологические свойства). Уже на втором этапе самоизоляция стала мешать представителям Z-поколения общаться, и они, привычно не обращая внимания на окружающую реальность, вылезли на улицы. Как следствие – в структуре заболевших во второй волне инфицирования преобладают молодые люди. Таким образом, сейчас в социуме чрезвычайно мало субъектов, готовых к активной и организованной противоэпидемической деятельности. Поскольку общество как системное постро-

[2] См.: Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Управление суперпозицией в информационно когнитивных процессах (инвариантность методов деструкции социума) // Экономические стратегии. 2019. № 7(165). С. 124–133.

ние в норме стремится к оптимуму, то экстремальные психосоциальные события (в данный момент – пандемия), требующие мобилизации, вытесняют и вытормаживают «традиционные» формы экстремисткой и террористической деятельности, которые приобретают формы латентного существования.

Важно то, что все медиапространство оказывается тотально захваченным обсуждением социальных проблем пандемического экстремума, и для поддержания одной из ведущих составляющих современной экстремисткой и террористической деятельности – информационного мейнстрима – требуется нечто яркое, но не переключающее внимание с «ковидной» тематики. Более всего этой специфике соответствует насыщающий террор и «новаторские» разработки с применением современных интернет-мессенджеров.

Около восьми часов второго ноября 2020 г. на улицах Морцинплац, Зальцигрис, Фляйшмаркт, Бауернмаркт и Грабенз – именно в этом районе Вены находится синагога – зазвучали выстрелы. Террористы атаковали сразу в шести местах. Камера наружного наблюдения зафиксировала, как вооруженный человек в белом комбинезоне расстреливает случайного прохожего – эти кадры постоянно крутили по всем телеканалам. Сотрудникам спецслужб пришлось отражать нападение на все еще людных улицах. Одного террориста ликвидировали, остальные скрылись. Погибли четыре человека, семеро серьезно ранены. Австрия еще не сталкивалась с такими атаками. И произошло все спустя лишь несколько дней после терактов во Франции. Двадцать девятого октября в центре Ниццы вооруженный тесаком 21-летний выходец из Туниса с криками «Аллах акбар» ворвался в базилику Нотр-Дам и убил троих прихожан, причем одну из жертв обезглавил. В тот же день в Авиньоне, Лионе и Париже полиция предотвратила еще несколько нападений. Власти Франции заговорили об «исламском фашизме». Эти события, в свою очередь, последовали за убийством учителя Самюэля Пати в городе Конфлан-Сент-Онорин. За две недели до теракта в Ницце он показал на уроке ученикам карикатуры скандального журнала «Шарли Эбдо» на пророка Мухаммеда.

Важно отметить, что венского террориста не вербовали, не обрабатывали в исламистском подполье. «Подобная "взрывная" саморадикализация – относительно новый и крайне опасный феномен. Люди, в первую очередь молодежь, без всякого внешнего воздействия начинают интересоваться радикальными и экстремистскими

идеологиями, самостоятельно находят информацию в Интернете»[3]. Этот тренд усиливается и в других странах Евросоюза.

Необходимо отметить появление и новых специфически «ковидных» форм экстремистской деятельности в период между волнами пандемии. В первую очередь можно привести новую вариацию организации протестной деятельности – «виртуальные митинги» с использованием мобильного приложения для смартфонов «Яндекс-навигатор»[4]. Митинги, в которых люди участвовали, не выходя из дома, прокатились по стране в последние дни апреля 2020 г. Волну подняли жители Ростова-на-Дону. Визуальное пространство карты на смартфонах участников перед зданием правительства региона с помощью сервисов «Яндекс-Карты» и «Яндекс-Навигатор» и их элемента – сервиса «Разговорчики» – заполнилось метками-комментариями. Начиналось это как виртуальный флешмоб граждан, недовольных плохой организацией выдачи пропусков, но быстро превратилось в «полноценный» митинг с политическими и экономическими требованиями: введения ЧС, прямой помощи тем, кто остался без работы и т. д.

Вторая «ковидная» форма радикализации – «социальный лазер», разработанный на основе парадигмы волн социальных протестов «Стимулированного усиления социальных действий» (Stimulated Amplification of Social Actions – SASA). Модель SASA использует индивидов, выступающих в роли социальных атомов (s-атомов), способных находиться в одном из двух фазовых состояний – релаксации или гипервозбуждения. Множество таких s-атомов образуют активную среду (social gain medium). S-атомы взаимодействуют с информационным полем, генерируемым СМИ и Интернетом (инфо-социальным медиаполем). Это поле моделируется как квантовое информационное поле, несущее квантованные порции «социальных возбуждений». Различные «социальные возбуждения» могут отличаться своей спецификой – «социальным цветом». Им может стать любая тема, способная «накачать» аудиторию: ковид, война в Сирии, выборы в США, Brexit, цунами в Японии, сексуаль-

[3] URL: https://ria.ru/20201107/terrorizm-1583372186.html?utm_referrer=https% 3A% 2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_campaign=dbr&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 20.02.2021).

[4] В городах России прошли виртуальные митинги против режима самоизоляции. Протестующие использовали сервисы «Яндекса» // Meduza. URL: https://meduza.io/feature/2020/04/20/v-gorodah-rossii-proshli-virtualnye-mitingiprotiv-rezhima-samoizolyatsii-protestuyuschie-ispolzovali-servisy-yandeksa (дата обращения: 20.02.2021.).

ный скандал, антиглобализм, изменение климата, расизм, сексизм, Трамп и т. д. «Социальные цвета» зависят от социальной группы, подвергающейся воздействию «информационного излучения», создаваемого цифровой средой. Совпадение «социальных возбуждений» по их «социальному цвету» ведет к «социальной когерентности» – согласованности возбуждений, приводящей к согласованным социальным действиям. Роль мощнейших резонаторов социальных возбуждений информационного поля выполняют так называемые эхо-камеры (форумы, чаты в социальных сетях). Они генерируют стабильный поток высокой интенсивности возбуждений фиксированных социальных цветов. В офлайне этот поток может, например, реализовываться в форме митингов, демонстраций и жестоких акций протеста.

Одним из основных свойств модели SASA является наличие порогового значения для параметра накачки. Если мощность накачки существенно выше этого порога, то практически вся социальная энергия, закачанная в активную среду, переходит в когерентный (упорядоченный, организованный) выходной луч социальных действий.

Другим важнейшим фактором в работе модели SASA является «цветовое управление» процессом когерентной социальной генерации. Среда усиления, состоящая из агентов в возбужденном состоянии, стимулируемых цветным информационным полем, например, «против коррупции», «излучает» волну протестов того же социального цвета – «против коррупции». Та же среда усиления, стимулируемая некоторым информационным полем, несущим иной социальный цвет, например, против однополых браков, – будет генерировать волну действий уже «против однополых браков».

В современном информационном обществе «естественные социальные лазеры» могут формироваться стихийным образом. Это обусловлено наличием чрезвычайно развитой медиасреды и доминированием цифровых сетей в качестве средств коммуникации и доставки контента. Сегодня роль СМИ и Интернета в дискретном структурировании социальной энергии крайне высока. Синтетическая цифровая медиасреда (онлайн-СМИ, соцсети, блогосфера, мессенджеры и прочие медиаплатформы Интернета) периодически генерирует стихийно возникающие сильные информационные импульсы, которые накачивают социальную энергию в население. Такая накачка возбуждает «широкие народные массы» и периодически

приводит к инверсии тех или иных социальных групп. При этом стимулированное усиление социальных действий во многих случаях никем не планируется и вообще не организуется сознательно. Многие авторы отмечают, что одной из удивительных черт недавних социальных протестов и революций этого года является отсутствие четко сформулированных политических программ и сильных политических лидеров. Как пишет один из разработчиков модели SASA А. Хренников: «Нет нужды писать "Манифест Коммунистической партии". В наше время процесс SASA происходит без таких фигур, как Лютер, Маркс и Ленин… Если гипотеза о том, что современное информационное общество может самостоятельно генерировать процесс SASA, верна, то в будущем можно ожидать увеличения частоты случаев самопроизвольного возникновения процессов SASA во всем мире – просто как одной из естественных особенностей современного информационного общества»[5]. Следует подчеркнуть, что теоретическая база «социального лазера» была полностью разработана в допандемический период[6], а практическую реализацию «рабочей модели» мы видим сейчас в Республике Беларусь и Киргизской Республике, Нагорном Карабахе.

Важно, что для возможности «накачки» социальных лазеров (для создания «рабочей среды» лазера – «социального поля s-атомов «из людей», которые могут находиться только в двух полярных состояниях – релаксации или гипервоозбуждения) требуются социальные элементы с измененными и патологическими психофизиологическими качествами, а именно – с психикой, способной к гиперполяризации (социальные лазеры в принципе не могут работать на «нормальных» социальных элементах). Стоит напомнить, что в норме мозговые процессы в коре головного мозга сбалансированы, и процессы торможения способны «вытормаживать» различные очаги процессов возбуждения (процессов, стремящихся к генерализации) – в этом случае индивид имеет возможность осуществления произвольной сознательно значимой деятельности. Растормаживание дифференцировок (преобладание возбуждения над торможением – «человек без тормозов») является переходом от пограничного состояния психики к ее патологическому состоянию, при котором

[5] URL: https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsta.2015.0094 (дата обращения: 20.02.2021).

[6] См.: Social Laser: Application of Quantum Information and Field Theories to Modeling of Social Processes, 2019.

индивид утрачивает самоконтроль (способность к анализу, синтезу и произвольной деятельности). Поскольку вытормаживание сопровождается отрицательными эмоциями («надо» вместо «хочу»), а растормаживание дифференцировок эйфорическими состояниями, то индивид начинает стремиться к новым порциям «эндокринного кайфа». Его психика начинает «поляризоваться» и «радикализоваться» в поисках источника искомого состояния.

Усилению гиперполяризации и радикализации способствуют психологические и психиатрические изменения в социуме, вызванные как непосредственно самим инфекционным агентом COVID-19, так и самими организационными мерами по борьбе с пандемией: введением так называемого локдауна – ограничительных мер социальных контактов, приводящих к различным видам депривации (ограничения). Депривáция – (лат. deprivatio – потеря, лишение) лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические, либо социальные потребности (сенсорная, эмоциональная, личностная, статусная, когнитивная, двигательная, социальная). Депривация у пожилых людей приводит к развитию «синдрома свернутого пространства» – ускорению процессов старения, но на фоне легкой и приятной эйфории. Депривация для школьников и студентов – это «дистанционное обучение», то есть лишение возможности социализации в коллективе и воспитания личности.

По данным специальных медицинских исследований, проведенных учеными Оксфордского университета в период между «первой» и «второй» «волной» Пандемии на основе анализа более 70 млн электронных медицинских карт в США (в том числе более 62 тысяч случаев инфицирования коронавирусом COVID-19, при которых не требовалась неотложная помощь или госпитализация), приблизительно у каждого пятого, инфицированного коронавирусом COVID-19 (с различными клиническими симптомами), выявляются психические расстройства (установлен нейропсихиатрический диагноз), в том числе впервые диагностированные после заражения: в число расстройств вошли шизофрения, бредовые расстройства, депрессивные и тревожные состояния и другие болезни психики. Показательным оказалось удвоение необратимых случаев деменции. При этом доля психических расстройств при других заболеваниях оказалась в два раза ниже – 2,4–3,4 %. «Нельзя исключить, что у некоторых людей коронавирус может вызывать определенные проблемы неврологического характера <…>. В частности, установлено,

что коронавирус SARS-CoV-2 способен приводить к поражению нервной системы, воспалению мозга и бредовым состояниям» признает один из авторов исследования Поль Харрисон[7].

Однако патологические состояния психики, вызванные «самоизоляцией» («локдауном»), а не вирусным агентом, не менее опасны. По словам специалистов Национального медицинского исследовательского центра здоровья детей Минздрава: «После продолжительного режима самоизоляции и дистанционного обучения 80 % школьников пожаловались на возникновение депрессии, различных фобий, а также нарушения сна». Депрессивные состояния были выявлены у 42,2 % школьников, астенические состояния – у 41,6 %. В результате только каждый восьмой учащийся смог адаптироваться к новым условиям дистанционного обучения и самоизоляции. У остальных, помимо депрессий, также выявили ряд других психических расстройств: обсессивно-фобические состояния у 37,2 %, синдром головных болей – у 26,8 %, нарушения сна – у каждого второго учащегося (55,8 %)[8].

В августе 2020 г., перед второй волной Пандемии, гендиректор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Аданом Гебрейесус заявил: «COVID-19 повлиял на психическое здоровье миллионов в том, что касается вызванной им тревоги и страха, а также нарушения работы служб по поддержке психического здоровья», – сказал он[9].

По самым оптимистичным прогнозам и вирусологов, и политиков, пандемия продлится в течение всего 2021 г. вместе с различными формами социальных ограничений, включая региональные локдауны. Это значит, что депривации в различных группах населения будут нарастать, порождая невротизацию и аффекты. Именно эти группы населения, в силу своего психического состояния склонные к «саморадикализации» и внушению через цифровые источники, станут основной ресурсной базой террористических и экстре-

[7] Taquet M. et al. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62 354 COVID-19 cases in the USA / M. Taquet et al., S. Luciano, J. R. Geddes, P. J. Harrison. URL: https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30462-4/fulltext (дата обращения: 21.02.2021).

[8] Депрессия и фобии: как дистанционка отразилась на школьниках. Эксперты объяснили, как спасти детей от депрессии после пандемии А. Баландина 14.09.2020, 16:06. URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/09/14/13250570.shtml (дата обращения: 21.02.2021).

[9] Тревога и страх: как COVID-19 повлиял на психику людей. В ВОЗ рассказали о критичном влиянии COVID-19 на психику. URL: https://www.gazeta.ru/social /2020/08/27/13216675.shtml (дата обращения: 21.02.2021).

мистских организаций. Пандемия – это глобальный процесс, «вход» в который был согласован большинством мировых держав. Соответственно, и «выход» из пандемии будет глобально согласованной процедурой. Очень важен подтвержденный мировой историей факт: в момент и по окончании экстремального события всегда происходила быстрая трансформация мотивов и ценностей человеческого поведения[10]. До сих пор основной интенцией подобной трансформации было «объединение для совместного выживания», а потом – «объединение выживших для дальнейшего совместного проживания». Проект «Пандемия 2020» не только ломает привычный процесс консолидации общества под воздействием экстремального события, но и впервые в истории провоцирует «эффект невозвращения». Механизм трансформации и развития личности под влиянием экстремума рассматривался в рамках концепции катарсиса (нравственного очищения через страдания), разработанной еще Аристотелем[11]. Но современный постпандемический синдром сопровождается явлениями, которые, наряду с феноменом невозвращения, можно охарактеризовать как массовый антикатарсис – не очищение и возвышение, а деградация и диссипация («рассеяние»).

Несомненно, что, не дожидаясь окончания пандемии, необходимо срочно разрабатывать государственную стратегию постпандемического развития социума: прежде всего, организации процесса соответствующего воспитания и образования с направленной коррекцией дизонтогенетических проявлений. Современные формы экстремизма и терроризма могут быть успешно профилактированны только на основе актуальных научных исследований современной социальной реальности.

[10] См.: Сундиев И.Ю. Личность, группа, общество в экстремальные периоды развития. М., 1993.

[11] См.: Аристотель (384–322 до н. э.). Поэтика / пер., введ. и примеч. Н.И. Новосадского. Ленинград: Academia, 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 3
1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА..... 9
1.1. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции..... 9
1.2. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии (криминологическая экспозиция явления)..... 18
1.3. Компоненты глобального кризиса и криминальные вызовы российскому обществу..... 38
1.4. Источники и составные части современного терроризма (опыт методологической экспозиции явления)..... 53
1.5. Оперативно-розыскная террология (к постановке проблемы создания специальной теории)..... 62
1.6. Экстремизм в кризисной реальности..... 79
1.7. Организационное оружие: функциональный генезис и основные направления использования в современной истории России..... 99
1.8. Специфика восприятия экстремального события представителями различных типологических групп и их учет в аналитической работе..... 116
1.9. «Управляемый хаос»: социальные технологии в массовых беспорядках..... 128
1.10. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса..... 144
1.11. Обитаемый остров 2.0..... 156
2. ТРАНСФОРМАЦИЯ УГРОЗ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ..... 175
2.1. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ..... 175
2.2. Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ..... 198

2.3. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности..... 211
2.4. Влияние информационных технологий на теневую экономику и терроризм..... 227
2.5. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху..... 235
2.6. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность..... 254
2.7. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи..... 267
2.8. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции..... 281
2.9. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети Интернет..... 299
2.10. «Токсичное» влияние цифросетевых структур на радикализацию молодежи..... 313
2.11. Постпандемическая трансформация ресурсной базы террористических и экстремистских организаций..... 325

План-график выпуска изданий ВНИИ МВД России, 2026, поз. 23

Алексей Николаевич Лахин
Александр Александрович Смирнов

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В МИРЕ НАРАСТАЮЩЕЙ СЛОЖНОСТИ

Сборник трудов профессора Игоря Юрьевича Сундиева

Том 1

Редактор *Е. С. Иванова*
Компьютерная верстка *С. В. Первовой*

Подписано в печать 20.04.2026 Тираж 60 экз.
Формат 60×841/16 Печ. л. 21,0 Уч.-изд. л. 18,25 Заказ №

Издатель: ВНИИ МВД России
121069, Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1

Группа ОП ВНИИ МВД России